

Пирс
Пол Рид

■ Пирс Пол Рид ■

ТАМПЛИЕРЫ

Рыцари-храмовники

Их взлет был молниеносным.

Их власть — огромной.

Их падение — страшным.

ТАМПЛИЕРЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Пирс Пол
Рид

■ Пирс Пол Рид ■

ТАМПЛИЕРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
МОСКВА

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(4)4
Р49

Piers Paul Read
THE TEMPLARS

Перевод с английского В.М. Абашкина

Компьютерный дизайн Ж.А. Якушевой

Печатается с разрешения автора, издательства
Orion Publishing Group и литературного агентства Synopsis.

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 30.06.10.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ 989.

Рид, П.П.

Р49 Тамплиеры / Пирс Пол Рид; пер. с англ. В.М. Абашкина. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 410, [6] с.: 16 л. ил.

ISBN 978-5-17-067796-2 (ООО «Изд-во АСТ»)

ISBN 978-5-271-29496-9 (ООО «Изд-во Астрель»)

Тамплиеры.

Рыцари-храмовники.

Наверное, самый знаменитый в истории орден «воинов Христовых» — орден, овеянный бесчисленным множеством мистических легенд — то прекрасных, то путающих...

Их взлет был молниеносным.

Их власть — огромной.

Их падение — страшным.

Но — сколько же правды кроется за мифами и легендами, причудливо смешавшими истину и вымысел?

Ответ на этот вопрос дает потрясающая книга Пирса Пола Рида!

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-985-16-8662-5
(ООО «Харвест»)

© Piers Paul Read, 1999

© Перевод. В.М. Абашкин, 2010

© Издание на русском языке AST Publishers, 2010

Предисловие

Кто такие тамплиеры? Этот военизированный орден известен нам по произведениям сэра Вальтера Скотта. Рыцарь-храмовник из романа «Айвенго» Бриан де Буагильбер предстает в образе демонического антигероя, столь же «наделенного нечеловеческой отвагой, сколь и порочного, надменного, жестокого и сластолюбивого, которому неведом страх ни на земле, ни на небесах». Немногим лучше и два великих магистра, описанных знаменитым шотландцем: Жиль Амори из «Талисмана» отличается коварством и вероломством, а Лука Бомануар из «Айвенго» — ярим фанатизмом.

Напротив, Рихард Вагнер в опере «Парсифаль» выводит рыцарей-тамплиеров доблестными защитниками Святого Грааля*. В основе либретто — эпический средневековый роман Вольфрама фон Эшенбаха. И хотя в самом источнике дано очень поверхностное описание храмовников, автору оперы этого показалось достаточно, чтобы однозначно представить тамплиеров благородными и высоконравственными героями. Таким образом, в XIX веке сформировалось два противоположных взгляда на орден тамплиеров: с одной стороны — если верить Вальтеру Скотту, — это сборище развращенных извергов, а с другой — бескорыстное рыцарское братство «Парсифаля».

* Святой Грааль (по легендарной этимологии — «истинная кровь») — священный сосуд, символизирующий высшие духовные ценности. Считается, что это чаша с кровью распятого Иисуса Христа, которую собрал Иосиф Аримафейский. Согласно средневековым преданиям, исцеляет от любых болезней и даже воскрешает мертвых. — *Примеч. пер.*

В XX веке тамплиеров представляли только в черных красках: их считали предшественниками рыцарей Тевтонского ордена, на который ориентировался в 1930-х годах Гиммлер, создавая эсэсовские отряды. Исходя из общего представления о крестовых походах как о ранних примерах европейской агрессии и империализма, в тамплиерах стали видеть только жестоких фанатиков, огнем и мечом насаждавших свою идеологию. При этом их обвиняли в предательстве христианских идей, так как они поддерживали тесные и многолетние контакты с господствовавшими на Востоке иудаизмом и исламом. Укоренилось мнение, будто орден тайно распространял и пропагандировал мистические взгляды древнеегипетских жрецов, изложенные в книгах, обнаруженных в храме Соломона в Иерусалиме, и будто уже в наше время орден непосредственно причастен к формированию масонских лож. Кроме того, утверждают, что храмовники принимали под защиту катаров, оставшихся в живых после разгрома альбигойцев; что столетия они покровительствовали монархам, что в XIX веке на юго-западе Франции некий священник случайно нашел спрятанные сокровища ордена, что тамплиеры были хранителями бесценных христианских реликвий, например, забальзамированной головы Иисуса и Туринской плащаницы...

Я хочу рассказать правду об ордене, оставив в стороне всякого рода домыслы и опираясь лишь на авторитетные источники. Рассказ я начну издалека, отнюдь не с момента основания братства тамплиеров бургундским рыцарем Гуго де Пейном в 1119 году и даже не с провозглашения папой Урбаном II на Клермонском соборе 1-го Крестового похода в 1095 году. По-моему, невозможно понять мировоззрение тамплиеров, если не разобраться в проблемах развития и взаимодействия трех монотеистических религий — иудаизма, христианства и ислама. Именно здесь находится главный конфликтный узел более чем двухсотлетней истории рыцарей Иерусалимского храма — от Средних веков до наших дней.

Если направить взгляд от раннего Средневековья к запутанным событиям предшествующих веков, можно получить

ответы и на другие вопросы. В наше время, когда папе римскому предлагают извиниться от лица католической церкви за инициированные ею крестовые походы, вполне уместно разобраться в мотивах, которыми она при этом руководствовалась. Тем, кто знаком с историей крестоносцев, некоторые разделы данного повествования могут показаться повторением давно известного. Ну что ж, пусть перевернут страницы, не читая. Зато менее искушенным читателям рассказ о религиозных войнах, надеюсь, будет интересен.

Материалы о так называемых «божественных деяниях франков» также включены в книгу не случайно. Под знаменами ордена тамплиеров объединились люди многих национальностей, стремившиеся распространить христианство по всему миру. Распад рыцарского братства обозначил переломный момент в развитии человечества — на смену общехристианским целям пришли интересы конкретных государств, начался тот самый процесс, который — уже в наше время — мировое сообщество пытается обратить вспять, мечтая об объединении.

В истории тамплиеров просматривается немало параллелей между прошлым и настоящим. В патологической аморальности германского императора Фридриха II немало сходного с поведением таких властителей, как римский император Нерон или Гитлер. Средневековая концепция «Священной Римской империи» отчетливо перекликается с идеями основателей Европейского союза. А рыцарские отряды сирийских ассасинов можно считать прямыми продолжателями иудейских сикариев и предшественниками террористов-самоубийц из палестинской военизированной организации «Хезболла». Вообще создается впечатление, что многие арабские лидеры нашего времени, от Абделя Насера до Саддама Хусейна, пытались играть роль средневекового Саладина, устроившего резню неверных при Хытине, или уподобиться египетскому султану аль-Ашрафу, сбрасывавшему их в море.

Выражаю признательность всем историкам, из чьих работ я почерпнул сведения о тамплиерах. Отдельно хочу по-

благодарить профессора Джонатана Райли-Смита — за поддержку и ценные советы, а также профессора Ричарда Хетчера, прочитавшего эту рукопись и сделавшего ряд исправлений. Однако никто из этих замечательных специалистов не несет ответственности за возможные недочеты данной книги — они целиком на совести автора.

Приношу также благодарность Энтони Грихэму, который подтолкнул меня к написанию работы по истории тамплиеров, моему агенту Гиллону Айткену, оказавшему помощь в реализации этого проекта, редактору Джейн Вуд — за постоянную поддержку и бесценную помощь при работе над первым вариантом, а также Селине Уолкер — за помощь в подборе карт и рисунков. Кроме того, благодарю Эндрю Синклера за предоставленные книги о тамплиерах из его личной библиотеки, Чарлза Гласса — за ознакомление с воспоминаниями Усамы ибн-Мункыза, а также сотрудников Лондонской публичной библиотеки — за любезное содействие моим изысканиям.

Часть первая

ХРАМ

1. Храм Соломона

На средневековых картах Иерусалим, как правило, изображен как центр мироздания. Этот город и в наше время тесно связан с тремя мировыми религиями — иудаизмом, христианством и исламом. В каждой из них Иерусалим ассоциируется с местом, где произошли самые памятные события, сформировавшие отношения Бога и человека. Одним из таких событий можно считать приготовление Авраама к жертвоприношению своего единственного сына, которое он собирался совершить на отроге той самой скалы, где теперь высится золоченый собор.

Аврам был богатым кочевником из города Ура в Месопотамии; в 1800 году до Рождества Христова — по Божьему повелению — он переместился с семейством из долины Евфрата на территорию между рекой Иордан и Средиземным морем, населенную хананеями. В награду за безоговорочную веру в единого истинного Бога он получил во владение землю, «полную молока и меда», которая должна была по наследству перейти к его многочисленным потомкам. В возрасте 99 лет к Авраму вновь явился Бог, чтобы заключить с ним союз (завет), который гласил: Бог сделает потомство Аврама многочисленным и отдаст ему весь Ханаан в вечное владение; в качестве знака завета все младенцы мужского пола должны быть обрезаны на восьмой день после рождения. При этом Бог меняет его имя Аврам на Авраам, а имя Сара меняет на Сарра.

Однако продление рода оказалось под угрозой, поскольку жена Авраама, Сарра, была бесплодной. Поняв, что не может родить ребенка, она дает Аврааму в жены египетскую служанку по имени Агарь. И в положенные сроки та произвела на свет Измаила. Спустя несколько лет — в жаркий день, когда Авраам с женой отдыхали в тени, — на пороге их дома появились три незнакомца и сообщили, что Сарра, которой к тому времени перевалило за девяносто, скоро родит ребенка.

Авраам и Сарра рассмеялись, восприняв пророчество за шутку. Но предсказание сбылось — Сарра действительно родила сына, его назвали Исааком. Теперь Сарра решительно воспротивилась законному праву Измаила на наследование и потребовала, чтобы Авраам выдворил его из дома вместе с матерью. Поскольку Всевышний поддержал Сарру, богобоязненный Авраам изгнал Агарь с Измаилом в пустыню Вирсавии, дав им с собой немного хлеба и бурдюк с водой. Когда же бурдюк опустел, Агарь, не в силах видеть, как сын погибает от жажды, хотела оставить его под кустом, но тут появился Ангел Божий, указал ей путь к колодцу и объявил, что Бог произведет от Измаила великий народ, который обожьется в аравийских пустынях.

В это же время Бог решил в последний раз испытать Авраама и повелел ему: «возьми сына твоего, единственного... и пойди в землю Мориа, принеси его во все сожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе» (Бытие, 22:2). Авраам повиновался без малейших колебаний. Он отвел Исаака в местность Мориа, на гору, указанную Богом, приготовил дрова для жертвенного костра и, связав Исаака, положил его на жертвенник. Но как только он занес над сыном нож, собираясь заколоть, Ангел Господень остановил его: «Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь Я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня. ...ты сделал сие дело... то Я благословляю тебя... и умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря... И благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Бытие, 22:12—17).

Существовал ли Авраам на самом деле? Одни ученые отвечают отрицательно — например, немецкие толкователи Биб-

лии считают Авраама исключительно мифологической фигурой; другие, основываясь на результатах археологических открытий в Месопотамии, — утвердительно. А вот в Средние века в реальности Авраама никто не сомневался и практически все люди, проживавшие на субконтиненте между Атлантическим и Индийским океанами, считали себя потомками библейского патриарха из Ура, причем христиане проповедовали эту идею в образной, иносказательной форме, а мусульмане и евреи — напрямую. Особо убедительной родословной располагают евреи: в собрании древнееврейских текстов, Торе, дано подробное изложение истории потомков Авраама.

Согласно Торе, около 1300 года до н.э. евреи вынуждены были из Палестины перебраться в Египет. Там они встретили доброжелательный прием благодаря поддержке своего соплеменника Иосифа, который являлся главным советником египетского фараона, а в юности был брошен завистливыми братьями умирать в пустыне. После смерти Иосифа и водворения на престоле нового правителя евреи попали в рабство; в частности, их стали использовать на строительстве дворца фараона Рамсеса II.

Моисей, один из первых израильских пророков, сумел вывести евреев из Египта в пустыню. На горе Синай Бог вручил Моисею свои заповеди в виде гравированных каменных пластин — скрижалей. Для хранения этих скрижалей был изготовлен специальный переносной сундук, который получил название ковчег Завета. Спустя несколько десятков лет хождений по Синайской пустыне евреи наконец увидели обетованную землю Ханаанскую. Но в качестве наказания за прегрешения Моисею и его соплеменникам было дозволено лишь издали взглянуть на нее, и только его преемник, Иисус Навин, провозгласил рождение еврейского государства. Между 1220 и 1200 годами до н.э. евреи завоевали всю Палестину, преодолев — благодаря Божественной поддержке — сопротивление коренных жителей этих областей. Победа евреев никогда не носила абсолютного характера; они вели непрерывные войны с соседними племенами филистимлян, моавитян, амалекитян, эдомитян и арамеев, однако в этих кровавых схватках евреи все-таки

выжили — опять же благодаря своему уникальному предназначению, пока ими не осознанному.

Союз Всевышнего с избранным народом оказался весьма неустойчив. Частенько Господь гневался на непостоянство евреев — те периодически обращали взоры на идолов, например, на золотого тельца, на языческих богов, таких как Астарта и Ваал, и не соблюдали десяти заповедей, которые Бог вручил Моисею на горе Синай. Они не слушали пророков, посланных Создателем, чтобы усостыжить ослушников. Даже цари, помазанники Божии, оказывались грешниками. Так, Саул отказался выполнить Божественное повеление истребить племя амалекитян, а Давид соблазнил Вирсавию, законную жену Урии, воина-хеттеянина, а затем приказал командующему израильской армией Иоаву поставить во время сражения Урию на самом опасном месте, а самому отступить, дабы тот погиб от рук врагов.

Именно Давид в начале первого тысячелетия до н.э. захватил Иерусалим, изгнав оттуда коренных жителей, иевусеев. Рядом с главной крепостью Иерусалима, на горе Мориа (недалеко от того места, где Авраам хотел принести в жертву Исаака), размещалось гумно, принадлежавшее Орне Иевусеянину. По воле Бога Давид купил этот участок, чтобы возвести храм для ковчега Завета; строительство храма закончил Соломон, сын Давида, примерно в 950 году до н.э.*.

Правление Соломона стало высшей точкой могущества независимого еврейского государства. После смерти Соломона Израиль пал под ударами воинственных соседей — ассирийцев, халдеев, персов. В 586 году до н.э. храм Соломона был разрушен халдейским царем Навуходоносором, а евреи изгнаны из Палестины и попали в вавилонское рабство. В свою очередь, халдеи были покорены персами, чей царь Кир разрешил евреям вернуться в Иерусалим и заново отстроить храм в 515 году до н.э.

* Автор неточен. Давид купил гумно у Орны Иевусеянина для «устроения жертвенника Господу» (2 Цар. 24:21). «И построил Соломон храм и кончил его» (3 Цар. 6:14). — *Примеч. ред.*

В IV веке до н.э. на город накатилась новая волна завоевателей, уже с Запада, и персов вытеснили греки из Македонии под предводительством Александра Великого. После преждевременной смерти царя завоеванные владения поделили между собой его военачальники, а Палестина стала объектом борьбы между Птолемеями, правившими в Египте, и династией Селевкидов из Месопотамии. В отсутствие единого монарха верховная власть над евреями находилась в руках главного жреца, или первосвященника.

Стихийный религиозный протест против греческой идеологии в 167 году до н.э. перерос в восстание за политическую независимость. Его лидеры — трое братьев Маккавеев, положившие начало новой династии Хасмонеев, — отвоевали большую часть территории, которая принадлежала евреям во времена Давида и Соломона. Из-за постоянных конфликтов с соседними народами они обратились за гарантиями безопасности к Риму, мощь которого к тому времени заметно возросла и окрепла. В результате иудейский царь Гиркан и его министр Антипатр отдали еврейское государство под протекторат Гнея Помпея, или Помпея Великого, римского полководца и завоевателя Сирии.

В результате трехмесячной осады Иерусалим, находившийся в то время под властью Аристовула из рода Маккавеев, был взят войсками Помпея. Потери римлян были незначительными, зато число погибших евреев достигало двенадцати тысяч. Однако, по мнению древнееврейского историка Иосифа Флавия, их гибель была ничто по сравнению с осквернением храма неверными:

«Среди всех бедствий и страданий тех времен наибольшее содрогание вызывает появление в священном храме, до того тщательно скрываемом от посторонних глаз, чужеземцев. Помпей и его подручные проникли в святилище, куда разрешен доступ только первосвященнику, и узрели там древние святыни, лампы, жертвенный стол, кубки, курильницы — все это из чистого золота, запасы благовоний и священных монет...»

Еврейское государство оказалось под властью римлян. Помпей оставил Гиркана на должности первосвященника,

но, убедившись в его безволии, передал всю политическую власть в руки Антипатра. Юлий Цезарь, покоривший в 47 году до н.э. Сирию, присвоил Антипатру звание римского наместника и правителя Иудеи. После смерти последнего власть перешла сначала к его старшему сыну, Фазазлю, а затем ко второму сыну — 26-летнему Ироду, который до того правил Галилеей и близким приятелем которого долгие годы был Марк Антоний, соправитель Цезаря.

В 40 году до н.э. Палестину оккупировали парфяне. Через Аравийскую пустыню и Египет Ирод сбежал в Рим, где сенат назначил его царем Иудеи и дал ему войско. Ирод изгнал парфян и даже после того, как его покровитель Марк Антоний проиграл борьбу за римский трон Октавиану, сохранил власть над евреями.

Попав на вершину славы, Ирод развернул по всей Иудее строительство новых городов и мощных крепостей. Многим из них он присвоил имена своих римских покровителей и членов собственной семьи. Новое поселение на побережье между Хайфой и Иерусалимом было названо в честь кесаря, а замок в Иерусалиме — в честь Антония. Цитадель в холмистой южной местности рядом с Аравийской пустыней он назвал в честь себя.

Как человек исключительно мужественный и одаренный, Ирод прекрасно понимал, что его положение зависит от того, насколько успешно он сумеет удержать равновесие между интересами римлян и религиозными чувствами соплеменников. Для римлян контроль над Сирией и Палестиной имел большое значение с точки зрения безопасности и благосостояния их империи. Прочность их положения в Восточном Средиземноморье определялась стабильностью в обширном районе от Египта до Месопотамии. Рим чрезвычайно нуждался в регулярных поставках зерна из Египта, а они могли оказаться под угрозой, если ближневосточные порты попадут в руки парфян.

Были серьезные проблемы и у евреев. Со времен Александра Македонского они находились под доминирующим влиянием греческой культуры, и теперь, оказавшись под политическим господством римлян, продолжали считать себя народом, избранным Божественным провидением. Их фанатичная преданность своим святыням, приверженность древ-

ним обрядам и традициям производили потрясающее впечатление на языческих противников. Помпея при подавлении очередного еврейского восстания «поразила необычайная выдержка евреев, особенно строгость в выполнении религиозных обрядов в самый разгар штурма. Словно в мирное время, ежедневно приносились положенные жертвы, происходило отпевание мертвых и дотошно соблюдались другие обряды во славу Господа. Даже когда римляне ворвались в храм и развернули резню, служба не прекратилась» (Иосиф Флавий. О войне иудейской).

Подобная одержимость — и прежде всего фанатичная убежденность, что любое общение с неверными оскверняет правоверного иудея, — вызывала у соседей ненависть. (К описываемому моменту границы расселения евреев уже вышли за пределы Палестины: большие еврейские общины возникли в разных уголках античного мира и даже в Персии.) Например, в Александрии еще в III веке до н.э. распространился критический взгляд на еврейскую исключительность. В Риме, где иудеи получили уникальное разрешение не соблюдать языческие обряды, Цицерон обвинял их в клановости и чрезмерной замкнутости. Тацит в «Истории» отмечает отчужденность и человеконенавистничество евреев: «В отношении всех других народов они испытывают лишь ненависть и затаенную вражду. Они отдельно питаются, отдельно спят и, хотя по природе весьма похотливы, воздерживаются от половых отношений с иностранками; в отношениях же между собой не соблюдают никаких ограничений и запретов».

В собственной стране чувство превосходства над язычниками приобрело у евреев явно политический оттенок. На протяжении многих веков наблюдается одна и та же картина: находясь под властью многочисленных и сильных соседей — египтян, персов, греков или римлян, — евреи восстают, твердо убежденные, что Всевышний на их стороне, и всякий раз подвергаются жестоким репрессиям.

Несмотря на римское гражданство и арабское происхождение, Ирод — стараясь завоевать доверие еврейского народа и прослыть верующим и законопослушным иудеем — объявил о

восстановлении священного храма Соломона. Евреи скептически отреагировали на это заявление, усомнившись в его серьезности. Ирод поклялся не сносить старый, полуразрушенный храм, пока не соберет необходимые средства и материалы на строительство нового здания. Для того чтобы осуществить свой честолюбивый проект, он вдвое увеличил строительную площадку при помощи насыпного грунта и укрепил ее арочной стеной. (Очертания современной Храмовой горы соответствуют плану храмового комплекса времен Ирода.) Обнес комплекс, подобно крепости, мощной и высокой оградой. Храм поместил на возвышении; по периметру и на тринадцати вратах были таблички на греческом и латинском языках, запрещающие неверным под страхом смерти заходить на храмовый двор, а рядовым иудеям — внутрь храма.

В центре двора Ирод поставил окруженный колоннадой храм. С одной стороны был устроен боковой придел для женщин, а напротив располагались Прекрасные врата — для священников. Две золоченые двери вели в святилище и были украшены вавилонским тканым пологом синего, алого и пурпурного цветов, что олицетворяло Божественное творение. Внутренний алтарь, покрытый огромной пеленой, представлял собой святая святых храма; сюда имели доступ лишь первосвященники и только в определенные дни. Алтарь был устроен на том месте, где Авраам собирался принести в жертву Яхве единственного сына и где теперь приносили в жертву козлят и голубей, чья кровь стекала в специальное углубление, выдолбленное в скале.

Храм стоял на громадном утесе, откуда открывался великолепный вид на долину Хеврона. Храм был настолько высок, что всякий, кто пытался, поднявшись на крышу, охватить взором долину, испытывал головокружение. Это грандиозное сооружение было призвано продемонстрировать, что Ирод, несмотря на арабские корни, является истинно иудейским царем. Однако ему так и не удалось убедить евреев в своей правомочности, поскольку в башне Антония, встроеной в северную стену храма, постоянно находился гарнизон оккупантов — римских легионеров. Во время всех празднеств

и народных торжеств вооруженные пехотинцы следили за порядком, разместившись вдоль колоннады.

Восстановление храма стало высшей точкой в биографии одной из самых знаменитых личностей Древнего мира. Ирод придал Израилю невиданное ни до него, ни после великолепии. Щедрость иудейского царя поражала народ в Бейруте, Дамаске, Антиохии, Родосе. Будучи талантливым полководцем, умелым охотником и могучим атлетом, Ирод Великий выступил в роли покровителя и организатора Олимпийских игр. Он использовал свое влияние для защиты еврейских общин за пределами Израиля, не скупясь, оказывал материальную поддержку нуждающимся. К сожалению, он страдал паранойей, и болезнь с годами превратила великодушного деспота в жестокого тирана.

Ирода окружала атмосфера подозрительности и придворных интриг. Его отца и старшего брата убили, у самого Ирода было немало врагов как среди фарисейской части еврейской общины, которая смиренно принимала иго языческого Рима, так и среди ортодоксальных хасмонеев, призывавших к восстанию против оккупантов. По требованию последних Ирод развелся с Дорис, любимой подругой юности, и женился на Мариам, внучке Гиркана, последнего первосвященника и царя независимой Иудеи.

Гиркан, взятый в плен парфянами, завоевавшими Палестину, был отпущен на свободу благодаря заступничеству еврейской общины в Персии. Воодушевленный браком своей внучки с Иродом, он вернулся в Иерусалим и тут же был казнен Иродом — но не по той причине, что указывает Иосиф Флавий (якобы Гиркан потребовал себе трон), а «потому что трон действительно по закону принадлежал ему». Другим возможным претендентом на власть являлся младший брат Мариам — семнадцатилетний Ионафан, которого Ирод назначил первосвященником. Однако когда юноша, облачившись в священные одежды, попытался войти в алтарь, чтобы совершить богослужение, толпа правоверных иудеев возроптала и прогнала его из храма. Тогда Ирод приказал охраннику утопить незадачливого первосвященника.

Казалось бы, политически целесообразные решения Ирода вызывали недовольство и сопротивление еврейской общины. Ирод проникся глубокой любовью к Мариам, но та испытывала к нему только ненависть — из-за убийства деда и брата. Родовитая иудейская принцесса презирала арабского выскочку. Это очень раздражало как Ирода, так и членов его семьи, в первую очередь сестру Саломею. Словно Яго из шекспировской пьесы, она настроила «Отелло» — Ирода против жены, внушив, что та изменяет ему с ее супругом Иосифом. Разъяренный Ирод приказал казнить и супругу, и зятя. Следующими жертвами параноидального гнева иудейского царя пали два его сына от Мариам: в 7 году до н.э. их обвинили в заговоре и по приказу Ирода удавили в г. Севасте, т.е. в Самарии.

К концу жизни Ирод страдал от множества болезней: «тело, распухшее от водянки, покрылось гнойными прыщами и язвами, желудок и кишечник воспалились, а по гниющим гениталиям ползали черви». По словам русского врача и писателя Антона Чехова, «он умер от омерзительной болезни, которая в истории случается только с людьми, опозорившими себя кровожадностью и жестокостями». Больному Ироду донесли, что старший сын собирается отравить его, и Антипатра казнили за пять дней до смерти отца.

Превращение потенциально великого властителя в жестокого тирана стало не только внутренней трагедией еврейского народа — оно показало, что богоизбранный народ не желает подчиняться языческим законам. В ходе переписи населения, проводившейся в 7 году до н.э., шесть тысяч фарисеев отказались от присяги на верность императору Октавиану Августу, а незадолго до смерти Ирода около сорока сторонников двух фанатичных иерусалимских раввинов спустились на веревках с крыши храма и сбросили с постамента над главным входом римского золотого орла. Оба раввина, как зачинщики беспорядков, были сожжены заживо по царскому указу.

Наследники Ирода Великого с большим трудом сдерживали возраставшее сопротивление еврейской общины. Согласно завещанию Ирода, которое он неоднократно переписывал, его владения следовало поделить между двумя родны-

ми сыновьями — Архелаем, Иродом Антипой — и их сводным братом Иродом Филиппом. Император Август утвердил это распоряжение, но отказался присвоить Архелаю титул царя, назначив лишь этнархом, или губернатором, Иудеи и Самарии. Спустя девять лет, убедившись в его полной бесталанности, Август сместил Архелая и сослал его в г. Вену в провинции Галлия. Иудея перешла в прямое правление римского прокуратора — сначала Копония, затем Валерия Грата, а в 26 году до н.э. пост достался Понтию Пилату.

Перемена системы правления не способствовала стабилизации обстановки в Палестине. Пока еврейская аристократия и саддукеи прилагали невероятные усилия, дабы удержать соплеменников от открытого возмущения, тяжелое налоговое бремя, введенное римлянами, их откровенное неуважение местных религиозных взглядов вызывали у населения стихийные взрывы протеста и в конце концов привели к настоящей войне. Восставшие захватили Масаду и перебили римский гарнизон. Елезар, сын главного первосвященника Анании, приказал жрецам храма прекратить жертвоприношения во имя Рима и цезарей. Столь демонстративный жест вдохновил горожан: они захватили башню Антония. Анания погиб, римляне оказались запертыми во дворце Ирода. Одновременно в Кесарии, центре римской администрации на средиземноморском побережье, языческая община напала на еврейскую, устроив кровавую резню. Весть об этих зверствах всколыхнула палестинских евреев; в отместку они разграбили греческие и сирийские города Филадельфию и Пеллу, истребив всех жителей.

В сентябре 66 года для восстановления порядка в Палестину прибыл Двенадцатый легион под командованием Цестия Галла. Евреи приготовились к обороне Иерусалима. После серии мелких стычек в окрестностях столицы Цестий был вынужден отвести войска. Евреи на какое-то время стали полными хозяевами своей страны и начали срочные приготовления к отражению нового вторжения римских войск.

Судя по катастрофическому внутреннему положению Иудеи, ее попытка оказать реальное сопротивление могучему Риму выглядит авантюрой затсеей. Разумеется, среди ев-

реев были те, кто отчетливо видел грозящие бедствия и громко стонал, однако подавляющее большинство не сомневалось: настал судьбоносный момент. Ведь именно они являются богоизбранным народом, с незапамятных времен пророки предсказывают им не просто избавление от рабства, но пришествие «помазанника Божия» — мессии (*древнеевр.*). Когда-то Бог сообщил Аврааму и Исааку, что народным освободителем станет один из их потомков; впоследствии это предсказание переросло в представление о царе из «рода Давидова», чье правление будет вечным: «Вот, наступают дни, говорит Господь, — и восставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будет поступать мудро, и будет производить суд и правду на земле. Во дни Его Иуда спасется и Израиль будет жить безопасно...» (Иеремия, 23:5, 6). В I веке, охваченные ожиданием мессии, евреи вознамерились оказать упорное сопротивление непобедимому Риму.

Однако внутри еврейского народа существовал раскол между саддукеями и фарисеями. Саддукеи представляли «партию власти», под их контролем находился храм, при этом они весьма вольно обращались с еврейским Законом и обычаями. Фарисеи держались намного жестче, они проявляли радикализм на грани фанатизма и были склонны регламентировать до мелочей жизнь еврейской общины. Основное различие данных ветвей иудаизма проявилось во взгляде на загробную жизнь. Саддукеи отрицали воскрешение после смерти и существование ангелов, они были убеждены, что человеку следует заботиться о своем земном благополучии, а фарисеи твердо верили в бессмертие души, личное воскрешение, Божественную благодать за прижизненные добродетели и неизбежное наказание за совершенные грехи.

Именно фарисеи являлись самыми непримиримыми противниками Рима. Но даже среди них экстремизмом выделялись ессеи, жившие полумонашескими коммунами, и zeloty — члены террористической фракции, яростно боровшиеся не только с римлянами, но и с коллаборационистами среди соплеменников: сикарии (от греч. *sikarioi* — человек с ножом), смешавшись с толпой, убивали тех, кого считали предателями. Зелоты, бежавшие из Галилеи в Иерусалим, постоянно

эпатировали окружающих и выступали зачинщиками наиболее кровавых эксцессов, умело разжигая гнев неорганизованных простолюдинов.

По свидетельству Иосифа Флавия, «их страсть к грабегам была воистину ненасытна: они грабили дома зажиточных горожан, убивали мужчин и насиловали женщин, словно занимались спортом; залитую кровью добычу они сразу пропивали; без всякого стыда, просто от скуки, они переодевались в женскую одежду, подкрашивали лицо и умащивались духами, чтобы выглядеть привлекательнее. Они не только внешне старались выглядеть как женщины, но и вели себя как проститутки, опускались до полного разврата и мерзости, открыто занимаясь непристойными утехами; при этом они валялись в грязи, превратив весь город в огромный бордель. И хотя лица у них были женские, зато лапы — как у настоящих мясников-убийц; приближаясь жеманно-семенящим шагом, они вдруг выхватывали из-под платьев мечи и бросались на прохожих».

Когда известие о поражении Цестия Галла достигло императора Нерона, он назначил командующим римскими войсками в Сирии знаменитого полководца Веспасиана. Тот, в свою очередь, отправил сына Тита в Александрию для командования Пятнадцатым легионом, который должен был присоединиться к корпусу Веспасиана. Римская армия вошла в Галилею. Каждый город оказывал римлянам отчаянное сопротивление. Особенно прославился небольшой городок Итопата — его защиту возглавил Иосиф бен Маттафий, тот самый, который впоследствии, перейдя на сторону римлян, сменил имя на Иосиф Флавий и написал знаменитый труд «О войне иудейской».

В разгар военной кампании император Нерон погиб от рук убийц; некоторое время спустя был убит и сменивший его Гальба. В Риме вспыхнула гражданская война, в результате Вителлий победил Отона. Однако римские легионы в Кесарии отвергли притязания Вителлия на трон и провозгласили императором Веспасиана. Так же поступили губернатор Египта Тиберий Александр, римские войска в Сирии и приверженцы Веспасиана в Риме. Вителлий был изгнан. Эти новости застали знаме-

нитого полководца в Александрии, и он с частью войск направился в Рим, поручив Титу завершить подавление еврейского восстания.

В руках у бунтарей к тому времени осталась горстка отдаленных укреплений да столица. Осажденный Иерусалим мужественно сопротивлялся римским легионерам. Перебежчик Иосиф, объезжая городские стены и призывая восставших капитулировать, в ответ слышал только издевательские насмешки и проклятия. В Иерусалиме начался голод. Иосиф, убеждая мятежников сдаться, говорил им, что слепой фанатизм ставит под сомнение изначальную праведность их побуждений, поскольку жены невольно обрекают на смерть мужей, дети — отцов и «самое ужасное, матери — детей».

В качестве яркого примера неестественного поведения защитников Иерусалима можно привести рассказ о некоей Марии, которая убила собственного ребенка, «изжарила его и одну половину съела сразу, а вторую припрятала на потом».

Хотя исход осады не вызывал сомнения, каждую пядь Иерусалима римлянам приходилось брать с боем. Первой удалось захватить башню Антония, однако сам храм долго оставался в руках восставших. Целых шесть дней римляне разрушали его с помощью стенобитных машин, но плотно сложенные и хорошо подогнанные блоки остались неуязвимыми. Не удалась и попытка подкопа под северными воротами. Тогда Тит, стремясь избежать лишних жертв, связанных с лобовой атакой, приказал облить ворота серебром, расплавленным в печи. Пламя охватило колоннаду, и римским легионерам открылся путь к зданию. Ярость захватчиков была столь велика, что они вырезали не только воинов, но и мирных горожан. По воспоминаниям Флавия, пытавшегося оправдать действия римлян в глазах соплеменников, Тит делал все возможное, чтобы спасти алтарь от уничтожения, тем не менее легионеры сожгли еврейскую святыню. Уничтоженный римлянами храм Соломона был «самым грандиозным сооружением, которое я (Иосиф Флавий) когда-либо видел или о котором мне рассказывали, — по невероятным масштабам, продуманной конструкции и великолепию внутреннему убранству».

Городские укрепления оказались настолько мощными, а сопротивление защитников таким упорным, что осада продлилась шесть месяцев. Тит овладел Иерусалимом в сентябре 70 года. Население было почти полностью уничтожено. Некоторые спрятались в канализационных трубах, но и там оставались недолго — погибли кто от голода, кто от безнадёжности, покончив жизнь самоубийством. По оценкам Иосифа Флавия, всего в городе умерло или попало в рабство около миллиона человек. Разместив в башне городской стены вооруженный гарнизон, Тит приказал разрушить Иерусалим, включая остатки храма, до основания. Вернувшись в Кесарию, он отметил свой день рождения 24 октября. Во время праздника римляне развлекались зрелищем погибавших на арене евреев — тех либо загрызали хищники, либо убивали собравья в гладиаторских боях, либо заживо сжигали на кострах. По возвращении в Рим Веспасиан и Тит облачились в пурпурные тоги и тоже пышно отпраздновали триумф. По центральным римским улицам бесконечной чередой двигались к форуму повозки с награбленными в Иерусалиме сокровищами, среди которых был и золотой семисвечник из храма, а за повозками брели колонны закованных в цепи пленников. На площади процессия остановилась. Здесь был публично казнен Симон бар Гиора, последний еврейский лидер. Затем победители с многочисленными гостями удалились на роскошный пир.

А в Палестине разрозненные отряды повстанцев продолжали удерживать крепости, построенные еще Иродом Великим, — Иродион, Махерус, Масаду. Иродион и Махерус капитулировали довольно быстро, а Масаду долгое время защищали zeloty, возглавляемые Елеазаром бен Симоном, выходцем из Галилеи. Это был прекрасно укрепленный форт, воздвигнутый на горном отроге и возвышавшийся на 480 метров над берегом Мертвого моря. Римский губернатор Флавий Сильва приказал соорудить возле крепости забор и установить на нем стенобитное орудие.

Поняв, что в ближайшие дни в крепостной стене неизбежно появится пролом, Елеазар заявил: лучше погибнуть от собственных рук, чем от рук неверных. Тогда отцы семейств сожгли свое имущество, умертвили всех домочадцев и выбрали десять мужчин, которые и предали их смерти. В свою очередь, десять мужчин выбрали одного, и тот сначала убил сотоварищей, а затем сам закололся мечом.

2. Новый храм

Но и с падением Масады надежды палестинских евреев на независимость не исчезли. Примерно шестьдесят лет спустя вспыхнуло второе восстание против римского владычества, которое возглавил Симон бар Кохба, провозглашенный еврейскими священниками мессией. Как и раньше, на первом этапе восставшие добились некоторого успеха, одержав верх над войсками Тиней Руфа, римского наместника в Иудее. Император Адриан направил в Палестину другого легата, Юлия Севера из Британии, и в 134 году тот очистил Иерусалим от бунтовщиков. Война продолжалась еще восемнадцать месяцев, вплоть до августа 136 года, когда под ударами римлян пал последний оплот восставших, крепость Бетер, а Симон бар Кохба, очевидно, погиб.

Наказание за участие в этом восстании было намного суровее. Пленных евреев либо казнили, либо продали в рабство, Иудея как государство была ликвидирована и превратилась в провинцию объединенной Сирии-Палестины. Иерусалим стал столицей римских колониальных владений на Ближнем Востоке, евреев из города выселили. На Храмовой горе воздвигли святилище в честь императора Адриана и владыки всех богов Юпитера.

К тому времени в Иерусалиме появились новые культовые места, посвященные иной религии, и там римские наместники упорно строили языческие храмы. Так, на площади, где в течение ста лет, вплоть до описываемых событий, проводились публичные казни, рядом с еврейскими могилами Тиней Руф

возвел храмы Юпитера, Юноны и Венеры, богини любви. Для правоверных иудеев эта акция особого значения не имела, она была направлена против последователей Иисуса из Назарета, или Иисуса Христа.

Традиционное христианское учение гласит: приход Иисуса предсказывали многие еврейские пророки, прежде всего его двоюродный брат — популярный в народе Иоанн Креститель. Иисус, удивительным образом зачатый во чреве девственницы, родился в хлеву на окраине Вифлеема, проповедовал в Галилее и Иудее, совершил немало чудес: например, превратил воду в вино на свадьбе в Кане Галилейской и исцелил безнадежно больного в Капернауме; обладая властью над силами природы, он усмирал бури и шествовал «по воде, аки посуху». Как и брат, Иисус призывал людей к раскаянию, предупреждая о Страшном суде и неотвратимом наказании грешников.

Суровой атмосфере несправедливости и жестокости, царившей в оккупированной римлянами Палестине, он противопоставлял кротость и неприхотливость, благословляя нищету и смирение; он говорил, что люди должны стать невинными, как младенцы, и провозглашал ценности, противоположные тем, которые господствовали, по его выражению, «в миру», — эгоизму и потаканию собственным слабостям. Не следует стремиться к материальному достатку, власти и социальному преуспеянию, и за столом надо занимать самое невидное место. Негоже отвечать на насилие насилием, и, «если тебя ударили по одной щеке, подставь другую». Это был не призыв к пассивности — дескать, на ненависть врагов отвечайте искренней любовью. Снова и снова Иисус повторял: истина заключается не во внешних обстоятельствах, а целиком определяется внутренним миром человека — его чувствами, мечтами и деяниями.

Пренебрежение исконными ритуалами и обычаями наряду с провозглашением Иисуса мессией и Сыном Божиим, призванным искупить грехи и олицетворяющим единственный путь к вечной жизни, расценивалось иудейскими священниками — фарисейскими начетчиками и саддукейскими старейшинами — как откровенное богохульство и ересь. Им удалось уговорить Понтия Пилата, римского прокуратора Иудеи, распять Христа. Тело Иисуса сняли с креста и поместили в склеп, выдолбленный в

пещере, однако три дня спустя оно исчезло — как утверждают сторонники Иисуса, он воскрес и перенесся на небо, к Отцу.

Даже если считать Христа личностью выдуманной, чтение Евангелия производит чрезвычайно сильное впечатление. В отличие от Ветхого Завета, где подчеркивается величие Творца в самых сложных жизненных ситуациях — языком чувств и желаний и вне каких-либо логических рассуждений, Евангелие представляет собой свободный рассказ о событиях, который призван убедить нас, что все было именно так, как говорится, и не иначе. По мнению литературного критика Габриэля Йосеповаича, Иисус в Евангелии предстает «неким смерчем, вовлекая в движение все на своем пути, заставляя всех встречных пересмотреть свою жизнь до основания. Он не только владеет тайнами мудрости, но обладает духовной властью над людьми». Иисус вещает с невероятной убежденностью, его абсолютная непререкаемость может создать впечатление, будто перед нами душевнобольной. Однако Г.К. Честертон заметил, что на самом деле «Христос успешно занимался тем, что невозможно делать в бреду: он умел прекрасно судить людей и их поступки. Все, что он изрекал, было неожиданным, и не просто неожиданным, а неожиданно великодушным, а часто и удивительно взвешенным».

Насколько исторически верны описания Иисуса? Попытки объективно взглянуть на него часто встречают отпор как сторонников христианства, так и противников. Известный знаток Библии Э.П. Сандерс считает, что необходимо проанализировать краевые исторические факты:

«Мы знаем, что к проповеднической деятельности его подтолкнул Иоанн Креститель, что у него были ученики и сторонники, что он надеялся обрести «царство», что он пришел в Иерусалим из Галилеи, что он враждебно относился к храму и всему иудейскому синедриону, что его пытали и распяли на кресте. Наконец, по свидетельству учеников, произошло его «воскрешение»: он ожил после распятия, но в другом обличье. Они в это верили, во имя этого жили и приняли смерть».

Такая невероятная вера в Христа практически всех, кто с ним встречался, заразительна. «Какое бы значение ни придавалось имени Христа, — пишет Джеза Вермес в книге «Еврей по

имени Иисус», — одно можно сказать наверняка: в основе раннего христианства лежит представление об Иисусе не просто как о мессии, а как о долгожданном спасителе всех иудеев». Однако этот мессия оказался не царем-воином, который должен был привести еврейский народ к триумфу и мировому господству, а куда более глубокой и парадоксальной личностью — библейским «козлом отпущения»; претерпев нечеловеческие муки, он разрушил козни Сатаны и «смертию смерть поправ».

Главные предсказания — очень отличающиеся от того, что ожидало большинство евреев, — можно прочесть на стене храма — они сделаны от имени пророка Исайи в 740 году до н.э. «Вот мой посланник к вам, — возгласил Создатель, — которого я избрал и в котором душа моя воплощена». И Господь сделает его «светочем нации, и спасительная благодать разольется во все концы земли»; это будет человек «презрен и умолен пред людьми, муж скорбей, изведавший болезни, а мы отвратим от него лице свое. Он будет презираем и гоним, а мы ни во что будем ставить его».

Многие псалмы, написанные за века до пришествия Христа, также говорят о его муках и стогах перед распятием. «Я стал всеобщим посмешищем, люди презрительно кивают в Мою сторону», — сказано в одном из таких псалмов. Авторы Евангелия особо выделяют те эпизоды из жизни Христа, где сбываются предсказания пророков. Повествуя о том, как Иисуса прибивают гвоздями к кресту, а римские солдаты бросают монету, разыгрывая его набедренную повязку, Иоанн ссылается на 18-й стих 22-го псалма: «...и разделили они Мою одежду, и бросали жребий между собой». Некоторые современные скептически настроенные ученые полагают, что подобные факты добавлены уже после событий, дабы подтвердить пророчества: например, указание на то, что Христос родился не в Назарете, где жили его родители, а в Вифлееме, привязано к давнему предсказанию пророка Михея. Историк Робин Лейн Фокс провел скрупулезное расследование и сделал вывод: «Рассказ, события, описанные в Евангелии от Луки, исторически невозможны и внутренне противоречивы... Все это ложь».

Существуют ли свидетельства об Иисусе Христе в других источниках, кроме Евангелия? Единственное упоминание о

событиях того периода встречается в книгах Иосифа Флавия «Древности иудейские», «О войне Иудейской», написанных, вероятно, на арамейском языке для евреев, проживавших восточнее Евфрата. Надо сказать, что эти мемуары довольно противоречивы: согласно одной версии, они списаны с греческого источника — труда, опубликованного в Риме, поэтому выражают взгляды императора Домициана, яркого гонителя христиан; по другой версии, оригинальные хроники Иосифа Флавия радикально отредактировали византийские монахи-переписчики. Как бы то ни было, один из спорных пассажей «Древностей иудейских» цитирует Евсевий Кесарийский в сочинении «Церковная история», написанном в IV веке. Маловероятно, что эпизод, касающийся скорее Иоанна Крестителя, чем Иисуса Христа, был позднее добавлен самими христианами. Иоанн является довольно загадочной фигурой. У него грубое, обветренное, «как у дикаря», лицо. «А жил он, словно освобожденный от тела дух... и на всех частях тела, не покрытых собственными волосами, носил звериную шкуру».

Так вот, Иисус, по сообщению Иосифа Флавия, прославился чудесами: «Он творил такие поразительные и невиданные чудеса, которые не под силу ни одному человеку; но из-за обычного человеческого облика его нельзя было назвать и ангелом... Рядом с ним толпилось много простых людей, жадно внимавших его поучениям. Вокруг него распространялось нервное ожидание, что он наконец сможет освободить еврейский народ от римского ярма... Когда они поняли, что он способен выполнить все, что пожелает, то призвали его пойти в город, изгнать римские войска и самому стать царем, однако он оставил их слова без внимания».

Согласно записям Иосифа Флавия, еврейская верхушка дала взятку Понтию Пилату, римскому прокуратору Иудеи, дабы тот разрешил распять Христа, поскольку синедрион пугала растущая популярность Иисуса среди рядовых евреев. Историк отмечает: в самый разгар казни «весь храм — от верха до основания — неожиданно, словно вуалью, покрылся густой мглой». В пространном описании храма Иосиф Флавий упоминает надпись: «Иисус — владыка, который

никогда не правил, — был распят евреями, потому что предрек гибель города и полное разрушение храма».

Аналогичное предсказание мы встречаем и в Евангелии от Луки: «И когда некоторые говорили о храме, что он украшен дорогими камнями и вкладами, Он сказал: придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено» (Лука, 21:5—6). Более вызывающим выглядит заявление Иисуса из Евангелия от Иоанна: «Разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его» (Иоанн, 2:19). Именно оно возмутило еврейских первосвященников и послужило одним из пунктов обвинения в адрес Христа.

Но Иисус предсказал разрушение не только храма, но и всего Иерусалима. На сей счет существуют два противоположных взгляда. По мнению христиан, именно из-за этого предсказания только что зародившаяся в Иерусалиме христианская община перебралась на север, в Пеллу, как только римляне осадили столицу. Скептики полагают, что данное «предвидение» евангелисты добавили после реального события. Так или иначе, абсолютно ясно: ранние христиане рассматривали разрушение Иерусалимского храма и как неотъемлемую часть нового договора между Богом и людьми, и как Божественное наказание евреев, отвергших Его родного Сына. Рассказав о том, что мать убила собственного ребенка, дабы тот не попал к осадившим Иерусалим врагам, Евсевий, один из первых христианских историков, добавляет:

«Таково было воздаяние евреям за их ужасающе несправедливое и злобное обращение с Сыном Божиим... После страданий Спасителя и яростного требования еврейской толпы помиловать бандита и убийцу (Варавву) и покарать Иисуса на весь народ пало проклятие».

В наши дни попытки уничтожить еврейский народ выглядят куда более безжалостными и несправедливыми, чем во времена Веспасиана и Адриана, поэтому трудно не заметить антисемитской направленности Евангелия. Например, святой Матфей пишет: «Пилат... сказал: невиновен я в крови Праведника Сего... И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» (Матфей, 27:24—25). Но это не означало, насколько

можно судить, обвинения еврейского народа в том смысле, в каком мы встречаем его... в Испании XVI столетия или в расовых теориях в духе Хьюстона Стюарта Чемберлена в XIX веке. Грубые расовые предрассудки отсутствуют как в античности, так и в Средние века, и в наши дни. В конце концов, и Христос, и его последователи, включая евангелистов, были евреями.

Вражда между иудеями и христианами носит не расовый, а религиозный характер, и, учитывая неустрашимые противоречия между двумя религиями, очень трудно найти способ погасить конфликт. Разрушение храма, предсказанное Христом, было не просто физическим фактом, а олицетворением упадка иудаизма как идеи. Господь определил, что еврейский народ послужит чем-то вроде «кокона» для мессии, и раз тот явился, то «кокон» должен исчезнуть, погибнуть.

Из Евангелия явствует: лидеры синедриона не поняли миссии Иисуса. Вероятно, испугавшись того, что проповеди Христа спровоцируют римлян на активные действия (хотя, судя по довольно сдержанной реакции Пилата, дело обстояло несколько иначе), первосвященники и старейшины резко реагировали на растущую популярность нового пророка. С их позиции это вполне объяснимо, если вспомнить, какие животрепещущие вопросы затрагивал Иисус в своих ярких проповедях. Синедрион, похоже, был уверен, что идеи Иисуса умрут вместе с ним. Абсолютно неправдоподобным представляется сегодня мнение иудейского первосвященника Каиафы: «И не подумайте, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Иоанн, 11:50).

Как известно, заповеди Христа не умерли вместе с ним: они были подхвачены массой народа. Оставим в стороне вопрос, явилось ли это результатом деяний самого Христа или же на его последователей «сошел святой дух» в виде языков пламени. Несомненно одно: распятие Иисуса из Назарета — и его вероятное воскрешение — позволило ученикам во всеуслышание утверждать: Учитель был «и Богом, и человеком».

Иудейская верхушка предпринимала всевозможные усилия, чтобы подавить в зародыше христианское движение. Петра арестовали, а Стефана (первого христианского мученика) забили камнями. Ирод Агриппа I, внук Ирода Великого, велел обез-

главить апостола Иакова, брата евангелиста Иоанна. И только вмешательство римского прокуратора помешало казни всех остальных учеников Иисуса. В 62 году — во время небольшой паузы между правлением Порция Феста и восшествием на римский трон Луция Альбина — иудейский первосвященник Анания выдвинул обвинения против второго апостола по имени Иаков, известного как «брат Спасителя». По приговору синедриона того сбросили с храмовой стены и забили до смерти.

Однако самым яростным противником и настоящим «бичом Божьим» для иудаизма стал не ученик Христа, а Павел из Тарса. Он жестоко преследовал христиан до тех пор, пока на дороге в Дамаск — куда он направлялся, чтобы арестовать по приказу синедриона группу христиан, — ему не явился Иисус, который произнес: «Иди, ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями, и сынами Израилевыми» (Деяния, 9:15). И дело не столько в том, что Павел переменил веру, а в том, что он первым сделал решительный шаг в идеологической борьбе с иудаизмом, осознав то, до чего не додумались первые апостолы, а именно: чтобы стать христианином, необязательно быть евреем*.

Иудейская верхушка враждебно относилась к Павлу главным образом из-за его невероятно успешных проповедей по всей империи. Письма, которые Павел писал своим последователям в Эфесе, Коринфе и Риме, демонстрируют уважение к еврейским традициям, но в то же время он упорно настаивал, что Моисеев закон теперь излишен, что «мы можем спастись только верой в Христа, посланника Божия».

Столь категоричное отрицание официальной идеологии пугало большинство евреев, включая и членов первых христианских общин, — резкую, бескомпромиссную критику иудаизма ранняя церковь не могла однозначно воспринять. Создавшейся ситуацией воспользовались священники — они

* Автор неточен. Во-первых, Павел родился в семье иудея в Тарсе Киликийском (Деяния, 22:3). Родители дали ему имя Савл, но поскольку он был римским гражданином, то носил еще одно имя — Павел. Во-вторых, Павел не видел Христа, он услышал голос: «Савл, Савл! что ты гонишь меня?» Павел спросил: «Кто ты, Господи?» — и получил ответ: «Я Иисус, Которого ты гонишь» (9:4—5). Люди, сопровождавшие Павла, оцепенели, «слыша голос, а никого не видя». — *Примеч. ред.*

отдали Павла на суд римского проконсула греческой провинции Ахаия, обвинив в том, что он «учит чтить Бога не по закону». С раздражением, напоминавшим недовольство коллеги Пилата, проконсул Галлион отверг выдвинутые против Павла обвинения, заявив: «Послушайте, иудеи! Если бы речь шла о злом умысле или обиде, то я выслушал бы вас, но спор идет об учении, об именах и о законе вашем, поэтому разберите сами, я не хочу быть судьей в этом».

Павел вернулся в Иерусалим, здесь он снова попал под арест и предстал перед синедрионом. Как римский гражданин (уроженец Тарса) он отдался под защиту римского трибуна Луция. Понимая, что законным путем от него не избавиться, группа еврейских заговорщиков, решила Павла убить, однако план был раскрыт и апостола отправили в Кесарию под охраной семидесяти всадников и двухсот пехотинцев. Там его — вместе с обвинителями, первосвященником Ананией и еврейскими старейшинами, а также адвокатом Тертуллом — принял римский легат Феликс. Проконсул Иудеи назвал Павла «зачинщиком мятежа меж иудеями, живущими во вселенной, и представителем назарейской ереси». Тогда Павел попросил разрешения обратиться к цезарю. Его заковали в цепи и отправили в Рим.

Согласно христианской мифологии, в Риме Павел был обезглавлен — но не по обвинению иудейских вожаков: он пал жертвой первой массовой казни христиан по приказу императора Нерона в 67 году. Римский историк Корнелий Тацит утверждал, что первые крупномасштабные репрессии против сторонников Иисуса Христа не были результатом целенаправленной политики императорского Рима, а всего лишь жестокой прихотью самого Нерона. Когда сгорела большая часть Рима, Нерон — чтобы отвести от себя подозрения — обвинил в поджоге членов новой религиозной секты. Христиан убивали самыми изощренными способами: распинали на крестах; обмазывали тела смолой и сжигали на кострах; заворачивали в шкуры животных и травили собаками.

Тацит считал, что Нерон слишком далеко зашел в своих зверствах, чем невольно вызвал сострадание к христианам у горожан. Тем не менее историк не сомневался: последователи Иисуса заслужили наказание за «бесчеловечную» идеологию.

Их откровенное презрение ко всему материальному, вызывающий отказ брать в руки оружие или принимать участие в ритуалах, составлявших неотъемлемую часть повседневной римской действительности, тайные собрания и таинственные церемонии, где они «поедают» тело Господа, и более всего твердая уверенность в том, что после смерти язычников ждут бесконечные муки, а их самих — вечное блаженство, — все это вызывало у римлян такое же неприятие, как и у большинства евреев.

Однако иудеи давно воспринимались Римом как единое целое и обоснованно считались нацией, а не сектой. Поэтому, как только восстание в Палестине было подавлено, право на отправление религиозных обрядов в синагогах, проведение обрезания, обязательный выходной день в субботу иудеям вернули. Христианская же община рассматривалась Римом не просто как враждебная обществу организация, но как потенциальный очаг мятежа. И на протяжении следующих двух-трех веков официальные власти периодически подвергали христиан репрессиям. «Что бы ни лежало в основе их поведения, — писал Плиний Младший, настаивая на поголовной казни сторонников христианства, — их нестигаемое упрямство, несомненно, заслуживает наказания». Плиний был довольно близок к правящим кругам, его мнение имело большой вес.

«Чем сильнее вы нас угнетаете, тем выше мы поднимаемся, — утверждал христианский идеолог II века Тертуллиан. — А семена, из которых мы растем, — это христианская кровь». Разумеется, были и отступники, предпочитавшие воскурить фимиам в честь Зевса, чем попасть в клетку со львами, и все-таки число христиан росло и росло. Их не пугали испытания, они хотели походить на Спасителя. Игнатий, третий епископ Антиохийский, запретил пастве предпринимать какие-либо шаги по его освобождению и умолял римлян бросить его на растерзание львам: «Пусть дикие звери станут моей могилой, поглотив меня без остатка». Поликарп, христианский епископ из города Смирны в Малой Азии, не был столь фанатичен, однако и он, когда пришлось выбирать между поклонением Цезарю и смертью на костре, заявил римскому наместнику Титу Квадрату: «Костер горит всего лишь час и быстро гаснет, — это ничто по

сравнению с пламенем грядущего Страшного суда и вечных мучений грешников». Услышав приговор, «взбудораженная толпа бросилась за бревнами и хворостом в окрестные мастерские и общественные бани; при этом, как всегда, энергичнее всех действовали евреи».

Христиан преследовали повсюду в Римской империи. Во Фригии (Малая Азия) небольшой городок осадили легионеры, «подожгли его и сровняли с землей, уничтожив все население; мужчины, женщины и дети перед смертью взывали к Всевышнему. И за что такая жестокость? Да потому что все жители города — включая мэра, членов магистрата и чиновников — объявили себя христианами и отказались поклоняться идолам», — отмечал Евсевий.

Особо зверские казни прошли в городах на реке Рона — Вьенне и Лионе (на территории современной Франции). Впервые слуги-язычники были привлечены к обвинению своих господ-христиан в кровосмешении, каннибализме и разнузданных оргиях. В результате жестокой смерти были преданы все, кто отказался отречься от Христа и поклоняться языческим богам. Не только руководители общины, такие как епископ Пофин, но и рядовые христиане подверглись изуверским истязаниям. Молодую служанку по имени Бландина из города Вьенн — судя по всему, довольно простодушную («она уверяла, будто вещи, которые большинство мужчин считают презренными и недостойными внимания, благодаря Богу обрели ценность и даже великолепие») и жизнестойкую («те, кто постоянными и изощренными пытками принуждал ее отречься, сами падали в изнеможении, признавая тем самым свое поражение») — «после избиения плетью отдали на растерзание хищникам, а останки поджарили на костре и скормили быку» (Евсевий).

Уже в XIX веке Фридрих Ницше обвинял христианских идеологов в том, что, утверждая свои догмы, они ссылаются на таких безропотных существ, как Бландина, а главное — на огромное число рабов, для которых униженное положение в обществе компенсировалось духовным равенством в общине.

Однако ряды христиан не всегда пополнялись невежественными и угнетенными людьми; христианство проникало

в семьи и сенаторов, и даже императоров. Запрещенные философы — Иустин, Ориген, Тертуллиан и Климент Александрийский — не только распространяли христианские идеи, но, по их собственным словам, углубляли церковную суть христианского вероучения. Ориген разбирал и выверял многочисленные апокрифические Евангелия, постепенно приводя Новый Завет к современному виду. Аполлоний, которого Евсевий назвал «одним из самых выдающихся специалистов своего времени в вопросах толкования христианских идей и философии христианства», открыто выступил с изложением своих взглядов перед римским сенатом; его приговорили к отсечению головы, поскольку, согласно римскому закону, «существование христиан противозаконно».

Аполлоний яростно боролся с еретическими взглядами некоего Монтана, отрицавшего право церкви отпускать грехи. Эта ересь была одной из многих, раздиравших христианскую церковь с первых дней ее основания. Апостол Петр предупреждал: «...были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучителя, которые введут пагубные ереси...» А Павел из Тарса в послании к колоссянам обрушился с резкой критикой на гностиков и догматиков. Игнатий Антиохийский использовал термин «еретик» исключительно в качестве бранного слова. Тертуллиан — по иронии судьбы сам впоследствии ставший монтанистом — называл еретиками тех, кто либо имел суждение, отличное от церковного, либо входил в секту, либо поддерживал доктрины, не соответствующие учению Иисуса.

Для борьбы с еретическими течениями апостолы создали специальные советы: один в Иерусалиме в 51 году, другой — в Малой Азии полвека спустя. Каждую общину возглавлял епископ, но наибольшим авторитетом пользовались священники из Иерусалима, Антиохии, Александрии и Рима, где раньше прочих зародились христианские общины. Первой среди равных считалась римская община, основанная апостолом Петром, главным учеником Христа. Так, Климент — который, как полагают, унаследовал патриарший трон после Петра — в 96 году был приглашен в качестве верховного судьи для разрешения церковного спора христианской общины в Коринфе. А Виктор, возглавлявший римскую церковь к исходу II века, оп-

ределил дату празднования Пасхи и отлучил от церкви некоего торговца кожей по имени Феодот, утверждавшего, что Иисус был обычным человеком.

Виктор стал первым епископом, который вступил в деловые переговоры с императором: через Марсию — подругу римского правителя Коммода, принявшую христианство, — он передал список христиан, осужденных на каторгу в рудниках Сардинии, и добился их освобождения. Коммод, сын Марка Аврелия, довольно суровый владыка, благодаря влиянию Марсии терпимо относился к христианам. Гонения возобновились при сменившем его Септимии Севере. Подобная ситуация повторялась периодически, в зависимости от взглядов конкретного императора. Некоторые из них, наиболее просвещенные и дальновидные — например, Марк Аврелий и члены династии Антонинов, — отличались сдержанностью и действовали избирательно. Зато беспощадными антихристианскими репрессиями отмечены эпохи правления Максимиана, Деция и особенно Диоклетиана, который в 303 году устроил «великое гонение» христиан, не прекратившееся даже после того, как он отрекся от престола и отправился доживать в город Сплит на побережье Далмации.

А до того, решив, что Римская империя слишком разрослась, Диоклетиан поделил ее на четыре части. Одним из трех соправителей Диоклетиана стал Констанций Хлор — ему достались северные провинции, включая Британию и Галлию. В 305 году, когда император ушел на покой, Констанций Хлор занял пост верховного цезаря Западной Римской империи. Спустя год он скончался в Йорке. Римские легионеры в Британии тут же провозгласили императором его сына Константина, и тот в конце концов захватил власть над всей империей.

Константин верил, что власть к нему пришла от Бога. Накануне решающей битвы у Мульвиева моста в предместье Рима с соперником — претендентом на римский трон императором Максенцием ему приснилось (а может, привиделось), что он должен поместить на щиты воинов монограмму Христа с надписью: «Сим победиши». Гонения на христиан в западных провинциях прекратились при Констанции Хлоре; теперь это

распространилось на всю империю. Медиоланский эдикт 313 года отменил прежние указы, направленные против христиан*; заключенные-христиане получили свободу, им возвратили собственность. Отношения Константина с христианами вышли далеко за рамки обычной терпимости: он постоянно советовался с епископами и дозволил им пользоваться имперской почтовой службой — бесценная привилегия во времена, когда любые путешествия и почтовые перевозки были сопряжены с опасностью и огромными расходами. Закон 333 года предписывал всем имперским чиновникам выполнять указания христианских епископов, к тому же епископы получили право выступать в качестве самых авторитетных свидетелей в суде. Константин подарил римскому епископу землю в Риме для строительства базилики, издал серию указов о налоговых привилегиях для христианского духовенства и предоставил священникам юридическую неприкосновенность, «ибо, вознося молитвы верховному Божеству, они делают чрезвычайно благое дело для всей державы». Константин любил общаться с христианскими священниками, называл их «братьями», радушно принимал во дворце и даже благоговейно целовал шрамы, когда-то полученные ими при пытках.

Как и Ирод Великий, Константин сталкивался с большими проблемами внутри своей семьи. Вторая супруга, Фауста, обвинила Криспа, его сына от первого брака, в тайных кознях против отца. И только после того как Криспа казнили, мать Константина, Елена, сумела доказать, что обвинение было ложным. Тогда император приказал тайно совершить расправу — и Фауста задохнулась парами перетопленной бани.

Сразу после поминок Константин с матерью — принявшей, по его настоянию, крещение — совершили покаянное путешествие в Палестину. Константин повелел убрать все строения с мест, связанных с рождением, распятием и воскрешением Христа. В ходе расчистки обнаружился обломок креста с надписью: «Иисус из Назарета, царь Иудейский». Действительно ли это был тот самый крест или ловкая подделка, не извест-

* Медиоланский (Миланский) эдикт о свободном исповедании христианства издал по договоренности с Константином его соправитель Лициний. — *Примеч. ред.*

но. Во всяком случае, Елена и ее окружение восприняли находку как священную реликвию. Крест отреставрировали и водрузили на месте будущего храма Святого Гроба Господня в Иерусалиме.

Не только резкая перемена взглядов императора Константина отразилась на судьбе христианства. Не менее значимым оказалось и его решение перенести столицу. К тому времени стало ясно: Рим как официальный центр государства занимает весьма неудачное стратегическое положение, поскольку наиболее уязвимые, но перспективные провинции располагаются далеко на востоке. Зато на роль столицы прекрасно подходит город Византий, расположенный на европейском берегу пролива Босфор, возле бухты Золотой Рог. В 324 году, через три недели после победы над Лицинием, очередным претендентом на римскую корону, Константин основал «новый Рим». Город, уже значительно отстроенный по приказу императора Септимия Севера, быстро вырос более чем в три раза, украсился великолепными зданиями: императорским дворцом, общественными банями и залами, на улицах появилось множество статуй, привезенных из других городов. В качестве поощрения переселенцам предоставлялись все гражданские права и бесплатный хлеб; в отношении язычников и иудеев проводилась политика терпимости.

Названный в честь основателя Константинополем, город превратился в истинный оплот религии, избранной императором. Здесь было возведено немало пышных христианских храмов. А в 381 году Константинополь стал резиденцией нового патриарха. Именно в Византии — в Константинополе или в соседних городах Никее и Халкедоне — происходили первые Вселенские соборы.

Однако христианство еще не окончательно утвердилось. При Юлиане, племяннике Константина, получившем прозвище Отступник, снова расцвело язычество и христианская церковь опять подверглась гонениям. Одной из мер, направленных на борьбу с христианами, которых Юлиан называл «галилеянами», стал приказ восстановить Иерусалимский

храм. Однако стихийные бедствия препятствовали работам (христиане восприняли это как Божью кару), а после смерти императора в 363 году строительство и вовсе прекратилось.

Юлиан оказался последним императором-язычником. Сменивший его Иовиан восстановил то привилегированное положение церкви, которое она имела при Константине. К язычеству начали относиться так же нетерпимо, как в свое время к христианству. Уже при сыне Константина, Констанции, языческие храмы были закрыты и жертвы языческим богам запрещены под страхом смертной казни. Теперь запрет касался всего языческого культа и языческие обряды отправлялись только втайне — часто под видом карнавала или сезонного праздника.

Нетерпимость проявлялась и в отношении иудеев. За то, что они поддерживали гонения на христиан, особенно при Юлиане Отступнике, официальные власти жестоко преследовали их. Император Феодосий — фактически последний, кто владел единой Римской империей, — издал серию указов, запрещающих любое, публичное и частное, отправление языческих культов. Власти и церковь боролись не только с язычниками — ортодоксальные епископы преследовали всех, кто не разделял символ веры, принятый на Никейском соборе. В 388 году христианские фанатики сожгли синагогу в городе Каллиникий на реке Евфрат. Вначале Феодосий приказал восстановить ее за счет христианской общины, но натолкнулся на яростный отпор миланского архиепископа Амвросия. «Что важнее, — спросил он императора, — показное послушание или защита религиозных принципов?» Два года спустя христианские иерархи вновь продемонстрировали, кто в действительности правит страной. Феодосий, приказавший наказать зачинщиков кровавой резни в греческом городе Фессалоники, был осужден церковным советом (по инициативе того же Амвросия) и публично отменил свой приказ.

Так миланский архиепископ Амвросий наглядно показал, что не только Рим стал христианским, но и само христианство органично вошло в кровь и плоть Римской империи, задействовав ее административную систему и законодательство. Амвросий родился в семье римского префекта и входил в сословие сенаторов. Хотя имя он носил христианское, но крещеным еще

не был. В начале карьеры он получил образование в Риме и некоторое время служил гражданским чиновником. В 371 году его назначили губернатором двух итальянских провинций — Эмилии и Лигурии, центром которых являлся Милан. В 373 году, участвуя в дискуссиях на епископальных выборах, он завоевал такую популярность, что неожиданно для себя выиграл выборы. 24 ноября он принял крещение, а 1 декабря был посвящен в духовный сан епископа.

Именно под влиянием ярких проповедей новоиспеченного миланского священника в ряды христиан встал преподаватель риторики по имени Августин. Сын отца-язычника и матери-христианки (они происходили из берберов), детство и юность Августин провел в Северной Африке, затем перебрался в Милан. Его отличали невероятная тяга к знаниям и сексуальная распущенность. Увлеченный идеями манихейства, он верил, что Бог — творец духа и Сатана — в роли злокозненного прельстителя одинаково властвуют над человеком. Позднее Августин увлекся неоплатонизмом и под влиянием Амвросия превратился в ортодокса.

В молодости Августина переполняла сексуальная энергия. Он бросил свою давнюю возлюбленную, от которой имел сына, ради выгодного брака; в ожидании, когда его будущая невеста войдет в брачный возраст, он проводил время с множеством женщин. При этом постоянно обращался к Богу с молитвой: «Даруй мне целомудрие и воздержание, но только не сейчас». Он боялся, что Всевышний поспешит исполнить просьбу «и слишком рано излечит от недуга похоти, который он предпочитал удовлетворять, нежели подавлять». Перешагнув порог тридцатилетия, Августин все так же был одержим страстью. В один прекрасный день он услышал в саду голос («похожий на детский»), напевно повторявший: «Возьми и прочитай». Августин раскрыл наугад Библию и уперся взглядом в следующие строки из послания святого апостола Павла к римлянам: «Как днем, будем вести себя благочинно, не предаваясь ни пиروваниям и пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти; но облекитесь в Господа нашего Иисуса Христа, и попечения о плоти не превращайте в похоти» (Рим. 13:13—14).

В 387 году, приняв крещение от Амвросия, Августин вернулся в Северную Африку и поселился в изолированной христианской общине. Пять лет он читал проповеди местным жителям, затем его избрали епископом города Гиппон. Этот пост он занимал до конца жизни, тридцать пять лет, и проявил себя как глубокий мыслитель. Его сочинения оказали огромное влияние на судьбу христианства. Первый устав ордена тамплиеров почти дословно включил предписания, составленные Августином для своих прихожан, и именно Августин сформулировал положения, ставшие идеологической основой крестовых походов.

В эпоху Амвросия и Блаженного Августина произошло знаменательное событие: Римская империя распалась на Восточную (Византийскую) и Западную. Западная империя управлялась из Рима (а иногда из Милана или Равенны). «Демаркационная линия» между империями пролегла по Адриатическому морю и территории современной Югославии, которая до сих пор сталкивается из-за этого с большими проблемами.

Обе империи непрерывно воевали с соседними государствами и племенами: в Азии — с персами, в Европе — с народами, жившими по берегам Дуная и Рейна (варварскими племенами сарматов, остготов, вестготов, франков, бургундов, алеманов, вандалов) и, наконец, внезапно вырвавшимися из далеких азиатских степей ордами свирепых гуннов*.

Окончательный закат Римской империи не был обусловлен каким-то одним ключевым событием или рядом сокрушительных поражений. По мнению Питера Брауна, «эти набеги (варваров) нельзя назвать систематическими рейдами; нападавших не отличала особая организованность или целеустремленность. Просто дикие северные племена были охвачены «золотой лихорадкой» и стремились овладеть богатствами своих южных соседей».

Некоторые из племен, например, франки и алеманы, давно открыто селились в Северо-Восточной Галлии, а остготам и их союзникам, которых гунны вытеснили на запад, римские власти позволили закрепиться во Фракии (на территории совре-

* Автор неточен: кочевой народ гунны сложился из тюркоязычных хунну и местных угров и сарматов в Приуралье. — *Примеч. ред.*

менной Болгарии). Так называемых варваров уже использовали в качестве наемников императорской армии, нередко они занимали командные посты. Некий Стилихон, наполовину вандал, наполовину римлянин, был женат на племяннице императора Феодосия и после смерти тестя стал опекуном малолетнего императора Гонория. Это было время всеобщего насилия, государственного неустойства и общественных беспорядков — свирепые и часто голодные орды держали в страхе всю Европу, совершая набеги в поисках безопасного места для проживания, добычи и еды. В 406 году вандалы и свевы, а за ними бургунды с алеманами, спасаясь от продвигавшихся на запад гуннов, по льду пересекли Рейн и вторглись в Галлию. В 407 году римляне вывели свои легионы из Британии, предоставив местным бриттам самостоятельно защищаться от нападения пиктов и скоттов, живших на севере острова, а также от пиратских набегов заморских племен — англов, саксов и ютов. В 410 году войска вестготов под предводительством Алариха осадили и разграбили Рим, после чего направились на юго-запад Франции и далее в Испанию. В 429 году 80 тысяч вандалов, миновав Испанию и переправившись через Гибралтарский пролив, вторглись в римскую провинцию, расположенную на северном побережье Африки. Блаженный Августин скончался в 430 году, как раз во время осады Гиппона.

Было предпринято несколько попыток навести порядок в расселении многочисленных варваров, и порой небезуспешных: римский полководец Аэций нанес поражение гуннским войскам во главе с Атилой, которые ворвались в Северную Италию и двигались на юг, захватывая и безжалостно грабя города в долине реки По. Нападение на Рим удалось предотвратить благодаря выкупу, который заплатил из своей казны папа римский Лев I. После смерти Аэция западные римские императоры фактически превратились в марионеток, подлинная власть перешла в руки германских племенных вождей. Один из них, по имени Одоакр, низложил последнего императора Ромула Августула и стал фактически править Римом (формально он являлся регентом Западной Римской империи).

Это вовсе не означает исчезновения цивилизации: просто крушение системы власти, лишившейся поддержки. Варвары,

которые по-прежнему оставались в численном меньшинстве в покоренной ими стране, не испытывали никакого антагонизма по отношению к империи и никогда не стремились стереть ее с лица земли: идеологическая основа всей империи была слишком универсальной, слишком величественной и непоколебимой. И сколько себя помнили победившие варвары, она была всегда и казалась вечной. Социальное устройство и культурные традиции Римской империи сохранились в условиях формирования новой централизованной системы правления — остготского королевства в Италии, государства вестготов на территории современных Испании и Южной Франции (до реки Луары) и королевства Салических франков, расположенного севернее. К исходу V века франки под предводительством короля Хлодвига стали главной политической силой на всем пространстве к северу от Альпийских гор. После поражений, которые франки нанесли своим соседям — алеманам и вестготам, их земли раскинулись от Рейна до Пиренеев. Примерно в 498 году Хлодвиг вместе со своими баронами принял христианство; легенда гласит, что он видел святое знамение при посещении могилы святого Мартина Турского.

Крещение Хлодвига, как и обращение к христианству императора Константина, оказало заметное влияние на судьбы христианской церкви. Однако новый брачный союз между мирской и духовной властью на этот раз для каждой из сторон имел совсем иное значение, нежели полтора веками раньше. Хлодвиг не был верховным правителем огромного, хорошо организованного государства, а вождем орды свирепых и невежественных воинов, всегда готовых взяться за оружие. В отличие от того же Константина франкский король не мог привлечь на свою сторону епископов пышными дарами, налоговыми льготами или привилегированным положением в обществе. Все, что он мог им предложить, — это грешные души своих свирепых подданных и обязательство защищать «вселенскую», или католическую, церковь.

Церковь со своей стороны имела что предложить варварскому вождю, располагая организацией, построенной по образцу римского государства. На вершине иерархической пирами-

ды находился Западный патриарх, римский епископ, которого теперь называли папой (от греч. *pappas* — отец), и подчиненные ему кардиналы в качестве представителей на местах. На следующей ступеньке располагались архиепископы с резиденциями в более-менее крупных европейских городах, оставшихся после варварских нашествий, а еще ниже — епископы, дьяконы и более мелкие духовные чины. Церковь по-прежнему была довольно богата — особенно благодаря щедрым земельным наделам, полученным от христианских императоров, — и поэтому, несмотря на явный упадок в области коммерции и соблюдения законности, могла обеспечить не только моральное удовлетворение, но и материальное благополучие священнослужителей и их приближенных. После развала политико-административной структуры Римской империи епископат, по сути, остался единственной моральной силой и — благодаря огромным земельным владениям — единственной экономической базой, на которую можно было опереться в то крайне тяжелое время. Духовенство заменило в государстве практически все общественные институты — спасало от смерти нищих, выкупало захваченных в плен и заботилось о заключенных. Приюты для бездомных, больницы, сиротские дома и даже постоянные дворы находились под церковной и монастырской опекой.

Церковь не просто исполняла большинство функций пришедшей в упадок империи — в умах современников она и была настоящей «римской империей». Быть римлянином тогда означало быть христианином, и наоборот — быть христианином значило быть римлянином. Во времена после императора Юстиниана (середина VI в.) вся средиземноморская цивилизация единодушно осознавала себя обществом, в котором христианство является не просто ведущей, а единственной и повсеместной религией. Среди представителей высших классов язычники вовсе исчезли, и даже в самых отдаленных сельских районах такого идейно объединенного государства идолопоклонники чувствовали себя вне закона.

Сосредоточив в своих руках реальную власть, верховное духовенство католической церкви фактически возложило на себя обязанности и права, принадлежавшие ранее римскому сенату: это было принципиальное решение средневекового папства —

перейти от риторики и совершения религиозных обрядов к настоящему правлению. Уже и раньше, с первых шагов христианской церкви, римские патриархи провозглашали не только духовное первенство Западной римской церкви, но и называли себя прямыми наследниками апостола Петра, которому Христос сам вручил ключи от Рая вместе с правом «вязать и развязывать», то есть решать, что есть истина, а что — ложь. К моменту начала варварской агрессии юрисдикция Рима распространялась на всю территорию Западной империи. Теперь же — в отсутствие императора — она укрепилась духовной властью папы римского и авторитетом верховного римского магистрата.

Хотя какое-то время бывшая столица пребывала в упадке, Рим по-прежнему оставался самым крупным и популярным городом во всей Европе. Некоторые из его великолепных зданий и величественных монументов жители разобрали на строительные материалы, но многие прекрасные архитектурные образцы все же сохранились, напоминая о славном прошлом этого города. Горожане, будучи довольно консервативными, хранили в памяти фамилии своих знаменитых сенаторов, да и влияние язычества еще заметно сказывалось. Когда вестготы, ведомые Аларихом, в 408 году приблизились к Риму, угрожая захватить город, префект и сенат — в порядке исключения — одобрили языческие жертвоприношения.

Однако все заклинания оказались напрасны; та же участь постигла и дипломатические инициативы папы Иннокентия I. В результате вестготы ворвались в Рим и разграбили город. Однако почти пятьдесят лет спустя, другой папа, Лев I, провел успешные переговоры в соседней Мантуе с предводителем гуннов по имени Аттила и убедил его оставить Рим в покое. Через несколько лет, в 455 году, ловкому дипломату Льву I удалось спасти Рим уже от полчищ вандалского короля Гейзериха, угрожавшего городу поголовной резней: за огромный выкуп король согласился «ограничиться» 14-дневным разграблением города, оставить в живых население, не сжигать церкви и не допускать разорения главных храмов столицы.

Более чем через сто лет после этого события римский папа Григорий — на этот раз перед лицом вторжения ломбардских племен, — как и Лев I, обратился с увещанием к их вождю,

взяв на себя заботу о жизни и благополучии римских граждан. Заручившись поддержкой самых богатых и аристократических семейств и опираясь на опыт двух своих знаменитых предшественников, Григорий сумел смягчить последствия этой агрессии для простых людей не только за счет собственных средств, но заставил и приходских священников произвести максимальные выплаты за счет «наследия святого Петра» — то есть собственности, находящейся во владении римской епархии, самого крупного землевладельца во всей Европе. И когда в 593 году ломбардский король Агилульф осадил столицу, то Григорий, принявший командование над гарнизоном, сумел откупиться от нападавших и снять осаду.

В отсутствие сколь-нибудь авторитетной светской власти Григорий *фактически* стал верховным правителем Италии. Он собирал войска, назначал полководцев, заключал договора. Однако его поведение не воспринималось как существенное отступление от традиций. В те времена обозначившиеся впоследствии различия между духовными и светскими интересами выглядели еще не столь явно: люди воспринимали политическую власть как неотделимую от религиозной идеологии. Григорий проявлял одинаковое внимание к самым различным вопросам — следил за достойным состоянием христианских храмов, соблюдением католическими священниками celibата* и организацией епископальных выборов. Кстати, его политика по отношению к евреям отличалась терпимостью: в 599 году он приказал возместить евреям материальные потери, которые те понесли в результате разграбления синагоги в городе Каральо на севере Италии, и наложил наказания на епископов Арля и Марселя за то, что в их приходах допускалось принудительное крещение евреев. Как и папа Лев I, Григорий упорно отстаивал непогрешимость и универсальность авторитета папы римского, решительно боролся с ересью. Рассказывают, что однажды он был настолько потрясен зрелищем белокурых язычников-англов, которых продавали в рабство на одном из невольничьих

* Целибат (от лат. caelebs — неженатый) — обязательное безбрачие католического духовенства, окончательно установленное папой Григорием VII в XI в. — *Примеч. пер.*

римских рынков, что тут же отправил Августина и вместе с ним сорок монахов-бенедиктинцев проповедовать христианство у них на родине.

Григорий Великий стал первым римским папой-монахом, а интенсивный рост и укрепление монастырей является его вторым достижением в истории христианской церкви, которое поможет нам лучше разобраться в возникновении тамплиеров. Само слово «монах» происходит от греческого *monos* — один, единственный. До IV века христиане не употребляли этого слова, поскольку такого явления не существовало. Первые церкви возникали преимущественно в городах, и, следуя за Деяниями апостолов, члены христианских общин вносили свое имущество в общий котел. «Мы все делим между собой, — писал Тертуллиан, — кроме наших жен».

Однако далеко не все мужчины и женщины, принадлежавшие к первым христианам, имели супругов. Во-первых, девственность являлась признаком полного посвящения себя Богу. Павел из Тарса, которого принято считать женоненавистником, полагал, что женитьба сама по себе дело неплохое, но все-таки лучше от нее воздержаться, соблюдая целибат: он ожидал неизбежного конца света, а посему рассматривал брак как отвлечение от главного. Он также подчеркивал, что тем, кто имеет семью, невольно приходится заботиться о своих супругах, в то время как одинокие люди направляют свои усилия на служение Всевышнему. Однако внимательное чтение его знаменитых посланий позволяет понять, что он вовсе не был пуританином или противником семьи и брака, каким его обычно представляют. Что касается половых отношений, он однозначно считал, что мужа и жены обязаны давать друг другу то, на что каждый из них имеет законное право. И хотя вначале Павел утверждал, что вдовы и вдовцы не должны снова вступать в брак, позднее он изменил свои взгляды, решив, что лучше снова жениться, чем испытывать мучительное вожделение («лучше жениться, чем гореть в огне желаний»).

Тем не менее можно утверждать, что Павел и большинство ранних христиан считали, что семейные узы мешают достижению истинного совершенства. Столь строгое отно-

шение к целибату хотя и встречалось иногда в некоторых еврейских сектах, однако противоречило взглядам ортодоксального иудаизма, в соответствии с которыми всем мужчинам и женщинам сотворивший их Бог предписал «плодиться и размножаться, и наполнять землю, и обладать ею»; однако в Евангелии от Матфея приведены такие слова Сына Божия: «...и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить это, да вместит». Для первых христиан эти слова послужили основой культа целомудрия и воздержания, причем иногда их одержимость этой идеей доходила до крайностей: в III веке молодой христианский теолог Ориген был осужден за вольное литературное изложение сказанного Христом, в чем сам впоследствии раскаивался.

В своей книге по истории христианства Евсевий приводит яркий эпизод: в период гонений женщина-христианка предпочла погибнуть, нежели быть обесчещенной. Доминину вместе с двумя ее дочерьми, «пребывавшими в полном расцвете юной красоты», схватили и отправили в Антиохию, но «когда они проехали уже полпути... то смиренно попросили у охранников прощения и бросились в протекавшую рядом стремительную реку».

В житиях святых немало подобных примеров, рассказывающих о «девственниках и мучениках» того раннего периода, но при этом не говорится ни слова ни о монахинях, ни о монахах. Считалось вполне достаточным, что они жили по-христиански и умерли за веру. И лишь после обращения в христианство императора Константина и превращения церкви из организации гонимой и преследуемой в богатую и привилегированную исповедание христианства стало приносить общественную выгсду и уже не требовало такой максимальной самоотдачи, как раньше. В результате среди основной массы христиан стандарты благочестия заметно упали; однако по-прежнему оставалось небольшое число тех, кто поддерживал пылкий дух первых христианских общин и стремился очиститься от материальной и политической суетности окружающего мира. Растущее благосостояние церкви, на

их взгляд, расходилось с евангельским заветом Христа, обратившегося к богатому юноше с такими словами: «Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах, и приходи, следуй за Мной... Как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие».

Первый пример прямого следования этому Христову завету можно обнаружить в истории первых христиан, обитавших в Верхнем Египте: некто Павел, пятнадцатилетний юноша, спасаясь от преследований в правление императора Деция, укрылся в пещере, рядом с которой росла пальма и был родник. Он прожил там девяносто лет в полном одиночестве, пока на него незадолго до смерти не наткнулся другой отшельник по имени Антоний. Этот Антоний, молодой человек из Гераклеи (тоже в Верхнем Египте), после смерти родителей в 273 году оставил сестре кое-какие средства, остальное имущество распродав, деньги раздал нищим и отправился странствовать. Он тоже устроился жить в пещере посреди пустыни, раз в день довольствуясь куском черствого хлеба и глотком воды. По мере увеличения числа своих последователей он основал два монастыря и разработал для их обитателей специальный устав. Его слава была столь велика, что сам император Константин обращался к нему за благословением, а епископ Александрийский Афанасий составил его жизнеописание.

Пример Антония увлек многих. В течение нескольких десятилетий после его смерти происходил массовый исход в пустыню отшельников, которые стремились максимально приблизиться к Богу, устраиваясь в самых отдаленных и пустынных местах, пещерах, ветхих лачугах или заброшенных домах и ограничиваясь самой скудной пищей — только чтобы выжить, добровольно обременяя себя веригами и проводя дни в непрерывных молитвах. На первых порах пустынники собирались вместе, только чтобы прослушать мессу и получить совет от старейшин. Однако постепенно образовались устойчивые общины со своими правилами общежития и избранным «отцом-настоятелем». Так, Пахомий, живший в 286—346 годах, возглавил группу отшельников, давших совмест-

ный обет послушания, бедности и целомудрия и разработавших специальную систему наказаний за прегрешения. Его можно считать первым настоятелем, или аббатом (от древне-евр. *abba* — отец).

Примеру египетских отшельников вскоре последовали христиане Сирии и Палестины. В Сирии некоторые из них приковывали себя цепями к каменным стенам пещер или жили так, без всякого укрытия. Слава об их святости привлекала в эти места толпы поклонников, испрашивавших благословения и совета. Чтобы избавиться от этого суетного общения, отшельники уходили еще дальше в пустыню, а аскет Симеон Столпник обосновался наверху вертикального столпа (отсюда — столпничество) высотой около двадцати метров, имевшего лишь площадку для стояния и сидения. С такого расстояния от земли бред и молитвы фанатика вызывали у слушателей невероятное сочувствие и благоговение. Этого знаменитого отшельника тайно посетил император Маркиан, а императрица Евдокия под влиянием проповедей Симеона отошла от еретической секты монофизитов* и вернулась к ортодоксальному вероучению.

Среди отшельников в пустыне к востоку от Антиохии прожил некоторое время известный католический богослов Иероним, переведший Библию на латынь и бывший личным секретарем папы Дамаса. Василий, родом из богатой и знаменитой семьи, проживавший в Каппадокии (Малая Азия), проехал через весь Египет, Сирию и Палестину, посетив многочисленные христианские общины. По возвращении он основал мужской монастырь в семейном имении Аннеси, на реке Ирис, что неподалеку от женского монастыря, настоятельницай которого была его родная сестра Макрина. Но Василий отказался от практики индивидуального аскетизма, отдав предпочтение братскому общежитию отшельников, чьи молитвы совмещались с физическим трудом и благотворительностью — заботой о сиротах, нищих и бездомных. Хотя

* Монофизитство — богословская концепция, признающая в Иисусе Христе одну Божественную природу, а не две — Божественную и человеческую. — *Примеч. пер.*

он и не составил никакого специального устава, тем не менее именно Василия считают основателем монастырского уклада всей Восточной, или православной, церкви.

Монашеское движение охватило и западный мир. Иоанн Кассиан, бывший монахом сначала в Вифлееме, а затем в Египте, был направлен с поручением от константинопольского патриарха в Рим и впоследствии остался на Западе. Там он основал два монастыря — один в Иль-де-Лерине — и написал две книги о монастырской жизни: «Институты» и «Конференции», которыми позднее воспользовался Бенедикт из Нурси, главный идеолог всего западного монашества, при составлении своего Устава.

Августин из Гиппона, как мы уже знаем, считал, что искреннее обращение в христианскую веру неизбежно требует монашеского отречения, однако сам был отозван из своего монашеского уединения, чтобы помочь церкви в урегулировании некоторых вопросов. То же самое произошло и с Мартином Турским, который был родом из Нижней Венгрии. Сын офицера римской армии, он сам одно время служил солдатом. Находясь со своим легионом в Амьене, на севере Франции, однажды Мартин поделился плащом с каким-то нищим — и ему случилось знамение, что это был сам Иисус. Оставив службу (около 355—356 гг.), он стал отшельником и жил вначале на уединенном острове у побережья Италии, а затем вместе с другими пустынножителями в окрестностях Пуатье, на юге Франции.

Праведность Мартина и те чудеса, которые он, по свидетельству очевидцев, совершал, привели к избранию его епископом жителями французского города Тур. Рукоположение произошло 4 июля 371 года, несмотря на возражения других епископов и местной знати — они считали, что Мартин слишком низкого происхождения и «вызывает презрение своей жалкой одеждой и растрепанными волосами». Но, даже став епископом, он продолжал вести аскетическую жизнь в монастыре, который основал в окрестностях Тура. Он неутомимо преследовал язычников, уничтожая их святилища и вырубая священные деревья. Приписываемая Мартину Турскому волшебная сила оказывала свое действие и после его смерти и,

как мы теперь знаем, способствовала обращению Хлодвига в христианство. Мартин был первым христианином, который умер естественной смертью и тем не менее заслужил славу святого своими деяниями.

Однако Мартин являлся исключением — его поведение резко выделялось на фоне других представителей духовенства, которые в последние годы Римской империи все больше увязали в решении светских проблем. В условиях всеобщего ожесточения, которым сопровождался закат западной римской цивилизации, набожные и смиренные христианские общины стремились максимально изолироваться от общества. По словам исследователя Давида Нолеса, они жили, «не проявляя никакого интереса к тому, что творится за стенами монастыря, отказывая в помощи — как материальной, так и духовной — соседям и странникам. На первом месте у монахов стояли вовсе не проповеди и просвещение, они практически не занимались ритуальным песнопением и другими церковными обрядами, а вместе собирались лишь для служения Богу и спасения собственных душ».

Монастырский плюрализм сильно изменился под влиянием Бенедикта Нурсийского, самой значительной личности всех монастырских правящих слоев в Западной Европе. Родился он около 480 года в семье мелкопоместных дворян, живших на южной окраине Рима, в районе Сабинских холмов. Отправившись в Рим для получения образования, он настолько был поражен нравственным распадом римского общества, что покинул город и стал жить отшельником в горной пещере около Сабиако. Вскоре к нему присоединились и другие молодые мужчины, пожелавшие разделить его образ жизни. В результате внутриобщинных интриг — примерно в 520—530 годах — он вместе с группой своих сторонников оставил Сабиако и перебрался в Кассинум, где на месте бывшего капища Аполлона на одной из скал основал новый монастырь — Монте-Кассино.

Там он и закончил свой знаменитый Устав — свод правил монашеского поведения, который стал неотъемлемой

частью религиозной жизни Западной Европы на протяжении следующих шести столетий. При его написании Бенедикт опирался на проповеди святого Василия и работы Иоанна Кассиана, однако именно он сумел в этом кодексе оставить главные формы жизни уже существовавшего монашества Запада. Отличаясь здравомыслием, Бенедикт вложил в этот труд огромную страсть и неукротимую христианскую веру. Устав отражает великолепное понимание всех реальностей жизни монашеской общины наряду с осознанием силы и слабости человеческого естества. И хотя избранному общиной настоятелю предоставлялась абсолютная власть, пользоваться своими полномочиями ему предписывалось столь взвешенно, «чтобы у самого страстного из подопечных не погасло стремление к чему-то большему, а самого слабого душой не оттолкнуло своей суровостью». В правилах ежедневной жизни общины говорится о еде, питье и одежде. Обычно монахи облачались в черное, а из какого материала шить одежду, определял аббат в зависимости от климата и сезона.

Монашеская пища была весьма умеренной: Бенедикт настаивал на отказе от мяса и сам строго соблюдал посты. Монахам вменялось в обязанность постоянно молиться и петь духовные псалмы — в определенное время дня и ночи, и не только в храме, но в постели, за столом; они должны все время чему-то учиться, обучать других, но самое главное — постоянно заниматься ручным трудом. *Laborare est orare* — «труд — это молитва». Монахи работали в поле, обеспечивая монастыри продовольствием, и переписывали тексты на пергамент — причем не только Библию, но и произведения классических авторов. Каждый монастырь был обязан иметь собственную библиотеку, а любой монах должен иметь перо и письменные принадлежности.

Бенедикт жил в суровую эпоху. Готы, обосновавшиеся в Северной Италии, постоянно воевали, обороняя свои восточные границы от войск императора Юстиниана и его знаменитого полководца Велизария. В 546 году, за год до смерти Бенедикта, готы в очередной раз захватили Рим и полностью его разрушили: на протяжении сорока дней город похо-

дил на безжизненную пустыню. Столица несколько раз переходила из рук в руки, и в результате последнего освобождения войсками Юстиниана город оказался настолько опустошен, что, по мнению Гиббона, это событие ознаменовало «окончательный закат римской цивилизации». Во времена Бенедикта Италия вышла из сумерек Древнего мира и погрузилась во тьму раннего Средневековья; но, несмотря на сгустившийся мрак, первые европейские монастыри, возникшие под идейным руководством Бенедикта, «стали центрами света и жизни... сохранив за своими стенами и распространив дальше все, что осталось от древней культуры и духовности». Постепенно они составили основу не только европейской культуры, но и европейской экономики, поскольку, пока государства отчаянно боролись за существование, а многие некогда великие страны попросту исчезли с карты мира, единственными оплотами цивилизации оставались монастыри.

Незадолго до смерти Бенедикт велел одному из своих учеников, Мауру, основать новый монастырь в Гланфеле, что вблизи Анжера (Южная Франция). Примерно в то же время кельтский миссионер Колумбан заложил ряд монастырей в Вогезских горах — Аннегри, Люксель и Фонтень, а также аббатство Боббио в Италии. Жившие там монахи постепенно отказались от довольно сурового и негибкого устава, который им когда-то предложил ирландец Колумбан, и взяли за основу более продуманный Устав святого Бенедикта.

Как мы уже говорили, в 596 году папа Григорий I, сам бывший монахом-бенедиктинцем, направил Августина, тогдашнего настоятеля собора Святого Андрея в Риме, и сорок братьев-бенедиктинцев с христианской миссией в город Этельберт — к языческому владыке Кентского королевства. В Англии папские посланники установили контакт с кельтскими католиками, которые в результате варварской агрессии оказались на время отрезанными от Рима, и в 664 году синод в Уитби официально провозгласил возвращение английских братьев в лоно Римско-католической церкви. Это событие вызвало прилив религиозного энтузиазма в Северной Англии. Так, Бенедикт Бископ, знаменитый полководец короля

Осви Нортумбрийского, оставив военную карьеру, стал священником, а побывав в Риме, постригся в монахи и поселился в монастыре Иль-де-Лерин. Позднее он вернулся в Англию, где основал два новых монастыря — в Ярроу и Вермауте. В 690 году английский монах-бенедиктинец Виллиброрд, родом из Нортумбрии, отправился на корабле в места, которые мы теперь называем Голландией, чтобы крестить языческое племя фризов. Его примеру последовал Бонифаций, другой бенедиктинский монах, родом из Девона, который также обратил евангельские проповеди к диким германским племенам. Он погиб от рук фризов и похоронен в монастыре, который успел там основать.

Достижения этих христианских миссионеров были закреплены строительством новых монастырей в их память. За два столетия, прошедшие после смерти Бенедикта Нурсийского, облик католических монастырей поменялся решительным образом — из убогих прибежищ для беженцев и одиноких отшельников они превратились в мощные административные комплексы по управлению обширной недвижимостью. В таких районах, как Бургундия и Бавария, монастыри стали главными центрами цивилизации, и часто в них располагались епископские резиденции, а епископ-настоятель держал в руках рычаги политической и духовной власти. Некоторыми княжествами, такими как Кельнское, Майнцское и Вюрцбургское, вплоть до 1802 года управляли епископы, пока их силой не сместил Наполеон.

У язычников тоже были свои мученики, и подчас было не просто отличить крещение от завоевания. После того как вождь франков Хлодвиг обратил свои взоры в сторону христианства, для всего духовенства Западной Европы его соплеменники стали главной опорой, а церковь в благодарность за это стала открыто поддерживать франкскую экспансию. Теперь происходило слияние галло-романского населения и франкских завоевателей. Нередки стали смешанные браки, и «римляне» все чаще меняли свои латинские имена на франкские. К VII веку начала формироваться «французская» аристократия, которую историк Фердинанд Лот охарактеризовал как буйное, задиристое и не-

вежественное сословие, с презрением относящееся к любым интеллектуальным занятиям, неспособное осознать серьезные политические понятия и отличающееся крайней эгоистичностью и самомнением».

В противоположность самоотверженности и здравомыслию официальных лидеров античной эпохи новый правящий класс преследовал лишь собственные шкурные интересы и был абсолютно равнодушен к общественным ценностям. В результате крушения торговли единственным источником благополучия стала земельная собственность, а землевладение превратилось в главную опору реальной власти. Существовали обычаи и понятия, но практически отсутствовало законодательство, которое могло хоть как-то сдерживать власть феодала. Варварство франков, выразительно описанное еще Григорием Турским, особенно проявилось в эпоху правления Меровингов, наследников Хлодвига, когда, по словам Фердинанда Лота, «король погряз в пьяных загулах, а придворные подражали ему. Во второй половине VII и VIII столетии ситуация еще больше усугубилась и многие короли — из-за невероятно порочной жизни — умирали совсем молодыми, становясь жертвами собственного невозддержания».

По причине такого растления и просто физической неспособности Меровингов управлять монархией реальная власть сосредоточилась в руках первых министров, которых называли майордомами; среди них наиболее известен Карл Мартелл. Его сына Пипина Короткого папа Захария возвел на королевский трон вместо последнего из Меровингов — Хильдерика III. Официальная коронация нового монарха прошла в городе Суассон в ноябре 751 года под эгидой папского легата архиепископа Бонифация, специально прибывшего из Девона.

Именно этот союз между папой, с одной стороны, и франкской монархией — с другой, во многом определил политическое развитие западной цивилизации на следующие пять веков. От такого папско-королевского альянса в выигрыше оказались и монастыри. Дворяне, как и раньше, отличались склонностью к насилию, чревоугодию и сладострастию; при этом они про-

стодушно и безоговорочно верили в христианское учение, очень боялись церковного проклятия и делали внушительные пожертвования монастырям, чтобы монахи своими молитвами и послушанием замаливали их грехи. Подобные чувства к монастырям испытывали и епископы, жадно стремившиеся к светской власти и всячески задабривавшие монастыри, располагавшиеся в их приходах, наделяя их новыми привилегиями и правами. Начиная с VII века не было ни одного дворянина или епископа, который не стремился бы спасти свою душу такого рода жертвованиями. Многие аббатства — например, Сен-Жермен-де-Пре в окрестностях Парижа — в эпоху Меровингов наверняка разбогатели.

Точно так же как франкские феодалы использовали монахов для своих целей, те, в свою очередь, намеренно поддерживали боевые настроения бесстрашных, но грешных дворян. И войны, которые в VIII веке франки вели с саксами, жившими к востоку от Эльбы, были направлены не только на то, чтобы обезопасить границы и отхватить добычу, но и на то, чтобы столкнуть христиан с варварами, к тому же язычниками, — то есть имели четкую религиозную окраску. Борьба саксов против франкской агрессии и христианской экспансии приобрела более упорный характер, чем ожидалось, и потребовались огромные усилия, чтобы сломить их сопротивление и обратить в христианство. Тут мы впервые касаемся эпохи, когда монастыри превращаются в крепости и символом победы является крещение побежденных. В 782 году франки вырезали 4,5 тысячи саксонских пленников, а остальных продали в рабство или депортировали. Три года спустя короля саксов Видукинда взяли в плен и насильно крестили; это событие папа и его приближенные отмечали целых три дня.

Организатором этих массовых побоищ был франкский король, сын Пипина Короткого по имени Карл, который, как до него два римских папы, Лев и Григорий, был прозван Великим. При нем тесный союз между франкскими монархами и папским Римом достиг расцвета. В 800 году Карл — признанный образец благочестия, храбрости и мудрости, а теперь еще и владыка всей Европы — прибыл в Рим во главе

своего войска, где его торжественно объявил императором Лев III, получивший папский скипетр пятью годами ранее.

В течение предыдущих трех с лишним веков (а точнее — 324 года) императорский трон в Риме пустовал, в то же время в Византии на место монарха тоже можно было претендовать, поскольку формально занимавшая его императрица Ирина вероломно сместила с трона и ослепила своего родного сына Константина VI, но главное — она была женщиной. В день Рождества Христова Карл приехал на служение мессы в собор, выстроенный над могилой апостола Петра. В белых одеждах и сандалиях, он напоминал римского патриция. Как только закончилось чтение Евангелия, папа встал со своего трона, перекрестил коленопреклоненного франкского вождя и возложил ему на голову императорскую корону. И над толпой собравшихся в соборе римлян и франков раздался громкий возглас: «Многие лета и победы Карлу Августу — коронованному Богом великому императору-миротворцу!» Главный понтифик торжественно поклонился новоиспеченному цезарю. «С этого момента, — пишет Джеймс Брюс, — и начинается современная история».

3. Храм-конкурент

Одна из главных причин, усиливших нужду христианского мира в лидере, — растущая опасность со стороны нового религиозного течения, ислама. Корнями он уходит в местности самые удаленные, находящиеся у юго-восточных окраин Римской империи, где границы между странами и народами весьма неопределенны. Там издревле кочевали племена арабов-язычников, потомков Измаила, которые жили по собственным правилам и обычаям, — на них не распространялась власть Византии. Часть арабов осела в городах, расположенных вдоль торговых путей на Аравийском полуострове, таких как Мекка, а в некоторых городах существовали иудейские и христианские общины.

Религию древних арабов можно охарактеризовать как «племенной гуманизм». Суть их жизненного уклада сводилась к тому, что принадлежность к своему племени требовала обязательного соответствия арабским представлениям о настоящем мужчине — храбром, мужественном и щедрым. Самое большое значение имела внутриплеменная солидарность, а нравственные правила распространялись только на единоплеменников. Арабы поклонялись таким божествам, как звезды, идолы и священные камни; особенно почитался круглый черный обломок древней скалы, носивший название Аллах — что значит «бог» — и хранившийся в храме Кааба*, расположенном в Мекке. Контроль над Меккой установило наиболее мощное и многочисленное из оседлых племен — курейш, и Кааба стал среди арабов настолько священным, что Мекка превратилась в центр паломничества и город, на который было запрещено нападать. Паломники одновременно занимались торговлей, а специальный статус, присвоенный Мекке, защищал племя курейш от вражеских набегов.

Мухаммед, основатель ислама, был выходцем из бедного рода хашим, входившего в племя курейш. Он родился в Мекке примерно в 570 году, его отец умер еще до рождения сына, а мать — когда он был младенцем. Вначале Мухаммеда забрал его дед, глава этого клана, а позднее он стал жить у своего дяди, Аби Талиба, которого и сопровождал, когда тот с торговыми караванами направлялся в Сирию. Там он познакомился с двумя религиями — иудаизмом и христианством, чей единый Бог у некоторых арабов давно ассоциировался с их «родным» Аллахом из Каабы.

Когда ему исполнилось двадцать пять лет, Мухаммед стал вести торговые дела от имени богатой вдовы по имени Хадиджа и так поразил ее своей честностью и сообразительностью, что она захотела выйти за него замуж. Хотя жена была на пятнадцать лет его старше, Мухаммед принял на себя заботу о капиталах и успешно занимался торговлей. Однако он не только был умелым предпринимателем, но проявлял боль-

* Кааба по-арабски означает «куб», поскольку сам храм имеет кубическую форму. — *Примеч. пер.*

шой интерес к вопросам религии и часто удалялся в горную пещеру в окрестностях Мекки, где подолгу медитировал и молился Аллаху.

В одну из ночей 610 года, поглощенный своими размышлениями о Боге, Мухаммед впал в транс, и ему привиделся волшебный лик архангела Гавриила (по-арабски — Джебраила), и он услышал потусторонний голос: «Ты — Божий посланник». С тех пор подобные откровения продолжались у него до самой смерти. Он запоминал эти Божественные послания и передавал своим ученикам, которые записывали их с его слов. Примерно в 650 году эти записи были собраны в виде отдельного сборника — Корана. Мухаммед и его последователи считали Коран Словом Божьим.

Вначале несколько смущенный своими видениями, Мухаммед укрепился в своей вере благодаря поддержке супруги Хадиджи и ее двоюродной сестры-христианки по имени Варака. Та убедила его, что он является последним представителем в длинном ряду пророков, которые в свое время таким же образом прорицали среди христиан и иудеев. Вокруг него образовалась группа сторонников, и с 613 года Мухаммед начал открыто проповедовать простую и доступную идею единобожия: существует один Бог, и Мухаммед — пророк его.

Именно взаимосвязь религии и политики является самым важным элементом, позволяющим разобраться в причинах успешной карьеры Мухаммеда. Мухаммед был сиротой, причем в обществе, где еще не утвердился порядок наследования имущества от отца к сыну, и потому был практически лишен собственности до тех пор, пока не женился на Хадидже. Кроме того, он был выходцем из бедного рода и жил во времена, когда частные интересы купцов из Мекки вступали во все большее противоречие с традиционными племенными интересами. Обличая богатых, Мухаммед призывал к справедливости и состраданию, а его осуждение идолопоклонства очень раздражало богатых торговцев. Но он решительно отверг их призывы прекратить обличительные проповеди.

До этого момента Мухаммед был защищен от нападков врагов благодаря поддержке своего клана; но около 619 года умерли его жена Хадиджа и дядя Абу Талиб. Второй дядя, ставший после Талиба во главе клана, по требованию торговцев из Мекки лишил Мухаммеда своего покровительства, и тот был вынужден покинуть Мекку — сначала переехал в Таиф, а позднее, по приглашению жителей, в Медину. Именно с 622 года — начала этой эмиграции (которая по-арабски называется «хиджра») — и берет свой отсчет мусульманская эра.

Однако в Медине Мухаммед завоевал прочный авторитет лишь по прошествии нескольких лет — во многом благодаря успешно проведенным под его предводительством нападениям на купеческие караваны из Мекки. Вначале это были лишь мелкие стычки: в апреле 623 года отряд из шестидесяти мусульман напал на торговый караван по пути из Сирии в Мекку и один из нападавших выпустил несколько стрел в сопровождавших караван охранников. В истории это был первый случай открытой исламской агрессии. В следующем году из Мекки против Мухаммеда выступил вооруженный отряд из 800 человек, однако он был разгромлен в сражении при Бадре, оставив на поле боя 45 человек убитыми, а еще 70 попали в плен. Эта победа весьма укрепила авторитет новоявленного пророка. Как считал сам Мухаммед, мусульмане победили благодаря Божественной поддержке, и многих арабов — до тех пор сомневавшихся — это событие заставило поверить в силу ислама. В это же время Мухаммед упрочил свои личные связи с мединскими арабами, взяв в супруги нескольких женщин из местных племен.

Двое взятых под Бадром пленников оказались поэтами (самым значительным культурным достижением кочевых арабов того периода было устное исполнение эпических повествований о подвигах доблестных воинов — обычно ночью и под музыкальный аккомпанемент). Однако несчастьем этих поэтов было то, что в своих прежних стихах они критически высказывались о деяниях Мухаммеда; один даже говорил, что его собственные притчи не хуже сур Корана. И незадач-

ливых пленников по приказу Мухаммеда казнили. За организацию заговора против пророка суровому наказанию подвергся и один из еврейских кланов — всех мужчин казнили, а женщин и детей продали в рабство. В результате евреи прекратили открытые выступления против ислама, и Мухаммед разрешил им беспрепятственно селиться в Медине.

В 630 году Мекка окончательно капитулировала. Мухаммед с десятью тысячами своих сторонников был торжественно принят в храме Кааба. Единственное, что он сохранил из древнеарабских традиций, — почитание священного черного камня; все остальные языческие идола были уничтожены. И хотя не все жители Мекки сразу приняли ислам, однако к армии мусульман присоединились еще две тысячи добровольцев, и Мухаммед повел их на враждебные кочевые племена, а после победы разделил с ними добычу. Теперь все аравийские племена, объединенные под руководством Мухаммеда, подчинились исламским порядкам; но одновременно это означало, что теперь они лишились возможности грабить друг друга, а потому направили свои жадные взоры на соседние народы и государства.

Уже в 630 году Мухаммед повел тридцатитысячное войско на север, чтобы подчинить себе правителей Эйлата, Адруха и Ярбы на границах Сирии. Он понимал, что выход на север жизненно необходим для укрепления мощи исламского государства, а значит, предстояло неизбежное столкновение с Византийской империей. Закончив победоносный поход и совершив свое последнее паломничество в Мекку, в 632 году Мухаммед скончался.

Что можно сказать о проповедях Мухаммеда? В отличие от Иисуса он не творил никаких чудес. Однако его видение, случившееся в 620 году, в котором он — при поддержке архангела Гавриила — вскочил на священного коня Аль-Бурака и взобрался на Храмовую гору, чтобы встретиться там с Авраамом, Моисеем и Иисусом, а затем сквозь семь небес поднялся до Божьего трона, очень напоминает историю с преображением Христа. Именно этой легендой и объясняется то, что Иерусалим стал священным городом для всех му-

сульман; однако, по-видимому, этот эпизод связан только с личным опытом самого Мухаммеда, поскольку не нашел отражения в Коране.

Скорее всего успех Мухаммеда можно объяснить не сверхъестественной его властью над окружающими, а искусным использованием как духовных, так и материальных запросов большинства арабов в тот конкретный исторический период. Мухаммед сулил райскую жизнь всем воинам, которые погибнут на поле боя, и обильную добычу тем, кто останется в живых. И когда его мощь стала очевидной и значимой, все другие племена сочли для себя выгодным присоединиться к мусульманам; арабы легко воспринимали его беспрекословный монотеизм. Прочный авторитет пророка не просто способствовал прекращению непрерывной межплеменной вражды, но и сплотил всех арабов в единый народ. Как это ранее уже случилось с абиссинцами, персами, византийскими христианами и евреями, ислам стал сугубо национальной религией, возникшей в самом народе, а не импортированной из-за рубежа.

Политическая устойчивость, вызванная появлением ислама, несла определенные преимущества и для других народов: даже для евреев и христиан, народов Книги (т.е. Библии), которые могли получить защиту пророка, выплатив специальный налог. Однако само по себе исламское учение их не очень привлекало. Евреи насмешливо относились к тому, как Мухаммед переделал их собственные предания, а эпизоды с архангелом Гавриилом считали откровенно абсурдными и выдуманными. Вначале Мухаммед велел своим последователям молиться, обратясь лицом к Иерусалиму, но позднее — когда евреи отвергли его послание и он обвинил их в фальсификации священных писаний и сокрытии того факта, что священный камень Кааба воздвигнут самим Авраамом, — повелел мусульманам молиться лицом к Мекке. Для Мухаммеда ислам был восстановленной и очищенной религией Авраама, которую исказили евреи.

Христиане считали невозможным верить таким сомнительным «откровениям», которые столь предвзято и произвольно перекраивали историю. Наибольшее неприятие у них

вызывало упорное заявление Мухаммеда, что Христос вовсе не был сыном Божиим и что богохульством является само предположение, будто Всевышний мог принять человеческий облик. Это не означало его враждебного отношения к личности Христа; наоборот — Мухаммед считал его пророком, наподобие Авраама, Моисея и матери Иисуса, девы Марии. Господь необыкновенно возлюбил сына Марии, а распятие Христа, уверял Мухаммед, было всего лишь иллюзией: Бог не мог допустить для него такой мучительной и постыдной смерти.

Имелись и другие аспекты, в которых взгляды ислама и христианства принципиально расходились. В то время как Иисус проповедовал любовь и ненасилие, Мухаммед призывал укреплять мусульманство с мечом в руках. Если Иисус благословлял кротость и терпение, то Мухаммед превозносил доблесть воинов-победителей. Если Иисус говорил, что его царство не на земле, а на небе, то Мухаммед стремился основать мощную теократическую империю. Иисус призывал сторонников покорно нести свой крест и терпеть страдания, а Мухаммед обещал мусульманам новую добычу, наложниц и рабов. Иисус обещал правоверным рай после жизни на земле, а Мухаммед — процветание в этой жизни и рай в загробном мире.

Но пожалуй, самые резкие расхождения между двумя религиями касаются вопросов половой нравственности. Иисус настойчиво призывал к единобрачию; Мухаммед же разрешал мужчине-мусульманину иметь до четырех жен и неограниченное число наложниц. Если Иисус, отвергая закон Моисея, запрещал развод супругов, то Мухаммед позволял мужчине расторгать брак путем простого объявления. Иисус высоко ценил безбрачие и сам был холост; Мухаммед же, словно насмехаясь над подобной строгостью, имел девять жен и даже наложницу-христианку.

Несомненно, многие из этих браков он заключил из соображений политической выгоды, чтобы укрепить родственные связи с изначально враждебными ему племенами. Тем не менее даже его современников шокировал тот факт, что

одна из жен Мухаммеда позднее вышла замуж за его приемного сына. Другой его супруге, Айше, на которой он женился в пятьдесят три года, к тому моменту было только девять лет. Каждой жене он отвел отдельные апартаменты или комнату, которые располагались по периметру внутреннего двора его дома в Медине; Мухаммед очень гордился тем, что за одну ночь мог удовлетворить всех супругов. Когда одна из них стала упрекать его за связь с египетской пленницей, то архангел Гавриил якобы приказал пророку примерно наказать ее. По мнению Густава фон Грунебаума, «отдельные Божественные предписания, особенно касающиеся подробностей личной жизни Пророка, иногда случайно нарушались... однако Аллах неизменно поддерживал Пророка и запечатывал уста его критикам».

Христианские проповедники умело использовали в своей критике такие эпизоды из жизни Мухаммеда, так же как примеры его отступлений от собственного вероучения, ибо он был убежден, что цель оправдывает средства, если эта цель — окончательная победа ислама. Но вполне очевидно, что современники вовсе не считали его безнравственным, наоборот — признавали поведение пророка образцовым, по крайней мере для общества, в котором он родился и вырос. Ему приписывали величайшую честность, скромность и воздержанность. Под страхом смерти он запретил детоубийство и постоянно проявлял заботу о малообеспеченных и слабых членах общины, особенно вдовах и сиротах. Он разработал систему семейных отношений, укрепил структуру общественной безопасности, которая существенно превосходила ту, что была до него, и превратил кочевые арабские племена в единый народ, который создал огромную империю с мощной цивилизацией.

Выбор нового халифа, наследника пророка Мухаммеда, обсуждался его многочисленными родственниками на семейном совете, в результате чего ислам разделился на две ветви — суннитов, последователей Абу Бакра, отца молодой вдовы Айши, и шиитов, сторонников Али, мужа

дочери Мухаммеда — Фатимы. Поначалу Али и его окружение согласились с избранием Абу Бакра, а после его смерти, последовавшей два года спустя, — с назначением на пост халифа Омара, еще одного тестя Мухаммеда. Именно Омар развернул триумфальную кампанию мусульман по завоеванию новых земель. Первой в 636 году капитулировала византийская Сирия, в том же году — Ирак. В 641 году войска Омара покорили Египет, а в следующем году пала Персия.

Как могло случиться, что две столь мощные и древние империи, как Персия и Византия, не сумели оказать достойного сопротивления исламским захватчикам? В то время обе державы были обескровлены длительными войнами между собой, а Византия, помимо того, непрерывно защищала свои северные границы от обосновавшихся там варварских племен, особенно от аваров. В восточной половине бывшей Римской империи после ее отделения произошли существенные перемены. На смену латинскому языку пришел греческий, а при императоре Юстиниане в VI веке Византия отвоевала большие территории, ранее принадлежавшие Западной Римской империи — Италию, Сицилию и Северную Африку, — у временно оккупировавших эти земли варваров.

Североафриканской провинцией управлял византийский наместник, или экзарх, Иракий, который в 610 году — с помощью обычных для Византии кровавых и вероломных методов — захватил и императорский трон. В первые годы его правления Малая Азия и Палестина были захвачены персами. В 614 году они оккупировали Иерусалим, опираясь на поддержку евреев, которые — в ответ на притеснения и унижения со стороны византийских властей в правление Юстиниана — вместе с захватчиками приняли активное участие в разрушении церквей и домов христиан. А древо Честного Креста, на котором распяли Спасителя, в качестве трофея было переправлено в Персию.

В 626 году даже Константинополь был осажден объединенными войсками персов и аваров. Однако с этого момента — одной из самых низких точек в исторической судьбе Визан-

тии — вера христиан в силу и надежность государства постепенно начала возрождаться; на протяжении VI и VII веков союз церкви и государства настолько укрепился, что фактически произошло их слияние. Во многих территориях империи патриархи, епископы и духовенство обладали всеми полномочиями светской власти, а император, даже не будучи патриархом, часто выступал как глава церкви. В Византийской империи император являлся как бы духовно освященным инструментом Всевышнего, который пользовался им для достижения своих целей на земле путем распространения православной христианской веры.

Столь абсолютная вера поддерживалась как самими правителями, так и их подданными. Исполнение музыкальных литургий и гимнов наряду с живописными изображениями Христа, Девы Марии, апостолов и святых на великолепных иконах будировали религиозный порыв населения, находившегося под властью императора Ираклия, когда языческие орды персов-зороастрийцев и диких аваров стояли у ворот Константинополя. По верху городских укреплений постоянно шли процессии во главе с патриархом, державшим в руках икону Спасителя; и чтобы отвратить от города вражеские стрелы и снаряды, на наружных стенах были нарисованы лики Богородицы с младенцем Христом. В результате осады была отбита и началась ответная кампания — ее вполне можно назвать крестовым походом: византийская армия погнала персидских захватчиков назад — в город Ниневию в Месопотамии, где окончательно разгромила их в 627 году. А в 630 году, в ознаменование полного триумфа, достойного античных императоров, император Ираклий торжественно вернул Честной Крест в Иерусалим.

Но всего через восемь лет после этого важного события Иерусалим был окружен полчищами мусульман. После победы над Персией византийская армия была демобилизована, а те остатки, что удалось собрать для отражения натиска мусульман, потерпели поражение в бою на реке Ярмук. Но была и часть населения, приветствовавшая захватчиков: прежде всего те же евреи, терпевшие жестокие притеснения со

стороны православной церкви и рассчитывавшие на относительно веротерпимость мусульман, а также большинство христиан-монофизитов, отвергавших православное учение о двойственной природе Христа и избиравших собственного патриарха и епископов, — их церковь столь же сильно преследовала за еретические взгляды.

Более того, в обмен на сдачу города халиф обещал сохранить жизнь и имущество всем христианам, а также не разрушать церкви и другие святыни. Следуя заветам пророка Мухаммеда, мусульмане обложили «народ Книги» — так они называли христиан — весьма необременительными податями. Если те соглашались платить налог на имущество — часто он был существенно ниже налагаемого византийскими властями, — то религиозным общинам предоставлялось право совершать свои обряды и жить по своим законам. При этом арабы-мусульмане, естественно, оставались правящей кастой, исправно взимая дань с побежденных; к тому же мусульмане продолжали удерживать крепости на границах своей империи.

По той же причине, что и евреи, арабских захватчиков приветствовали и копты — сторонники монофизитского учения, проживавшие в Египте. Благодаря их поддержке в 646 году была вынуждена капитулировать и грекоговорящая Александрия, являвшаяся византийской метрополией в Средиземноморье и резиденцией православного патриарха. Оттуда арабы двинулись на запад вдоль пустынного североафриканского побережья; добравшись до Гибралтарского пролива, они пересекли его и оказались в Западной Европе, где — приветствуемые как освободители местными евреями — почти полностью вытеснили из Испании вестготов. В 732 году под предводительством Абдеррахмана мусульманские войска пересекли Пиренеи и проникли во Францию. После захвата Бордо и сожжения христианских церквей они направились на север, к Пуатье. Неподалеку от этого городка арабы столкнулись с армией франков во главе с дедом Карла Великого — Карлом Мартеллом, бывшим в то время первым майордомом одного из

монархов династии Меровингов. В кровопролитном сражении арабы потерпели поражение и убрались назад в Испанию.

Не менее уверенно продвигаясь на восток, к 714 году воины ислама достигли Центральной Азии и Северной Индии.

Хотя битва при Пуатье обозначила границу максимального продвижения ислама в Западную Европу, его продвижение в северном и восточном направлениях на этом не остановилось. Укрепив свою военно-морскую базу в Александрии, мусульманский флот предпринял осаду Константинополя — впервые в 669 году, затем между 673 и 677 годами и еще раз в период с 717 по 718 год. И все три раза византийцы с огромным трудом отбивали нападения. В 846 году — менее полувека прошло после коронации Карла Великого папой Львом III — арабский экспедиционный корпус, состоявший из пяти тысяч кавалеристов и десятитысячной пехоты, высадился на побережье Италии в районе Остии, портового города, который издревле обслуживал Рим. Военный гарнизон поспешил покинуть Остию, поэтому оборону пришлось держать главным образом оказавшимся в городе паломникам, среди которых были и англосаксы. Их всех уничтожили при попытке остановить продвижение сарацин — так теперь латиняне называли приверженцев ислама — на Рим. По пути захватчики разграбили церкви Святого Петра на Ватиканском холме и Святого Павла, которые не имели защитных стен, а в это время папа Сергий II вместе с горожанами беспомощно взирал на их приближение со стен замка Аврелия.

Новую базу в Европе сарацины устроили в городе Фраксентум (современный Ла-Гар-Френье) на побережье Прованса, откуда совершали грабительские набеги на альпийские торговые пути и разоряли христианские города на берегу Средиземного моря. Они также захватили город Бари на адриатическом побережье Италии, который стал заморской штаб-квартирой эмирата. В IX веке арабы установили контроль над Сицилией — кульминацией этого события стало взятие Сиракуз в 878 году.

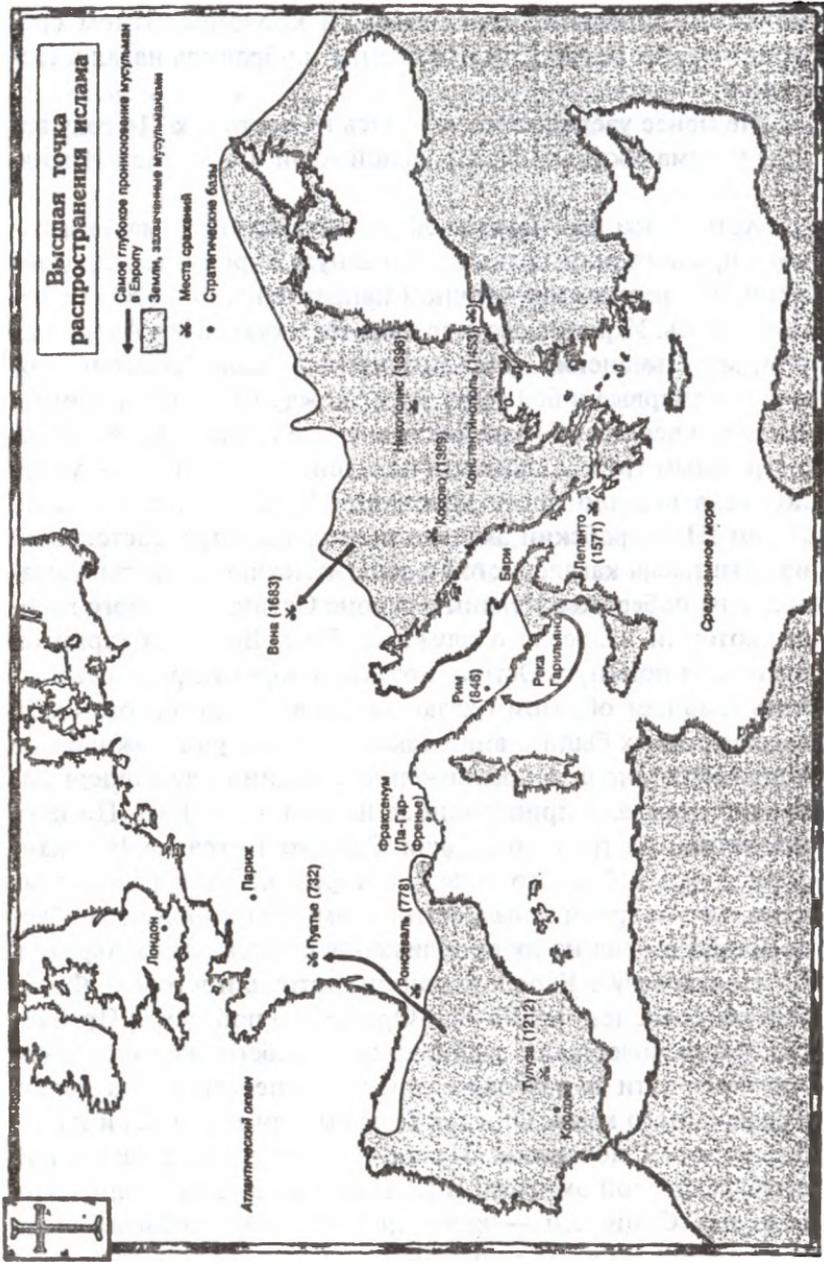
Высшая точка распространения ислама

Самое глубокое проникновение мусульман в Европу

Земли, завоеванные мусульманами

Места сражений

Стратегические базы

К тому времени ислам распался на две основные секты: большинство составили сунниты, а меньшую часть — шииты. А к исходу X века сформировались три арабских халифата, носящих имена своих основателей: Аббасидов — в Багдаде, Фатимидов — в Дамаске и Каире и Омейядов — в Испании (со столицей в Кордове). Таким образом, доминирующая в исламе арабско-бедуинская элита разделилась на несколько ветвей.

Незаметно арабская цивилизация превратилась в цивилизацию мусульманскую, а ее изумительный взлет — произошедший всего за два столетия, с 750 по 950 год, — объясняется умелым привлечением на свою сторону лучших умов всех покоренных народов, подвергнутых интенсивной культурной эксплуатации в самых различных областях человеческой деятельности.

Одной из примечательных особенностей ислама явилась высокая усвояемость арабского языка в культурах завоеванных стран. В таких странах, как Сирия и Палестина, в течение VII века арабский язык постепенно вытеснил греческий в качестве официального и уже в VIII веке стал общеупотребительным. При этом греческим и арамейским пользовались лишь в удаленных северных областях, а ивритом — на южных окраинах. Хотя веротерпимость по отношению к «народу Книги» оставалась базовым принципом исламской политики, это вовсе не означало равенства всех перед законом или одинаковых прав на участие в гражданской жизни общества. Постепенно появились первые признаки более сурового отношения как к христианам, так и к иудеям: например, халиф аль-Мутаваккиль, правивший в 847—851 годах, откровенно неприязненно относился к христианам, заставив их «носить на голове шерстяные повязки... а буде у кого из них имеется раб, он должен нашить на тунику две разноцветные полоски — спереди и сзади». И вообще преследование «неверных» стало более жестким. Гиббон описывает, как в Южной Италии «сарацины занимались изощренным осквернением и грабежами монастырей и церквей» и как захвативший Салерно «мусульманский полководец велел устроить себе спальню прямо в алтаре, где каждую ночь лишал девственности очередную христианскую монахиню».

Пропаганда христианства была строго запрещена, а публичное осуждение Мухаммеда тут же наказывалось смертью, но обычно столь горькая доля выпадала лишь тем, кто осознанно шел на это: например, Петр Капитолийский, отшельник из Трансиордании, в 715 году был насмерть забит камнями за открытую проповедь против ислама; та же судьба постигла в 850 году в испанской Кордове пятьдесят мужчин и женщин, публично провозгласивших превосходство христианской идеи.

Христианским паломникам позволялось посещать Святую землю, и чаще всего эти путешествия для них кончались благополучно. Паломники из Западной Европы обычно добирались пешком через территорию Византии либо на торговых кораблях из Амальфи в Южной Италии. Скооперировавшись, купцы из этого средиземноморского порта построили в Иерусалиме странноприимный дом для нуждающихся в уходе и лечении паломников. Хотя торговля была просто ручейком по сравнению с мощным потоком периода расцвета Римской империи, на рынках Павии в 780-х годах можно было встретить бархат и шелка из стран Востока, а столетие спустя — в разгар экспансии викингов — монах Аббо Флерийский даже обличал тех, кого «развратил блеск восточных нарядов, тирренский пурпур, драгоценные самоцветы и антиохийская кожа».

Иерусалимская церковь Гроба Господня еще оставалась в руках христиан, невольно контрастируя с пустынной площадью на Храмовой горе, где произошло Воскрешение Христово. Однажды халиф Омар пешком вошел в Иерусалим (намеренно посадив слугу на коня) и решил совершить молитву на Храмовой горе, заброшенной с тех самых пор, как Юлиан Отступник последний раз пытался восстановить разрушенный храм, используемый византийцами в качестве мусорной свалки. Однако для мусульман эта гора если и имела сколь-нибудь священное значение, то лишь как «самая удаленная точка» — как сказано в Коране — «ночного путешествия Пророка» (по-арабски — *masjid el-aksa*), а еще оставалась местом, где когда-то стоял храм в честь еврейских пророков. Омар построил на юго-западном склоне горы мечеть аль-Акса, в результате Иерусалим стал — наряду с Меккой и Мединой — одной из трех главных святынь и местом поклонения мусульманских паломников.

Полвека спустя очередной правитель Омейядского халифата по имени Абд-аль-Малик решил возвести на той же горе вторую мечеть — на том самом месте, где Авраам хотел принести в жертву Исаака и где Мухаммед вознесся на небеса. Этот храм, возведенный мусульманами, до сих пор остается исламской святыней и одним из мировых архитектурных чудес. По математическому совершенству его можно сравнить разве что с мавзолеем императора Диоклетиана в Далмации и некоторыми церквями, построенными в VI веке в итальянской Равенне. Внутренняя отделка и украшения — выполненные руками христианских мастеров из Сирии и отличающиеся невероятной пышностью и изяществом — призваны поражать всех посетителей и одновременно демонстрировать иудеям и христианам безусловное превосходство исламской веры. Поскольку пророк категорически запретил изображение всего живого как проявление идолопоклонства, стены и потолок здания покрыты растительными и геометрическими узорами, а также великолепной мозаикой, имитирующей драгоценности византийских императоров и орнаменты, украшавшие христианские иконы.

Эти символы иной религиозной веры — своего рода трофеи, завоеванные победившим исламом. И чтобы каждый из тех, кому довелось там побывать, донес до своих единоплеменников эту идею, на стене храма выгравировано воззвание:

«О, вы, народы Книги, переступите границы своей религии и прислушайтесь к Божьему слову истины. Мессия Иисус, сын Марии, — всего лишь апостол Всевышнего, и Слово Его, переданное Марии, и Дух, исходящий от Него. Поэтому верьте только в Господа и Его апостолов и не поминайте Троицу. Так будет лучше для вас. Нет Бога, кроме Бога. И говорить о сыне недостойно Его славы и величия».

Как пишет Джером Мерфи-О'Коннор, комментируя это обращение в своем бесценном путеводителе по Святой земле, «вряд ли можно более четко сформулировать призыв отказать от веры в Троицу и Божественную природу Христа».

4. Вновь обретенный Храм

Мусульманам так и не удалось установить полную власть над Иберийским полуостровом, поскольку вскоре началось европейское контрнаступление, названное Реконкистой. Вестготские дворяне, некоторое время укрывавшиеся в горах Астурии, объединив усилия с коренными жителями, дали оккупантам отпор, и около 722 года — за десять лет до поражения мусульман от армии Карла Мартелла в битве при Пуатье — их ополчение под руководством Пелайо разбило исламский отряд под Ковадонгой. После того как они изгнали арабов из Галисии, расположенной на северо-западной окраине полуострова, граница между христианскими и мусульманскими землями в Испании пролегла по реке Дуэро.

В результате вооруженного сопротивления вновь обрели независимость горячие и неукротимые баски — это племя жило на крайнем западе Испании, а к концу VIII века франки под предводительством Карла Великого освободили Каталонию и в 801 году взяли ее столицу — Барселону. Однако основные территориальные приобретения западного христианства в IX и X веках были связаны с покорением и крещением языческих племен в Северной и Восточной Европе — аваров, венедов, славян. Православная Византийская империя также заметно расширила свое влияние благодаря серии успешных военных операций и грамотной политике. Хотя открытого противостояния православной и католической церковью еще не было, однако между ними уже велась подспудная борьба за обращение в христианство и влияние на языческих монархов. Киевская Русь, а вместе с ней Болгария и Сербия перешли под руку константинопольского патриарха; в то же время Польша и Венгрия, принявшие католичество, стали на сторону папы римского.

Несмотря на активную миссионерскую деятельность в IX веке католических священников Анскара и Рембера, христианство вплоть до X века не могло укорениться в Скандинавии. И все же в конце концов удалось крестить и воинственных викингов, чьи пиратские набеги сильно тревожили соседние христианские государства, особенно кельтов. Первым из сканди-

навских вождей принял католичество некий Роллон, который в 918 году с группой последователей основал новую христианскую колонию в долине, расположенной в низовьях Сены, на что предварительно заручился согласием французского короля. Видимо, из-за происхождения их стали называть «людьми с севера», или, по-французски, норманнами.

Исламская угроза всегда оставалась главной заботой христианских лидеров, однако их военные усилия в заметной степени ослаблялись взаимными междоусобицами. В правление Меровингов в Галлии разгорелась такая свирепая и кровавая вражда между дворянами, что их стычки «больше напоминали схватки диких зверей», а государство было не в силах утвердить даже элементарный общественный порядок. Чтобы обеспечить безопасность себе и своей семье, человеку ничего не оставалось, как заручиться протекцией одного из могущественных соседей, но за это приходилось расплачиваться ответными услугами — обычно в качестве члена военной дружины участвовать в многочисленных стычках с его врагами. Это был единственный способ отстоять от посягательств собственную землю, что было жизненно важно, учитывая практически полный развал торговли и насквозь продажную систему государственного управления. Называлась такая система личной зависимости «вассалитет»: вассал получал от сеньора (или церковного иерарха) земельное владение, за что должен был нести ряд повинностей. Договор скреплялся торжественной клятвой, а заключивший его приобретал «желанный статус и обязанность честно исполнять свой долг перед сеньором везде, где это понадобится».

Такая феодальная система представляла собой пирамиду, объединяющую все западноевропейское общество. Однако на деле за самый верхний этаж этой пирамиды постоянно велись ожесточенные споры между папами и императорами; их личные отношения имели очень большое значение, так же как отношения между королями и баронами. Наиболее активные связи обычно существовали между великими герцогами, графами и принцами — потомками вассалов государей династии Каролингов, — чьи территориальные владения были достаточ-

но велики и позволяли обеспечить земельными наделами своих вассалов, а значит, сохранить независимость своих государств. В свою очередь, вассалам подчинялись менее знатные и обеспеченные рыцари, чье личное имущество порой состояло из лошади, копья, меча и щита; однако сама принадлежность к армии Каролингов гарантировала этим рыцарям место в социальной элите. Если не на практике, то теоретически выбор вассальной зависимости был делом добровольным; но как бы ни был беден тот или иной рыцарь и сколь низким ни было его происхождение, перед законом он оставался свободным человеком и мог отстаивать свои права в общественном суде.

Некоторые вассалы целиком зависели от своего сеньора, даже в том, что касалось вооружения и обеспечения лошадьми. Другие же, хотя тоже получали определенные наделы в виде дара от своего господина, имели и собственные земельные владения или распоряжались церковной и монастырской собственностью. И хотя такой землевладелец мог проявлять лояльность в отношении господина, чьим «человеком» он являлся, и считал делом чести поддерживать сеньора в междоусобицах, его обязательства не были столь безоговорочными, а зависели от обстоятельств и действующих законов. Например, срок обязательной военной службы не превышал сорока дней. Его вассальный договор мог быть аннулирован, если другая сторона не выполняла своих обязательств; рыцари часто поступали на службу к тем магнатам, которые могли обеспечить их лошадьми или жалованьем. Связь между сеньором и вассалом необязательно передавалась по наследству, хотя подобная тенденция была довольно устойчива; браки между членами семей рыцарей и сеньоров создавали условия для «кумовства», что укрепляло преданность вассалов своим хозяевам.

Всеобщее насилие тоже было отличительной чертой Восточной Римской империи и всего исламского халифата — почти при каждой смене правителя вспыхивала гражданская война. Однако и византийский император, и халиф могли взять в свои руки все рычаги управления достаточно однородными и сплоченными государствами. А вот в Западной

Римской империи после Карла Великого единолично никому этого сделать уже не удавалось.

Это обстоятельство имело тяжелые последствия для Ватикана, который в связи с распадом империи Карла Великого и раздорами между его наследниками «остался беззащитным в гадючнике итальянских политиков». Последним по настоящему властным римским папой был Николай I (858—867 гг.). В течение целого столетия после его смерти «пост» наследника святого Петра являлся своего рода подарком влиятельных римских семейств, например из рода Теофилактов, за верную службу, который делали по своему выбору. В 882 году папа Иоанн VIII стал первым ватиканским владыкой, погибшим от рук убийц — его забили до смерти в собственных покоех. Стефан VI — одиозная личность — начал с того, что вырыл из могилы полуистлевший труп своего предшественника Формоза I и, обрядив его в папские одежды, посадил на трон, чтобы иметь возможность публично обвинить того в вероломстве и злоупотреблении властью. После окончания обличительной речи святой отец, отлучивший Формоза от церкви, ударом ноги свалил труп бывшего папы с престола. По приговору синода тому отрубили три пальца на правой руке, которыми он при жизни благословлял паству, а тело кинули в Тибр. Вскоре после этого сторонники Формоза, сместив Стефана, бросили его в каземат, где и задушили.

Личное бесправие и безвластие большинства пап этого периода вовсе не значило, что все они были невежественны и некомпетентны в вопросах управления церковью. Иоанн X, посаженный на трон могучим семейством Теофилактов, сколотил коалицию итальянских государств против сарацин, которые уже 60 лет нападали на исконно римские земли. После трехмесячной осады посланные папой Иоанном войска заняли приморскую базу мусульман в устье реки Гарильяно на юге Италии, откуда те совершали постоянные набеги. Двое других пап (Лев VI и Агапий II), взошедшие на престол при поддержке римского деспота Альбериха II (из того же семейства Теофилактов), проявили себя честными и последовательными реформаторами. Даже Иоанн XI, незаконно-рожденный сын Марозии Теофилакт, провел весьма важные

реформы в устройстве католической церкви, которые особенно уместно вспомнить в связи с тамплиерами: он взял под прямое покровительство монашескую общину бенедиктинцев из аббатства Клюни в Бургундии.

Клюни основал в 910 году герцог Аквитанский, Гильом Благочестивый, чтобы искупить грехи молодости и заручиться спасением души. Возглавить строительство и обустройство нового монастыря он предложил преподобному Бернону, родом из знатной бургундской семьи, который до того возглавлял аббатство Боме. Вместе с Берноном герцог выбрал для закладки монастыря живописное холмистое место на западном берегу Соны.

Еще за столетие до этого бенедиктинские монастыри заметно пришли в упадок. Щедрое пожертвования, которые они исправно получали на протяжении многих лет, поставили монастыри в зависимость от прихотей наследников их прежних благодетелей. Теперь уже младшие сыновья знати, по традиции избиравшие духовную карьеру, навязывались религиозным общинам в качестве приоров и аббатов, хотя и не проявляли особого религиозного рвения и не заботились об укреплении монашеских общин. При поддержке феодалов в монастырскую казну жадные руки запускали и местные епископы, которым не хватало средств для вознаграждения своих приспешников.

Чтобы обеспечить в дальнейшем независимые выборы аббата, Гильом Благочестивый добился перехода монастыря Клюни под прямую юрисдикцию папы римского и проведения настоятелем Берноном важных внутренних реформ, направленных на то, чтобы приостановить порочную практику и вернуться к монастырскому уставу, который когда-то разработал Бенедикт Нурсийский. Работа закипела, и монастырь стал быстро крепнуть и разрастаться. Одон, наследник Бернона на посту настоятеля Клюни, обратился с петицией к распутному папе Иоанну XI с просьбой взять под руку римского понтифика еще один монастырь — в Деоле. Новый аббат — происходивший, как и его предшественник, из знатного дворянского рода — ввел традицию, согласно которой монахами в Клюни становились люди аристократического происхождения — но неподдельно смиренные; проницатель-

ные — но чрезвычайно набожные; образованные — но простые в общении, всегда приветливые и с чувством юмора.

Благородное происхождение самого Одона позволяло ему легко находить общий язык с церковными иерархами и князьями, а те, в свою очередь, часто обращались к нему за советом и поддержкой. Папа Лев VII пригласил Одона в Рим, где тот сумел не только примирить враждовавших Альбериха II и итальянского короля Гуго, но и стать инициатором изменений уклада всех католических монастырей в Риме и папских владениях, среди них в первом аббатстве Бенедикта Нурсийского. В дальнейшем аббатством Клуни управляли такие одаренные, праведные и к тому же отличавшиеся завидным долголетием настоятели, как Эймар, Майоль, Одилон, Гюг, Понс и Петр Достопочтенный, чье суммарное правление составило 211 лет! Как и Одон, они неизменно были приближенными и советниками императоров, королей, герцогов и римских пап. А в 972 году преподобный аббат Майоль Клунийский, проезжая через Альпы, был захвачен в плен сарацинами, совершавшими очередной бандитский набег со своей территории в прованском Фраксентуме. Позднее его выкупили, однако это скандальное происшествие привело к тому, что вскоре и последние мусульмане были изгнаны из Франции.

В течение столетия после основания монастыря критерием влияния Клуни является тот факт, что из шести римских пап, бывших монахами в 1073—1119 годах, трое — из Клуни; однако из болота коррупции римских пап вырвали не реформаторские устремления клунийских бенедиктинцев, а вторжение германских императоров. После смерти Карла Великого возобладали германские племенные традиции, согласно которым наследие монарха — ранее единая Римская империя — делилось между его сыновьями. В результате империя была поделена на три части: Францию — на западе, Германию — на востоке и на длинную полосу земли между ними — от Фландрии до Рима, названную Лотарингией (по имени Лотаря, одного из трех законных наследников).

Столетие после смерти Карла Великого Европа пережила крайний упадок порядка и цивилизации, но это продол-

жалось лишь до тех пор, пока к власти в Германии не пришла саксонская знать, а папа Лев III не выдвинул идею о возрождении Римской империи в новом варианте — в нее вошли Германия и Северная и Средняя Италия (с Римом) — под властью германского владыки. Эта «Священная Римская империя» стала грандиозным детищем герцога саксонского Оттона I, или Оттона Великого, который сначала покорил венгров, а в 951 году, перейдя через Альпы, заявил свои права на Италию. После коронации, свершившейся в Павии, итальянский монарх приблизился к вратам Рима. Пообещав уважать права и свободы римских граждан и защищать Ватиканский престол, Оттон взойдя на алтарь церкви Святого Иоанна Златоуста Латеранского вместе с новоиспеченной королевой Адельгейдой — и молодой, весьма развращенный — папа Иоанн XII провозгласил его императором.

Возрождение Римской империи было не просто важным политическим событием или значительным историческим эпизодом. В этот момент Западная Европа подошла к осознанию своего культурно-религиозного единства, которого не было ни до, ни после. И хотя по-прежнему каждый отдельный человек подчинялся своему хозяину-феодалу, однако это уже был не просто англичанин, француз или немец, а христианин, чью всеобщую веру защищала не только церковь, но и государство. Первой заповедью христианства была любовь — любовь даже к тем, кто раньше вызывал подозрение, предубеждение и неприятие по причине расовых и национальных различий. Именно такие отношения формировало новое религиозное мировоззрение среди единоверцев, населявших Священную империю, в которой термины «христианин» и «римлянин» стали равнозначными. В ее пределах не могло быть сугубо национальных церквей, поскольку не было границ между населявшими ее народами: если человек, живший в Средние века и стоявший вне политики, проникался идеей христианской общности, то вполне мог сказать, что живет в государстве-вселенной.

К сожалению, реальное сотрудничество папы с императором, от которого зависела прочность единой системы правления, было весьма неустойчиво: хотя клонийские реформаторы

прилагали усилия для укрепления церковного авторитета, их намерение высвободить духовенство из-под прессы светской власти наталкивалось на упорное сопротивление императоров. Осложнял ситуацию и тот факт, что римские понтифики одновременно осуществляли светское правление над Папской областью, крепко держась за это право. Юридическим основанием их притязаний на владение довольно большой территорией в Центральной Италии считался «Константинов дар»: благодарный папе Сильвестру I, излечившему его от проказы, император передал Рим и ближайшие к нему земли преемникам святого Петра на Ватиканском троне. На самом деле этот поддельный документ всплыл в середине VIII века, когда франкский король Пипин Короткий (отец Карла Великого), спасший папу Стефана II от нашествия ломбардцев, подтвердил «Константинов дар» собственной дарственной. Вопреки сомнительной легитимности подобного указа под давлением победителей статус Папской области во главе с католическим иерархом был утвержден. Однако это вызвало резкий протест византийских императоров, которые, как мы уже знаем, к тому времени освободили в Италии от варваров крупные территории, управление которыми осуществлялось ими из Равенны. В свою очередь, их права оспаривались западноевропейскими императорами, считавшими себя законными наследниками цезарей и, соответственно, претендовавшими на все земли, когда-то входившие в состав Римской империи.

На фоне непрекращающихся распрей между восточными и западными императорами политика римских пап всегда базировалась на поддержании неустойчивого равновесия противоборствующих сил, что максимально обеспечивало их собственные интересы.

Однако суверенитет Папской области был не единственным источником конфликтов между римскими папами и германскими императорами. Еще больше проблем было связано с правлением крупных землевладельцев-феодалов, которые в своих владениях присваивали себе право назначения на церковные должности. Теоретически аббат избирался монашеской общиной, а епископ — представителями духовенства своего прихода; но, как мы видели на примере Мартина Турского, его

собственные выборы нередко опротестовывались. Проблема заключалась не только в религиозно-духовных качествах кандидата, но — что более важно — в его политической лояльности и ориентации. На заре христианства в Римской империи епископы нередко преследовались. Постепенно, благодаря щедрым земельным пожертвованиям, некоторые из них превратились в крупных землевладельцев с целой армией вооруженных вассалов под своей командой. Особенно много таких мощных княжеств под управлением католических епископов было в Германии — со столицами в Кельне, Мюнстере, Майнце, Вюрцбурге и Зальцбурге. Неудивительно, что преданность этих обладателей епископского посоха имела большое значение для императоров «Священной Римской империи» и для немецких магнатов вообще; но, чтобы на законных основаниях размахивать таким посохом, епископ сначала должен был получить из рук папы римского белую мантию с крестами, которую полагалось носить на плечах...

Растущие расхождения между папами и императорами переросли в открытое столкновение во время пребывания на Ватиканском троне Гильдебранда — выходца из скромной тосканской семьи, который до единогласного его избрания в 1073 году был главным советником у четырех своих предшественников и отличался большой независимостью суждений. При избрании новый верховный понтифик получил имя Григорий — в память Григория Великого. Как и его прославленный предшественник, Григорий VII был исключительно образованной личностью и обладал огромным опытом управления церковными делами. Он энергично проводил в жизнь кардинальные реформы, включая запреты на симонию (продажу и куплю церковных должностей), браки католических священников и рукоположение епископов светскими властями. Именно последний указ явился яблоком раздора между Григорием и императором Генрихом IV. Император даже собрал специальный синод, на котором призвал германских епископов сместить Григория с папского трона. В ответ на фактическое объявление войны Григорий отлучил Генриха и его сообщников от церкви и, основываясь на своем праве короновать и низлагать, лишил его престола: «полученной от Бога властью освобождаю

всех христиан от клятвы верности, которую они дали или дадут ему, и запрещаю всем служить ему как королю».

Столь решительное отлучение от трона и церкви заставило императора добиваться встречи с Григорием, которая наконец состоялась в феврале 1077 года в замке Каносса на севере Италии, где Генрих, испрашивая прощение и выражая раскаяние, три дня простоял босиком на снегу у входа в замок. Однако унижительное «стояние в Каноссе» не погасило этот конфликт — частично из-за бескомпромиссности Григория, которая отчетливо проявлялась на протяжении всего периода его правления. В 1084 году войска Генриха IV в очередной раз захватили Рим, и папа спасся только чудом — благодаря помощи, неожиданно пришедшей с юга, из Норманнского королевства на Сицилии.

«Создание норманнами Неаполитанско-сицилийского королевства, — писал Гиббон, — является весьма примечательным событием, последствия которого сказались не только на дальнейшей истории Италии, но и Восточной империи». Всего через два поколения после того, как викинги во главе с Роллоном обосновались в Северной Франции, франкоговорящие христиане-норманны превратились в мощную европейскую силу. А в 1066 году Вильгельм, прапраправнук Роллона, разгромил войска английского короля Гарольда в битве при Гастингсе, утвердив свои права на английский престол.

В отличие от покорения Англии вторжение норманнов в Южную Италию было личной инициативой, зародившейся в церкви Михаила Архангела, расположенной в Монте-Каргано (провинция Апулия), на «шпоре» итальянского «сапога». Именно здесь в начале XI века группа паломников из Нормандии встретилась с греком, изгнанным из соседнего города Бари, захваченного византийскими войсками. История этого изгоя «тронула сердца» норманнов, и, вернувшись на родину, они собрали целую армию головорезов, которые под видом обычных пилигримов пересекли Альпы и оказались в Италии. И хотя первый штурм Бари оказался безуспешным, отряд норманнских наемников превратился в грозную силу, которая пользовалась большим спросом у соперничающих сторон на Апеннинском полуострове. Благодаря храбрости,

энергии, жестокости и отличным воинским навыкам они одерживали одну победу за другой, несмотря на огромное численное превосходство противников: над ломбардскими войсками — под Неаполем, Салерно и Беневенто — и над регулярной византийской армией.

Суровым и закаленным северянам эти плодородные земли, находившиеся во власти «изнеженных тиранов», представлялись весьма заманчивой добычей. И всего за несколько десятилетий норманны утвердили свое господство над Южной Италией, за исключением отдельных прибрежных поселений, оставшихся в руках Византии. Выступая на первых порах в качестве союзников византийского императора по изгнанию мусульман из Сицилии (эти попытки без особого успеха продолжались более двух столетий), норманны в конце концов решились эту проблему самостоятельно. Возглавлял эту борьбу многочисленный, но незнатный норманнский род Хойтевиллов. В 1060 году их вождь Роджер Гвискар захватил прибрежные сицилийские города Реджо и Мессину, а через тридцать лет непрерывных войн с мусульманами норманны заняли весь остров. К тому времени его брат Роберт овладел крупными прибрежными городами в материковой Италии — Бари и Салерно.

Вначале известие о возникновении новых норманнских государств на юге Италии сильно встревожило римских первосвященников, и в 1053 году папа Лев IX даже выступил против них со своей армией, которая, однако, была разгромлена в сражении при Чивитате. Сам Лев попал в плен, но норманны обращались с ним весьма уважительно, поскольку именно от него зависело их законное утверждение на престоле и желанная коронация. Сообразив, что новые монархи могут помочь ему в борьбе с неукротимыми германскими императорами, римские понтифики изменили свою политическую линию. Папа Николай II — по совету уже известного нам Гильдебранда, будущего папы Григория VII, — благословил два новых норманнских королевства — Апулии и Сицилии — в обмен на признание его сюзеренитета (верховенства) и обязательство оказывать военную поддержку Ватикану. И опять по совету Гильдебранда папа Александр II вручил норманнским и французским рыцарям, сражавшимся

с мусульманами за Сицилию, специальные штандарты и индульгенции с отпущением всех грехов. Эта расчетливая политика принесла свои плоды, когда норманны во главе с Робертом Гвискарсом вырвали Гильдебранда из рук его жестокого врага, германского императора Генриха IV. Однако сами норманны вызывали у римского населения столь сильное неприятие, что папа был вынужден покинуть Рим и перебраться сначала в Монте-Кассино, а затем в Салерно, где и скончался. В предсмертной записке он утверждал, что предпочел закончить свои дни в изгнании лишь по причине «безмерной любви к справедливости и ненависти к беззаконию».

Провозглашенный Григорием VII приоритет папской власти не только над духовенством, но и светскими правителями укрепил среди западноевропейских католиков чувство ответственности за судьбы всего христианства. Одной из его самых желанных, но неосуществленных идей была организация военного похода против мусульман под эгидой Ватикана. Угольки исламской угрозы продолжали тлеть у самых границ Рима, и папы не могли равнодушно смотреть, как Византия борется с мусульманами на «восточном фронте». Помимо прочего, в основе этой идеи лежало извечное соперничество Рима с византийской Грецией. И дело было даже не в том, что византийские императоры подчас намеренно попустительствовали врагам, которые досаждали католикам; сами папы часто действовали с неменьшим вероломством. Но греков считали предателями христианства, погрязшими в разврате и духовном разложении, охватившем весь восточный мир. Византийские императоры использовали евнухов не только как охранников своих жен, но и как важных государственных и церковных служащих — для них были закрыты лишь четыре области управления, — поэтому многие честолюбивые родители с готовностью кастрировали своих юных сыновей как само собой разумеющееся. Итальянский епископ Лиупранд Кремонский, которого император Оттон I направил с дипломатической миссией в Константинополь, писал, что это «город, заполненный ложью, вероломством, мошенничеством и жадностью, пропитанный алчностью и тщеславием». Однако в любых суждениях по поводу столицы Ви-

зангии, исходящих от западноевропейцев, несомненно, всегда можно обнаружить явное чувство досады по поводу византийского высокомерия и самодовольства, а кроме того — зависти к метрополии, которая намного превосходила Рим по размерам и роскоши, которую еще никогда не грабили варварские орды и которая, несмотря на довольно суровую политику властей, представляла собой глубоко религиозное общество, где высоко ценились интеллектуальные способности, а необразованность среди представителей как среднего, так и высшего сословий всячески порицалась.

Иными словами, Византийская империя, несмотря на постоянное влияние восточной культуры, сохранила намного больше могущества, присущего единой Римской империи античных времен, чем ее западная часть. Там сохранилась система платной гражданской службы и дисциплинированная профессиональная армия. В отличие от западноевропейских войск, состоящих из разрозненных и часто неуправляемых индивидуумов, собираемых от случая к случаю и на ограниченный период, регулярные вооруженные силы Византии были обучены выполнению сложных маневров по команде опытных полководцев, искушенных в военной тактике и стратегии. Самое процветающее в мире государство к тому моменту имело и самую сильную армию.

Глубокая пропасть, образовавшаяся между западной и восточной ветвями христианства по вопросу, кому из патриарших престолов принадлежит заслуженное первенство и религиозный вассалитет недавно обращенных народов, таких как болгары, остается до сего дня. Помимо этого, накопилось много принципиальных разногласий по конкретному толкованию христианского вероучения — и не только по вопросу о знаменитой филиокве*, в сути которой, пожалуй, разбирались лишь наиболее эрудированные богословы, но, что более важно с практи-

* Позднее добавление к христианскому символу веры. Согласно изначально утвержденному символу веры (IV в.), Святой Дух исходит только от Бога-Отца. Добавление же заключалось в утверждении, что Святой Дух исходит от Бога-Отца и от Бога-Сына. Православная церковь не приняла это добавление, что явилось одним из формальных предлогов к разделению в 1054 г. христианской церкви на западную и восточную ветви. — *Примеч. пер.*

ческой точки зрения, относительно почитания изображений Христа и святых. В VIII веке восточные императоры неожиданно приняли позицию мусульман, согласно которой поклонение иконам сродни идолопоклонству и посему должно быть запрещено. Вспыхнувшие в результате разногласия на целое столетие погрузили Византию в иконоборческую лихорадку, сопряженную с жестоким насилием и взаимными обвинениями двух христианских церквей в ереси. Римские папы жестко осудили восточных иконоборцев; если бы тем удалось добиться своего, то в самом зародыше было бы уничтожено изобразительное искусство — одно из самых ярких проявлений западной цивилизации — и не было бы ни Фра Анжелико, ни Рафаэля, ни Леонардо да Винчи. Новый конфликт резко обострил и без того напряженные отношения между двумя церквями. Критической точкой стал 1054 год, когда католический и православный патриархи, обменявшись проклятиями, отлучили друг друга от церкви.

Однако практически с самого начала военно-политического противоборства Византии с исламом у латинян не было сомнений, что они должны поддержать братьев-христиан на Востоке. В результате первой волны мусульманских завоеваний граница между Византийской империей и Абассидским халифатом со столицей в Багдаде пролегла по Таврским горам — севернее Антиохии, в южной оконечности Малой Азии. В начале X века имперские войска под командованием двух армянских полководцев начали кампанию по изгнанию арабов с захваченных территорий. В результате ими были освобождены Кипр и Северная Сирия, включая город Алеппо. Хотя Иерусалим по-прежнему оставался в руках египетских халифов из рода Фатимидов, византийцам удалось вернуть себе значительно более крупный город, Антиохию — резиденцию православного патриарха. К 1025 году Византийская империя простиралась от Мессинского пролива и северной Адриатики на западе до реки Дунай и Крымского полуострова на севере и городов Мелитина и Эдесса за рекой Евфрат — на востоке.

Однако достигнутое Константинополем военное превосходство не было достаточно подкреплено изнутри. Резкий

рост земельных владений крупных имперских магнатов сопровождался одновременным обнищанием класса мелких землевладельцев в провинции Анатолия (современная Турция), которая издревле поставляла воинов для византийской армии, и неизбежным увеличением доли наемников. Тем временем с Востока на империю накатила вторая мощная волна исламской экспансии в лице турок-сельджуков.

Долгое время кочевое племя сельджуков промышляло грабежами и разбоями в центральноазиатских степях, а в X веке они оккупировали территорию Багдадского халифата и приняли ислам, провозгласив себя вождями мусульман-суннитов. Последовавшая за этим новая эмиграция родственных племен из Туркмении, чьи интересы удачно смешались с религиозным фанатизмом и любовью арабов к грабежам, еще больше обострила хищнические инстинкты мусульман, которые снова направили свои взоры на восточные окраины Византии.

В 1071 году войско сельджукского султана Алп-Арслана (Храброго Льва) около озера Ван столкнулось при Манцикерте с огромной византийской армией под началом императора Романа IV Диогена, состоявшей преимущественно из наемников. Несмотря на численное превосходство, византийцы потерпели поражение, а сам император был взят турками в плен. После этого уже ничто не могло остановить вторжение сельджуков в Малую Азию, и в 1081 году они захватили Никею, находившуюся всего в 150 километрах от Константинополя, и сделали ее столицей новой провинции, которую глумливо назвали Римским султанатом.

Силы Византии были ослаблены, поскольку приходилось воевать сразу на два фронта. В том же году, когда состоялась битва при Манцикерте, город Бари, их последний оплот в Италии, пал под ударами норманнов из Сицилии. После победы сицилийский король перебрался с войском на другой берег Адриатического моря, захватил византийский порт Дуррес, собираясь двинуться на Фессалоники (Северная Греция). У византийцев уже не оставалось сил, чтобы его остановить. Их головной болью оставалась Малая Азия, удерживаемая

турками-сельджуками, на это постоянно отвлекалась половина их сил. Некогда огромная и могучая, Восточная Римская империя сжалась до размеров маленькой Греции, оказавшись под угрозой полного уничтожения. И в этот критический момент византийцам пришла в голову удачная мысль — посадить на трон своего талантливого полководца Алексея Комнина. Им помогло само провидение — как раз в это время скончались предводитель норманнов Роберт Гвискар и султан Алп-Арслан. И все-таки империи по-прежнему угрожала опасность, и Алексей обратился за помощью к братьям-христианам на Западе.

Первым, с кем он вступил в контакт, был граф Роберт Фландрский, который в 1085 году направил в Константинополь небольшой отряд рыцарей. Вероятно, именно Роберт и подсказал Алексею, что в Западной Европе теперь власть фактически сосредоточилась в руках папы римского, а не императора. И весной 1095 года на церковный Собор в Пьяченце (Северная Италия) прибыла представительная делегация из Византии.

Председествовавший на Соборе папа Урбан II до вступления на трон носил имя Одон Лажерийский и происходил из рода мелкопоместных бургундских дворян, живших в городке Шатильон-на-Марне. Таким образом, он рос и воспитывался в тех же местах, что и главные идеологи клюнийских реформ, а потому достаточно глубоко проникся их взглядами. Обучался богословию он в кафедральном училище города Реймса, у преподобного Бруно, который в 1084 году основал монастырь неподалеку от Гренобля в альпийском местечке Шартре (*лат.* Cartasia; отсюда и произошло название ордена картезианцев). Там же в Реймсе Одон Лажерийский был рукоположен в священники и дошел по служебной лестнице до настоятеля собора, но в 1070 году неожиданно покинул этот пост, постригся в монахи и стал служить в Клюнийском аббатстве. Некоторое время он служил приором под началом аббата Гуго, но был отозван в Рим, где Гильдебранд, будущий папа Григорий VII, назначил его кардиналом-епископом Остии. В 1088 году его избрали папой под именем Урбана II.

Будучи весьма учтивым, доброжелательным и прекрасно воспитанным человеком, он снискал не меньшее уважение, чем его предшественник Григорий VII, но в тех сложных политических обстоятельствах проявил намного больше изобретательности в укреплении папского авторитета. Очередной шаг к примирению с Византией он сделал в 1089 году на Соборе в Мельфи, где провозгласил запрет на отлучение императора Алексея от церкви, за что был вознагражден аналогичными ответными действиями Константинополя. Достижение этого соглашения подвигло Алексея на то, чтобы обратиться к латинской церкви за прямой помощью. Направленный им посол выступил на Соборе в Пьяченце, где католические иерархи внимательно выслушали его яркие описания страданий и притеснений их восточных братьев-христиан. По завершении Собора епископы разъехались по своим приходам с твердым осознанием смертельной угрозы со стороны «неверных», а сам Урбан отправился во Францию — теперь он отчетливо понимал свою огромную ответственность как наместника святого Петра за судьбу всей христианской церкви.

Переpravившись через Альпы, Урбан II вначале посетил Валанс на реке Рона, затем город Ле-Пюи, где встретился с другим известным прелатом — епископом Адемаром Монтейльским. Адемар, за несколько лет до этой встречи побывавший в качестве богомольца в Иерусалиме, поделился своими впечатлениями. После Ле-Пюи папа Урбан призвал всех католических епископов прибыть на церковный Собор в Клермоне в ноябре того же года. Затем он побывал на юге Франции, в Нарбонне, расположенном всего в полутора сотнях километров от Пиренейских гор, по другую сторону которых находились мусульманские владения. Провансом в то время правил опытный борец с испанскими сарацинами Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузский и маркиз Прованский. Далее Урбан проехал вдоль средиземноморского побережья до города Сен-Жиль, расположенного в дельте Роны, потом вдоль реки на север, а в октябре добрался до Лиона. Оттуда он направился в Клуни, где когда-то сам был приором и где

освятил алтарь главного собора, который долгие годы оставался крупнейшим в Западной Европе. Из Клуни он продолжил свой путь на север, в Совиньи, чтобы поклониться могиле аббата Майоля, который в прошлом веке был похищен сарацинами при пересечении Альп, а потом отказался от папской тиары, заслужив славу самого набожного настоятеля клунийского монастыря.

О чем же думал папа Урбан, молясь у саркофага преподобного Майоля? Несомненно, он осознавал необходимость действительной помощи Византийской империи в ее борьбе с турками-сельджуками, но одновременно на него давили интересы католической церкви — надо было добиться свободного доступа богомольцев к Святой земле. Уже в течение многих веков паломничество было неотъемлемой частью праведной жизни многих христиан. Каждый год многие тысячи странников пересекали Европу, направляясь к почитаемым святыням: часовне Михаила Архангела в Южной Италии, больше всего привлекавшей христиан-норманнов; мощам апостола Иакова в Компостеле (Северо-Западная Испания); в бургундский монастырь, где хранились реликвии, связанные с жизнью Марии Магdalины, и в то же аббатство Клуни. Или же добирались до Рима, чтобы помолиться на могилах апостолов Петра и Павла (как уже говорилось, в IX веке сарацинские бандиты зверски вырезали большую группу англосаксонских пилигримов, направлявшихся с этой целью в Ватикан).

Однако высшей мечтой всех христианских паломников была Святая земля — благословенные места, где ступала нога Спасителя, где стоял его дом в Назарете, где была колыбель в Вифлееме, а главное — где свершилось его посмертное Воскресение, церковь Святого Гроба Господня в Иерусалиме. Такие путешествия были неизменно сопряжены с большими опасностями и расходами. Самый доступный путь в Палестину пролегал через море; туда отправлялись на купеческих кораблях из порта Амальфи на юге Италии, однако и здесь паломникам угрожали кораблекрушения или нападения пиратов. Сухопутный маршрут стал намного легче после того, как в начале XI века Венгрия приняла христианство. Вплоть до вторжения турок-сельджуков 2000-километровый

путь по территории Византийской империи — от Белграда до Антиохии — был сравнительно безопасен, но дальнейший проход через исламскую Сирию уже таил большую угрозу и требовал выплаты обременительной пошлины.

Но подобные трудности не могли остановить паломников, которые все препятствия и страдания на своем пути воспринимали как должное. Для многих паломничество было своего рода мученичеством, с помощью которого они надеялись спасти душу. Нередко паломничество к святым местам служило церковным покаянием за большие прегрешения. Великие грешники должны были оставлять на некоторое время свое отечество и вести скитальческую жизнь. Самыми знаменитыми паломниками первой половины XI века считают Фулько Анжуйского, по прозвищу Черный, и Роберта Нормандского, прозванного Дьяволом, — отца Вильгельма Завоевателя. Фулько, обвиненный в нескольких убийствах, в том числе жены, три раза путешествовал в Святую землю, доказав свою глубокую набожность и раскаяние, и умер в Меце в 1040 году по возвращении с богомолья. Роберт Нормандский, виновный, по преданию, в том, что повелел отравить своего брата Ричарда, также отправился вымаливать прощение Спасителя у его Святого Гроба; по прибытии в Иерусалим он встретил у городских ворот толпу бедных странников, стоявших в ожидании милости какого-нибудь богатого господина, который открыл бы им доступ в священный город, и заплатил за каждого из них по золотой монете. Роберт умер в византийской Никее, сожалея, что ему не удалось кончить свой жизненный путь при Гробе Господнем.

Такое покаянное паломничество всемерно одобрялось церковью и проходило под ее покровительством. Монахи в Клуни вообще расценивали путешествие на богомолье в Иерусалим как высший момент в духовной жизни любого человека и освобождение от пут, которыми тот связан с суетным миром, а Святую землю с Иерусалимом считали преддверием загробной жизни. Точно так же как мусульмане стремились по крайней мере раз в жизни совершить хадж в Мекку, многие набожные христиане мечтали хоть единожды коснуться ладонью Святой Гробницы. По сути, тот размах,

который в XI веке приняло христианское паломничество к святым местам в Иерусалиме, можно назвать одержимостью.

В целом на протяжении тех четырех веков, когда Палестина находилась под властью наследников пророка Мухаммеда, доступ к святыням был открыт для всех «народов Книги». Реальные гонения на христиан начались в начале XI столетия, в правление фанатичного египетского халифа аль-Хакима из рода Фатимидов, который приказал разрушить все христианские церкви в халифате — в том числе иерусалимский храм Святого Гроба Господня. Однако его преемник, Захир, позволил христианам заново выстроить этот храм; византийский император выделил из своей казны средства для покрытия издержек по восстановлению святыни. Примерно за тридцать лет до того дня, когда папа Урбан коленапоклоненно молился у могилы аббата Майоля, архиепископ Майнцский, вместе с епископами Утрехта, Бамберга и Ратисбона, повел в Святую землю семитысячный отряд паломников из жителей прирейнских областей. Вблизи палестинского города Рамла они попали в засаду, устроенную мусульманами, и вынуждены были обороняться.

Какие мысли посетили в тот момент Урбана? Можно лишь предполагать, что он думал о необходимости дать выход избыточной энергии, явно переполнявшей воинственных франков. Урбан прекрасно понимал, как важно направить энергию задиристых и честолюбивых рыцарей, только и умеющих, что ловко обращаться с копьем и мечом, в нужное русло. Закаленные в суровых военных кампаниях времен Меровингов и Каролингов, они превратились в особое сословие — военную элиту. Однако снабдить рыцарей необходимым военным снаряжением было делом накладным — кольчуга и латы, щит, меч, копье, стальной шлем и боевой конь стоили весьма прилично. И хотя прежние варварские привычки и обычаи под влиянием закона немного смягчились, все же большинство конфликтов, как и раньше, разрешались с помощью меча. В Средние века среди христиан набеги на соседние поместья, грабежи и угон скота были делом столь же обычным, как и среди аравийских племен до пришествия Мухаммеда. Повальное насилие стало обычной

приметой жизни и быта тех жестоких времен. Даже когда конфликты выносились в суд, то и там дело частенько решалось посредством дуэли или с помощью сурового испытания — «огнем и водой».

Пытаясь хоть как-то умерить конфликты между различными группировками христианской знати и особенно сохранить от их жадных рук церковную собственность, папы и епископы использовали традиционные методы церковного наказания (запрещение мессы и лишение причастия), а также отлучение (изгнание из храма). Несколько позднее возникла идея «Божьего перемирия» — прекращения военных действий и междоусобиц в дни, установленные церковью, например, во время Великого поста. Однако все эти меры давали лишь относительный успех. Западное христианство по-прежнему существовало в условиях постоянных скандалов и братоубийственных раздоров. Как мы уже знаем, прекрасным примером решения этой болезненной проблемы стало использование неукротимой мощи норманнского воинства во главе с семейством Хойтевиллов для завоевания территорий на юге Италии и Сицилии, оккупированных мусульманами.

Вероятно, примерно такими размышлениями папа Урбан II закончил молитву, поднялся с могилы аббата Майоля и двинулся на юг — в сторону Клермонского собора в Оверни, чтобы встретиться там с тремястами епископами, которых он вызвал на совет. Собор проходил с 19 по 26 ноября, и обсуждалось около десятка насущных вопросов церковной жизни, включая уже привычное осуждение светской инвентуры (утверждения духовного лица в должности епископа или аббата), симонии и женитьбы священников. На этом же Соборе король Филипп Французский был отлучен от церкви за любовную связь с фавориткой Бертрадой де Монфор, а также была одобрена идея «Божьего перемирия».

Наконец после многих совещаний о преобразовании духовенства, об установлении относительно порядка, справедливости и человечности был поднят вопрос о Святой земле и Иерусалиме. Во вторник 27 ноября последнее заседание Собора вместе с толпой мирян состоялось в поле за городом. Папский трон подняли на высокую платформу, откуда Урбан II об-

ратился к огромной толпе, которая собралась, чтобы послушать иерарха. Хотя его речь была записана уже после событий и, возможно, несколько приукрашена писцами, но главное неизменно — он говорил о тех бедах и превратностях, которые терпит на востоке христианская Византия, и страданиях ее граждан, оказавшихся под игом турок-сельджуков. Далее он поведал о жестоких притеснениях христианских паломников, направлявшихся в Святую землю Иерусалимскую, и сердца слушателей откликнулись — образы святого Сиона были им хорошо знакомы по церковным псалмам. Своим красноречием и убедительной страстью искушенный проповедник напоминал выдающихся предшественников времен империи Карла Великого. Он горячо призвал всех присутствующих прекратить междоусобицы, укротить свою жадность и мстительность и повернуть оружие против врагов Христа. Со своей стороны он, как наместник святого Петра, с данным ему правом «обязывать и разрешать от обязательств», пообещал всем, кто раскается и примет участие в этом богоугодном деле, простить их прегрешения и снять все наложенные церковью наказания.

Обращение Урбана было воспринято с энтузиазмом, и в толпе раздались восторженные крики «Deus le volt!» — «Так хочет Бог!» А затем епископ Адемар Монтейльский, епископ Ле-Пюи, с двумя другими стоявшими рядом церковными иерархами рухнули перед папой на колени, испросив благословения принять участие в священной войне. Вставший рядом с ними на колени кардинал из папской свиты призвал всех присутствующих публично покаяться в грехах, и верховный понтифик милостиво даровал всем прощение.

Писатель двадцатого столетия отмечал, что в знаменитом воззвании папы Урбана «соединились христианская набожность, ксенофобия и имперское высокомерие». Другие считали, что, провозгласив целью крестового похода именно Иерусалим — в то время как Алексей Комнин просил лишь оказать военную помощь в освобождении из-под власти турок Антиохии, — папа воспользовался невежеством и доверчивостью своей паствы. Однако ясно, что подобные уловки были изобретены значительно раньше: еще на Соборе в Пьяченце послы императора

Алексея умело использовали тяжелое состояние Иерусалима, пытаясь «более ярко и доходчиво воздействовать на умы и сердца западноевропейских слушателей». Кроме того, задача папы состояла в «обеспечении защиты христиан, где бы они ни находились, ибо не имеет смысла освобождать христиан из сарацинского плена в одном месте и снова обречь их на сарацинскую тиранию и притеснения».

Оставались ли у папы сомнения по поводу необходимости применения насилия? В ранней христианской церкви завет Христа о том, что, когда тебя ударили по лицу, следует подставить другую щеку, воспринимался буквально, и поэтому в любых обстоятельствах насилие считалось грехом. Пожалуй, первым тезисом о справедливости ответного силового отпора выдвинул преподобный Августин из Гиппона, различные высказывания которого по этому поводу обобщил в XI веке другой проповедник — Ансельм Луккский. Эти идеи папа Григорий VII использовал для обоснования христианской Реконквисты в Испании и Сицилии, а также при известии о поражении византийцев в битве при Манцикерте, когда он именем святого Петра дважды призвал католиков пожертвовать жизнью для «освобождения своих братьев на Востоке».

Учение Блаженного Августина легло в основу идеи испуительного паломничества, вызвав в XI веке настоящий прилив огромных масс богомольцев в Святую землю, особенно к иерусалимскому Гробу Господню. Паломникам рекомендовалось вооружаться, чтобы, говоря словами папы Урбана, «сарацины не могли больше безнаказанно попирать нашу веру в Господа». Крестоносцам были обещаны такие же индульгенции и привилегии, как и паломникам: «С начала похода... на вас распространяются права иерусалимских пилигримов».

Подобным актом папа, в полном соответствии со своими клюнийскими принципами, ясно показал, что стремится к тому, чтобы крестовый поход принес пользу не только «азиатской церкви», но и самим крестоносцам. Он часто ссылался на известный завет Христа отказаться ради него от жен, родственников, имущества и нести свой крест, послушно следуя за Спасителем. Дабы придать этому символу реальность, всем собравшимся в крестовый поход раздали матерчатые красные кресты

(отсюда и произошло название «крестоносцы»). Этот крест, нашитый на плечо накидки или плаща, не просто являлся символом священной миссии, но также демонстрировал, что на крестоносца распространяются определенные привилегии и что он имеет дополнительные права. Церковь принимала под свое покровительство и крестоносцев, и их семейства, и имущество; они освобождались от податей и налогов и от преследования кредиторами в течение всего похода. В свою очередь, крестоносец обязался выполнить свою клятву, а нарушивший ее отлучался от церкви.

Хотя, как мы знаем, и раньше были прецеденты священных войн христиан с мусульманами — например, на Сицилии и в Испании, — однако очевидно, что обращение папы Урбана на Клермонском соборе было воспринято как значительное событие, которое произвело настоящий переворот в общественной системе и значительно отличалось от всего того, что было раньше. Но к ужасу самого Урбана, наибольший отклик его призыв вызвал не у рыцарей — именно их он прежде всего имел в виду, — а у бедноты. Пока Урбан последовательно объезжал с проповедями французские владения того самого короля Филиппа, который был осужден на последнем церковном Соборе, некоторые рьяные священники разожгли азарт и неумные страсти у маргинальной части западноевропейского общества — воров, насильников и грабителей, спешно сколотив плохо вооруженные и недисциплинированные отряды. Те не мешкая выступили на борьбу с сарацинами и освобождение Иерусалима.

Возглавлял это отребье харизматический нищий проповедник по имени Петр Пустынный, объявивший, что им получено небесное послание, в котором крестовый поход благословляется Всевышним. Епископы делали все, чтобы удержать от похода стариков и больных, но особенно стремились воспрепятствовать монахам и духовенству, не получившим дозволения от своих иерархов. Однако движение быстро вышло из-под контроля — жажда приключений и обещание духовного вознаграждения пересиливали любые доводы. Как легко убедиться, рассматривая многочисленные средневеко-

вые изображения со сценами Страшного суда и адских мучений, люди в то время страшно боялись преисподней. А тут им предоставлялся счастливый случай очистить свою грешную душу. Женатым мужчинам запрещалось уходить в поход без разрешения жен, но большинство игнорировало этот запрет. Одна супруга заперла своего благоверного дома, чтобы тот не слышал страстных призывов проповедника, однако, когда с улицы донеслись слова о крестовом походе, он тут же выпрыгнул в окно и нацепил красный крест.

Поход начался с погромов. Полунищее воинство под предводительством Петра Пустынника и бедного рыцаря по имени Вальтер Санс-Авуар (по-французски — Голяк) прошло через Германию и Венгрию в относительном порядке; зато двигавшийся вдоль Рейна германский отряд — во главе с католическим священником Готшалком и графом Эмихом фон Лейнигеном — по пути разгромил и ограбил еврейские общины в городах Трир и Кельн. Это сделала не просто, как иногда полагали, недисциплинированная толпа бродяг — в отряде, возглавляемом весьма опытными полководцами, были собраны крестonosцы из всех частей Западной Европы. Однако зачастую по невежеству они не видели особых различий между мусульманами и евреями. Кроме того, они были не прочь возместить расходы на далекое путешествие в Палестину, а главной своей целью считали привычную месть — на этот раз за страдания восточных братьев-христиан. Потому и происходили погромы, сопряженные с резней, насильным крещением и коллективными самоубийствами евреев, — так уже было двенадцать столетий назад с zealотами, осажденными в крепости Масада.

Еще за столетие до этих печальных событий католическая церковь отчетливо осознавала опасность, грозившую еврейским общинам в подобных обстоятельствах. Папа Александр II настоятельно предписывал испанским епископам защищать в своих приходах евреев, «дабы предотвратить их истребление в ходе борьбы с испанскими сарацинами». Теперь же в германских городах евреев попытались взять под защиту местная знать и владетельные епископы, пригрозившие негодьям с красными крестами на плечах немедленным отлучением, но от этого оказалось немного пользы. Монах-

летописец Альберт из Экса так описывает «подвиги» крестоносцев в Майнце:

«...Срывая засовы и выбивая двери, они... врываются в дома, где убили до семисот человек, которые не могли оказать никакого сопротивления; кровавой резне подверглись женщины и малые дети, независимо от пола, все были изрублены мечами. Евреи, видевшие, как вооруженные христиане безжалостно истребляют их беззащитных близких и детей, тоже взяли оружие и в отчаянии стали избивать своих единоверцев, вместе с женами, детьми, матерями и сестрами. Рассказывают страшные вещи — матери, взяв меч, сначала перерезали горло ребенку, а затем пронзали свою грудь, предпочитая погибнуть от собственной руки, чем от удара необрезанного».

Зверства крестоносцев не ограничивались прирейнскими областями: такие же еврейские погромы происходили в Шпейере, Вормсе, вплоть до Руана на западе и Праги на востоке. Нет сомнений, что фанатичная ярость вооруженной толпы была всего лишь неумелой попыткой скрыть истинную причину погромов — тривиальную жадность. Надо полагать, многие крестоносцы рассматривали отнятую у евреев добычу в качестве единственного способа оправдать расходы на дорогостоящее заморское путешествие.

Но жертвами их преступлений оказались не только евреи: хищническим грабегам подверглось население Венгрии, однако местные жители оказали мощный вооруженный отпор, истребив сотни и тысячи недостойных «воинов Христовых». Как писал тот же Альберт из Экса, многие христиане свято верили, что Господь обязательно накажет тех, «кто в Его глазах погряз в смертных грехах, прелюбодействовал с проститутками или поднял руку на странствующего еврея... больше из-за денег, чем во имя христианской веры».

Тем временем войско под командованием Петра Пустычника и Вальтера Голяка достигло Константинополя, сопровождаемое конницей печенегов — это племя недавно покорил император Алексей и использовал его в качестве военной полиции. Дожидаясь отставшей части армии крестонос-

цев, Петр и его неумные приспешники принялись опустошать окрестности имперской столицы. Тогда Алексей поторопился переправить их через Босфорский пролив, организовав размещение в лагере на территории, подконтрольной туркам-сельджукам. Вслед за ними переправился и германский отряд, неподалеку от Никеи попавший в турецкую ловушку. На помощь им пришли главные силы во главе с Петром Пустынником, но почти вся армия крестоносцев была разгромлена. Произошло это 21 октября 1096 года — так бесславно закончился «народный» крестовый поход.

Через два месяца после прибытия этого незадачливого «авангарда» к Константинополю стали подтягиваться более регулярные части крестоносцев, на которые в первую очередь и рассчитывал Урбан II. Первым появился отряд графа Гуго Вермандуа, двоюродного брата короля Франции, который добрался до Византии на кораблях с небольшой группой рыцарей и тяжеловооруженных всадников. А 23 декабря прибыли главные силы под предводительством Готфрида Бульонского, герцога Лотарингского, в сопровождении братьев Евстафия Булонского и Балдуина (Бодуэна) Булонского, а также двоюродного брата Балдуина Буржского.

Происходя по мужской и женской линиям от Карла Великого (согласно более поздней легенде — еще и от лебедя), все четверо являли собой классический образец франкского боевого вождя, призванного защитить католическую церковь. Их свита состояла из представителей самых знатных родов франкской империи, а также рыцарей-дворян из Германии и Англии. Герцогом Нижней Лотарингии Готфрид стал при императоре Генрихе IV и успел еще в молодости отличиться на войне между папой и германским императором на стороне последнего; его служба Генриху была признана святотатственной, и он должен был искупить свои преступные подвиги путешествием в Иерусалим. Тот факт, что, отправляясь в поход, он продал все свое имущество и даже родовой замок (вырученные средства пошли на оплату воинского снаряжения и дорожных расходов), свидетельствовал, что он не пла-

нировал возвращаться домой. Однако так и не ясно, рассчитывал ли он обрести новые владения на востоке или же его привлекал ореол мученика за дело Христа.

Вскоре появился и отряд норманнов из Южной Италии, который привел сорокалетний князь Боэмунд Тарентский, старший сын Роберта Гвискара. Что касается вспыльчивых и неуправляемых норманнов, тут византийскому императору все было ясно с самого начала: перечень предыдущих «подвигов» этих знатных разбойников однозначно говорил об их хищных намерениях, и это доставляло Алексею немало поводов для беспокойства. Крест на свой плащ Боэмунд нашел во время осады Амальфи, твердо поклявшись добраться до Иерусалима, и тут же раздал такие же кресты всем, кто пожелал к нему присоединиться. Среди них был и знаменитый Танкред — его порывистый юный племянник. Отряд Боэмунда организованно переправился из Италии в Грецию и строгим маршем дошел до Константинополя.

Аналогичный путь проделала еще одна группа знатных дворян из Северной Европы: Роберт II, граф Фландрский, чей отец в свое время уже воевал на стороне императора Алексея; Роберт, герцог Нормандский, брат английского короля Вильгельма Руфуса; Стефан, граф Блуа, зять Вильгельма Завоевателя. Почти сразу за ними в Грецию прибыл самый крупный контингент крестоносцев из Прованса и Бургундии во главе с графом Раймундом Тулузским, который избрал промежуточный маршрут: через Северную Италию, вдоль адриатического побережья, через Эпирские горы в Фессалоники — и далее в Константинополь. С этой армией прибыл и Адемар Монтейльский, которого папа Урбан II назначил своим легатом и духовным предводителем всех крестоносцев.

Авторитет Адемара имел неоценимое значение при улаживании раздоров между франкскими князьями и обсуждении дальнейшего направления похода. Императора Алексея весьма тревожила огромная численность армии крестоносцев, поэтому он запретил ее вождям появляться в столице в сопровождении своих отрядов. Однако же он не успокоился,

пока пришедшие с Запада не переправились на ту сторону Босфора.

Когда в апреле 1097 году армия крестоносцев преодолела пролив, неподалеку от Никеи на них напал турецкий султан Кылыч-Арслан (Львиная Сабля). Он был уверен, что легко справится с этими незваными гостями, как до того разгромил плохо вооруженную и неуправляемую орду под командованием Петра Пустынника. Султан слишком поздно понял, что столкнулся с куда более грозной и организованной силой — тяжеловооруженной кавалерией прекрасно обученных европейских рыцарей. Анна Комнин, дочь императора Алексея, в воспоминаниях об отце писала, что «первый же сокрушительный удар» франкской кавалерии «проделал огромный пролом в вавилонских стенах» турецких порядков.

После разгрома армии султана началась осада Никеи, в которой участвовали не только крестоносцы, но и флот под командованием адмирала Бутимитеса — византийские военные корабли волоком перетащили по суше в соседнее озеро. В результате город был окружен со всех сторон. Хотя численное преимущество крестоносцев среди нападавших было подавляющим, они выполнили обещание, данное императору Алексею, и остались за пределами города, в который после сдачи турок вошли войска под командованием византийских воевод. Вожди крестоносцев получили весьма щедрые дары, но лишились традиционной добычи, которая обычно достается победителям после взятия крепости.

Тем не менее их воинский дух по-прежнему оставался высок. «Если не споткнемся на Антиохии, — писал в письме к жене Стефан Блуа, — то надеюсь, недель через пять мы уже будем в Иерусалиме». Однако путь к Священному граду оказался намного тяжелее, чем он рассчитывал. Непривычные к местной жаре, крестоносцы постоянно испытывали недостаток воды, а поскольку отступающие турки разоряли все населенные места — то и голод. Когда авангард крестоносцев, состоявший из итальянских и французских норманнов, а также фламандцев и византийцев, добрался до города Дорилея (теперь на его месте стоит турецкий Эскишехир), то

был атакован войсками султана Кылыч-Арслана. Помня горький опыт поражения под Никеей, турки постарались избежать фронтального столкновения с рыцарской кавалерией и выставили против армии крестоносцев широкий полукруг лучников. Тогда пехотинцы из отряда Боэмунда разбили палаточный лагерь на берегу ближайшей реки, а затем под защитой конных рыцарей, дождавшись арьергарда под командованием Готфрида Бульонского, Раймунда Тулузского и Адемара Монтейльского, мощным ударом контратаковали турок. Не выдержав натиска, те обратились в бегство. На этот раз вся добыча в оставленном ими лагере досталась победителям.

После этого, второго по счету, триумфального сражения армия крестоносцев продолжила свой марш на Антиохию. Изнемогавшим от голода и жажды воинам пришлось выдерживать еще два сражения, пока они наконец добрались до Киликийской Армении, где получили кров, еду и питье. В этом необычном государстве, расположенном в Анатолии (юго-восточная окраина современной Турции), по распоряжению византийских монархов когда-то поселились армяне, находившиеся на воинской службе; позднее к ним присоединились их соплеменники, изгнанные турками со своих земель на севере, в окрестностях озера Ван.

Отдохнув и восстановив силы в столице гостеприимных армян Марезии, воинство Христово по предводительством Адемара Монтейльского продолжило свой путь по холмистой местности, копьем и мечом прокладывая дорогу к реке Оронт — на берегу ее стояла возделенная Антиохия. Городские стены они увидели 21 октября 1097 года. Защищенный стенами на пространстве шести километров в окружности, город выглядел весьма грозно — с юга возвышались четыре отвесных холма, а с севера, вблизи от укреплений, протекала река Оронт. Дополнительно городские стены были усилены четырьмя сотнями башен, возведенных еще по приказу императора Юстиниана и на протяжении столетий укрепляемых другими императорами. В отдельных местах верхний край зубчатой крепостной стены, проходившей по вершинам хол-

мов, возвышался над остальным городом более чем на триста метров. Это была одна из главных метрополий Римской империи, которая издавна являлась не только стратегическим ключом ко всей Северной Сирии, но богатым и могучим городом-государством. Несмотря на многочисленное христианское население, теперь город целиком находился во власти турок, отнявших его у Византии двенадцать лет назад.

Вожди латинян никак не могли прийти к единому решению: штурмовать город или же дожидаться подкреплений? Воспользовавшись колебаниями крестоносцев, турки предприняли серию дерзких вылазок, нападая на отдельные отряды, занимавшиеся сбором и доставкой продовольствия. Осада затянулась. Холод, изматывающие дожди и начавшийся голод деморализовали христианское войско, и крестоносцы начали подумывать, не отвернулся ли от них Всевышний в наказание за их прегрешения. Потеряв большую часть своих лошадей и мулов во время трудного перехода через Анатолию — в результате три четверти рыцарей были вынуждены спешиться, — они теперь доедали уцелевших лошадей, чтобы выжить. Высокая цена продовольствия, изредка доставляемого из Армении, делала его доступным только для очень богатых дворян; некоторые обедневшие фламандцы, которых привел Петр Пустынный, даже поедали убитых ими турок. «Взрослых язычников, — писал Радульф Каенский, — наши воины варили в котлах, а детей насаживали на вертел и жарили на костре». В январе 1098 года Танкред поймал Петра Пустынного, пытавшегося бежать, и заставил вернуться. В феврале византийские войска покинули осаждавших город крестоносцев. Положение усугубило известие, что с юго-востока на помощь запертым в городе туркам приближается большая армия под предводительством эмира Кирбоги, правителя Мосула (Месопотамия).

В этот критический момент инициативу взял на себя Боэмунд Тарентский. Среди осажденных в Антиохии мусульман он нашел предателя-армянина, предложившего ему свои услуги. Однако хитрый норманн вначале хотел получить от других вождей гарантию: если город удастся захватить, то его отдадут под его власть. Княжеский совет в полном составе, за исключе-

нием Раймунда Тулузского — давнего недоброжелателя Боэмунда, согласился с его притязаниями. Стоит отметить, что Стефан Блуа, чувствуя, что падение Антиохии неизбежно, отправился со своей свитой в Европу. В ту же ночь крестоносцы, сделав вид, что снимают осаду, под покровом темноты вернулись к городским стенам и проникли в одну из башен, вход в которую открыл Боэмунду предатель. Вскоре город пал; но, когда Кирбога наконец добрался до Антиохии, уже сами крестоносцы оказались в осаде. Однако, найдя под полом одного из городских храмов «святое копьё», которым легионер когда-то пронзил распятого Христа, они воодушевились и совершили смелую вылазку. В результате сарацины ретировались.

Поскольку продолжение похода на Иерусалим в условиях начавшегося жаркого лета было признано невозможным, армия крестоносцев осталась в Антиохии. Выход был назначен на 1 ноября — День всех святых. Тем временем между рыцарской знатью началось своего рода состязание в захвате земельных владений. Первым такой рискованный, но успешный шаг предпринял Балдуин Булонский, основавший первое латинское государство, графство Эдесское, в Месопотамии (северо-восточнее Антиохии). Прибыв в Эдессу всего с восьмьюдесятью рыцарями, он был благожелательно принят местным армянским властелином Форосом, который усыновил графа, чтобы сделать наследником. Форос с его монофизитскими взглядами не был популярен среди горожан, и уже месяц спустя — возможно, не без участия Балдуина — он был смещен и убит, а его место занял приемный сын.

В июле в Антиохии вспыхнула эпидемия чумы, а в августе от нее погиб преподобный Адемар Монтейльский. Будучи папским легатом и духовным вождем похода, он обладал мудростью и талантом примирять врагов, потому успешно улаживал конфликты между задиристыми и тщеславными вельможами. Спасаясь от чумы, многие из них бежали из Антиохии, в результате нравы среди оставшихся в городе крестоносцев заметно упали. Давняя вражда между герцогами Боэмундом и Раймундом привела к открытому противостоянию между провансальцами и норманнами; излюблен-

ной насмешкой последних стало заявление, будто «святое копье» — всего лишь грубая подделка.

Вернувшись в сентябре в Антиохию, герцоги написали письмо папе Урбану II с просьбой лично возглавить продолжение крестового похода. Тем временем прошел контрольный срок — праздник Всех Святых, — но дело с места не двигалось. Наконец Раймунд согласился уступить Антиохию Боэмунду при условии, что тот примет участие в захвате Иерусалима.

Боэмунда это устроило, но, похоже, остальных вождей охватила настоящая апатия. Продолжение похода изо дня в день откладывалось. Завоевательные авантюры вождей в соседних странах только поднимали боевой дух христианского ополчения, стремившегося исполнить свой обет. Когда же наступила осень, то поход был снова отложен под предлогом позднего времени и зимних дождей. И только ропот и недовольство рядовых участников заставили вождей избрать Раймунда Тулузского своим командующим и возобновить военные действия.

Армия крестоносцев вышла из Антиохии 13 января 1099 года и направилась на юг — по узкому коридору между горной грядой и Средиземноморским побережьем. Большинство местных эмиров, предпочитая не связываться с ордами «ужасных франков», не оказывали им особого сопротивления. Наиболее могущественные из мусульманских правителей — в Дамаске, Алеппо и Мосуле — лишь выжидали и внимательно наблюдали за пришедшими: они не испытывали желания помочь египетским халифам из рода Фатимидов, чьи войска годом раньше в очередной раз оккупировали Иерусалим.

Наконец 7 июня 1099 года войско крестоносцев разбило лагерь под стенами Священного града. Хотя Иерусалим уступал по размерам Антиохии и почти не играл политической роли, тем не менее он являлся хорошо укрепленным бастионом еще со времен императора Адриана, заново отстроившего все крепостные сооружения. Правившие здесь византийцы, Омейяды и Фатимиды, постоянно усиливали его оборонительную мощь, а Ифтихар, мусульманский правитель из династии Фатимидов, неплохо подготовился к нашествию крестоносцев. Все христиане — но не евреи — были изгнаны

из города. Все цистерны были заполнены водой, созданы огромные запасы еды. Вместе с тем все источники вне города либо засыпали, либо отравили. Около оборонительных укреплений разместили арабские или суданские войска, и из Египта ожидалось подкрепление.

Осознавая угрозу со стороны направленной к городу вооруженной подмоги, ощущая явный недостаток продовольствия и воды и не располагая тяжелой осадной техникой для взятия крепости — передвижными башнями и стенобитными машинами, крестоносцы не без оснований решили, что долгая осада обречена на неудачу. Только треть из тех, кто двумя годами раньше покинул Европу, осталась в живых. Не считая невооруженных богомольцев, женщин и детей, в строй могли встать лишь около двенадцати тысяч пехотинцев и менее полутора тысяч конных рыцарей. Крестоносцы знали, что не могут рассчитывать на помощь византийцев: на самом деле император Алексей, вместо того чтобы послать войска, затеял за их спиной переговоры с египетским халифом.

В это время, будто посланные Божественным провидением, в покинутый мусульманами порт Яффа прибыли корабли из Англии и две генуэзские галеры. Они доставили продовольствие и необходимые для осадных машин и штурмовых башен гвозди, гайки, болты и другие приспособления. Танкред и Боэмунд с частью крестоносцев выдвинулись дальше в Самарию, надеясь отыскать там деревья для сооружения стенобитных устройств. Заготовленные бревна они доставили в лагерь на верблюдах. Генуэзские плотники тут же приступили к изготовлению передвижных башен, катапульт и штурмовых лестниц. Особенно впечатляли три огромные башни новой конструкции; в каждой из них было по три этажа: первый предназначался для рабочих, которые руководили движением, второй и третий — для воинов, которые должны были вести осаду. Эти перекатные крепости были выше стен осаждаемого города. На вершине каждой башни был подъемный мост, по которому можно было проникнуть в саму крепость.

Штурм Иерусалима начался 13 июля 1099 года. Первым под прикрытием штурмовой башни крепостных стен достиг

отряд под командованием Раймунда Тулузского. Однако в этом месте обороной руководил сам комендант гарнизона Ифтихар, и провансальцам не удалось с ходу преодолеть крепостной вал. На следующее утро Готфрид Бульонский на такой же передвижной башне приступил к штурму северных укреплений, и уже к полудню его войнам удалось перекинуть мост с вершушки башни на городскую стену, откуда Готфрид вместе с братом Евстафием Булонским организовали решительную атаку. Первыми по мосту ворвались два фламандских рыцаря — Литольд и Гильберт Турнейские. Вслед за ними в пролом двинулись знатные крестоносцы из Лотарингии и Танкред со своими норманнами. Часть воинов Готфрид направил открыть городские ворота, тем временем Танкред мечом пробивал дорогу к Храмовой горе, которую мусульмане собирались превратить в укрепленный редут. Но своим стремительным натиском Танкред их опередил. Ворвавшись в мусульманский храм на горе, он захватил хранившиеся там сокровища, а в обмен на крупный выкуп разрешил сдавшимся туркам укрыться в мечети аль-Акса, на которой укрепил свой штандарт — в знак того, что пленники находятся под его защитой.

Вскоре Ифтихар, укрывшийся с небольшим отрядом в башне Давида, сдался на милость Раймунда Тулузского, пообещавшего выпустить его со свитой из Иерусалима в обмен на городскую казну. Это были те немногие мусульмане, кто остался в живых после ужасной резни, учиненной победителями. Опьяненные победой и еще не остывшие после жестокой схватки, крестоносцы ворвались в город и стали истреблять городских жителей, независимо от возраста и пола, — так уже было тысячу лет назад, при взятии Иерусалима римскими легионерами императора Тита. Даже знамя Танкреда над мечетью аль-Акса не смогло защитить укрывшихся там беженцев — все они были убиты. Иерусалимские евреи тоже попытались спастись в своих храмах, но крестоносцы подожгли синагоги, и все евреи сгорели заживо.

В своих мемуарных хрониках духовник Раймунда Тулузского, Раймунд Агильерский, даже не пытается преуменьшить жестокость тех ужасных событий, свидетелем которых

был. На Храмовой горе он оказался по шиколотку в крови — то была кровь убитых мусульман. «По всем... улицам и площадям, куда ни оберни взор, валялись груды отрубленных голов, рук и ног. Среди человеческих и лошадиных трупов как ни в чем не бывало разгуливали люди». Однако на взгляд самого священника, мусульмане получили по заслугам: «Какое заслуженное наказание! И то место, где долгие годы они предавались святотатству и оскверняли имя Бога, теперь покрыто кровью самих богохульников».

Апологеты мусульманства не преминули противопоставить зверства, учиненные франкскими рыцарями, милостивому и гуманному отношению к жителям Иерусалима со стороны халифа Омара, который захватил город в 638 году, — ведь благодаря христианам византийцы сдали город без сопротивления. Однако особенно горячие споры на эту тему возникли позднее. Теперь же всем христианам оставалось только ликовать, что цель, поставленная папой Урбаном II, достигнута, что крестоносцы выполнили свой обет. После трех лет тягот, мучений и далекого трехтысячекилометрового путешествия в край с ужасным климатом и через земли врагов паломники-крестоносцы наконец достигли своей цели. 17 июля все оставшиеся в живых принцы, бароны, епископы, священники, проповедники, богомольцы, воины и просто попутчики прошли по улицам разграбленного Иерусалима к храму Гроба Господня. Там они возблагодарили Всевышнего за свою выдающуюся победу и отслужили торжественную мессу в этом священном для всех христиан месте.

Часть вторая

ТАМПЛИЕРЫ

5. Бедное братство — Христово воинство

За годы, последовавшие после взятия Иерусалима, на отво-
еванных крестоносцами территориях («заморских», как их на-
зывали в Западной Европе) образовалось четыре франкских
государства. На севере возникло княжество Антиохия под уп-
равлением южноитальянского норманна Боэмунда Тарентско-
го. На восток от него, по другую сторону Евфрата, было упомя-
нутое выше графство Эдесса во главе с Балдуином Булонским.
Южнее Антиохии находилось графство Триполи, которое при-
брал к рукам Раймунд Сен-Жиль, граф Тулузский (он умер при
осаде города турками в 1105 году). Еще дальше на юг — на
территории от Бейрута на севере до Газы на юге — располагалось
Иерусалимское королевство, которым управлял Готфрид
Бульонский, не желавший принять официальный королевский
сан в городе, где когда-то Христос нес свой терновый венец, и
потому взявший титул защитника Гроба Господня.

Папа Урбан II скончался в Риме через две недели после
триумфального взятия Иерусалима, но эта радостная весть
так и не успела дойти до него. Незадолго до смерти наслед-
ником Адемара Монтейльского в качестве папского легата
на Востоке он назначил Даймбера, архиепископа Пизанско-
го. Даймбер стал патриархом Иерусалимским, а после смер-
ти Готфрида в 1100 году попытался закрепить за римской
церковью и все Иерусалимское королевство. Однако франк-
ская знать этому воспротивилась и посадила на освободив-
шийся трон брата Готфрида — Балдуина Булонского, кото-

рому принадлежало Эдесское графство. Балдуин был не столь щепетилен в выборе королевского титула, и на Рождество 1100 года отвергнутый Даймбер возложил на него корону иерусалимского монарха. Произошло это знаменательное событие в церкви Рождества Христова в Вифлееме.

Общественный порядок, установившийся в латинской Сирии и Палестине, основывался на тех же феодальных принципах, что и в Западной Европе. Но в то время как властные правители, такие как Вильгельм Завоеватель в Англии и Рожер Хойтевилл на Сицилии, прочно удерживали контроль над завоеванными землями, Готфрид, а после него и Балдуин избирались другими знатными крестоносцами всего лишь как первые среди равных, что заставляло их с большим уважением относиться к правам вассалов. В новом кодексе были прописаны и дополнительные права, на Западе в ту пору еще не известные. Обязательства князей Триполи, Эдессы и графа Антиохийского перед иерусалимским сюзереном были столь же неопределенными, как отношения графов и герцогов с королем Франции того периода: они признавали его верховенство, лишь когда их собственной безопасности угрожала мусульманская коалиция. Юный племянник Боэмунда, Танкред, покоривший провинции Галилея и Сидон, формально признавая себя вассалом короля Балдуина, вел себя как суверенный правитель. Наблюдалось практически непрерывное перемещение высших представителей знати с одного трона на другой, как фигур на шахматной доске: когда во время очередного похода на турок Боэмунд попал в плен, Антиохией в его отсутствие правил Танкред. Когда Балдуин Булонский был возведен на иерусалимский трон, в Эдессе его сменил двоюродный брат и тезка — Балдуин Буржский. Когда Боэмунд был наконец выкуплен, в плен попал уже Балдуин Буржский, а на его место в Эдессе пришел Танкред — позднее он вернулся в Антиохию в качестве регента, когда его дядя Боэмунд отправился в Европу за подкреплением.

Недостаток в живой силе у новых франкских правителей с самого начала стал отличительной особенностью «заморских территорий». Осенью 1099 года, после победы над египетской

армией, направлявшейся на подмогу запертым в Иерусалиме туркам, большинство уцелевших крестоносцев потянулись домой, и Готфрид Бульонский остался в городе всего с тремя сотнями рыцарей и тысячью солдат. Не больше войск было и у сменившего его на троне Балдуина I. Поскольку угроза нападения со стороны мусульман Фатимидов на некоторое время ослабла, представилась возможность исправить уязвимое положение Иерусалимского королевства путем дальнейшего расширения его территории, в частности за счет средиземноморских портов. Проникнувшись важностью этого предприятия и рассчитывая на славу, успех и церковные вознаграждения, подобные тем, что достались первым крестоносцам, на Ближний Восток отправились новые отряды искателей приключений из Европы — из Франции, Ломбардии и Баварии. Эти отряды были атакованы турками, как только добрались до Анатолии, и лишь немногие сумели вернуться в Константинополь.

Для короля Балдуина большее значение имели морские военные экспедиции из приморских республик Италии — Пизы, Венеции и Генуи. Предвидя возможности, открывавшиеся в случае овладения портами на востоке Средиземноморья, они предложили свою поддержку в обмен на будущие привилегии. Один за другим латиняне захватили все прибрежные города — Хайфу, Яффу, Арсуф, Кесарию, Акру и Сидон. С падением Тира в 1124 году мусульмане полностью лишились восточных портов на Средиземном море, а военно-стратегическое положение франкских государств заметно упрочилось.

Куда большие трудности вызывало умиротворение завоеванных территорий. На итальянских галерах прибыли тысячи новых паломников, наслышанных о победах своих предшественников и жаждавших немедленно двинуться в землю Сионскую. Некоторые из них были вооружены, у остальных же были только посох и сума. Порой богомольца было трудно отличить от крестоносца. Те и другие не только молились в церкви Гроба Господня, прося о том, чтобы сбылись их обеты, но посещали и другие святые места в Иудее и Самарии. В Иерусалиме был Собор в Скале, теперь превращенный из мечети в церковь, освящавшую то место, откуда Иисус

изгнал торговцев и ростовщиков и которую крестоносцы называли Храмом Всевышнего. На юго-восточном склоне Храмовой горы сохранился дом святого Симона, в котором стояли кровать Богородицы, колыбель и купель младенца Иисуса; а севернее ворот Иеосафата была церковь, возведенная в честь родителей Девы Марии — Иоакима и Анны. Неподалеку от Иерусалима находились: дом Захарии, в котором родился Иоанн Креститель; источник Марии, к которому они с Иосифом свернули, когда разыскивали в Иерусалиме Иисуса; место, где было срублено дерево, из которого сделали крест для распятия Христа; и площадка, где Иисус беседовал с апостолами, объясняя им заветы Всевышнего.

Изрядно вытопанная христианами-богомольцами тропа вела на восток от Иерусалима — в Иерихон и на реку Иордан, в водах которого паломники жаждали совершить повторное крещение. Здесь они благоговейно прикасались к камню, с которого Иисус садился на осла, чтобы отправиться в Иерусалим в день Вербного воскресенья; осматривали яму, в которую злые братья столкнули Иосифа; проходили по дороге, где добрый самаритянин оказал помощь жертве разбойников; видели место, где святое семейство отдыхало по пути в Египет; и, наконец, приближались к речному перека-ту, где Иоанн крестил в водах Иордана самого Христа.

Местность была пустынной и сильно пересеченной, а отношение к ним окрестных мусульман злобным, потому путь для богомольцев был столь же опасен, как и в дни доброго самаритянина. Стоило паломникам высадиться с корабля где-нибудь в Яффе, как они сразу подвергались нападениям сарацинских головорезов и воинственных бедуинов, которые укрывались в пещерах, расположенных среди Иудейских холмов. Пилигримы, имевшие хоть какое-нибудь оружие, могли себя защитить, но большинство были абсолютно беззащитны перед вооруженными мусульманами. Войска же самого короля Балдуина были сосредоточены в главных стратегических пунктах и в средиземноморских портах.

В 1104 году в Святую землю с большой свитой рыцарей прибыл граф Гуго Шампанский. Из своей резиденции в го-

роде Труа в верховьях Сены он управлял большими и весьма богатыми землями, входившими в состав Западного Франкского королевства Карла Лысого. Гуго был очень набожен и несчастлив в браке — у него имелись сомнения, является ли он настоящим отцом своего старшего сына. Среди его вассалов был рыцарь по имени Гуго де Пейн, поместье которого располагалось в нескольких километрах от Труа, ниже по течению Сены. Приписан он был к церковному приходу Монтиньи; граф Шампанский был его законным сюзереном, и Пейн входил в его рыцарскую дружину.

В 1108 году граф Гуго на время вернулся в Европу, а шесть лет спустя снова отправился в Иерусалим. Не известно, сопровождал ли Гуго де Пейн своего сеньора в первом путешествии или же отправился в Святую землю только сейчас, но он там остался, когда граф Шампанский снова вернулся в Европу. К этому времени Балдуин I на иерусалимском троне сменил его кузен Балдуин Буржский, а патриарха Даймбера — преподобный Вармунд де Пикуньи. Именно к ним Гуго вместе с другим рыцарем, Готфридом де Сен-Омером, обратились с предложением создать рыцарское братство, подчиняющееся уставу религиозного ордена, но занимающееся защитой паломников. За основу они собирались взять устав, разработанный когда-то Блаженным Августином из Гиппона, и канонические правила церкви Гроба Господня в Иерусалиме.

Предложение Гуго было одобрено и королем, и патриархом; в день Рождества Христова в 1119 году Гуго де Пейн и восемь других рыцарей — в том числе Готфрид де Сен-Омер, Аршамбуа де Сен-Аньян, Пайен де Мондидье, Жоффруа Бизо и еще один крестоносец по имени Россаль, или Роланд, — дали обет бедности, целомудрия и торжественно поклонились патриарху в церкви Гроба Господня. Они назвались «бедным братским воинством Иисуса Христа» и поначалу не носили какой-то особой одежды, а продолжали одеваться сообразно своей особой профессии. Дабы обеспечить их необходимыми для существования средствами, патриарх и король выделили им средства из своей казны. Балдуин II уступил им замок в Иерусалиме, возле места, где, по преда-

нию, находился храм Соломона, на южном склоне Храмовой горы. Поэтому их вскоре стали называть бедным рыцарством Христовым и храма Соломонова, рыцарями храма Соломона, рыцарями Храма или просто храмовниками.

Не исключено, что первоначально Гуго де Пейн и его соратники просто хотели создать очередной монастырь или же рыцарское братство, аналогичное ордену иоаннитов, то есть госпитальеров, занимавшихся организацией и охраной странноприимных домов. Орден госпитальеров, основанный торговцами Амальфи, заботился о богомольцах еще до 1-го Крестового похода. Средневековый летописец Михаил Сириянин, например, считал, что именно король Балдуин, прекрасно понимавший непрочность своей власти в Иерусалиме, настоял на том, чтобы Гуго де Пейн и его товарищи остались в сане рыцарей и не постригались в монахи, дабы они могли «не только заниматься спасением душ, но и защищать эти места от грабителей». Другой средневековый историк крестовых походов, Жак де Витри, отмечает двойственную природу этого «рыцарского братства», призванного, с одной стороны, «защищать паломников от бандитов и насильников», а с другой — соблюдать «обет бедности, воздержания и послушания в соответствии с монашеским кодексом».

Решение остаться при оружии могло быть продиктовано и растущей нестабильностью жизни в заморских территориях, и постоянной угрозой жизни латинян. В пасхальную неделю 1119 года на группу из 700 невооруженных паломников, направлявшуюся из Иерусалима к реке Иордан, напали вооруженные сарацины: 300 человек они убили на месте, а 60 продали в рабство. Свои разбойничьи набеги турки совершали у самых стен Иерусалима, поэтому стало смертельно опасно даже ненадолго покидать город без надежной охраны. Позднее в том же году по королевству распространились слухи о несчастье, случившемся в соседней Антиохии: Рожер, двоюродный брат Боэмунда, бывший регентом при его сыне Боэмунде II, был убит вместе со всей свитой мусульманскими головорезами; место, где это произошло, народ назвал «полем крови». Это заставило обратиться за помощью

к папе римскому Калликсту II, венецианским дожам и даже к архиепископу Компостельскому — там в бывшем испанском королевстве Галисии для охраны паломников и защиты христианских земель от мусульман был создан рыцарский орден святого Иакова Меченосца. Как всегда, обрушившиеся на христиан беды были восприняты как наказание свыше: считалось, что некоторых добравшихся до Святой земли паломников увлекла сладкая восточная жизнь, что они погрязли в грехах, забыв о спасении души. В январе 1120 года собравшиеся на совет в Наблусе светские и духовные лидеры христиан одобрили проект Гуго де Пейна, оценив его гуманную направленность и очевидную прагматичность.

Трудно сказать, проявил ли инициативу в создании этого рыцарского братства сам папа Калликст II. Однако, являясь сыном графа Гильома Бургундского, он скорее всего симпатизировал рыцарским устремлениям. Хотя в проекте предусматривался довольно радикальный отход от традиционных норм того времени, в целом орден выглядел довольно удачной конструкцией — она позволяла соединить профессиональные военные навыки и религиозную идею. Мы уже знаем, как поддержка идеологами католицизма вооруженного ответа на конкретное событие внезапно переросла в освящение целого крестового похода. В связи с этим практически неизбежно должны были возникнуть «кочевые монастыри» в виде особых воинско-христианских братств.

В 1120 году еще один могущественный французский магнат, Фулько Анжуйский, отправился паломником в Святую землю, вступив в ряды бедного рыцарства Христова. Судя по всему, он высоко оценил волю и талант первого магистра ордена Гуго де Пейна и по возвращении пожаловал ордену регулярные денежные выплаты. Его примеру последовали и другие французские вельможи. В 1125 году граф Шампанский вернулся в Иерусалим в третий и последний раз. Он расстался с распутной женой, лишил наследства сына, который оказался ему неродным, и переписал завещание в пользу племянника Тибальда. После этого он отказался от своего состояния и, дав обет бедности, целомудрия и воздержания, стал в ряды бедных рыцарей Иисуса Христа.

Но это было не самое яркое из деяний графа Гуго, совершенных им в знак покаяния. Примерно за десять лет до того он в одиночку преодолел шестьдесят километров по диким лесам к востоку от Труа, чтобы присоединиться к монашеской общине во главе с преподобным Бернаром Фонтен-ле-Дижонским. Этот монастырь, расположенный в городке Клерво, был основан монахами из аббатства Сито, по имени которого они и стали называться цистерцианцами. А Сито, в свою очередь, основал в 1098 году бенедиктинец Роберт Молезмский, с горечью наблюдавший, как знаменитое Ключийское аббатство отходит от строгих и простых предписаний благоверного Бенедикта Нурсийского. Избалованные крупными дарами местных правителей, обретая власть и богатство, ключийские настоятели и приоры постепенно погрязли в светских делах и интригах, забыв о главном своем предназначении. Переложив всю работу на крепостных, монахи напрочь забросили ручной труд и выполняли только административные функции или «пели в хоре», исполняя невероятно изощренные литургии, перегруженные придуманными ими новыми обрядами и церемониями. Главный собор в Ключи, один из самых величественных в Европе, был великолепно украшен и отделан. Деньги в монастырь поступали не только в виде земельной ренты, крестьянской десятины и платы за феодальные права, но и от множества паломников, которые либо испрашивали благословения, чтобы отправиться в далекое странствие, либо проходили через монастырь, направляясь в Компостелу, где в соборе в честь святого Иакова, по преданию, он и был погребен.

Краткое описание нового обновления монастырей показывает возникновение духовного направления, объединившего первых тамплиеров* с Робертом Молезмским, который, как и Гуго де Пейн, родился в окрестностях Труа. Роберт стал бенедиктинским монахом в шестнадцатилетнем возрасте, а позднее был избран настоятелем одного из ключийских монастырей в Сен-Мишель-де-Тоннерр, что примерно в 45 километрах от местечка Шатильон-на-Сене, где преподобный Бернар когда-то учился в школе. По просьбе живших в окрестных лесах от-

* От английского temple, что означает «храм». — *Примеч. пер.*

шельников, Роберт оставил свой высокий пост и стал проповедовать основы учения святого Бенедикта. Позднее он привел эту христианскую общину на земли, принадлежавшие его семье, основав там новый Молезмский монастырь.

Через Молезм прошли еще два монаха, искавшие тернистый путь к духовному совершенству. Один из них, по имени Бруно, родом из Кельна, сначала учился, а затем и преподавал в кафедральном училище в Реймсе. Среди его учеников был и знатный бургундский дворянин, Одон Ланжерийский, который сначала постригся в монахи в Ключийском монастыре, а позднее — став папой римским под именем Урбана II — призвал к 1-му Крестовому походу. Поссорившись с архиепископом Реймским, Бруно удалился из монастыря, сделался пустынником в глухом лесу неподалеку от Молезма, однако, сочтя такое уединение недостаточным, отправился на юг, в Савойю, где собрал вокруг себя христиан-отшельников и организовал новую монашескую общину в Шартрезских горах. На основе этого братства позднее возник самый строгий из всех монашеских орденов — картезианский, имевший отделения по всему миру.

Другим знаменитым монахом, посетившим Молезм, был англичанин Стефан Хардинг, выходец из англосаксонских дворян, чей род был фактически уничтожен в результате нашествия норманнов во главе с Вильгельмом Завоевателем. Направившись вначале в Шотландию, а затем во Францию, где обучался богословию в Париже, в 1085 году в возрасте двадцати пяти лет Стефан совершил паломничество в Рим и стал монахом ордена бенедиктинцев. Затем он снова пересек Альпы и присоединился к Молезмскому братству.

Благодаря высокой репутации Роберта этот монастырь привлекал обильные пожертвования, которые, как водится, способствовали возникновению среди монахов атмосферы праздности, что, по мнению настоятеля, противоречило основным бенедиктинским принципам. И в 1098 году, за год до освобождения Иерусалима крестоносцами, Роберт Молезмский с двенадцатью сторонниками, среди которых были Альберих де Обри и Стефан Хардинг, покинул монастырь и после короткой остановки в Лангре направился на юг, где в двадцати километрах от Дижона основал монастырь Сито. Здесь они получили возмож-

ность жить согласно «Уставу Бенедикта». Все время Роберт и его товарищи проводили в страстных молитвах и богослужениях, не поддерживая никаких связей с местной знатью. Поскольку община должна быть самодостаточной, в ежедневные обязанности монахов-затворников входил тяжелый ручной труд. В знак духовной чистоты и целомудрия они переменяли цвет своих сутан с черного на белый. И также отказались от использования детей-служек и крепостных крестьян, однако принимали добровольный труд местных жителей, обрабатывавших монашеские угодья и нередко живших общиной неподалеку от монастыря.

В отсутствие Роберта Молезм пришел в упадок, и папа Урбан II повелел ему вернуться. На посту настоятеля цистерцианского монастыря его сменил сначала Альберих де Обри, а позднее Стефан Хардинг. Впечатленные их аскетизмом и духовным рвением, папы освободили цистерцианцев от выплаты десятины и поместных сборов.

Однако суровый, изоляционистский характер ордена цистерцианцев настроил против них местную бургундскую знать, и аскетизм, так покоривший римских понтификов, отталкивал тех, кто поначалу желал к ним присоединиться. В первые годы аббатства Стефана Хардинга даже казалось, что общину ждет печальная участь. Но в 1113 году в Сито прибыл юный, но уже снискавший себе авторитет преподобный Бернард с тридцатью пятью соратниками и в общину влилась свежая кровь. А всего к концу XII века в Европе было около тысячи двухсот цистерцианских монастырей.

Через три года после прибытия в Сито уже сам Бернард вместе с двенадцатью духовными братьями основал новый монастырь в лесистой и болотистой долине Вормвуд — давнем пристанище грабителей и разбойников. Этот участок им пожаловал граф Гуго Шампанский. После того как монахи осушили почву, она стала называться Claravallis — Ясная Долина. Монахи расчистили лес, возвели часовню, дом с кельями и хозяйственные постройки. Вскоре в Клерво потянулось множество молодых людей, жаждущих посвятить себя Богу.

В наше время — когда монахи кажутся весьма странными и маргинальными фигурами — очень трудно понять при-

чину, по которой столько здоровых и энергичных мужчин, выходцев из знатных и обеспеченных семейств, добровольно выбирали самоотречение, да еще в таком юном возрасте. Отбросив сомнения в искренности намерений каждого из тех, кто откликнулся на призыв Всевышнего, необходимо понять, что в то время побег из дома знатных родителей и даже мелкого поместья означал решительный выбор между сражениями и молитвой, между воинской службой и служением церкви, между красным и черным.

Таких молодых людей с чувствительной и взыскательной натурой или просто отвергавших насилие и кровопролитие могли подвигнуть на религиозную стезю их набожные и любящие матери; похоже, именно так случилось с Бернардом и его матерью Алетой де Монбар. Пребывание монаха в каком-нибудь аббатстве с необременительным режимом, типа Кюни, могло вывести на высокие церковные или государственные посты управления, как, например, Одона Ланжерийского, ставшего римским папой. Перед таким человеком также была открыта дорога в науку, он мог стать ученым-теологом наподобие Стефана Хардинга, который тщательно пересмотрел текст латинской Библии и с помощью еврейских раввинов изучал древнееврейские тексты Ветхого Завета.

Решение Бернарда выбрать более узкий и крутой путь в небесное царство — то есть Клервоский монастырь — показывает несомненную чистоту и искренность его помыслов. Одновременно это говорит и о его высоком самосознании: по признанию Бернарда, его духовное рвение и мятущаяся натура могли принять только суровые условия общины цистерцианцев. Одним из свидетельств непримиримого и требовательного характера молодого монаха является его спор с преподобным Петром Достопочтенным, аббатом Кюни. В своем письме к нему Бернард с насмешкой и презрением говорит о приятной, легкой и необременительной жизни обитателей Кюни, противопоставляя ей строгий и жесткий режим клервоской общины. Увлечшись собственной риторикой, Бернард договаривается до того, что обвиняет кюнийских монахов и их настоятеля в нравственном вырождении. Со свойственными ему горячностью и бескомпромиссно-

стью он даже внешнюю красоту Ключни воспринимает как признак упадка и коррупции. В ответ на это дерзкое послание Петр, соблюдая необходимую вежливость, высказывается более сдержанно, придерживаясь консервативных позиций.

Еще одна сторона монастырской жизни, которая не только удивляет, но и оскорбляет современные нравственные нормы, касается той высокой цены, в которую обходилось в Средние века подлинное целомудрие. Трудно удержаться, чтобы не пожалеть молодых женщин-аристократок Бургундии и Шампани, которые лишились потенциальных супругов, уединившихся за стенами цистерцианских монастырей. Христос завещал своим ученикам «стать евнухами» во имя Царства Небесного; и апостол Павел писал на заре христианства, что женитьба — дело хорошее, но все-таки лучше оставаться девственником. Как мы уже знаем, преподобный Августин тоже считал, что полносердечное служение Христу несовместимо с женитьбой; и одной из главных задач римского патриархата того периода являлось беспрекословное соблюдение целибата всеми католическими священниками

Сопряженные с этим требованием явления, которые в наше время принято называть невротическими, определяются целым рядом факторов. Во-первых, смысл отшельнической жизни состоит в отказе от атавистических инстинктов, которые препятствуют духовному общению с Всевышним. Энергия и частота, с которой индивидуум занимается сексом, а также степень поглощенности этим занятием определяют высоту преграды на пути его души к спасению, а самого человека — к святости. Августин из Гиппона выдвинул еще одно объяснение, которое позднее все-таки было отвергнуто. Он считал, что причиной первородного греха Адама и Евы было их желание преодолеть половые различия, что вылилось в акт соития. Чувство брезгливости к органам размножения, в частности, проявляется у иудеев, которые женщину в период менструаций считают нечистой; такую же гадливость демонстрирует в своей «Исповеди» святой Августин, вспоминая о непроизвольном семяизвержении во время сна.

Но значило ли все это, что занятие сексом — даже в законном браке — следует признать однозначно греховным?

К XI веку в среде церковных схоластиков сложилось два противоположных подхода к этому вопросу. С одной стороны, ортодоксальные моралисты считали, что соитие двух людей противоположного пола можно оправдать, если оно происходит с целью продолжения рода; время получения плотского наслаждения ими признавалось сугубо греховным. Самым ярким поборником этих идей был Петр Дамиани, один из главных идеологов Григорианских реформ. Монах, долгое время служивший в Ватикане, он затем стал кардиналом и епископом Остии. Практически всю жизнь он вкушал скудную пищу — черствый хлеб и воду, носил железные вериги и часто подвергал себя жестоким бичеваниям. Петр рассматривал женитбу как «сомнительное прикрытие для греха, а посему приветствовал любые средства, могущие оградить тех, кому действительно дорог святой образ Спасителя, от подобных унижительных занятий».

В то время римские понтифики все больше склонялись к мнению, что брак, совершенный в христианской церкви и с согласия обеих сторон, является делом богоугодным. Выходец из Англии, папа Адриан IV в середине XII века постановил, что право на церковный брак распространяется даже на рабов. По мнению Кристофера Брука, «несмотря на то что на Западе еще долго не могли поверить этому, его указ в конце концов торжествовал».

Поскольку секс вне брачных уз признавался заведомым грехом и даже в законной семье оставался препятствием к духовному совершенству, то рекомендовалось всячески избегать этого искушения. Являлось аксиомой, что монахам следует избегать женщин, чьи колдовские чары погубили души многих праведников. С точки зрения Р. Садерна, «нигде, кроме цистерцианцев, религия не была столь сильно пропитана радикальным мужским духом — как по общему настроению, так и по уровню дисциплины; нигде столь рьяно не избегали любых контактов с женщинами и не воздвигали более крепких запретительных барьеров». Не меньшее искушение вызывали у самих женщин и девушек молодые мужчины, поэтому — не только для спасения их грешных душ, но также для сохранения девственниц среди монахинь — Бернард основал сестринские монашеские общины. В одном из монасты-

рей, расположенном неподалеку от Молезма, настоятельницей стала его родная сестра Гумбелина.

По собственной ли воле эта молодая женщина постриглась в монахини? Со слов Бернарда Клервоского, приведенных в посвященной ему книге «Vita prima» («Первая жизнь»), Гумбелина вышла замуж и вела обычную светскую жизнь, потом по призыву брата решила покаяться и, с согласия мужа, ушла в монастырь. Тем же путем пошел и старший брат Бернарда — Ги, который был женат и имел двух дочерей. Его Бернард также убедил отречься от семьи и присоединиться к клервоскому братству. Вполне очевидно — перед нами явный духовный лидер национального масштаба. В чем же суть харизмы преподающего Бернарда? Его биограф в «Vita prima» описывает Бернарда как человека приятной наружности, с тонкими чертами лица, стройного, среднего телосложения, с нежной и слегка розоватой кожей, светлыми волосами и пыжеватой бородкой. Однако влияние Бернарда Клервоского на окружающих определялось прежде всего его глубоким внутренним миром и невероятной убежденностью. «Его лицо светилось неземным благородством... а физический облик словно растворялся во внутренней чистоте и невероятной благожелательности». Бессмысленно пытаться себе представить, как бы он смотрелся в наше время с экрана телевизора; все, что нам следует знать о Бернарде Клервоском, сыгравшем огромную роль в судьбе тамплиеров, прекрасно сформулировал Дон Давид Нолес — наш современник, историограф ордена бенедиктинцев:

«...Это представитель того узкого класса выдающихся людей, чьи таланты и сфера их приложения замечательным образом совпали. Его личный магнетизм и духовная сила — как вождя, как писателя, как проповедника и как святого — проявились чрезвычайно ярко и были просто неотразимы. В Клерво со всех концов Европы стекались люди, которые затем разносили его идеи по всему континенту... В течение сорока лет Сито-Клерво служил духовным европейским центром; через общину святого Бернарда прошли будущий папа римский, архиепископ Йоркский, а также целый ряд кардиналов и епископов».

В 1127 году король Балдуин II отправил Гуго де Пейна и Гильома Бурского с дипломатической миссией в Западную Европу. Они получили задание уговорить Фулько Анжуйского жениться на Мелисенде, дочери Балдуина, стать законным наследником иерусалимского трона и возглавить запланированный вооруженный поход на Дамаск. Помимо того, Гуго собирался, с разрешения папы, набрать кандидатов на вступление в свой орден рыцарей Храма. Трудно сказать, какова именно была в тот момент численность ордена храмовников — летописцы говорят о девяти рыцарях-тамплиерах. Однако тот факт, что именно магистр был выбран королем Балдуином для столь ответственной миссии — а тот прихватил свиту из нескольких вооруженных рыцарей, — позволяет предположить: по стандартам заморских латинских территорий, орден к тому времени уже был достаточно силен.

Король Балдуин II, несомненно, понимал, что предложения, с которыми он обратился к Фулько — а в его лице ко всей европейской знати, — привлекли бы их внимание лет пять назад, когда его собственное положение было почти безнадежным. Сейчас же он мог говорить с позиции силы. После того как крестоносцы прибрали к рукам важную крепость Тир на побережье, латиняне уже всерьез подумывали о нападении на глубокие мусульманские тылы. В 1124 году Балдуин осадил город Алеппо; в 1125 году разгромил армию сарацин в сражении под Айзазао и совершил несколько рейдов на земли, подвластные эмиру Дамаска. В самом начале 1126 года он большими силами еще глубже проник на дамасские территории, совершив несколько успешных операций и захватив обильную добычу. Казалось, взятие самого Дамаска не за горами: еще одно усилие — и этот богатейший город падет, обеспечив рыцарей богатыми трофеями. А заодно будет ликвидирована постоянная опасность мусульманского вторжения и возникнет еще одно франкское государство на Ближнем Востоке.

Поскольку у иерусалимского короля не было сына-наследника, а лишь три дочери, для сохранения стабильности Балдуину было жизненно важно выдать старшую дочь Мели-

сенду за какого-нибудь высокопоставленного вельможу. Что бы там папы ни говорили по поводу обязательного согласия жениха и невесты на брак, для удержания порядка в заморских колониях обязательным условием было наличие в каждом новообразованном государстве мощной правящей руки. Исходя из возможности ранней смерти владельца фьефа*, феодальное право признавало его наследниками вдову и малолетних детей. Однако ни супруга, ни малолетний ребенок не могли повести рыцарей на войну. Потому после смерти барона вдове приходилось срочно выходить замуж за другого. Судя по всему, спрашивать об этом самих вдов считалось излишним, хотя изредка, как мы увидим в дальнейшем, их чувства тоже принимались во внимание.

Поездка Гуго в Европу оказалась весьма успешной. В апреле 1128 года он посетил Фулько Анжуйского в Ле-Мансе. В июне того же года сын Фулько, Жоффруа, женился на Матильде, дочери Генриха I Английского, а у самого Фулько появилась возможность отправиться в Иерусалим и жениться на Мелисенде. Король Генрих I щедро одарил магистра тамплиеров, пожаловав ему «дорогие сокровища из казны, включая золото и серебро», которыми был буквально вымощен весь путь Гуго по Англии, Шотландии, Франции, Фландрии, где он принимал более мелкие подношения в виде оружия и лошадей от графов Блуа и Гильома, кастеляна Сен-Омера, что в Пикардии; сын последнего Готфрид вместе с Гуго де Пейном основал рыцарское братство Иисуса Христа.

Не совсем ясно, предназначались ли собранные Гуго жертвования исключительно на нужды ордена или же на более широкие цели — в частности, для осуществления намеченного королем Балдуином II похода на Дамаск. Один из летописцев утверждает — по-видимому, несколько преувеличивая, — что в ходе этого европейского визита Гуго сумел набрать больше добровольцев, чем сам папа Урбан II при организации I-го Крестового похода. Как и тридцать с лиш-

* То же, что феодал — в Западной Европе в Средние века наследственное земельное владение, пожалованное сеньором вассалу на определенных условиях. — *Примеч. пер.*

ним лет назад, многие франкские дворяне продавали свои поместья или брали деньги взajem, чтобы присоединиться к магистру и отправиться на Ближний Восток.

Полномочия, которыми Балдуин II наделил Гуго де Пейна, и готовность, с которой знатные рыцари становились под его знамена, чтобы отправиться в поход на Дамаск, позволяют предположить, что Гуго являлся более значимой и авторитетной фигурой, чем иногда принято считать. На первой печати тамплиеров изображены два рыцаря верхом на одной лошади, что символизирует их бедность; однако нет никаких свидетельств того, что сам Гуго путешествовал по Европе именно таким способом. Хотя беспокойная обстановка на континенте не позволяла владетельным монархам — например, королям Франции и Англии или графу Фландрскому — присоединиться к крестоносцам, они оказывали всемерную поддержку новому рыцарско-монашескому ордену.

Дабы заручиться поддержкой аббата Бернарда Клервоского, Гуго написал ему из Иерусалима письмо с просьбой помочь в получении «апостольской конфирмации» (подтверждения) и составлении свода жизненных правил, или Устава. Это послание он передал с двумя рыцарями, Годемаром и Андреем (Андрей, похоже, приходился Бернарду дядей, а родственнику было трудно отказать). Не выразив особого восторга, Бернард тем не менее обещал посодействовать в созыве внеочередного церковного совета в Труа, с соответствующей повесткой заседания. Писец этого собрания Жан Мишель писал в своих воспоминаниях, что он делал все «по приказу церковного совета и преподобного отца Бернарда, аббата Клервоского», к чьим словам с «одобрением прислушивались» все собравшиеся прелаты. Единственное возражение прозвучало из уст епископа Жана Орлеанского, которого один из летописцев, Иво Шартрезский, охарактеризовал как «сладострастного содомита», известного под недвусмысленным прозвищем Флора — по имени прекрасной римлянки, воспетой Овидием. Причина его несогласия так и осталась неизвестной.

Гуго де Пейн в присутствии пяти соратников-тамплиеров — Готфрид Сен-Омерского, Аршамба Сен-Арманд-

ского, Жоффруа Бизо, Пайена де Мондидье и некоего Роланда — изложил основы ордена и представил на суд иерархов разработанный устав братства бедных рыцарей Христовых. После скрупулезного прочтения и редактирования отцами церкви Жан Мишель начисто переписал этот документ, состоявший из 73 параграфов. В уставе отчетливо ощущалось влияние цистерцианцев. Во вводной части напрямую отмечалось, что светское рыцарство «презирает любовь к справедливости, которая является их прямой обязанностью, и не выполняет свой христианский долг по защите бедных, вдов, сирот и священников, а вместо этого предпочитает разбои, грабежи и убийства»; но теперь те из них, кто присоединится к тамплиерам, получают возможность не только «снять с себя проклятие» и «возродить» истинный дух рыцарства, но и спасти собственные души. Это означало полное самоотречение и, в отсутствие военных действий, строгую монашескую жизнь. «Вы, кто по своей воле отказывается от радостей жизни земной... ради спасения души... и чье главное желание состоит в том, чтобы слышать заутрени и остальные службы согласно канону...»; а если обстоятельства не позволят этого сделать, то «каждый обязан прочитать молитву «Отче наш» — тринадцать раз вместо пропущенной заутрени и девять раз — вместо вечерни».

Аналогично отличию монахов бенедиктинского и цистерцианского орденов от мирян, существовала разница в одежде между рыцарем и сержантом или оруженосцем: «Повелсваем, чтобы все братья носили однотонную одежду — белого, черного или бурого цветов. Белая одежда полагается лишь полностью посвященным рыцарям, ибо те, кто оставил темную жизнь позади, должны через чистую и светлую жизнь вернуться к своему Творцу. Ибо что есть белизна, как не нетронутая чистота, спокойствие духа и полное воздержание». Целомудрие, то есть целибат, для рыцарей было одним из первейших требований: «Воздержание суть сердечное спокойствие и здоровье тела. Те же из братьев, кто не примет обета воздержания, да не обретут вечный покой и не сподобятся лицезреть Всевышнего, ибо воззвал апостол: «Несите всем мир и храните чистоту», — а без сего никому не дано увидеть Господа нашего».

Женатым мужчинам тоже позволялось вступать в орден тамплиеров с разрешения жен, но без права ношения белых одеяний. Их вдовам, хотя и получавшим от ордена материальную поддержку за счет вкладов их бывших мужей, однако, как и другим родственницам женского пола, запрещалось посещать дома, где располагались рыцари.

«Принимать слишком много сестер опасно, так как с участием женщины древний враг многих сбил с праведной дороги в Рай...

Мы считаем, что опасно для всякого благочестивого человека обращать слишком большое внимание на лицо женщины; и потому пусть никакой брат не возжелает поцелуя ни вдовы, ни девицы, ни матери, ни сестры, ни тетки, никакой другой женщины. Итак, пусть Христово воинство избегает женских поцелуев, чрез которые часто люди подвергаются опасности, чтобы смогло оно идти пред очами Господа с чистой совестью и непорочною жизнью».

Следуя уставу Бенедикта Нурсийского и, вероятно, во избежание других форм сексуального порока в спальнях, где располагались рыцари на ночлег, «до самого утра должны гореть светильники», а спать тамплиерам полагалось «в рубашке, штанах, обутыми и с поясом». Возможно, это делалось и для того, чтобы они могли быстро вступить в бой в случае внезапного нападения: «Мы приказываем иметь всем такие одежды, чтобы каждый мог спокойно сам одеваться и раздеваться, обуваться и разуваться». Ответственный за обмундирование не должен был «раздавать слишком длинные или слишком короткие одеяния, а обязан подбирать соразмерные одеяния тем, кто будет ими пользоваться, в соответствии с размерами каждого». Волосы всем рыцарям следовало коротко стричь, а вот бриться им не разрешалось, поэтому все храмовники были бородатыми. Во внешнем виде не позволялось никаких модных атрибутов — предписывалось общим указом, чтобы «ни один постоянный брат (*frater germanens*) никогда не имел меховой одежды или одеял, сделанных из овечьего или бараньего меха», и «не носил

остроносой обуви и шнурков... ибо все эти мерзости пристали только язычникам».

Как и монахи, рыцари должны были принимать пищу в трапезной и в тишине. А поскольку, «как известно, употребление мяса в пищу является способом разращения плоти», то мясо разрешалось лишь три раза в неделю: полное его запрещение могло подорвать физические силы воинов. По воскресеньям рыцарям и священникам разрешалось по два мясных блюда, а оруженосцам и сержантам — только одно — и «пусть благодарят Господа и за это!» В понедельник, среду и субботу братья получали два-три овощных блюда с хлебом. По пятницам часто устраивались посты, а в течение примерно шести месяцев — со Дня всех святых (в ноябре) до Пасхи — еда резко ограничивалась. От поста освобождались только раненые и больные. Десятая часть пищи тамплиеров и все, что оставалось после трапезы, отдавались нищим.

Столь суровый Устав был продиктован опасениями Бернарда Клервоского и других отцов церкви, что без строгих монастырских ограничений рыцари-тамплиеры могут снова перевоплотиться в грешных мирян. Орден получал право на пользование земельными владениями, домами и людьми, обязываясь «править ими по справедливости». Храмовникам также разрешалось взимать десятину, дарованную светскими или духовными властями. Охота, в том числе соколиная, была запрещена. Исключение было сделано лишь для охоты на львов, которые, как сатана, «ходят кругами, выискивая, кого бы пожрать». Запрет налагался не только на остроносые туфли и шнурки, но также на золотые и серебряные украшения на оружии и лошадиной упряжи, а походный мешок для продовольствия предписывалось иметь только из льна или шерсти.

Братьям следовало воздерживаться от легкомысленных замечаний в своих беседах — «говорить просто, без смеха и смиренно немногие, но разумные слова и не кричать», ибо «в многословии всегда кроется порок». Было запрещено хвастать своими прошлыми подвигами: «Со гневом запрещаем, чтобы какой-нибудь постоянный брат дерзнет вспоминать с братом своим или кем-либо другим те, лучше всего сказать,

глупости, которые он в неумеренном количестве произносил в миру во время военной службы, и услаждения плоти с ничтожнейшими женщинами». Бедным воинам Христовым предписывалось «избегать соперничества, зависти, недоброжелательности, ропота, сплетен, злословия и бежать их, как некой чумы», а в качестве профилактического средства против зависти, запрещалось «просить себе коня или оружие, принадлежавшее другому брату», и «только магистру позволено давать коней или оружие кому угодно и вообще кому угодно какую угодно вещь».

Было очевидно, что рыцарям неизбежно придется вступать в контакт с мирянами, однако им запрещалось «без позволения магистра... идти в селения, кроме как ночью помолиться у Гроба Господня и у других молитвенных мест, которые находятся в пределах града Иерусалима». Но даже и в этих случаях братьям предписывалось ходить парами; и, если бы пришлось остановиться на постоялом дворе, «никто из братьев, либо оруженосцев, либо сержантов не может войти в покои другого, чтобы увидеться или побеседовать с ним без предварительного разрешения».

Как и монастырский аббат, магистр обладал неограниченной властью. «Подобает тем рыцарям, которые считают, что нет ничего любезнее Иисусу, чем послушание, беспрекословно повиноваться магистру ради своей службы, так как они принесли обет, ради славы высшего блаженства или страха пред Геенной. Следует же так соблюдать послушание, чтобы, когда что-либо будет приказано магистром или же тем, кому он это поручил, тут же это исполнить без промедления, словно приказ отдал сам Христос». Магистр при желании мог советоваться с наиболее мудрыми и опытными из братьев, а в серьезных делах собирать общий совет, дабы выслушать мнение всего собрания и «сделать то, что является лучшим и более полезным, по мнению магистра». Магистр и орденское собрание — так называемый «общий капитул» — имели право наказывать братьев, нарушивших обет.

Среди семидесяти трех статей этого орденского устава, одобренного на Соборе в Труа, около тридцати основаны на

правилах, разработанных в свое время Бенедиктом Нурсийским. Бернард и другие церковные иерархи скорее стремились превратить рыцарей в монахов, чем сделать из монахов рыцарей. Разумеется, в этом уставе встречаются и некоторые военные положения — в частности, определяющие количество лошадей, которыми может распоряжаться рыцарь; имеется даже параграф о допущении — из-за жаркого климата заморских земель — в летнее время заменять шерстяные рубахи на холщовые. Однако весь документ явно направлен на «спасение рыцарских душ», а не на организацию действенной охранной службы. Католические иерархи, похоже, не предвидели, что внедрение строгой монашеской дисциплины среди профессиональных военных — да еще впервые за все время после падения Западной Римской империи — приведет к появлению высокоорганизованной и дисциплинированной тяжелой кавалерии, заметно превосходящей по мощи воинские подразделения, основанные на весьма непостоянной личной преданности сеньору или набранные из наемников.

Однако орден рыцарей Храма вполне мог оказаться и мертворожденным, если бы не получил столь явного одобрения на церковном Соборе в Труа, решение которого позднее благословил и папа Гонорий II. Столь успешный исход во многом был предопределен поддержкой Бернарда Клервоского, которую тот возобновил по возвращении в Клерво. Там он написал духовное воззвание «*De laude novae militiae*», что по-латыни значит «Во славу нового рыцарства». Был ли этот труд вызван развернувшейся против тамплиеров критикой? По возвращении в Иерусалим Гуго де Пейн получил письмо некоего Гио, пятого приора цистерцианского аббатства. Это был весьма уважаемый монах, который считал своим долгом убедить тамплиеров, что их призвание — в духовной сфере, а не в военном деле. «Абсолютно бесполезно атаковать внешних врагов, если вначале мы не победим врагов в самих себе». Копии своего письма он направил в Иерусалим с двумя миссионерами и настоятельно просил Гуго зачитать это послание всем членам ордена.

Можно не сомневаться, что именно Гуго настоял на том, чтобы Бернард написал свое «De laude...» и тем самым успокоил озадаченных тамплиеров и потенциальных новичков; сам клервоский аббат пишет во введении, что взялся за перо лишь после третьей просьбы. В своем трактате он обращается к братьям, призывая остерегаться искушения дьявола, который попытается извратить их добрые намерения, направить их усилия на убийство врагов и разжигание военного костра и отвлечь от благородной и богоугодной цели призраком «большого добра». Тамплиеры, как он считал, являли собой новую ступень в жизни церкви, а их задачи «резко отличались от традиционного рыцарства»: вместо убийства людей, которое само по себе зло, следует бороться со злом — иначе говоря, заняться истреблением зла, что является несомненным благом. Бернард ничуть не сомневался, что Святая земля является наследственной вотчиной Иисуса Христа, незаконно захваченной сарацинами. Большая часть его трактата посвящена описанию жизни и страданий Христа. Так он пытался убедить тамплиеров, что на их долю выпала высокая честь пройти той же дорогой, что и Спаситель. Но самое главное — физическая реальность Святого Гроба Господня напоминает всем христианам, что именно Он когда-то победил здесь смерть.

«Воодушевленные идеей спасения своих душ, рыцари бесстрашно обрушились на врагов христианства, уверенные в том, что, и мертвые, и живые, они обретут Божественную любовь Иисуса Христа. И в каждой воинской стычке они мысленно повторяли примерно такие слова:

“Живые и мертвые, мы все принадлежим Богу. Слава победителям, вернувшимся с поля битвы! Но благословенны и мученики, павшие в сражении! Присоединяйтесь, храбрые мужи, если готовы жить и сражаться за Господа. Жизнь действительно прекрасна и победа восхитительна, но... лучше всего этого смерть. Ибо погибших в бою благословляет сам Господь. Насколько же более благословенны павшие во имя Господа?”»

6. Тамплиеры в Палестине

По завершении Собора в Труа Гуго де Пейн вернулся в Палестину. Несколько его лейтенантов, однако, задержались в Европе, чтобы принять новобранцев, собрать пожертвования и решить некоторые административные дела. Хотя на тот момент общественное положение и служебные функции официальных руководителей тамплиеров были определены еще не до конца, тем не менее в документах упоминаются келари, сенешали и провинциальные магистры. Пайен де Мондидье, один из девяти отцов-основателей ордена, судя по всему, представлял тамплиеров во Франции к северу от Луары; Гуго де Риго собирал пожертвования в районе Каркассона; Пьер де Ровира — в Провансе; а будущий магистр ордена Эввар де Бар — в Барселоне. Приношения могли быть как весьма скромные: клочок бесплодной земли, конь, меч, доспехи и даже пара штанов, — так и очень богатые: крупные земельные наделы, доходы от рыночной торговли и мукомольного производства во владениях таких магнатов, как герцог Бретонский или Элеонора Аквитанская. Элеонора также освободила тамплиеров от выплаты таможенных пошлин в порту Ла-Рошель.

Как мы уже знаем, весьма теплый прием тамплиерам оказал английский король Генрих I, после смерти которого они разместили свою штаб-квартиру в церковном приходе Святого Андрея в Холборне, у северной оконечности современной Ченсери-лейн. Самые крупные земельные пожертвования тамплиерам достались в графствах Линкольншир и Йоркшир. Эти наделы отличались большими размерами, поэтому более мелкие участки обычно отдавались в субаренду, а сами тамплиеры управляли только крупными имениями (прецепториями). В Йоркшире и в Линкольншире орден, следуя примеру Цистерцианского аббатства, разводил овец и продавал шерсть фландрским ткачам, что приносило немалый доход. Неизвестно, понимали ли это сами основатели ордена, однако практически с самого начала большая часть доходов, получаемых тамплиерами — впрочем, как и госпитальерами, — использовалась для обустройства самих имений: большинство вступавших в орден за-

падноевропейцев стремились вовсе не к воинской службе, а к управлению орденской собственностью, сопряженному с необременительным полумонашеским режимом. Финансовая и управленческая структура ордена тамплиеров, как и цистерцианцев, была довольно проста, и «некоторые управляющие братской собственностью жили фактически вне общины».

Однако в отличие от церковных пожертвований, которые направлялись конкретному монастырю, дары, предназначенные ордену тамплиеров, передавались в Тампль — его штаб-квартиру в Лондоне. Весьма солидные размеры этих даров предполагалось использовать для обустройства и комплектования бедного рыцарского братства. Первое время среди жертвователей не существовало особых разногласий на национальной почве, поскольку ими двигали те же благочестивые мотивы, что и в отношении обычных монастырей. Например, в епископстве Хенсли (графство Северный Йоркшир в Англии) норманнский барон Вальтер Леспек пожаловал тамплиерам двенадцать гектаров земли; одновременно он передал Клервоскому монастырю прибрежный участок земли на реке Рай, неподалеку от своего замка (монахи назвали новый монастырь Риволи). Еще один мелкий феодал, чье поместье располагалось вблизи Стоунгрейва (поселка, где провел детство автор этой книги), передал ордену свои владения за символическую арендную плату в сорок пенсов. Позднее этот самый феодал попал в плен к сарацинам во время одного из крестовых походов.

В континентальной Европе крупные вклады поступали в первую очередь от князей, хорошо осведомленных о нуждах заморских территорий, — Альфонсо-Жордана, графа Тулузского, сына Раймунда и сводного брата Бертрана, графа Триполи, — а также от тех, кто ранее участвовал в сражениях с мусульманами на Иберийском полуострове. Правивший Арагонном король Альфонсо I, прозванный за отвагу и воинственность Бойцом, был жестким сторонником христианской Реконкисты и поэтому еще в 1130 году даровал тамплиерам соответствующие привилегии. Нетрудно сообразить, что Альфонсо не столько сам собирался помочь рыцарям Храма, сколько рассчитывал на поддержку тамплиеров. В определенной степени арагонский король предвосхитил возникновение ордена там-

плиеров и их идеи, организовав у себя в королевстве подобные братства рыцарей для борьбы с маврами. Хотя устав таких общин чаще базировался на строгом уставе цистерцианцев, но были и отхождения от него — например, в члены ордена Сантьяго из соседнего королевства Леон принимались и женатые мужчины; им даже разрешалось спать со своими женами.

Главное преимущество военно-монашеских орденов Альфонсо видел в том, что благодаря им вновь отвоеванные у мусульман территории оставались под его личным контролем, а не переходили баронам.

Первоочередные интересы тамплиеров были связаны со Святой землей, а посему они неохотно шли на открытие второго антиисламского фронта; однако выбраться из крепких объятий католических монархов в Иберии оказалось делом нелегким. Чтобы заручиться их поддержкой, португальская графиня Тереза обещала подарить тамплиерам хорошо укрепленный замок в Сауре. А в 1134 году граф Барселонский Раймунд Беренгер IV вместе со своими вассалами на целый год поступил на службу к тамплиерам. Одновременно он издал указ, выведивший рыцарей из-под юрисдикции светских судов.

Таким образом, в Реконкисту оказался вовлеченным уже второй рыцарский орден, основанный на Святой земле. Первым был орден госпитальеров святого Иоанна, или иоаннитов, созданный на основе госпиталя святой Марии Латинской с целью организации приюта и защиты богомольцев. Еще накануне 1-го Крестового похода этот монастырь основали в Иерусалиме итальянские купцы из города Амальфи, обладавшие в то время монополией на торговлю со странами Леванта. Подобно первым тамплиерам и в соответствии с канонами церкви Гроба Господня, госпитальеры строго соблюдали устав преподобного Августина из Гиппона, построив странноприимный дом в том самом месте, где ангел возвестил о появлении святого Иоанна Крестителя.

Создание этого монашеского ордена во главе с братом Жераром было одобрено папской буллой 1113 года. После взятия Иерусалима в 1099 году — за свое благочестие, а также за высокую компетенцию «самых умелых квартирьеров, с которыми

приходилось сталкиваться крестоносцам», — госпитальеры не раз удостаивались крупных даров от Готфрида Бульонского, его наследников на королевском троне и других знатных европейцев, узнавших от возвращавшихся с Ближнего Востока солдат и паломников об их самоотверженности. К моменту официального признания в 1113 году госпитальеры располагали в Европе целой сетью странноприимных домов, где находили приют многочисленные паломники, направлявшиеся в Святую землю.

Брата Жерара, скончавшегося в 1120 году, по традиции сменил Раймунд де Монтейльский, франкский рыцарь, осевший в Иерусалиме по окончании 1-го Крестового похода. Как и Гуго де Пейн, он понимал, что для защиты паломников необходимы надежные вооруженные формирования. И хотя госпитальеры никогда не отказывались от своей главной задачи — защиты паломников, а также «всех сирых и убогих», — их братство фактически превратилось в духовно-рыцарский орден. В 1128 году, когда Гуго де Пейн был в Европе, госпитальеры во главе с Раймундом Монтейльским сопровождали короля Балдуина II в походе крестоносцев на мусульманский Аскалон.

Оба рыцарских ордена развивались бок о бок: управленческая структура, созданная тамплиерами в Европе, основывалась на опыте госпитальерских командорств; в то же время Устав храмовников, принятый на Соборе в Труа, и мощная идеологическая поддержка со стороны Бернарда Клервоского способствовали быстрому превращению ордена госпитальеров в военизированное монашеское братство. Госпитальеры выбрали более мягкий вариант устава, приписываемого Блаженному Августину, но позаимствовали у тамплиеров титул магистра для своих вождей. Их главная резиденция в храме Гроба Господня вскоре соединилась с монастырем Святой Анны, который располагал огромным залом, где могли разместиться до двух тысяч паломников и несколько сот рыцарей, — «зданием столь величественным и удивительным по красоте, что его стоило увидеть хотя бы раз».

Король Альфонсо I Арагонский, обладавший грозной славой «молота мавров», был бездетным, а его брак с Ураккой Кастильской был расторгнут в 1114 году. Из-за отсутствия на-

следников он вынужден был принять меры, чтобы предотвратить распад королевства после своей смерти, и потому в октябре 1131 года Альфонсо подписал завещание, передав свои владения храму Гроба Господня в Иерусалиме и двум рыцарским орденам — госпитальеров и тамплиеров. Как писал Джонатан Райли-Смит, «этим трем я передаю все мое королевство... все свои земельные владения, а также всю власть — духовную и светскую — над епископами, аббатами, монахами, магнатами, рыцарями, горожанами, крестьянами и торговцами, мужчинами и женщинами, детьми и взрослыми, большими и малыми, богатыми и бедными, а также сарацинами и евреями, со всеми законными правами, которые я унаследовал от отца».

Точные мотивы такого неожиданного поступка остаются неясными, но после смерти Альфонсо I, последовавшей в 1134 году, это завещание было оставлено без внимания, несмотря на настойчивые усилия папы Иннокентия II, и никто из трех наследников не смог вступить в законные права. Однако спустя десять лет удалось достигнуть согласия по этому спорному вопросу с Раймундом Беренгуером Барселонским, и тамплиеры в качестве компенсации за обещанные земельные владения получили полдюжины крепостей, право на «десятую часть королевских доходов, освобождение от некоторых податей и пятую часть всех территорий, отвоеванных у мавров». Таким образом, несмотря на первоначальное нежелание активно участвовать в Реконкисте, орден бедных рыцарей Храма превратился в одну из главных сил по вытеснению мусульман с Иберийского полуострова.

Вооруженное участие ордена тамплиеров уже в 1144 году в борьбе на испанском фронте показало, что он быстро укрепляется и растет численно. Разумеется, имелись разные причины их участия в этой кампании, однако не стоит недооценивать и религиозное рвение монахов-рыцарей. И если раньше большинство историков оценивали крестовые походы лишь как формальный повод для грабежей и насилия, то сейчас многие из них ставят на первое место мотивы церковного покаяния. «Осуществление крестоносцами своей мис-

сии... требовало больших расходов и финансовых вливаний, и нагрузка на семью многократно возрастала, когда в поход отправлялось сразу несколько ее членов» (Дж. Райли-Смит). То же самое справедливо и в отношении тамплиеров: «Рыцарям, желавшим присоединиться к ордену, полагалось самостоятельно обеспечивать себя одеждой и амуницией». И бремя этих расходов чаще всего несли родственники и друзья.

Нередко пожертвования вносились самими рыцарями. Так, Гуго де Пейн и Готфрид де Сен-Омер удостоились высоких похвал за внесение в орденскую казну своего имущества. А Гуго Бурбутон из Северного Прованса, присоединившийся к тамплиерам в 1139 году, на деньги, вырученные от продажи владений, основал командорство, которое остается одним из самых богатых и поныне. По его словам, он поступил так в соответствии с заповедью Христа, приведенной в Евангелии от Матфея: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною. Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее». Шестью годами позднее по стопам отца последовал и его сын Никола, передавший ордену все имущество, кроме единственной овцы, которую оставил матери. Он заявил: «...Вручаю себя недостойного рыцарству Христа и Храма, обязуясь быть покорным слугой и братом все оставшиеся дни моей земной жизни, надеясь заслужить отпущение грехов моих и обрести жизнь вечную».

Хотя род Бурбутонов имел не слишком знатные корни, однако являлся крупнейшим в Западной Европе землевладельцем. Так же поступили Гуго де Пейн, Готфрид де Сен-Омер и многие из тех, кто претендовал на лидерские позиции в братстве тамплиеров. Впрочем, это было характерно и для малоимущих рыцарей; с первых дней существования ордена прием в его ряды не зависел от происхождения и кошелек кандидата в тамплиеры. Куда большее значение имели кавалерийские навыки и опыт участия в боевых сражениях или хотя бы в рыцарских турнирах. Фактически военные ордена были более открыты для желающих, чем обычные монастыри: образования не требовалось — лишь немногие

рыцари умели читать и писать, особенно на латыни. Все документы братьям зачитывали капелланы, а от самих рыцарей требовалось лишь повторение молитвы «Отче наш» — нужное число раз и в установленные часы.

Конечно, среди кандидатов встречались люди не только с однозначно благочестивыми мотивами. Например, такие вельможи, как Гуго граф Шампанский и Гарпен де Бурже, присоединились к тамплиерам уже на закате жизни и по причине одиночества — один развелся, у другого супруга умерла. Более молодых и ограниченных в средствах рыцарей часто привлекали перспективы дальних путешествий и возможность самоутверждения. Были и рыцари, отправлявшиеся в Палестину на собственные средства: например, двоюродный брат Роджера, епископа Уорчестерского, вступил в ряды ордена, когда у него закончились деньги.

По мере роста численности и могущества ордена стала формироваться его внутренняя иерархия, аналогичная церковной. Довольно быстро магистры военных орденов стали значимыми фигурами не только в Сирии и Палестине, но и в Западной Европе. Провинциальные магистры и командоры, имевшие огромную финансовую поддержку, вошли в число самых влиятельных лиц общества. Закрепившаяся за ними репутация честных и справедливых рыцарей Христа открывала им двери в дома высших священников и вельмож, римских пап и державных монархов.

С ними были связаны и более романтические представления: в песнях и балладах провансальских трубадуров часто рассказывалось о рыцарях, которые стали тамплиерами из-за безответной любви. Как мы увидим, Жерар де Ридфор, десятый по счету великий магистр, вступил в орден из-за того, что его предложение руки и сердца было отвергнуто одной знатной дамой; однако в данном случае разбитое сердце не столь много значило, как разрушенные ожидания. При желании можно обнаружить немалое сходство между средневековым орденом тамплиеров и Французским иностранным легионом, который известен нам из новейшей истории. Хотя первый орденский устав предусматривал обязательную проверку кандидатов, однако

под давлением обстоятельств от этого требования отказались — орден постоянно нуждался в пополнении. Практически с самого начала в тамплиеры принимали даже отлученных от церкви рыцарей. И вторая статья устава, запрещавшая какое-либо общение с отлученными, постепенно превратилась в свою противоположность: «Туда, где, да будет вам известно, собрались отлученные рыцари, мы и приказываем вам отправиться». Даже рыцарь, осужденный за убийство, мог вступить в орден тамплиеров, дабы искупить свой грех. Епитимья, наложенная на рыцарей, убивших архиепископа Кентерберийского Томаса Беккета, выразилась в четырнадцати годах воинской службы в рядах тамплиеров.

Следует также сказать, что в бедном воинстве Христовом утвердился дух нерушимого мужского товарищества, и он сохранялся в самых опасных и суровых жизненных обстоятельствах. Несомненно, это была весьма привлекательная черта крестоносцев, потому мужчин, словно магнитом, тянуло в такие военные ордена. Жизненные правила бенедиктинских и цистерцианских монастырей, основанные на отрешении от мирской суеты, в то же время оставляли должное место братской дружбе. Более того, известные католические настоятели Ансельм Кентерберийский, Бернард Клервоский и Элред Ривольский усматривали в подобных отношениях величайшее благо. Элред написал по этому поводу специальный трактат «*De spirituali amicitia*» («О духовной дружбе»), а Бернард, «хотя и не исключал возможность своей дружбы с женщинами, считал, что любовь между мужем и женой никогда не способна достичь такой высоты и силы, как мужская дружба», и был убежден, что «человеческая любовь бесконечно слабее Господней любви, а любовь супругов уступает мужской дружбе». В общественных условиях, когда насилие имело всеобщий — можно сказать, эпидемический — характер, а монархи не могли контролировать своих задиристых баронов, первостепенное значение приобретали родственные и дружеские связи. И как мы уже знаем, нередко именно от кумовства зависело пострижение человека в монахи или его присоединение к крестоносцам. Так, священный крест нашили на свои плащи двадцать

пять человек — представители трех поколений рода Ги де Монфери; а тот же отец Бернард появился перед воротами Сито в компании тридцати пяти родственников и друзей.

Присутствовал ли в подобной мужской дружбе элемент секса? Определенно можно сказать, что между монахами иногда устанавливались некие *amitie particuliere* (особые дружеские отношения), на что с неодобрением указывается в поздней истории церкви. Некоторые письма Ансельма, архиепископа бенедиктинского монастыря в Кентерберии, читаются как настоящие любовные послания: «Горячо любимый... поскольку я не сомневаюсь, что мы оба одинаково любим друг друга, и уверен, что каждый из нас в равной степени желает другого, что наши помыслы стремятся слиться воедино в пламени любви и мы одинаково страдаем, оттого что наши тела разделены, принужденные нашими ежедневными занятиями...» Или: «Если бы я выразил всю страсть нашей взаимной любви, то боюсь, некоторым непосвященным могло бы показаться, что это заведомое преувеличение. Поэтому я вынужден сокрыть часть правды. Но ты-то знаешь, сколь велика наша взаимная привязанность — глаза в глаза, поцелуй за поцелуй, объятие за объятие».

И хотя Ансельм писал эти строки за полвека до основания ордена Храма, вполне уместно привести слова этого церковного иерарха в связи с псевдомонашеским образом жизни тамплиеров. На основании приведенных выше цитат американский ученый Джон Босуэлл сделал такой вывод: Ансельм рассматривал гомосексуализм как «рядовой проступок, которому почти любой готов посочувствовать». Однако этот вывод убедительно опровергает другой известный историк, Ричард Саутерн. Он отмечает, что в ту эпоху «никто не имел понятия или не проявлял интереса к наличию врожденных гомосексуальных наклонностей; на уровне средневековых знаний о существовании такого явления его рассматривали просто как симптомы общей греховности, присущей человечеству». В качестве единственной формы гомосексуализма в XI веке признавалась содомия, которая практически приравнивалась к другой неестественной форме секса — совокуплению с животными.

Однозначное осуждение содомии — как греха не только против Всевышнего, но и против природы — можно отыскать в учении святого Павла и у Блаженного Августина, с трудами которых были хорошо знакомы грамотные бенедиктинцы. Образованные рыцари и бароны наверняка обращали на эти суждения отцов церкви мало внимания, а во времена Ансельма содомия, несомненно, была нередким явлением — например, при дворе короля Вильгельма Руфуса. «Следует признать, что подобный грех ныне столь широко распространился, — писал Ансельм, — что вряд ли кто-нибудь уже краснеет по этому поводу, а многие, не сознающие порочность такого занятия, без стеснения предаются ему». Под впечатлением виденного Ансельм, архиепископ Кентерберийский, «неустанно осуждал этот грех и сопутствующие ему внешние атрибуты — длинные волосы и женского вида одежду, — которые провоцируют его».

Поэтому представляется очевидным, что возможность заняться гомосексуальной «любовью» не являлась причиной вступления рыцарей в орден тамплиеров, хотя отцы-основатели, присутствовавшие на Соборе в Труа, понимали опасность такого явления. Именно поэтому они внесли в устав статью о том, что в братских спальнях всю ночь должны гореть светильники. Кроме того, запрещалось спать в одной постели и раздетыми, «как бы ни искушал коварный дьявол». Также очевидно и то, что отдельные рыцари и сержанты время от времени уступали соблазну. О полагающемся за это наказании подробно говорится в указе от 1167 года, в котором отмечается, что «это столь омерзительный, столь зловонный и столь порочный грех, что его не следует даже поминать вслух». Этот порок приравнивался к убийству христианина и считался даже более серьезным, чем сожительство с женщиной.

Гуго де Пейч и Гильом де Бур вернулись в Иерусалим в 1129 году вместе с лабранным в Европе пополнением для ордена тамплиеров. Король Балдуин II тут же начал подготовку к походу на Дамаск, и в начале ноября армия крестоносцев, включавшая крупный отряд тамплиеров, уже приближалась к столице Сирии. Гильому де Буру была поручена доставка продоволь-

ствия и фуража, однако новобранцы, из которых преимущественно состоял его отряд, предались безудержным грабёжам и практически вышли из-под контроля. В тридцати километрах от главного лагеря их атаковала легкая дамаская конница — после сражения в живых осталось всего сорок пять рыцарей. Балдуин, рассчитывая застать врасплох торжествующих победу неприятелей, приказал войскам перейти в наступление, но сразу после этого приказа пошли проливные дожди, и раскисшие дороги превратились в вязкие болота. В результате наступление на Дамаск было сорвано.

Имеются весьма скудные сведения о том, чем Гуго де Пейн и тамплиеры под его началом занимались в течение последующих нескольких лет. Первой крепостью, в которой обосновался рыцарский орден в 1136 году — в данном случае госпитальеры, — стал Беттибелин, расположенный между Хевроном на Иудейских холмах и прибрежным Аскалоном. Что касается тамплиеров, то они, похоже, сосредоточили усилия на выполнении главной задачи — охране путей, по которым передвигались паломники. Для этого тамплиеры возвели замок, часовню и придорожные строения в городке Цистерна Рубеа — на полпути между Иерусалимом и Иерихоном. Помимо этого, они заняли укрепленную башню около самого Иерихона — в Байт-Джубр ат-Тахтани, замок и монастырь на вершине той самой Карантинной горы, где Иисус, искушаемый дьяволом, постился в течение сорока дней, и еще один замок на реке Иордан — в том месте, где Иоанн Креститель крестил Иисуса.

Однако первую по-настоящему крупную крепость тамплиеры построили не в Иерусалимском королевстве, а на северной границе латинских владений — в Амманских горах. Этот узкий хребет, который тянется из Малой Азии на юг и вершины которого достигают двух-трех тысяч метров, служил естественной границей между армянским царством в Киликии и Антиохийским княжеством с одной стороны и континентальными районами Сирии, включая Алеппо и средиземноморское побережье, — с другой.

Дорога, ведущая через эти горы из Алеппо или Антиохии в порты Александретта и Порт-Боннель (Арсуз), носит на-

звание перевал Белен, или Сирийские ворота. В 1130-х годах тамплиерам было поручено обеспечение безопасности этого важного стратегического участка между Киликией и Антиохией. Чтобы защитить Сирийские ворота со стороны Амманского хребта, рыцари заняли важный укрепленный пункт Баргас, который переименовали в Гастон. Это был замок, «неколебимо стоявший на отвесной скалистой вершине и подпиравший своими башнями небеса». Из Гастона, расположенного на восточном склоне хребта, открывался вид на долину — от Алеппо до Антиохии. Дальше на севере для охраны перевала Шуглан тамплиеры разместили гарнизоны еще в двух в замках — Дарбасак и Ла-Роше-де-Руссель.

В 1130 году правитель Антиохии князь Боэмунд II погиб в сражении с большой армией мусульман из Персии, Сирии и Месопотамии под началом эмира Гази. Победитель отослал его забальзамированную голову в качестве подарка багдадскому халифу. Вдова Боэмунда, Алиса Иерусалимская, была средней из трех властолюбивых дочерей Балдуина Буржского и армянской царевны Морфии; ее старшая сестра, Мелисенда, наследница иерусалимского престола, была в тот момент замужем за Фулько Анжуйским. Отцовский трон в Антиохии теперь должна была занять дочь Алисы, Констанция, однако, узнав о смерти мужа, мать решила взять власть в свои руки. Вскоре всем стало понятно, что ее властные амбиции безграничны: лишив собственную дочь законного наследства, она отказала даже своему отцу, королю Балдуину Иерусалимскому, в регентстве над антиохийским престолом. Одновременно Алиса обратилась за помощью к эмиру Зенги, сарацинскому правителю Алеппо и основателю могущественной династии Атабеков.

Однако посланцы вдовствующей княгини были перехвачены королем Балдуином и повешены. Тогда Алиса заблокировала перед отцом все горные проходы в Антиохию — вероятно, рассчитывая на поддержку части местных христиан; однако французские бароны ее не поддержали и открыли перевалы. Со временем отец с дочерью помирились, и Алису выслали в Латакию, на Средиземном море. Однако столь

дерзкая непокорность державному отцу, несомненно, ускорила его конец. По возвращении в Иерусалим Балдуин тяжело заболел, а в августе 1131 года официальный хранитель Гроба Господня скончался, успев перед смертью постричься в монахи.

Через пять лет умер и первый Великий магистр тамплиеров Гуго де Пейн. Собравшийся в Иерусалиме капитул избрал его преемником Робера де Краона, известного также под именем Бургундец, который был родом из Анжу, и посему его кандидатуру поддерживал Фулько Анжуйский. Новый магистр снискал авторитет как выдающийся администратор, он не мешкая занялся организационно-финансовым укреплением ордена тамплиеров. Ему удалось добиться дополнительных и исключительных привилегий от папы Иннокентия II, который выпустил в 1339 году специальную буллу — «*Omne Datum Optimum*».

Эта булла адресована «дорогому сыну Роберу, великому магистру монашеского рыцарства Храма, расположенного в Иерусалиме», и определяет смысл существования ордена. Тамплиеры выводились из-под юрисдикции других священников и подчинялись напрямую папе римскому. Даже патриарх Иерусалимский, которому основатели ордена в свое время приносили клятвы, теперь утрачивал власть над орденом. Папский указ позволял тамплиерам иметь собственные часовни. Булла Иннокентия II также позволяла учредить институт братьев-капелланов для обслуживания Храма, что делало тамплиеров полностью независимыми от местных епископов не только в заморских ближневосточных землях, но и на Западе. Рыцари Храма получили право на взимание десятины, а сами от нее освобождались — ранее таким правом располагал только орден цистерцианцев; они могли устраивать кладбища рядом со своими домами и хоронить там странников и собратьев — подобные права давали большую денежную выгоду. Храмовникам отдавалась вся добыча, захваченная у врагов, за которую они отчитывались только перед своим магистром — его избирал из членов ордена вер-

ховный капитул, или собрание, причем без всякого давления со стороны светских властей.

Что же скрывалось за столь щедрыми папскими привилегиями? Иннокентий II, урожденный Грегорио ди Папареши, принадлежал к высшей римской знати. Но его победу на папских выборах опротестовал упорный и опасный соперник, взявший имя Анаклет II, за спиной которого стоял король Сицилии Роджер II. Иннокентий бежал во Францию, где заручился поддержкой Бернарда Клервоского; влияния последнего оказалось достаточным, чтобы Иннокентия поддержали французский король Людовик VI и английский монарх Генрих I. А в Германии немецкое духовенство и короля Лотаря III сумел привлечь на его сторону Норберт, архиепископ Магдебургский. В результате Анаклета II признала только шотландская церковь, а также Аквитания и норманнская Италия.

В 1138 году Анаклет скончался, и на следующий год Иннокентий вернулся в Рим, положив конец восьмилетней схизме. Являлась ли «*Omne Datum Optimum*» его ответным даром Бернарду Клервоскому за оказанную поддержку? Факт благодарности, конечно, мог иметь место, однако эта булла в дальнейшем получила четкое подтверждение в понтификатах Целестина II и Евгения III — «*Milites Templi*» (1144) и «*Militia Dei*» (1145), — и это ясно показывает, что поддержка тамплиеров к этому моменту стала определяющей в политике католических иерархов. Удержание Святой земли превратилось в один из главных приоритетов римского престола независимо от сотрясавших папскую тиару событий. А орден Храма, который вначале держался лишь на харизме нескольких благочестивых рыцарей, превратился в один из инструментов борьбы всего христианского мира с исламом.

Если у кого-то еще оставались сомнения в необходимости помогать заморским территориям, то они должны были отпасть, когда в Европе узнали, что в канун Рождества 1144 года эмир Мосула Имад ад-Дин Зенги захватил и разграбил Эдессу. Осенью следующего года известие об этой трагедии

дошло и до вновь избранного папы Евгения III. Выходец из простой итальянской семьи, Евгений одно время пребывал монахом в аббатстве Клерво, привлеченный туда магнетическим словом отца Бернарда, а к моменту своего избрания на папский трон был уже настоятелем цистерцианского дома святых Винченцо и Анастасио недалеко от Рима. Его реакцией на эту потерю христиан на Востоке стала булла «Quantum Praedessores», обращенная к французскому королю Людовику VII и призывавшая его возглавить новый крестовый поход против сарацин.

Впервые во главе крестового похода стал европейский монарх. Людовик был прямым наследником Гуго Капета, избранного франкским королем в 987 году. Унаследовав трон от своего отца Людовика Толстого в возрасте семнадцати лет, он женился на Элеоноре, дочери и наследнице Гильома, герцога Аквитанского. Когда папа римский обратился с призывом к 25-летнему Людовику, тот собрал для совета своих баронов в городе Бурже накануне Рождества 1145 года. Сообщив, что планирует отправиться в крестовый поход, он предложил собравшимся присоединиться к нему. Умолчав о полученной папской булле «Quantum Praedessores», Людовик выдал идею похода за собственную.

Но последствия для него оказались весьма печальными. Многие знатные вельможи не слишком уважали Людовика, который тремя годами раньше незаконно захватил и присвоил владения своего вассала Тибо Шампанского. На совете в Бурже главный советник французского монарха аббат Сугерий Сен-Денийский открыто выступил против идеи крестового похода: опытный политик не без оснований опасался, что в отсутствие монарха недовольные бароны вознамерятся подорвать государственные устои. Людовику удалось добиться в Бурже лишь согласия на отсрочку окончательного решения по данному вопросу до ближайшей Пасхи, когда королевский совет соберется в Везеле (Бургундия).

Недовольный неудачной попыткой, Людовик VII решил обратиться за поддержкой к человеку, авторитет которого во Франции был намного выше, чем у аббата Сугерия, — к Бер-

наряду Клервоскому. К тому времени прошло уже тридцать два года с того дня, когда преподобный Бернард впервые вошел в ворота монастыря Сито, и тридцать лет со дня основания цистерцианской общины в Клерво. За прошедшие годы, как мы уже знаем, Бернард стал главным советником римских пап и европейских монархов. Среди его монахов был не только папа Евгений III — в том же году в Клервоский монастырь был принят и Генрих Французский, родной брат Людовика VII.

Уважительное отношение Бернард заслужил всей своей беспорочной жизнью: в современном ему мире, где многие громко декларировали христианские заповеди, но не соблюдали их, клервоский аббат отличался глубокой набожностью и аскетизмом. Он поистине стал совестью всего западного христианства. Его жизнь — пример как для богатых и сильных мира сего, так и для нищих и сирых. Некоторым современным историкам, отмечая, что большинство людей ныне безразлично к тому, что ждет их после смерти, Бернард представляется истовым праведником, настоящим фанатиком, убежденным в том, что все люди порочны по природе и потому нуждаются в покаянии. Однако для самого Бернарда — знающего жестокости светской жизни, коррупцию священников и абсолютно уверенного в существовании ада — спасение падших душ было делом само собой разумеющимся и требовавшим всех сил без остатка.

Силы зла, по его мнению, не ограничивались только стремлением к мирскому благополучию и власти, но распространялись на куда более тонкие и чувствительные сферы, связанные с ложными идеями и представлениями. Очень набожный, Бернард к тому же обладал выдающимся интеллектом, и это отмечали все, кто слышал его содержательные проповеди. Он мгновенно распознавал еретические взгляды и беспощадно преследовал тех, кто их высказывал. В 1141 году на Соборе в Сансе он обвинил в ереси известного философа и теолога Пьера Абеляра и добился официального осуждения его рационалистического учения.

В 1145 году, как раз тогда, когда Евгений III инициировал новый крестовый поход, Бернард выступал в провинции Лангедок (Южная Франция) с обличением идей другого популярного проповедника — Анри Лозаннского. Приглашенный разрешить спор между королем Людовиком VII и графом Тибо Шампанским, Бернард сочувственно выслушал молодого монарха. Однако ему не понравилась идея поставить во главе столь важного духовного предприятия светского правителя, и он известил об этом папу Евгения. В результате 1 марта 1146 года тот переиздал свою буллу «Quantum Praedecessores», предоставив Бернарду обнародовать ее во Франции.

А 31 марта Людовик VII и другие французские вельможи собрались, как и было договорено, в Везеле на новый совет. Известие о том, что с проповедью выступит сам Бернард Клервоский, привлекло туда его почитателей со всей Франции. Как и в 1095 году, когда на Соборе в Клермонском монастыре выступал Урбан II, церковь Святой Марии Магдалины оказалась слишком мала, чтобы вместить всех желающих. Поэтому на окраине города была построена специальная платформа. Обращение Бернарда, как всегда, произвело впечатление. По окончании проповеди оказалось так много желающих тут же нашить крест на одежду, что Бернарду даже пришлось разрезать свою алую сутану на полоски.

Первым к нему приблизился Людовик VII, а следом — его брат Робер, граф Дреский. Многие из тех, кто последовал в тот памятный день за братьями Капет, фактически шли по стопам своих отцов и дедов — например, Альфонсо-Жордан, граф Тулузский, который родился в то самое время, когда его отец штурмовал Триполи; Гильом, граф Неверский, чей отец участвовал в злополучной экспедиции 1101 года; Тьери, граф Фландрский, и Генрих, наследник графства Фландрия. К ним присоединились Амадей Савойский, Аршамбо Бурбонский и епископы из Лангра, Арраса и Лизе. Несколько дней спустя Бернард написал папе в Рим: «Вы повелили, я исполнил; авторитет повелевшего позволил успешно выпол-

нить порученное... Все города и села теперь опустели. Вы с трудом насчитаете одного мужчину на семь женщин. И везде можно встретить вдов, чьи мужья еще живы».

Бернард выступал с проповедями не только в Везеле. Оттуда он направился на север — в Шалон-на-Марне и далее во Фландрию. А потенциальным новобранцам, с которыми не мог встретиться лично, Бернард отправил послания. Так, жителям Англии он писал:

«Спаситель небесный теряет свои земли, земли, где он явился пред людьми и где более тридцати лет жил среди людей... Всем известно, что ваша земля богата молодыми и сильными мужчинами. Весь мир восхваляет их достоинства, и слава об их отваге на устах у всех...»

Он всячески подчеркивал, что у крестоносцев есть великолепная возможность спасти свои грешные души:

«Теперь у вас есть дело, за которое можно сражаться, не опасаясь за свою душу; победа в такой борьбе принесет вам славу, а умереть за него — подлинное благо.

...Не упустите такую возможность. Примите знак креста — и сразу получите прощение всех грехов, в которых добросердечно покаетесь. Вам не придется тратить много средств, а если примете это со смирением, то обретете Царствие Небесное».

Следует отметить, что подобного воззвания в адрес германских рыцарей не последовало, поскольку папа Евгений хотел, чтобы король Конрад III помог ему в борьбе с норманнским правителем Сицилии Рожером II. Однако по призыву архиепископа Майнцкого Бернард направился в прирейнские области, чтобы прекратить несанкционированные проповеди цистерцианского монаха по имени Рудольф, которые вызвали волну еврейских погромов. До этого Бернард резко осудил зверства погромщиков в своих письменных посланиях: «Евреев нельзя преследовать, убивать и даже изгонять с обжитых мест... Евреи для нас — прежде всего живые слова Писания, ибо всегда напоминают, как страдал Спаситель».

Монах Рудольф был отправлен назад в свой монастырь, однако ажиотаж, разгоревшийся вокруг крестового похода, уже было невозможно погасить. Поэтому было решено подключить и немцев, и Бернард принялся объезжать германские города, оповещая всех о прекрасной возможности искупить грехи. При этом главный акцент он делал именно на духовных выгодах — исключительной возможности избежать наказания за свои прегрешения. И похоже, сам Всевышний решил подтвердить правоту своего верного слуги, совершив целый ряд чудес вслед за его проповедями.

Главная задача Бернарда состояла в том, чтобы убедить Конрада III принять участие в походе. Ни частные совещания, ни официальные обращения не могли заставить Конрада принять крест; свой отказ он объяснял возникшей недавно смутой в германской империи. Первая попытка, предпринятая Бернардом во Франкфурте в ноябре 1146 года, окончилась неудачей, но под Рождество в Шпейере у него появился еще один шанс. Здесь, согласно легенде, он попросил императора представить, как Христос в день Страшного суда попросит его сравнить, что Спаситель сделал для Конрада и что сам Конрад сделал для Спасителя. «О человек, что же я не сделал для тебя из того, что должен был сделать?» Вместо ответа император упал на колени и поклялся встать на защиту христиан.

В январе 1147 года папа Евгений III выехал из Рима и пересек Альпы, чтобы встретиться с французским королем Людовиком в Дижоне и посетить аббатство Клерво, где он в свое время был монахом. Из Клерво он направился в Париж, по дороге отметив Пасху торжественной службой в аббатстве Сен-Дени. Именно там в день Воскресения Христова он вручил Людовику VII королевский штандарт, орифламму* и паломнический посох. А 27 апреля, на восьмой день Пасхи, папа посетил штаб-квартиру французских тамплиеров в их новом доме на севере Парижа.

* Орифламма (от *лат.* aurea flamma — золотой пламень) первоначально была хоругвью, или знаменем, аббатства Сен-Дени. Ее красное полотнище было покрыто золотыми языками пламени. — *Примеч. пер.*

Это был весьма многозначительный и торжественный акт, утвердивший высокое положение ордена. Евгений велел брату Аймару, казначею парижского командорства тамплиеров, собирать налог из расчета одной двадцатой от стоимости церковного имущества, который папа ввел для финансирования крестового похода. При этом папу сопровождали французский король, архиепископ Реймский, четыре других епископа и сто тридцать рыцарей. Магистр ордена Эврар де Бар призвал под свои знамена лучших рыцарей из Португалии и Испании. Вместе с ними прибыло еще по меньшей мере столько же сержантов и оруженосцев. Вид бородатых рыцарей в белых одеждах произвел большое впечатление на всех очевидцев и хронистов, описавших это событие. На этом капитуле Евгений III даровал тамплиерам право носить на левой стороне плаща, под сердцем, изображение алого креста, «чтобы сей победоносный знак служил им щитом и дабы никогда не повернули они назад пред каким-нибудь неверным». Крест выкраивался из красной ткани и имел обычную форму — «принадлежащие к ордену Храма носят его простым, алого цвета». Белый цвет рыцарских плащей символизировал чистоту и невинность, а красный крест — мученичество.

За императором Конрадом последовали и некоторые знатные немецкие вельможи. Однако многим магнатам, преимущественно из восточногерманских земель — например, герцогу Саксонскому Генриху, по прозвищу Лев, и маркграфу Бранденбургскому Альберту, прозванному Медведем, — от папы римского были обещаны привилегии за участие в крестовом походе против языческого племени венедов, проживавших в Восточной Европе.

Несмотря на определенный раскол сил, в мае 1147 года из Регенсбурга выступила двадцатитысячная немецкая армия и направилась по маршруту 1-го Крестового похода. А французские войска, собравшиеся в районе Меца, несколько недель спустя выступили в поход под предводительством Людовика VII и его супруги Элеоноры Аквитанской.

В отличие от своего деда Алексея Комнина византийский император Мануил Комнин не просил помощи у За-

падной Европы и с крайним подозрением относился к таким шагам. В тот момент он вел войну с Роджером Сицилийским, а посему, чтобы прикрыть тылы, был вынужден заключить перемирие с турками-сельджуками. Крестоносцам же такой договор с неверными представлялся явным предательством, а потому подозрения Мануила многократно умножились.

Не дожидаясь французов, Конрад пересек Босфорский пролив, после чего разделил свой отряд на две части. Епископ Фрейзингенский вместе с группой небооруженных паломников отправился по длинному пути вдоль побережья, которое еще находилось под контролем византийцев, а сам Конрад повел остальное войско напрямую — через Анатолию. Вблизи Дорилеи его отряд был атакован и разбит турецкой армией. Оставшиеся в живых, включая Конрада, вернулись в Никею, где соединились с французами. Теперь оба европейских монарха повели крестоносцев на юг, в Эфес, постоянно конфликтуя с местным византийским населением по поводу продовольствия и фуража.

В Эфесе Конрад серьезно заболел и вынужден был возвратиться морем в Константинополь. А французы продолжили путь в глубь страны по долине Меандра. Вскоре Людовику пришлось на деле убедиться в могуществе магистра французских тамплиеров Эвраа де Бара. Ранее король уже направлял его в числе троих послов на переговоры с византийским императором Мануилом Комнином. Теперь же он убедился в силе и отваге рыцарей-храмовников. По ходу трудного продвижения по пустынной местности, да еще в суровых зимних условиях, когда королева и сопровождавшие ее фрейлины дрожали в своих хрупких носилках от холода и страха, крестоносцы подвергались непрерывным атакам легкой турецкой кавалерии, обладавшей умением метко стрелять из луков на полном скаку. А традиционная тяжелая кавалерия франков, столь эффективная в регулярных полевых сражениях, с трудом разворачивалась в узких горных проходах. В этих условиях турки резко усилили свои атаки, и французской армии грозило полное уничтожение.

В критический момент Людовик решил положиться на опыт и воинский талант Эврара де Бара. Тот разделил все войско на несколько отрядов, во главе каждого поставил одного из тамплиеров. Крестоносцы образовали своего рода братство под эгидой тамплиеров, которым поклялись беспрекословно подчиняться. Благодаря такой реорганизации армия Людовика без крупных потерь добралась до византийского порта Атталия, откуда король с лучшей частью уцелевшего войска отплыл в Антиохию. Оставшимся крестоносцам вместе с примкнувшими паломниками предстояло продолжить поход в Сирию.

В Антиохии тепло встретили Людовика и сопровождавших его рыцарей. В то время там правил Раймунд Пуатье, юный сын герцога Гильома Аквитанского, который был женат на Констанции, унаследовавшей антиохийский престол несколькими годами ранее. Таким образом, Раймунд приходился дядей Элеоноре Аквитанской, и теперь он с радостью направился в порт Сен-Симон, чтобы встретиться со своей знатной племянницей и французскими крестоносцами. Несомненно, Раймунда и местных баронов весьма привлекало общество юной красавицы королевы и придворных дам. Элеоноре было не менее приятно увидеть галантного и привлекательного дядюшку. Обворожительная, обладающая острым и живым умом, двадцатипятилетняя женщина уже не испытывала прежних чувств к раздражительному и нерешительному мужу-королю после ужасного путешествия по азиатской пустыне.

Положение Людовика к тому же усугублялось отсутствием денег — он истратил все средства на продовольствие и транспорт, которые были весьма дороги: его греческие союзники заламывали чрезвычайно высокие цены. И он снова обратился с просьбой к магистру тамплиеров Эврару де Бару, который доставил необходимые средства из Акры, где хранилась орденская казна. Король отправил письмо аббату Сугерию, предписав оплатить тамплиерам долг в две тысячи серебряных марок — сумму, равную по-

ловине годового дохода от всех королевских владений во Франции. Этот факт говорит не только о больших затратах на крестовые походы, но также о богатстве ордена бедных рыцарей Храма.

Любовные заигрывания Элеоноры были однозначно восприняты ее дядей, что породило среди жителей Антиохии слухи, будто их родственная привязанность преступает все дозволенные пределы. Реакция Констанции, супруги Раймунда, осталась неизвестна; позднее она показала, что тоже способна на проявление страстных чувств, но в тот момент, вероятно, была еще слишком молодой и неискушенной и не могла разобраться, что происходит. Совсем иначе повел себя король Людовик, чья ревность была подогрета тем, что Элеонора открыто поддерживала планы Раймунда по изменению начальных целей французской экспедиции.

Раймунд Пуатье склонял Людовика к нападению на Алеппо, чтобы ослабить турецкое давление на свое княжество с севера. Он утверждал, что эти действия существенно облегчат освобождение Эдессы, что и было главной задачей крестового похода. И Людовик был готов согласиться на это предложение, если бы не подозрение, что Раймунд «наставляет ему рога». Узнав, что оправившийся от болезни Конрад прибыл в Акру, французский король объявил, что в первую очередь собирается выполнить свой обет и посетить Священный град. И тут же отдал приказ своим войскам двигаться на юг. Будучи богаче своего венценосного супруга и ощущая себя независимой, Элеонора — со свойственным ей самомнением — заявила, что остается в Антиохии, а свое брачное обязательство объявляет недействительным. Однако взбешенный Людовик применил силу и заставил ее следовать вместе с ним.

Несмотря на внушительные потери французской и германской армий в анатолийской экспедиции, в июне 1148 года в Акре собралось довольно крепкое и многочисленное войско. Оба монарха, Конрад и Людовик, поручили командование объединенным отрядом крестоносцев маркизу Монфер-

ратскому, а также графам Овернскому и Савойскому. Провансальские рыцари во главе с графом Тулузским, Альфонсо-Жорданом, прибыли морским путем. Морем прибыли и задержавшиеся крестоносцы из Англии, Фламандии и Фризии: по дороге их перехватил португальский король Альфонсо-Энрике, которому они понадобились для освобождения Лиссабона от мавров.

Эта объединенная армия латинян из Европы и Ближнего Востока (Заморья) 24 июня того же года предстала перед юным иерусалимским королем Балдуином III, который правил вместе со своей матерью Мелисендой. Тут же присутствовали все знатные бароны и епископы заморского королевства, но всю местную знать затмевали вельможные европейские гости. С германской стороны это были: император Конрад III и два его сводных брата, герцог Австрийский и епископ Фрейзингенский, его племянник Фридрих Швабский, Вольф Баварский и могущественные епископы Мецский и Тульский. Людовика VII сопровождали: его брат Робер Дреский, Генрих Шампанский (сын Тибо, старого врага французского короля), а также Тьерри, граф Фландрский. Тут же присутствовали верховные магистры тамплиеров и госпитальеров. Летописцы отметили отсутствие антиохийского князя Раймунда Пуатье — из-за шумного скандала с Людовиком. Не было и Альфонсо-Жордана, графа Тулузского, — тот внезапно скончался в Кесарии.

Как распорядиться такой мощной армией? Совет согласился с Раймундом Антиохийским, что главная опасность для франкских государств исходит из Алеппо, которым правил сын Зенги, Нуреддин. Захват этого города представлялся необходимым условием освобождения Эдессы. На юге дороге на Египет перекрывала крепость Аскалон, до сих пор находившаяся в руках арабских Фатимидов. Третьей возможной целью крестоносцев являлся Дамаск, но Дамаск оставался единственным мусульманским владением в регионе, желавшим присоединиться к борьбе европейцев с Нуреддином. Однако последнее обстоятельство отодвигалось на задний план из-за амбиций местных баронов, давно заривших-

ся на богатые владения дамасского эмира, и притязаний европейских монархов, желавших прославиться, — для них Дамаск был не только одним из знаменитых библейских городов, но и желанной добычей. Они рассчитывали на обильные трофеи.

Как и войска Балдуина II двадцатью годами ранее, армия крестоносцев маршем прошла через Пантеаду, пересекла Антиливанский хребет и 24 июля подошла к стенам Дамаска. Разбив укрепленный лагерь в пригородных садах, крестоносцы приготовились к осаде. Мусульмане предпринимали частые вылазки, неожиданно нападая на франков небольшими вооруженными группами. В густых садах, где были воздвигнуты земляные стены с узкими проходами между ними, такая тактика оказалась весьма успешной. Признав выбранное для лагеря место неудачным, оба монарха отдали приказ перебазироваться в пустынную местность к востоку от города. На просторе они могли развернуть свою тяжелую кавалерию, но зато остро ощущался недостаток воды; к тому же тут возвышались самые мощные крепостные стены.

Получив подкрепление с севера, мусульмане усилили набеги на латинян. Пока те, кто возглавлял доблестную армию крестоносцев, спорили между собой, кто станет правителем Дамаска в случае его захвата, их воины с трудом отбивали нападение злобных сарацин. А вскоре поползли слухи, что их предали. Появилось известие, что к Дамаску приближается армия Нуреддина и что осажденные готовы впустить его в город. Местные бароны уже поняли все безрассудство выбранной ими стратегии и 28 июля настояли на снятии осады. Преследуемая легкой кавалерией мусульман, когда-то непобедимая армия латинян срочно ретировалась в Галилею. Вся затея закончилась полным фиаско.

После столь постыдного бегства, как всегда, занялись поиском козлов отпущения. Крестоносцы яростно обвиняли баронов Заморья в том, что те договорились с Дамаском за их спиной. Если они брали у них деньги раньше, то почему

бы не взять снова? Под подозрением оказались даже тамплиеры. В ноябре император Конрад покинул Святую землю в полном отчаянии. В сопровождении свиты он сначала переправился по морю из Акры в Фессалоники, а оттуда — в Константинополь, где встретился с императором Мануилом Комнином. Даже если он и подозревал византийцев в измене, то открыто этого не выказал: у греческого и германского монархов был общий враг в лице Роджера Сицилийского, и они скрепили свой союз женитьбой брата Конрада на племяннице Мануила.

Людовик VII считал византийцев причиной всех своих бед и неудач, поэтому вместе с сарацинами греки представлялись ему врагами всего христианского мира. Несмотря на настойчивые мольбы аббата Сугерия вернуться на родину, Людовик на целый год задержался в Палестине, уже в качестве паломника. Неизбывная ненависть к византийцам привела короля к порочной идее заключить союз с норманнским королем Роджером. Когда он наконец собрался назад в Европу, то намеренно выбрал для путешествия сицилийское судно. Около Пелопоннеса их флотилия была атакована византийской эскадрой. Когда выяснился монарший статус Людовика, его кораблю было разрешено продолжить путь, однако все имущество со второго сицилийского судна было конфисковано и отправлено в Константинополь. Задержали и большинство спутников Людовика.

Это событие еще больше усилило ненависть короля к византийцам. Добравшись до Потенцы, он тут же встретился с королем Роджером, договорившись с ним о новом крестовом походе, одной из главных целей которого должен был стать Константинополь. Несмотря на явный скептицизм папы Евгения, Людовик не оставлял мысли о походе на север, пытаясь привлечь на свою сторону и представителей духовенства — Петра Достопочтенного, аббата Ключийского и даже Сугерия Сен-Денийского.

Несомненно, Людовик стремился отомстить за понесенные на Востоке потери — и не только потери прекрасной

армии и лавров победителя, о которых мечтал, но и собственной супруги, а вместе с ней и ее приданого, превышавшего богатства всего французского королевства. Когда Людовик по пути во Францию добрался до Рима, папа Евгений III попытался примирить венценосных супругов, о чьих семейных дрязгах все уже были наслышаны. Со слезами на глазах благословляя Людовика и Элеонору, он умолял их не покидать семейного ложа.

Вопреки желанию понтифика этот брак так и не удалось сохранить — прежде всего из-за унижения, испытанного Людовиком VII во время 2-го Крестового похода. Юный король понимал: если ответственность за неудачные действия крестоносцев под стенами Дамаска он еще мог разделить с другими вельможами, то ответственность за ужасный и катастрофический марш по пустынной Анатолии лежит на нем — его измотанную армию от полного уничтожения спас не он, ее предводитель, а доблестные и дисциплинированные тамплиеры. Еще больше было его вины в гибели части крестоносцев и примкнувших к ним паломников, оставленных на произвол судьбы в Атталии (хотя и под гарантии вероломных греков). Ну и наконец, помимо прочих злоключений, измена супруги, да еще на глазах всего двора. Главной причиной всех этих бед и мучений он считал предательство греческих «союзников».

Намереваясь восстановить свой авторитет и мечтая о мести, Людовик снова обратился к Бернарду Клервоскому с просьбой благословить его на новый крестовый поход. Как и ранее, отец Бернард не решился ему отказать. Предпочитая мирную монастырскую жизнь, он тем не менее чувствовал себя обязанным помочь и спасти хотя бы часть того, что было потеряно. Регулярно переписываясь с иерусалимской королевой Мелисендой и своим дядей Андреем де Монбаром, занимавшим в ордене тамплиеров должность сенешаля заморских территорий, Бернард знал, как там нуждаются в помощи из Европы. Он также прекрасно понимал, что все, принявшие Святой крест по его личному призыву, считают его же ответственным за свои несчастья. Бернард попросо-

вал оправдаться во второй книге своих «Соображений» («De consideratione»). При этом он не ищет виновных среди местных франкских баронов или вероломных греков: по его мнению, неудача крестового похода является Божественным наказанием за людские грехи. Однако его критики возражают, что подобный подход делает позицию Бога практически непостижимой; а некоторые, наподобие Геро Рейчерсбергского, вообще склонны считать крестовые походы дьявольской затеей.

На церковном Соборе в Шартре в 1150 году Бернарду поручили не только провозгласить новый крестовый поход, но и самому возглавить его. Клервоский аббат, вспоминая удручающий пример Петра Пустынника, уклонился от лестных предложений со стороны баронов и рыцарей, заклиная папу Евгения «не предавать его мечтаниям человеческим». Он писал ему:

«Полагаю, вы уже слышали, что собрание в Шартре приняло неожиданное решение, избрав меня предводителем экспедиции. Можете быть абсолютно уверены, что это решение было принято вопреки моему желанию или совету и находится вне пределов моих сил и возможностей, насколько я сам способен их оценить. Кто я такой, чтобы отдавать приказы войскам и вести в атаку вооруженных людей? Обращаясь с призывом, я и не думал о себе как предводителе экспедиции, даже если бы обладал необходимой силой и навыками. Но вам это все известно, и не мое дело вас поучать».

Но в этот переломный момент почти готовому решению церковного Собора воспротивился орден цистерцианцев. Да и западноевропейская знать на этот раз весьма прохладно отреагировала на призыв аббата Бернарда. Погибло слишком много людей, причем совсем недавно и напрасно. А горячий порыв Людовика VII уравновешивался холодным скептицизмом Конрада III. В результате идея о новом крестовом походе была отклонена, а в течение следующих трех лет с политической сцены сошли пять главных действующих лиц.

В январе 1151 года скончался аббат Сугерий Сен-Денийский, а в феврале 1152 года — император Конрад III. Позднее в том же году умер великий магистр тамплиеров Эвран де Бар, который еще раньше оставил свой пост, перейдя в Клервоский монастырь. Папа Евгений III скончался в июле 1153 года, а отец Бернард — всего месяц спустя.

7. Латинское Заморье

Всеобщее разочарование охватило Европу после неудачи 2-го Крестового похода, и обосновавшиеся в Святой земле латиняне были вынуждены приспособливаться к жизни со своими соседями-мусульманами, что их предшественники, первые крестоносцы, сочли бы просто кошунством. Это стало возможным и в результате культурной акклиматизации, произошедшей за столетия жизни европейцев на Востоке. Первые крестоносцы рассчитывали встретить в Сирии и Палестине дикие языческие племена, однако оставшиеся на Ближнем Востоке европейцы вынуждены были признать, что культура арабской Палестины — мусульман, христиан и евреев — оказалась более развитой и высокой, чем их собственная.

Некоторые достаточно быстро приспособились к восточным обычаям. У Балдуина Буржского была жена-армянка, он носил восточный кафтан и ел, сидя на ковре. А на монетах, которые чеканил Танкред, он даже изображен в арабской чалме. Дамасский хронист и дипломат Усама ибн-Мункыз описывает, как некий франкский рыцарь убеждал мусульман, что на его кухне никогда не готовят свинину и что у него повар из Египта.

«Франки пользуются услугами сирийских врачей, поваров, слуг, ремесленников, чернорабочих. Они носят одежду в восточном стиле, постоянно включают в свое меню фрукты и местные блюда. Окна в их домах застеклены,

полы украшены мозаикой, во дворах устроены фонтаны, а сами дома выстроены по сирийским образцам. Им нравятся арабские танцовщицы; на похороны они приглашают профессиональных плакальщиц, любят бани, пользуются мылом и едят сахар».

Крестоносцев — выходцев из стран с холодным климатом, где свежие продукты зимой недоступны и где даже картофель был неизвестен, не знавших вкуса не только сахара, но и инжира, гранатов, оливок, риса, персиков, апельсинов, лимонов и бананов, пряностей и деликатесов типа шербета (эти названия именно с той поры пополнили гастрономический словарь Запада), — Земля обетованная притягивала не только духовными и библейскими реликвиями, но и сугубо материальными ценностями. Определенно можно сказать, что теплый климат расслаблял европейских завоевателей, и это в ряде случаев приводило к фатальным последствиям; те же, кто сумел выжить, глубоко прониклись чувственно-изысканным ароматом жизни, который раньше у них ассоциировался только с Византией.

Но в условиях Сирии и Палестины франки не только размякали душой и телом — им также приходилось осваивать образ жизни местных мусульман, которые по-прежнему составляли большинство населения. Пока те исправно платили подати, франкские сеньоры даже разрешали им выбирать собственную администрацию. Как и на испанских территориях, освобожденных в результате Реконкисты, на Ближнем Востоке не хватало христианских иммигрантов для замены мусульманского населения. Поэтому владельцам феодальных поместий было важно удержать их на своих землях. Именно этим обстоятельством во многом определялось благосостояние местных баронов. Святая земля была густо населена и сильно урбанизирована, а основной доход землевладельцы получали от аренды собственности, пошлины на перевоз людей и грузов, разрешений на содержание общественных бань, хлебопекарен и рынков, а также портовых и таможенных сборов.

По стандартам того времени — да и нашего тоже — перечисленные выше платы и поборы были не слишком обременительны: так, налог на сельскохозяйственную продукцию не превышал одной трети ее стоимости. Хотя мусульмане, естественно, сохраняли верность исламу, имеются доказательства, что их не слишком стесняло новое латинское законодательство. Фактически франкские законы были менее жесткими, чем традиционные мусульманские правила. Уважительное отношение франков к феодальным традициям заметно контрастировало с непредсказуемыми и своенравными требованиями мусульманских князей. Разумеется, мусульмане в заморских территориях считались гражданами второго сорта — им, скажем, запрещалось носить франкскую одежду, — однако у них были свои суды и своя местная администрация. А в случае принятия христианства они приобретали все гражданские права, что постепенно привело к формированию заметной прослойки сирийских христиан. Интересно отметить — среди самих «заморских» латинян не было слуг, что разительно отличалось от феодальной структуры западноевропейского общества. И хотя имущественно-родовая иерархия сохранялась, все же это было общество свободных людей, где даже беднейшие и нуждающиеся не только сохраняли свободу, но имели намного больше прав, чем самые богатые представители местного населения.

Несмотря на проявления жесткого антисемитизма в ходе крестовых походов, латинские власти приняли немало мер, дабы повысить терпимость по отношению к евреям: на Ближнем Востоке к ним относились намного мягче, чем в Западной Европе, и они имели больше возможностей для исповедования своей религии. В Святой земле часто встречались еврейские паломники из Византии, Испании, Франции и Германии.

Все местное население — как мусульмане, так и христиане — извлекали ощутимую прибыль от бурного развития торговли. До прихода крестоносцев слабый ручеек восточных товаров, таких как шелк и специи, поступал на Запад

через купцов южноитальянского порта Амальфи. Однако после того, как города средиземноморского побережья Малой Азии перешли под власть латинян, а концессии на морскую торговлю сосредоточились в руках могущественных итальянских метрополий — Венеции, Генуи и Пизы, торговля с внутренними мусульманскими территориями резко оживилась, особенно с введением в оборот новой латинской валюты, безанта — первой христианской монеты, поступившей в широкий оборот, за сто лет до знаменитых итальянских флорина и дуката.

Тамплиеры, получавшие доход от своих феодальных поместий, были подчеркнуто терпимы к местным мусульманам, что нередко вызывало у их соотечественников, недавно прибывших из Европы, настоящее потрясение. В истории упоминается знаменитый эпизод, когда эмир Усама ибн-Мункыз прибыл в Иерусалим для заключения с франками совместного пакта против Зенги, сарацинского правителя Алеппо.

«Во время посещения Иерусалима я вошел в мечеть аль-Акса. Сбоку находилась маленькая мечеть, которую франки обратили в церковь. Когда я вступил в мечеть аль-Акса, занятую тамплиерами, моими друзьями, они мне предоставили эту маленькую мечеть, дабы я мог творить там мои молитвы. Однажды я вошел туда и восславил Аллаха. Я был погружен в свою молитву, когда один из франков набросился на меня, схватил и повернул лицом к Востоку, говоря: “Вот как молятся”. К нему кинулась толпа тамплиеров, схватила его и выгнала. Я вновь принялся молиться. Вырвавшись из-под их надзора, тот же человек вновь набросился на меня и обратил мой взор к Востоку, повторяя: “Вот как молятся!” Тамплиеры снова кинулись к нему и вышвырнули его, а потом извинились предо мной и сказали: “Этот чужеземец на днях прибыл из страны франков. Он никогда не видел, чтобы кто-либо молился, не будучи обращен взором к Востоку”».

Несмотря на внешнее дружелюбие, в отношении Усамы к тамплиерам сквозило явное презрение. Он высмеивал принятое в ордене разрешение судебных споров поединком, а также испытание огнем и водой как способ установить вину или невиновность и весьма низко оценивал их медицинские познания и навыки. На самом деле франки разработали весьма практичный подход к лечению болезней, и та религиозная истерия, которую вызвала эпидемия при осаде Антиохии во время 1-го Крестового похода, уже не повторялась — возможно, из-за того, что «молитвы и покаяние больше не помогали». Освоив более простые и действенные методы, крестоносцы стали значительно реже прибегать к помощи местных лекарей.

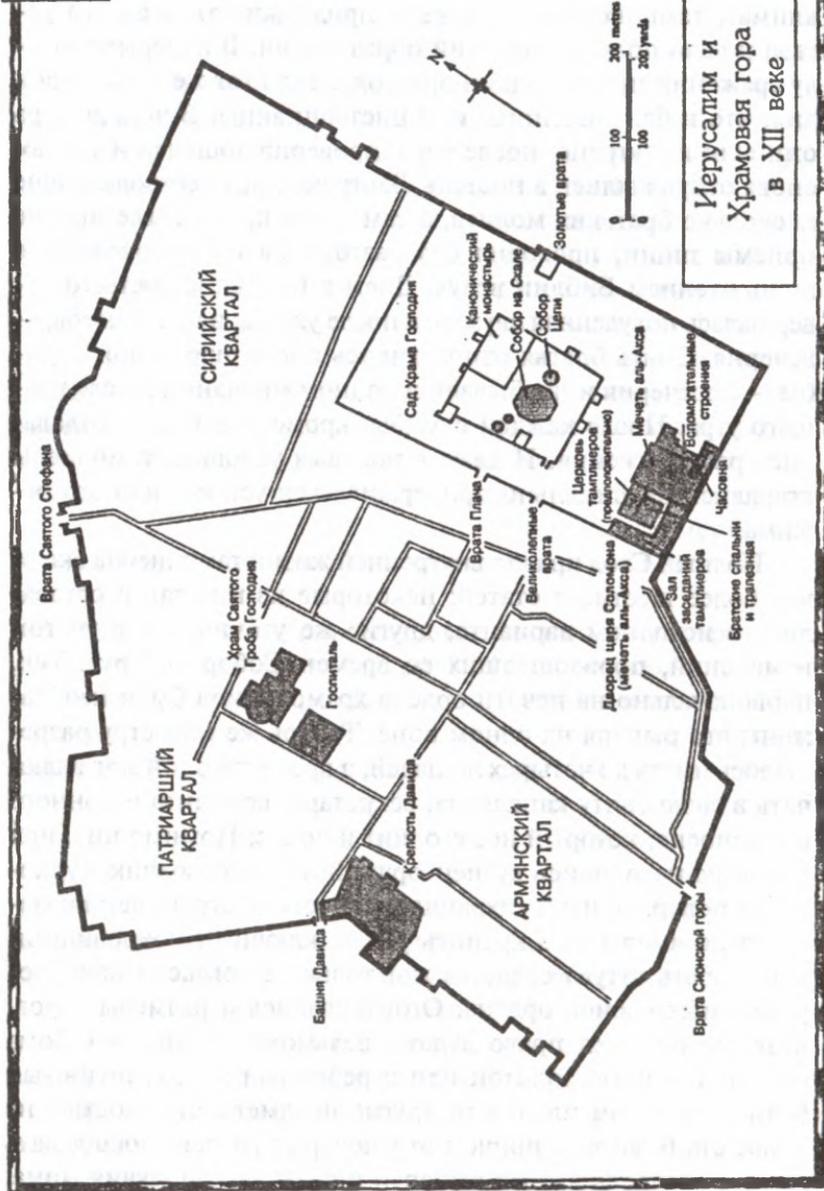
Единственное, что вызывало у мусульман неподдельное восхищение, — военное искусство и отвага крестоносцев. Вместе с тем они с пренебрежением относились к культуре и верованиям европейцев. «По мнению Бара аль-Фавайда, все книги чужестранцев не представляют никакого интереса... [и] любого, кто верит, будто Бог рожден земной женщиной, можно с полным правом назвать сумасшедшим; эти слова не следует повторять, ибо они лишены смысла и не заслуживают доверия».

Такое презрение к религии врагов оборачивалось и против самих мусульман. Хотя тамплиеры позволяли мусульманским гостям молиться в своей часовне, но одновременно использовали мечеть аль-Акса в качестве административного здания и просто склада. Германский монах Теодорих, побывавший в Иерусалиме в 1170-е годы, называет это место храмом Соломона и рассказывает, что он использовался для хранения запасов оружия, одежды и продовольствия, а сами рыцари пребывали в постоянной готовности выступить в поход и оборонять даже удаленные провинции. Ниже мечети располагались конюшни, устроенные, по преданию, самим царем Соломоном, — там могли разместить до десяти тысяч лошадей. К мечети аль-Акса был пристроен дворец, который

некоторое время занимал король Балдуин I и его наследники, включавший:

«палаты, спальни и многочисленные пристройки для разных целей, а вокруг множество коридоров и пешеходных дорожек, газонов, комнат для переговоров, галерей, канцелярских комнат и громадных цистерн с запасами воды... С другой стороны дворца, на западе, тамплиеры пристроили новое здание — высокое и просторное, с подвалами и трапезными, лестницами и крышей, которое сильно выделяется на фоне местных строений... По сути, они выстроили новый дворец, соперничающий со старым зданием на другой стороне. На краю двора они также возвели новую церковь, величественную по размерам и изумительную по красоте».

Трудно представить, сколько именно людей находилось в таком сложном комплексе. Но можно предположить, что обычно там размещались около трехсот рыцарей Иерусалимского королевства и порядка тысячи сержантов. В ордене постоянно служило какое-то количество светских рыцарей, а также так называемые туркополы — местная сирийская легкая кавалерия, нанимаемая орденом. Там же размещались оруженосцы, конюхи, кузнецы, каменщики и камнерезы. Тамплиерские камнерезы, например, украсили изысканной резьбой гробницу короля Балдуина IV. Таким образом, храмовники активно участвовали в строительном буме, который охватил во времена крестоносцев всю Святую землю, — возводились новые замки, дворцы, но больше всего церквей. Как отмечают летописцы, «столь бурного строительства не было даже во времена Ирода Великого». Среди главных сооружений того периода следует отметить иерусалимский храм Святого Гроба Господня, законченный в 1149 году, и заново отделанный храм Рождества в Вифлееме — пожалуй, самый примечательный памятник католического искусства, поскольку в работе над ним принимали участие архитекторы и художники из разных европейских стран.

Иерусалим и Храмовая гора в XII веке

Врата Святого Стефана

ПАТРИАРШИЙ КВАРТАЛ

СИРИЙСКИЙ КВАРТАЛ

Храм Святого Гроба Господня

Башня Давида

Крепость Давида

АРМЯНСКИЙ КВАРТАЛ

Сад Храма Господня

Врата Плача

Великолепные врата

Канонический монастырь

Собор на Скале

Церковь Цели

Дворец царя Сасанидов (Мечеть аль-Акса)

Церковь святого тамплиера (голландская)

Золотые врата

Мечеть аль-Акса

Зал заседаний тамплиера

Библейские строения

Врата Сионской горы

Бронзовые ступени и трапезная

Часовня

Несмотря на очевидный культурный рост и более изысканные манеры, причиной которых, вероятно, стал мягкий климат, тамплиеры продолжали придерживаться своего устава и вели полумонашеский образ жизни. В перерыве между сражениями и походами они сохраняли тот же распорядок дня, что и бенедиктинцы или цистерцианцы. В четыре утра они шли к заутрене, после чего, проверив лошадей и сбрую, снова отправлялись в постель. Завтраку предшествовало еще несколько братских молитв, а сам завтрак, как и все прочие приемы пищи, проходил без разговоров и сопровождался лишь чтением Библии вслух. Днем в половине третьего совершалась полуденная служба, а после ужина, в шесть часов, — вечерня. Спать братья отправлялись после еще одной службы — повечерия и пребывали в полном молчании до следующего утра. После каждой службы, кроме повечерия, отдавались распоряжения. И даже в полевых условиях тамплиеры старались максимально придерживаться установленного режима.

Полный Свод правил внутренней жизни тамплиеров включал более шестисот статей; некоторые из них так и оставались в исходном варианте, другие же уточнялись с учетом изменений, произошедших со времен Собора в Труа. Так, первоначально на печати ордена храмовников были изображены два рыцаря на одном коне. Теперь же магистру разрешалось иметь до четырех лошадей, а кроме того, он мог включать в свою свиту капеллана, секретаря, сержанта и конного оруженосца, который нес его щит и копьё. Помимо них, при магистре находились кузнец-оружейник, переводчик, туркопол и повар. Однако сохранялись и четкие ограничения: магистр не имел права хранить у себя ключи от сокровищницы, а брат оттуда средства мог только с согласия наиболее уважаемых членов ордена. Оговаривались и размеры даров, которые он имел право делать: вельможным друзьям Дома он мог подарить золотой или серебряный кубок, подбитый беличьим мехом плащ или другие предметы стоимостью не более ста безантов, причем эти подарки разрешалось делать лишь с согласия других рыцарей и ради благополучия Дома.

Эти правила отражают предубеждения той исторической эпохи: например, несмотря на заявленное равенство, в XII веке сохраняется жесткое условие — рыцарь-тамплиер должен быть «сыном рыцаря или вести свой род от сына рыцаря» (правило 337). Белый плащ и накидка с капюшоном, выбранные ранее в качестве символа чистоты, теперь предназначались только для рыцарей, а сержантам и оруженосцам дозволялось носить только черные или коричневые туники. Рыцари занимали лучшие места за столом, и только после них приступали к еде оруженосцы и сержанты. Поскольку почти никто из рыцарей и сержантов не умел читать, вероятнее всего, статус поведения формировался в течение повседневной жизни и усваивался новыми рекрутами, как это происходит с новичками в обычной школе; столь же суровыми, как в средневековой школе, были у тамплиеров и наказания за проступки — удары плетью, заковывание в кандалы или принуждение есть по-собачьи из миски на полу. Подобные карательные меры были обычными для монашеских общин и вполне в духе времени.

Любой элемент повседневной жизни тамплиеров был прописан в Своде правил до мельчайших подробностей: когда принимать пищу, сколько и какой еды подавать, как вести себя за столом и даже как отрезать сыр от общего куска (правило 371). Без разрешения можно было выходить из-за стола только в случае носового кровотечения, внезапного призыва к оружию (если только этот призыв исходил от «кого-нибудь из достопочтенных братьев»), при пожаре или волнении лошадей. Братьям не полагалось никакой частной собственности: «все в Доме является общим достоянием, поэтому следует помнить, что ни магистр, ни кто-либо иной не имеет права присвоить что-то себе...» Если у кого-нибудь из братьев после смерти находили деньги, то ему отказывали в погребении на освященной земле.

Одно из первых мест занимал уход за лошадьми; число лошадей, выделяемых магистру, определялось первой статьёй устава, а еще лошади упоминались примерно в сотне

других статей. Имелось несколько типов боевых коней — легких и быстрых скакунов для гонцов-туркополов, стандартных верховых лошадей, мулов и вьючных лошадей для оруженосцев. Для разведения лошадей существовали конезаводы — как в самом Иерусалимском королевстве, так и в Западной Европе — например, в одном из тамплиерских командорств Северного Прованса. Были разработаны четкие правила по уходу за лошадьми — в частности, единственной уважительной причиной отсутствия на братской молитве считалась необходимость отвести лошадь к кузнецу, чтобы подковать ее.

Несколько пунктов правил посвящены обучению рыцарей — кандидатов на вступление в орден действиям в полном боевом снаряжении. Учитывая вес доспехов, для этого надо было обладать недюжинной силой. Каждому рыцарю полагалось вступать в орден с конем и полным воинским снаряжением. Если же он собирался прослужить в качестве собрата лишь ограниченное время, то орден за погибшую во время службы лошадь выделял ему другую, из своих конюшен. Следуя пуританскому духу устава, разработанного Бернардом Клервоским, седла и уздечки запрещалось украшать драгоценными камнями, золотом или серебром; на участие в скачках полагалось получить специальное разрешение, а заключать пари на результат категорически возбранялось.

Хотя повседневная жизнь тамплиеров была насыщена различными христианскими обрядами и они придерживались монашеских традиций, распространявшихся и на воинские распорядки, в это время наблюдается явное предпочтение — по сравнению с классическим монашеским уставом — традиций воинской корпоративности. Каждому брату, как и ранее, предписывалось «вести праведную жизнь и во всем подавать добрый пример мирянам, а также представителям других орденов...» (правило 340). В данном случае неопределенное выражение «других орденов» относилось преимущественно к госпитальерам, а позднее — к Тев-

тонскому ордену. Во время сражений над рыцарями-тамплиерами развевалось раздвоенное черно-белое знамя, которое держал маршал под охраной десяти рыцарей, а на конце копья одного из них имелся запасной штандарт. И пока над полем сражения развевался орденский стяг, ни один тамплиер не имел права выйти из боя. Если же рыцарь оказывался отрезанным от своего отряда, ему позволялось примкнуть к госпитальерам или встать под знамена другого католического ордена (правило 167).

Монашеский обет послушания был неотделим от воинской практики: самые суровые наказания налагались на рыцаря, который без команды бросался в атаку, что было весьма характерно для запальчивых франкских воинов. Ослушаться команды старшего разрешалось только для совершения короткого броска, чтобы убедиться в исправности седла и упряжи, а также в том случае, если рыцарь видел, что на христианина напал сарацин. В любых других обстоятельствах по возвращении в лагерь провинившийся подвергался суровому наказанию (правило 163).

Точно так же не делалось никакого различия между воинским и религиозным проступком. Среди «девяяти проступков, за которые братья Дома тамплиеров могут быть исключены из рядов ордена», четыре не имеют никакого отношения к военной службе: симония, убийство, воровство и ересь. Нарушением общих правил монастырского общежития считались также разглашение решений капитула, заговор двух и более братьев, а также выход из Дома тамплиеров не через те врата. И только трусость и дезертирство касались сугубо военной практики.

Таким образом, воинский дух не отделялся от христианского духа тамплиеров как религиозного сообщества. Правила, регламентировавшие постные и праздничные дни, отправление церковной службы и отпевание мертвых, были столь же строгими и подробными, что и предписания, касавшиеся состояния седел и упряжи. Особое благоговение тамплиеры испытывали к Марии, матери Иисуса Христа, поэтому стату-

сом было предписано (правило 306) «утренние часы Богоматери всегда в Доме читать первыми, за исключением молитв к Богоматери из часов конца дня, которые читают всегда последними, поскольку Богоматерь положила начало нашему ордену и в Ней и Ее чести, если Богу угодно, пребудет конец наших жизней и конец нашего ордена, когда Богу будет угодно, чтобы таковой конец настал». На особой привязанности тамплиеров к образу Богоматери возник целый ряд преданий, связавших Деву Марию с тамплиерами. Например, появилась легенда, что Благовещение случилось в Храме Господнем (Соборе на Скале), а камень, на котором она возлежала в тот момент, примыкал к башне тамплиеров в замке пилигримов. Почти во всех тамплиерских храмах имелись часовни, посвященные Богоматери, и посещавшие их богомольцы часто вносили пожертвования не столько на орден тамплиеров, сколько на «обитель Благословенной Марии».

Одно из самых показательных тамплиерских правил (325) касается ношения кожаных перчаток, что дозволялось только братьям-капелланам, «которые могли надевать их во имя тела Господа Нашего, которое они часто держат в своих руках, и братьям-каменщикам... дабы те не повредили рук своих, однако носить перчатки им разрешается лишь во время работы». Точная численность этих каменщиков неизвестна, однако, учитывая огромную важность для заморских земель оборонительных укреплений, их квалифицированный труд высоко ценился. Все замки, возведенные тамплиерами или госпитальерами, выглядят мощными крепостями, хотя фактически это были монастыри. При относительно небольших гарнизонах и достаточных запасах продовольствия и провианта такие замки выдерживали многодневную осаду целых армий. Если же вражеские войска пытались обойти их, из замка организовывались вылазки в неприятельские тылы. Осада таких укреплений сковывала силы многочисленных армий, которые не могли подолгу оставаться на одном месте. Обычные

солдаты (не наемники) постоянно заботились о сборе урожая и защите своих семей от мародеров, которые могли наведаться в их отсутствие, поэтому у франков вассальный договор предусматривал призыв в армию на срок не более сорока дней. В ходе военно-политического конфликта христиан с мусульманами в Святой земле редко возникали ситуации, когда в поле сталкивались две приблизительно равноценные армии; чаще всего военные действия ограничивались осадой и обороной укрепленных пунктов.

В качестве примера можно привести знаменитый Аскалон, которым владели египетские халифы из династии Фатимидов. Связанная по суше с Сирийским полуостровом, а по морю — с Александрией, эта крепость контролировала прибрежную дорогу в Египет и служила важной базой для набегов на христианские владения в Палестине. Пытаясь овладеть Аскалоном, иерусалимский король Фулько окружил его сетью укреплений — в Ибелине, Бланшгарде и Бетгибелине. Бетгибелин был основан госпитальерами, а Ибелин связан с итальянским рыцарем, известным под именем Старина Бальян.

В 1150 году франкские крепости вокруг Аскалона замкнул бастион, выстроенный на развалинах Газы, расположенной к югу от Аскалона, где, согласно Священному Писанию, филистимляне захватили в плен легендарного Самсона. Вновь возведенный замок был передан ордену тамплиеров, которые успешно отражали попытки египетских сарацин взять его. Таким образом, южная окраина Иерусалимского королевства теперь находилась в относительной безопасности, и король Балдуин III стал подумывать об осаде самого Аскалона. В январе 1153 года он подошел к городу со всей армией, включая госпитальеров под командованием магистра Раймунда Монтейльского и тамплиеров во главе с Великим магистром Бернардом де Тремеле. Последний был родом из Дижона (Бургундия) и, несомненно, знаком со своим тезкой, Бернардом Клервоским, который выбрал его вместо предыдущего магистра — Эв-

рара де Бара, годом раньше перешедшего в монахи клервоской общины.

Поскольку Аскалон имел налаженное снабжение морским путем из Египта, взять измором его было нельзя, и единственным способом оставался лобовой штурм. Латиняне построили деревянную башню выше крепостной стены и установили ее в том самом месте, где располагались тамплиеры. Ночью 15 августа группа осажденных организовала вылазку, попытавшись поджечь штурмовую башню, однако ветер неожиданно переменялся и пламя перекинулось на крепостные стены. В результате раскаленные камни треснули и две стены рухнули. Воспользовавшись этим, магистр Бернард де Тремеле бросился в образовавшийся пролом с четырьмя десятками рыцарей-тамплиеров; однако главные силы промедлили и не последовали сразу за ними. Подоспевшие сарацины окружили прорвавшихся тамплиеров и всех уничтожили. На следующий день осажденные вывесили на городских стенах обезглавленные тела погибших рыцарей — в том числе и Великого магистра Бернарда де Тремеле.

Рассказывая об этой трагической неудаче, известный латинский хронист Вильгельм Тирский замечает, что храмовники стали жертвой собственной жадности: якобы Бернард де Тремеле приказал своим рыцарям перекрыть проход в стене для остальных латинян, чтобы самому захватить всю добычу и не делиться воинской славой. Однако недавние исторические исследования показали, что версия Вильгельма неверна и основана на оправдательных заявлениях других франкских вождей, которые подверглись резкому осуждению за «нерешительность и промедление в поддержке тамплиеров, отважно бросившихся в пролом». Тем не менее эта очевидная клевета на тамплиеров широко распространилась, серьезно подорвав репутацию ордена в Западной Европе.

Потери тамплиеров не повлияли на результаты осады, и 19 августа в город вошли войска Балдуина. Жителям дано было три дня, чтобы покинуть Аскалон со всем своим иму-

ществом и отправиться в Египет. Латинянам же достались несметные сокровища и большие запасы оружия. Для короля Балдуина Аскалон явился весьма значимым завоеванием и высшим достижением за все годы его правления. Взятый город он пожаловал своему брату Амальрику, графу Яффскому. Мечеть незамедлительно была переделана в кафедральный собор, посвященный апостолу Петру.

Вместо погибшего Бернарда де Тремеле орденский капитул назначил Великим магистром Андре де Монбара, дядю Бернарда Клервоского, который до того занимал пост сенешаля в Иерусалимском королевстве. Несмотря на гибель сорока рыцарей, тамплиеры продолжали держать гарнизон в крепости Газа, используя ее в качестве военной базы для патрулирования караванных путей между Каиром и Дамаском. В 1154 году, через год после падения Аскалона, отряд тамплиеров устроил засаду на вооруженную свиту египетского визиря Аббаса и его сына Насреддина — они бежали из Каира после неудачной попытки сместить халифа, прихватив немало сокровищ из казны. В ходе нападения Аббас был убит, а Насреддин взят тамплиерами в плен. Позднее Вильгельм Тирский писал, что, находясь в заточении, Насреддин изучил латынь и уже готов был принять крещение, но в этот момент новые каирские власти предложили за него тамплиерам солидный выкуп. Он якобы тут же был передан посланцам визиря и доставлен в Каир, где его сначала мучили вдовы убитого халифа, а «затем разорвала на части толпа».

Учитывая большое временное расстояние, обвинение тамплиеров в скаредности, выдвинутое такими бескомпромиссными средневековыми летописцами, как Вильгельм Тирский и Вальтер Мап, трудно однозначно принять на веру эти сведения. Следует также помнить, что военные трофеи считались вполне законной добычей, обеспечивавшей средства существования рыцарского ордена. Вообще деятельность военных орденов была сопряжена с колоссальными расходами; так, в 1170-е годы в ситуации банкротства оказались госпитальеры.

Андре де Монбар скончался в 1156 году, пробыв Великим магистром тамплиеров всего три года. В 1158 году его преемник Бертран де Бланфор с 87 братьями и 300 светскими рыцарями попали в засаду, устроенную сарацинами у переправы через Иордан, и оказались в плену.

Большая часть территории Сирии и Палестины гористая, а разведка у сарацин была поставлена лучше, чем у христиан (они использовали почтовых голубей, да и сельское население в основном состояло из мусульман), — оба этих обстоятельства не позволяли избегать внезапных нападений. Поэтому, несмотря на беззаветную отвагу и несокрушимую убежденность, что Бог всегда на их стороне, франки, и тамплиеры в частности, со временем стали придерживаться более осторожной тактики. На собственном опыте они убедились, что сарацины тоже достаточно умелые воины, которые хитро пользуются безрассудной рыцарской смелостью. И теперь они твердо усвоили, «что, даже находясь в окружении под градом стрел, должны сплотить свои ряды и стойко держаться вместе, не поддаваясь искушению броситься в погоню... за ложными беглецами, и только в нужный момент наносить смертельный удар в самое уязвимое место атакующего врага». Необузданная запальчивость первых крестоносцев уступила место трезвому расчету и выдержке. «Среди всех людей, — писал в XII веке арабский дипломат Усама ибн-Мункыз, — франки самые осторожные и предусмотрительные».

В период правления иерусалимского короля Балдуина III, одного из самых дальновидных монархов, более продуманной стала и дипломатия. Его отец Фулько погиб на охоте, когда сам Балдуин был еще ребенком; после его коронации в 1143 году — по настоянию баронов — государством фактически управляла его мать, королева-регентша Мелисенда. И Балдуин с большим трудом вырвался из-под ее опеки. Старшая из трех властолюбивых дочерей короля Балдуина II, Мелисенда, подобно своей сестре Алисе Ан-

тиохийской, решила доказать, что женщина тоже может управлять государством. Однако в 1140-е годы противостояние между Мелисендой и ее мужем Фулько Анжуйским практически поставило страну перед угрозой гражданской войны. Вместо законного супруга в отцы своему будущему ребенку она выбрала любовника — друга детства, привлекательного лорда Яффы Гуго де Ле Писе, предпочтя его «невысокому, поджарому, рыжеволосому мужчине средних лет, который навязывал ей политическое превосходство». Утверждают также, что, как и ее сестра Годферна, она причастна к отравлению Альфонсо-Жордана, молодого графа Тулузского, — он внезапно скончался в Кесарии во время 2-го Крестового похода. В тот момент он имел больше шансов занять трон графства Триполи, чем муж Годферны граф Раймунд.

Конфликт короля Балдуина III с матерью разгорелся через девять лет после его коронации, в 1152 году, когда он попытался отстоять свое право на единоличное правление. Однако Мелисенда вовсе не собиралась добровольно уступить ему власть. Эти разногласия привели вначале к фактическому разделению королевства на две части, а затем и к открытому столкновению сына с матерью. Войска Балдуина осадили иерусалимский замок Мелисенды, и в конце концов она была вынуждена сдаться и перебраться в женский монастырь в Вифании, настоятельницей которого была ее сестра Жовета.

Как современников Мелисенды, так и более поздних историков поражала эта «воистину незаурядная женщина, которая более тридцати лет обладала практически всей полнотой власти в Иерусалимском королевстве, где до того не было традиций пребывания женщин на государственном посту». Тот же Вильгельм Тирский отмечал, что это «была очень мудрая женщина, искушенная почти во всех областях государственной жизни, которая успешно преодолевала все недостатки, связанные с ее полом, и успешно бралась за самые ответственные дела... она столь умело управляла королевством, что в этом смысле ее можно смело

приравнять к предшественникам на троне». Да и сам Балдуин признавал ее выдающиеся способности, а после взятия Аскалона его доверие к матери еще более окрепло, и он нередко прибегал к ее советам при решении различных государственных проблем.

Еще до взятия Аскалона она встречалась с некоторыми высокопоставленными сановниками Заморья для обсуждения судьбы своей племянницы Констанции, княгини Антиохийской. Тремя годами ранее ее шеголеватый супруг Раймунд де Пуатье, являвшийся дядей и одновременно злополучным любовником Элеоноры Аквитанской, был убит во время похода по северным землям своего королевства. Было решено, что Констанция выйдет замуж за недавно овдовевшего норманнского полководца и зятя византийского императора Жана Рожера. Кроме того, Мелисенду попросили примирить ее сестру Годферну с мужем, графом Раймундом II Трипольским. Однако в обоих случаях ее миссия не увенчалась успехом: Констанция отказалась от брака с престарелым, как ей казалось, Жаном Рожером, а Раймунд II погиб, когда возвращался к себе в Триполи.

Граф Раймунд пал от руки человека, входившего в ортодоксальную секту мусульман-шиитов с символическим названием — «ассасины» («убийцы» — *фр.*). Эти исламские фанатики, подобно еврейским сикариям, выслеживали и тайно убивали своих врагов. Название «шииты» происходит от слова «гашиш», известного наркотика, который, по мнению крестоносцев, вызывал состояние отрешенности, и человек становился опасным и хладнокровным убийцей. Вначале шииты были обычной политической фракцией, представители которой верили в Али, приемного сына пророка Мухаммеда, который впоследствии сменил отца. Однако после смерти Али в 661 году это движение переродилось в радикальное исламское течение, противостоящее суннитам, чей центр традиционно располагался в Багдаде. Жестоко преследуемые, шииты, усвоившие мессианские настроения, разработали целую систему мистических

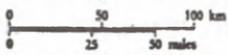
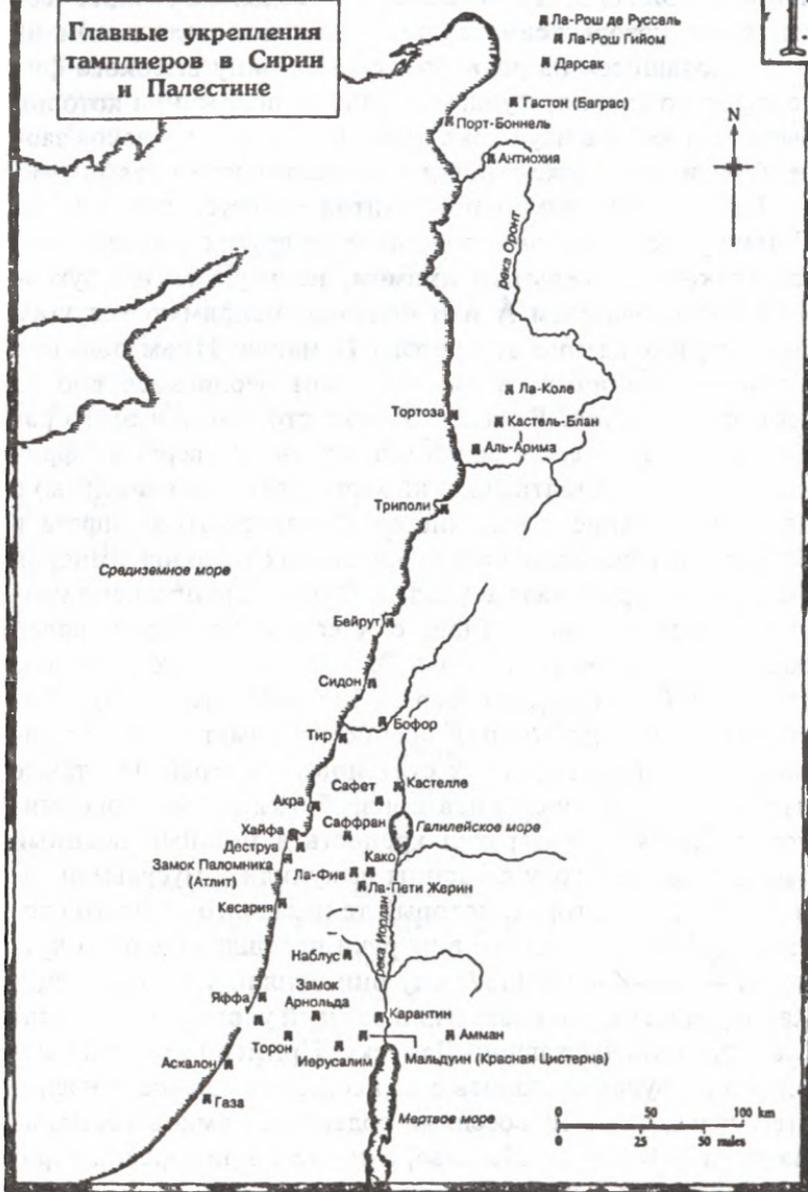
представлений и методы революционной борьбы. Постепенно основная секта разбилась на несколько мелких частей, среди которых самыми радикальными стали исмаилиты, опиравшиеся на религиозную доктрину высокого философского уровня, фундаментальные положения которой были изложены в научных трудах. После многих веков забвения эти книги уже в наши дни стали востребованными.

Центральной идеей исмаилитов является поклонение Исмаилу, которого они, в отличие от других шиитов, считали законным седьмым имамом, непререкаемым духовным последователем Али и Фатимы, напрямую ведущим свое происхождение от пророка Исмаила. Имам обладает высшими знаниями, и ему надлежит беспрекословно во всем подчиняться. В начале X века сторонники этого радикального движения захватили власть в Северной Африке, где основали Фатимидский халифат (в честь Фатимы) с центром в Каире в отличие от Суннитского халифата в Багдаде. Ко времени начала крестовых походов империя Фатимидов пребывала в упадке. Однако группа непримиримых исмаилитов во главе с Хасаном Саббахом, волею обстоятельств оказавшихся в Эльбурских горах на севере Персии (вблизи южного берега Каспийского моря), обосновалась в неприступной крепости Аламут. Саббах призывал убивать суннитских султанов и визирей. Он также направлял своих посланцев для вербовки новых сторонников в Сирию и превратил крепость в мощный военный бастион. В 1133 году ассасины выкупили у мусульман замок в Кадмских горах, который те незадолго до этого отобрали у франков. Вскоре в их руки перешла еще одна крепость — аль-Каф; в 1137 году они отняли у крестоносцев Харибу, а в 1142 году захватили важный укрепленный пункт Масаф, принадлежавший Дамаску. Примерно в тот же период в их руках оказалось еще несколько замков и крепостей, что сделало их соседями орденов замков в Камеле, Ла-Коле и Крак-де-Шевалье, а также в приморских городах Валания и Тортоза.

**Главные укрепления
тамплиеров в Сирии
и Палестине**

- Ла-Рош де Руссаль
- Ла-Рош Гийом
- Дарсак

Ненависть ассасинов к своим мусульманским противникам невольно подвигла тех к военному союзу с франками. Так, в битве при Инабе в 1149 году глава секты Али ибн-Вафа погиб, сражаясь бок о бок с Раймундом де Пуатье. Правда, всего три года спустя Раймунд II был убит членом той же секты (по неустановленной причине). Поскольку на королеву Мелисенду пали подозрения в отравлении юного Альфонсо-Жордана, графа Тулузского, вполне возможно, что именно она подослала мусульманского фанатика, который и расправился с несговорчивым супругом ее сестры Годферны.

Вот таким образом два несхожих обстоятельства — теологические различия последователей Мухаммеда и неумная страстность волевых европейских женщин — определили судьбу латинского Заморья. Лучше всего это иллюстрирует пример Констанции, которая в 1153 году вернула себе антиохийский трон. И стало ясно, почему она отказалась от жениха, которого так упорно навязывали ей иерусалимский король и византийский император. Она положила глаз на французского рыцаря Рено де Шатильона, младшего сына графа Жьена, что на Луаре. Вероятно, придя на Восток вместе с Людовиком VII во время 2-го Крестового похода, он остался при дворе короля Балдуина III. Чтобы лучше понять его дальнейшие действия, надо сказать, что Рено отличался жестокостью, вспыльчивостью и невероятной отвагой, к тому же был по-мужски привлекателен — то есть обладал теми качествами, перед которыми не могла устоять Констанция и которые привели к самому знаменитому мезальянсу столетия. Как писал архиепископ Тирский, всех потрясло, «что столь знаменитая, влиятельная и знатная дама, вдова такого выдающегося супруга, снизошла до брака с этим повесой».

Однако Балдуин III, осведомленный о воинских способностях Рено, все-таки признал его правителем Антиохии. Не без колебаний сделал это и византийский император Мануил — в обмен на помощь Рено в борьбе его с армянской Киликией. При поддержке тамплиеров Рено совершил энергичный бросок на север, где занял порт Александретту, который и передал под власть тамплиеров. Однако, чувствуя себя ущемленным, он вступил в открытый конфликт с византийским императором

Мануилом Комнином. Опираясь на помощь тамплиеров, Рено заключил перемирие с киликийскими армянами и решил возместить свои убытки за счет принадлежавшего Византии острова Кипр. На эту экспедицию были нужны немалые средства; их воинственный француз вознамерился взять у Амори — антиохийского патриарха, которого Рено откровенно ненавидел за неодобрительное отношение к браку Констанции. Как и следовало ожидать, в деньгах ему Амори отказал. Тогда Рено бросил Амори в темницу, где жестоко избил, а затем, связанного, выволок на крышу, обмазал раны медом и оставил на съедение мухам.

И добился своего — патриарх «поделился» со своим недругом богатством. Рено снарядил морскую флотилию. Весной 1156 года вместе с армянским царем Форосом Рено высадился на Кипре — в одной из самых спокойных и мирных провинций Византийской империи, которая когда-то спасла от голодной смерти участников 1-го Крестового похода. Довольно быстро разбив войска византийского губернатора — и племянника императора — Иоанна Комнина под командованием Михаила Бранаса, армия Рено и Фороса учинила такое разграбление богатого острова, которому вполне могли позавидовать гунны и монголы. Не обращая внимания на то, что Кипр населяли преимущественно христиане, завоеватели насильствовали женщин, убивали детей и стариков, разоряли церкви и монастыри, угоняли скот и отбирали урожай. Пленников, которые не могли откупиться, заковывали в кандалы и отправляли в Антиохию либо намеренно изувечивали и отсылали в Византию, демонстрируя тем самым вызов и презрение.

В Иерусалиме зверства новоиспеченного антиохийского правителя вызвали настоящее потрясение. Узнав о заточении в темницу патриарха Амори, король Балдуин III направил своих послов, чтобы добиться его освобождения и доставить в Иерусалим.

Разграбление Кипра усугубилось резким ослаблением политического альянса Иерусалимского королевства с Византийской империей. Чтобы сохранить от развала нужный ему союз, Балдуин обещал жениться на пятнадцатилетней греческой принцессе Феодоре — ее весьма богатым приданым он хотел попол-

нить истощенную казну франкского королевства. Венчание состоялось в Иерусалиме в 1158 году.

Важным дипломатическим результатом этого союза стала византийская поддержка латинян в их борьбе с Нуреддином, а для императора Мануила — наказание Фороса и Рено де Шатильона. В страхе перед приближающейся греческой армией Форос скрылся в горах, а Шатильон подвергся унижительному акту публичного осуждения. На глазах всех князей и придворных, собравшихся под стенами Мамистры, он, босоногий и простоволосый, распростерся в пыли у ног византийского императора. Испытав удовлетворение от унижения своего врага и оговорив условия договора, Мануил помиловал его и отпустил в Антиохию.

Столь унижительное наказание Рено де Шатильона, хотя и считавшееся латинянами заслуженным, все-таки задело и их достоинство. Балдуин надеялся, что Рено будет прощен, однако не так сразу. Мануил же предпочитал иметь во главе Антиохии именно такого — простодушного, хотя и резкого — человека, который на глазах у всех покорно сопровождал его при триумфальном въезде в город, чем другого вассала, скрытного и не такого сговорчивого.

Хотя внешне Мануил поддерживал хорошие отношения со своим новым родственником Балдуином, цели обоих политиков заметно расходились. Мануил вскоре недвусмысленно продемонстрировал это, заключив соглашение с Нуреддином, давним противником латинян, о совместной борьбе с турками-сельджуками в Анатолии. Франки восприняли его поступок как еще одно проявление греческого вероломства; однако из этого соглашения латиняне все-таки извлекли для себя определенную выгоду — ведь договор предусматривал освобождение из плена многих христиан, в том числе магистра тамплиеров Бертраана де Бланфора.

Но надежды христианских князей на то, что Рено де Шатильон извлечет уроки из своих ошибок, не оправдались. Уже в ноябре 1160 года неугомонный Рено совершил вооруженный набег на сирийские земли, угнав скот у местных христиан. Когда он с обильной добычей возвращался назад в Антиохию, то вблизи Алеппо попал в устроенную мусульма-

нами засаду, был захвачен в плен и на верблюде отправлен в Алеппо. Никто не предложил за него выкуп, и шестнадцать лет он провел в тюрьме.

В феврале 1160 года король Балдуин III скончался в возрасте тридцати трех лет. Это был человек большого обаяния, обладавший трезвым и практическим мышлением, потому его искренне оплакивали даже мусульманские противники, в том числе губернатор Алеппо Нуреддин. Балдуин не оставил наследников. После его смерти королева Феодора, которой было всего шестнадцать лет, удалась в Акру, составившую часть ее приданого.

На иерусалимский трон взошел брат Балдуина двадцатипятилетний Амальрик — столь же внешне привлекательный, как и Балдуин, но не обладавший необходимыми знаниями и обаянием. Амальрик, до того правивший Яффой и Аскалоном, возложил на византийцев поддержание порядка на северных рубежах королевства, а сам сосредоточился на южном направлении, обратив свои алчные взоры в сторону Египта. Там в результате серии политических переворотов и контрпереворотов Фатимидский халифат оказался раздробленным на части и сильно ослаблен. Более-менее укреплены были лишь несколько городов на Синае и в дельте Нила, поэтому Египет представлялся весьма легкой добычей. Однако имелась и более веская стратегическая причина для захвата Каира: если бы это не попытались сделать латиняне, их вполне мог опередить Нуреддин.

Запланированный на 1160 год Балдуином III поход был отложен в обмен на обязательство египтян ежегодно выплачивать солидную контрибуцию — однако они так и не смогли ее собрать. Используя как предлог нарушение договоренностей, осенью 1163 года Амальрик вступил в Египет со своей армией, включая отряд тамплиеров. Но египтяне, разрушив плотины в дельте Нила, принудили франков отступить. На следующий год, чтобы предотвратить захват Каира войсками под командованием Шавера — посланника Нуреддина, Амальрик снова возвращается в Египет, где подписывает договор с Шавером о выводе из страны обеих противоборствующих армий.

Однако, воспользовавшись отсутствием Амальрика, Нуреддин напал на Антиохийское княжество, осадив крепость Харинк. На помощь осажденным выступила объединенная армия латинян, киликийских армян и византийцев во главе с юным сыном Констанции и Раймунда Пуатье, взошедшим на антиохийский трон под именем Боэмунда III. Среди этих войск был также крупный отряд тамплиеров, включавший рыцарей, сержантов, оруженосцев и туркополов. Узнав об их приближении, Нуреддин снял осаду и ретировался. Вопреки совету более опытных полководцев Боэмунд бросился в погоню за мощной армией мусульман и в августе настиг ее. Применяв свою излюбленную тактику, мусульмане изобразили паническое бегство. Погнавшийся за ними Боэмунд с отрядом рыцарей попал в засаду, в результате все они были перебиты или взяты в плен. Что касается тамплиеров, они в этом сражении потеряли шестьдесят рыцарей, и только семь человек спаслись.

Это поражение, несомненно, стало одной из причин, по которой тамплиеры предпочитали проводить самостоятельные военные операции. К тому же, выполняя главную задачу ордена — защиту Святой земли, Великий магистр подчинялся непосредственно папе, а не иерусалимскому королю. Подобная автономия рыцарских орденов заметно стесняла действия короля Амальрика в его борьбе с исламом. В 1166 году войска Нуреддина осадили горную крепость Трансиордан, гарнизон которой состоял из храмовников. Вероятно, это укрепление входило в число владений Филиппа Наблусского, контролировавшего земли восточнее реки Иордан, и в январе 1166 года он присоединился к тамплиерам.

Узнав о начале осады, Амальрик собрал армию, чтобы идти на выручку, однако у переправы через Иордан встретил двенадцать тамплиеров, покинувших крепость без сопротивления. Амальрик так разозлился, что велел тут же повесить рыцарей. Этот эпизод, описанный Вильгельмом Тирским, по-видимому, стал одним из факторов, резко ухудшивших отношения между орденом тамплиеров и королем. И в 1168 году, когда Амальрик отважился на полномасштабную операцию по захвату Египта, под его знамена встали госпитальеры во

главе со своим магистром Жильбером Асселийским и большинство франкских баронов, а Великий магистр храмовников Бертран де Бланфор отказался от участия в походе.

Этому решению тамплиеров часто приписывают довольно низменные мотивы — например, утверждают, будто их возмутило, что план военной кампании разработан их соперниками госпитальерами, а еще говорят, что у них были традиционно прочные торговые связи с итальянскими купцами, торговавшими с Египтом. Однако банкротство, угрожавшее госпитальерам и подвигнувшее Жильбера Асселийского на участие в захвате Египта, дабы пополнить орденскую казну, касалось и тамплиеров, понесших огромные потери в Антиохии и оборонявших не только северные рубежи Святой земли — в направлении Аммана, но и южные границы в районе Газы. Кроме того, сравнительно недавно Амальрик подписал мирный договор с египетским визирем Шавером; и только недавно прибывшие в Палестину европейцы — такие как граф Гильом IV Неверский, ближайший советник иерусалимского короля, — не сознавали всю важность этого соглашения с неверными. Но искушенные в таких делах тамплиеры прекрасно разбирались в особенностях местных условий, понимая, что нередко дипломатические действия намного эффективнее грубой военной силы.

Еще одним примером независимости тамплиеров и их намерений воспрепятствовать планам Амальрика является отношение к переговорам иерусалимского короля с главой мусульманской секты ассасинов, которые проходили в Сирии в 1173 году. Вождь исламских фанатиков Синан ибн-Салман ибн-Мухаммед, больше известный под именем Старец Горы, был родом из небольшой иракской деревни около Басры. Являясь последователем Хасана, исмаилитского имама из Аламута, Синан возглавил сирийский анклав ассасинов и стал проводить самостоятельную политику. На протяжении тридцати лет правители обоих исламских халифатов и всех христианских государств на Ближнем Востоке постоянно находились под угрозой насильственной смерти от рук кого-либо из приспешников Синана; исключение делалось только для великих магистров рыцарских орденов, поскольку исмаилиты понимали, что на место убитого тут же заступит другой рыцарь.

Поскольку исмаилиты являлись врагами врагов латинян, франки достаточно терпимо относились к секте ассасинов. А тамплиеры, которые могли нанести сильный удар по мусульманским фанатикам с территорий своих военных лагерей в Тортозе, Ла-Коле и Кастель-Блан, ежегодно получали от ассасинов 2000 безантов за то, чтобы не трогали эту исмаилитскую секту. В 1160-е годы тысячелетние традиции исмаилитского движения были буквально взорваны действиями Хасана, предводителя общины в Аламуте, который вопреки закону Мухаммеда неожиданно провозгласил веру в Воскресение. Как прележный ученик, Синан тут же распространил эти верования среди сирийских мусульман. Как и анабаптисты* из немецкого Мюнстера, появившиеся несколько веков спустя, «богоизбранное» мусульманское духовенство предалось необузданным оргиям и разврату. По свидетельству Камалья аль-Дина, мужчины и женщины погрязли в пьянстве, мужчинам не возбраняется спать со своими сестрами и дочерьми, женщины носят мужское платье, а одна из них утверждает, что Синан и есть истинный Бог.

Через несколько лет после того как Хасан нарушил закон Мухаммеда, Синан в обращении к королю Амальрику и патриарху Антиохийскому выразил желание перейти в христианскую веру и даже направил своего посланника Абдуллу для переговоров с иерусалимским монархом. После достижения соответствующего соглашения Абдулла отправился из Иерусалима в Массиф с охранной грамотой от короля Амальрика. Но недалеко от Триполи его отряд был атакован тамплиерами под командованием одноглазого рыцаря по имени Вальтер Меснильский.

Это ослушание настолько оскорбило и разъярило Амальрика, что он приказал арестовать виновных. К тому моменту Великим магистром ордена стал Одон де Сент-Аман, сменивший в 1171 году Филиппа Наблусского. До своего избрания магистром Одон состоял на королевской службе, занимая ряд ответ-

* Анабаптисты (от *греч.* anabaptizo — вновь крещу) — перекрещенцы, члены христианской секты в период Реформации в XVI в., выступавшие за крещение в сознательном возрасте и отрицавшие церковную иерархию, иконы и большинство христианских таинств. Проповедовали равенство не только религиозное, но и гражданское. — *Примеч. пер.*

ственных постов, а с 1157 по 1159 год находился в плену у мусульман. Его избрание способствовало улучшению отношений тамплиеров с королем Амальриком, однако в данном случае Одон настаивал на соблюдении законных прав тамплиеров, ссылаясь на папскую буллу «*Omne Datum Optimum*». По этому акту рыцари-храмовники не подлежали светскому суду. За свой проступок Вальтер Меснильский был осужден тамплиерским капитулом; окончательное решение должен был принять Рим. Не удовлетворившись этим, Амальрик отправился в Сидон, где проходило заседание орденового суда, и арестовал провинившегося рыцаря. Затем король распорядился поместить Вальтера в тюрьму города Тир, а Синану направил письмо с извинениями, уверяя, что инцидент произошел не по его воле. Однако этот эпизод снова обострил отношения между иерусалимским монархом и тамплиерами и побудил Амальрика обратиться к папе римскому и своим европейским коллегам с предложением распустить орден. Довести это дело до конца помешала его смерть в 1174 году.

Что же стояло за нападением Вальтера Меснильского на посланца исмаилитов? Официально Одон де Сент-Аман так и не взял на себя ответственность за этот инцидент, однако, учитывая строгий обет послушания, который брали все братья-рыцари при вступлении в орден, представляется маловероятным, чтобы Вальтер действовал по собственной инициативе. В качестве вероятной подоплеки его действий Гильом Тирский называет банальную алчность: дескать, в случае крещения исмаилитов тамплиеры теряли ежегодный доход в 2000 безантов. Более поздний летописец Вальтер Мап полагает, что тамплиеры опасались установления мира — это подорвало бы сами основы существования их ордена, и тогда они оказались бы просто ненужными.

Современные же историки считают, что, имея крупные поступления в орденовую казну от графа Генриха Саксонского по прозвищу Лев, они вряд ли могли считать потерей такую незначительную сумму, как 2000 безантов. Более правдоподобным выглядит другое объяснение: зная хитрость и вероломство своих извечных врагов исмаилитов, они сочли, что те просто одурачили короля Амальрика. И были не оди-

ноки в своем недоверии к секте ассасинов — их поддерживал и Раймунд III, граф Триполи, чей отец погиб от рук этих фанатиков; именно он стал регентом Иерусалимского королевства после смерти Амальрика. Переговоры с Синаном больше не возобновлялись, а сама идея крещения исмаилитов была навсегда забыта.

8. Саладин

Год 1174-й унес жизни сразу двух влиятельных ближневосточных монархов — иерусалимского короля Амальрика и правителя Алеппо Нуреддина. Амальрик, которому исполнилось всего тридцать восемь лет, в глазах современников всегда уступал своему брату Балдуину III и в значительной степени подорвал мощь своего королевства дорогостоящими и безрезультатными походами в Египет. Выбранная им стратегия укрепления латинских государств в Сирии и Палестине строилась на союзе с Византийской империей. Этот союз предполагалось укрепить браком его кузины Марии Антиохийской с императором Мануилом, а также женитьбой самого Амальрика на другой Марии — дочери императора. Однако от последнего брака у него родилась только дочь Изабелла. После очередного возвращения из Константинополя незадолго до смерти Амальрик ввел при своем дворе византийское церемониальное одеяние.

К тому моменту вопрос наследования в латинских королевствах уже был решен, и Амальрика сменил на троне его сын от первой жены, Агнессы де Куртине, Балдуин IV. Тринадцатилетний наследник страдал проказой — болезнью, которая, по мнению части церковников, была послана Богом в наказание за женитьбу Амальрика на двоюродной сестре. До достижения Балдуином совершеннолетия регентом был избран граф Триполи Раймунд III, приходившийся новому королю двоюродным братом.

А вот после смерти Нуреддина возникли весьма острые споры между правителями Дамаска, Мосула, Алеппо и Каира за право стать опекуном его сына и наследника, Малика ас-Сали-

ха Измаила, которому исполнилось всего одиннадцать лет. За годы своего правления Нуреддин убедительно продемонстрировал всем эмиратам, которые прежде непрерывно враждовали между собой, что мусульмане вполне способны объединиться в борьбе против франкских завоевателей. Более того, он придал своей политике отчетливую идеологическую окраску: сдержанный и строгий, «с правильными чертами и вежливо-грустным выражением лица», он отличался неподдельной набожностью и сумел придать борьбе с латинскими христианами характер священной войны, по-арабски — джихада.

Единственным человеком, поддержавшим такое духовно-политическое единство, оказался не кто-либо из законных наследников Нуреддина, а сын курдского вельможи, спасшего в свое время жизнь отцу Нуреддина, Зенги, при переправе через реку Тигр после поражения от войск багдадского халифа в 1143 году. Этого полководца звали Аюб. Вместе со своим братом Ширку, сорвавшим все попытки короля Амальрика покорить Египет, он входил в число наиболее приближенных советников Нуреддина. В этих военных операциях участвовал и его энергичный племянник Ширку Салах ад-Дин Юсуф (Саладин). Именно он нанес решительный удар по Фатимидам в Каире, добившись духовного объединения египетских мусульман с багдадским халифом. Став единоличным правителем Египта, он проводил независимую политику, нередко расходившуюся со взглядами самого Нуреддина.

Как при жизни, так и после смерти Саладина мусульмане и христиане считали его образцом смелости и великодушия. Дошедшие до Европы легенды о его необычайной щедрости — например, о том, как он одарил мехами христианских пленников, чтобы те не замерзли в дамасских тюрьмах, или как при захвате замка Керак, где в то время проходило венчание Онфруа Торонского и принцессы Изабеллы, приказал воинам не трогать башню, где проходила свадебная церемония, — особенно потрясли христиан-европейцев, призывавших к тому, что исламских врагов было принято изображать настоящими исчадиями ада.

Отличавшийся набожностью, скромностью и милосердием, Саладин тем не менее был строгим правителем и талантлив

вым полководцем. По словам современников, он был небольшого роста, круглолицый, черноволосый и темноглазый. Как и большинство представителей исламской элиты, он был культурным и образованным человеком, отлично владел копьем и мечом. В молодости его больше интересовали богословские проблемы, а не военное дело. Без сомнения, его упорная борьба с католиками была вызвана прежде всего религиозной одержимостью, а не просто убеждением, основанным на опыте Зенги и Нуреддина, что разрозненные мусульманские государства можно объединить только под знаменем священного джихада.

Но удержать объединенное мусульманское сообщество на высоком духовном уровне было не так легко: Саладин нуждался в покровительстве Нуреддина, суверена своего отца и багдадского халифа. Даже после того как Саладин доказал свою твердую приверженность идеям ислама и возглавил борьбу мелких мусульманских государств с латинянами, многие продолжали считать его узурпатором. И не зря. Как мы увидим в дальнейшем, даже его знаменитое великодушие нередко являлось тонко рассчитанным политическим приемом. Когда же политика диктовала более жесткие правила поведения, он становился безжалостен: в Каире, например, приказал распять своих шиитских оппонентов, да и вообще в массовом порядке применял казни и пытки захваченных пленников. Хотя внешне он с уважением относился к франкским рыцарям, нередко даже восхищался их кодексом поведения и был весьма любезен с христианскими принцами и королями, однако на самом деле испытывал неизбывную ненависть к военным орденам.

Пытаясь помешать Саладину обрести абсолютную власть после смерти Нуреддина, его противники из тактических соображений часто шли на союз с латинянами. Так, правитель Алеппо уговаривал графа Раймунда Триполитанского, представлявшего интересы короля Балдуина IV, напасть на город Хомс, обещая взамен отпустить за выкуп пленных христиан — среди них французского рыцаря Рено де Шатильона, женатого на принцессе Констанции Антиохийской: его свобода оценивалась в 120 тысяч золотых динаров.

Если бы можно было предвидеть будущее, то граф Раймунд предпочел бы оставить этого слона-отшельника в алеппо-

ской башне. Ведь Рено к тому моменту был уже правителем без владений: супруга умерла спустя два года после того, как ее красавец муженек попал в плен — похоже, по причине безутешной любви, — и Антиохией управлял ее сын от первого мужа, Раймунда Пуатье. Однако Рено — вовсе не рядовой наемный рыцарь: его дочь Агнесса была венгерской королевой, а падчерица Мария — императрицей Византии. Позднее он женился на одной из богатейших наследниц королевства — Стефании де Милли, став крупным землевладельцем в долине Хеврона и к востоку от реки Иордан.

Одним из последствий смерти Нуреддина и возникшей в результате смуты явилось ослабление установленного им контроля над турками-сельджуками. В 1176 году их султан Кылыч-Арслан II (Львиная Сабля) открыто выступил против Византии. Войска, которые послал против него император Мануил, были разбиты турками в Месопотамии. Это поражение оказалось не менее тяжелым, чем случившееся в 1071 году под Манцикертом, которое стало причиной 1-го Крестового похода. В результате Анатолия навсегда была захвачена турками, резко ослабло влияние Византии на события в Сирии, а франки оказались предоставленными самим себе.

Обстоятельства еще сильнее усугубились из-за внутренних раздоров, потрясших Иерусалимское королевство. Обладая достаточной выдержкой и настойчивостью, король Балдуин IV все-таки не мог стать по-настоящему сильным правителем, поскольку страдал проказой. До совершеннолетия его регентом был ближайший родственник по мужской линии граф Триполи Раймунд III — искушенный и осторожный политик, который после многолетнего пребывания в плену у мусульман говорил по-арабски и хорошо знал психологию своих врагов. Он опирался на поддержку самых знатных родов Иерусалимского королевства и ордена госпитальеров, но конфликтовал с тамплиерами и недавно прибывшими в Палестину рыцарями во главе с Рено де Шатильоном, которому не терпелось начать активные военные действия для завоевания новых земель.

Хотя было много разговоров касательно возможной помощи с Запада — речь шла о новом крестовом походе под

Карта мира XI в. с Иерусалимом в центре и Британскими островами в нижнем левом углу, составленная на основе разрозненных представлений того времени о Земле.

Винчестер или Кентерберги.

(Британская библиотека / Художественная библиотека Бриджмена)

Осада Иерусалима во время 1-го Крестового похода в 1099 г.
Цветная миниатюра XIV в.
(Французская национальная библиотека / Художественная библиотека
Бриджмена)

Разграбление Иерусалима после его взятия крестоносцами
в 1099 г. Цветная миниатюра Жана де Курси, XV в.
(Французская национальная библиотека / Художественная библиотека
Бриджмена)

Бернард, аббат Клервоский, призывающий к Крестовому походу короля Людовика VII в Везеле (Бургундия) в 1146 г. Цветная миниатюра Себастьяна Мамеро, XV в. (Французская национальная библиотека / Художественная библиотека Бриджмена)

Бернард, аббат Клервоский. Цветная миниатюра Жана Буке в Часослове, составленном Этьеном Шевалье, XV в. (Музей Конде / Художественная библиотека Бриджмена)

Гуго Вандемонт, обнимающий свою жену после возвращения из Крестового похода. Резьба по камню из монастыря Бельваль де Лоран, XII в. (Музей исторических памятников Франции / Художественная библиотека Бриджмена)

Тамплиерская печать с изображением двух рыцарей на одной лошади. (Архив Вейденфельда)

Фреска XII в. из орденовой церкви в Крессак-на-Шароне (Аквитания) с изображением рыцаря-тамплиера. (Архив Вейденфельда)

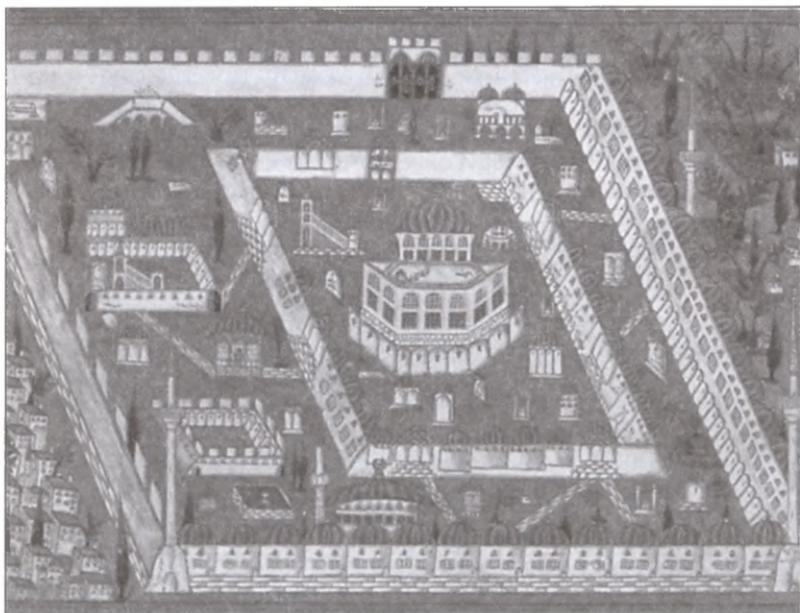
Коленопреклоненный рыцарь, свершающий молитву, и его конь. Иллюстрация из Вестминстерской Псалтири, XII в. (Архив Вейденфельда)

Паломники под охраной рыцарей-тамплиеров, приближающиеся к Иерусалиму. Английская гравюра XIX в. (Частная коллекция / Кен Уэлш / Художественная библиотека Бриджмена)

Собор на Скале,
расположенный
на Храмовой горе
в Иерусалиме.
(Архив Вейденфельда)

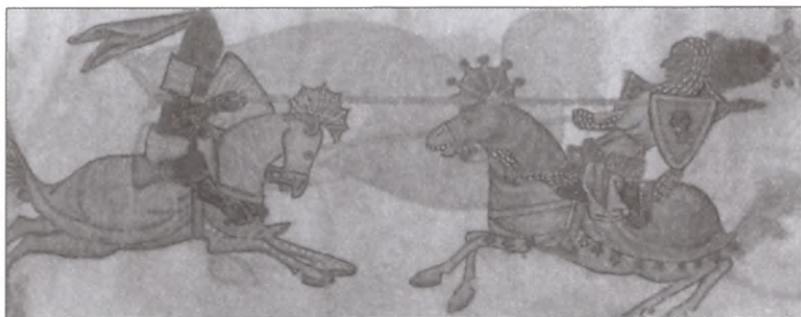

Мечеть аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме, позднее переименованная крестоносцами в храм Соломона, — до 1187 г. главная резиденция тамплиеров. Рисунок гуашью на бумаге из «Альбома Муракка».

(Библиотека Честера Бити и Галерея восточного искусства /
Художественная библиотека Бриджмена)

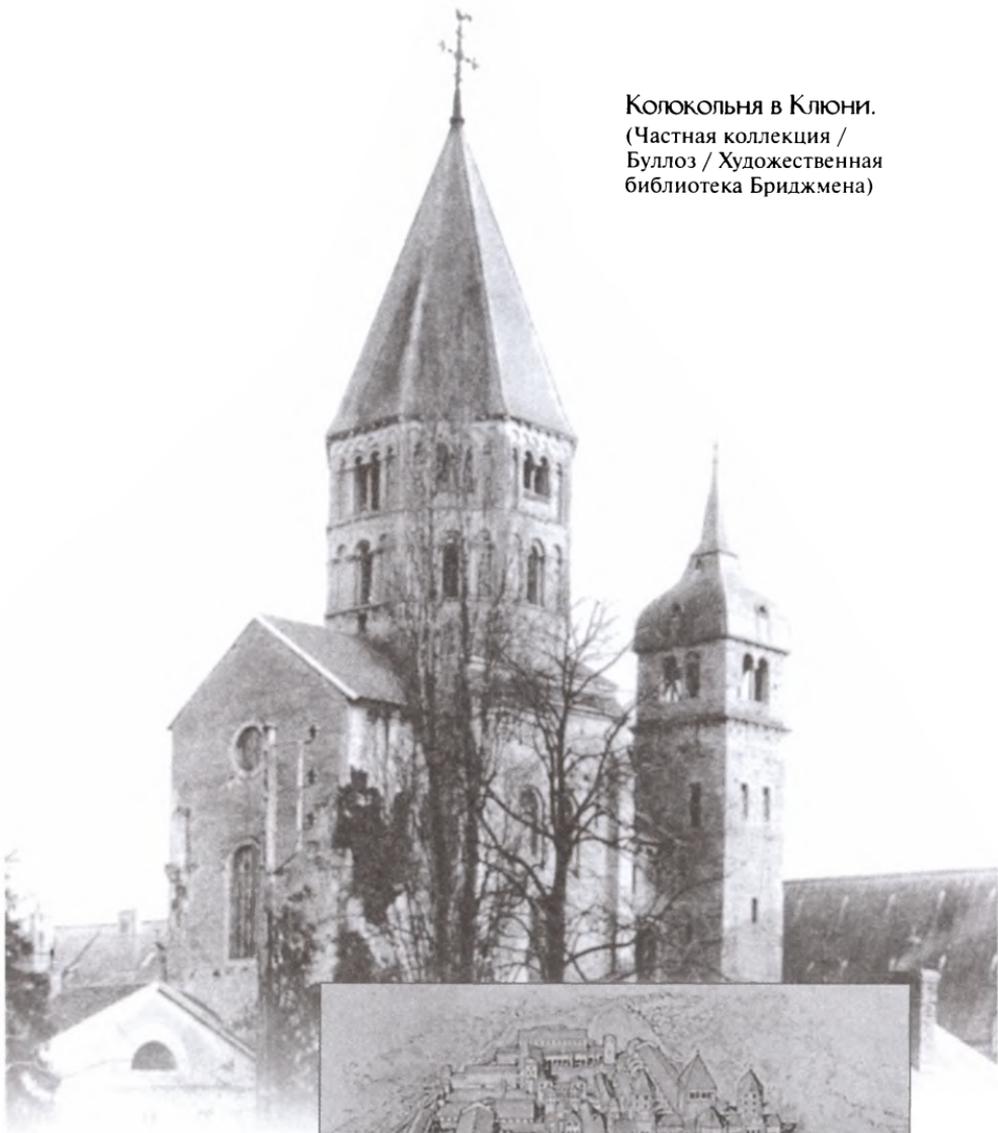

Средневековый
портрет
Саладина
(фатимидская
школа).
(Британский музей /
Художественная
библиотека
Бридждмена)

Поединок Ричарда Львиное Сердце с Саладином.
Иллюстрация из рукописи XIV в.
(Британский музей / Художественная библиотека Бриджмена)

Колокольня в Клюни.
(Частная коллекция /
Буллоз / Художественная
библиотека Бриджмена)

Монастырь
Клюни —
реконструкция
Кеннета
Джона
Конанта.
(Архив
Вейденфельда)

Папа Иннокентий III.
Фреска XIII в. из церкви Сакро
Спеко (Святого Грота),
Сабиако (Италия).
(Архив Вейденфельда)

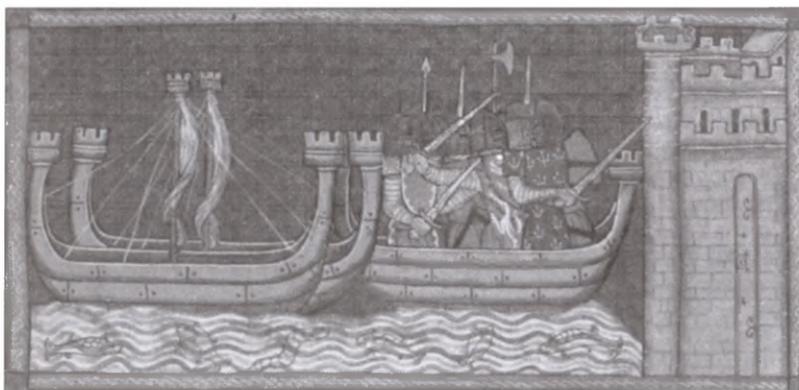
Папа Бонифаций VIII.
Статуя (предположительно)
работы Арнольфо ди Камбио
из Кафедрального собора
во Флоренции;
в настоящее время хранится
в городском музее.
(Архив Вейденфельда)

Папа Климент V
из «Триумфа Фомы Аквинского»
Андреа Буонароти, 1365 г.,
церковь Св. Марии Новелльской,
Флоренция.
(Архив Вейденфельда)

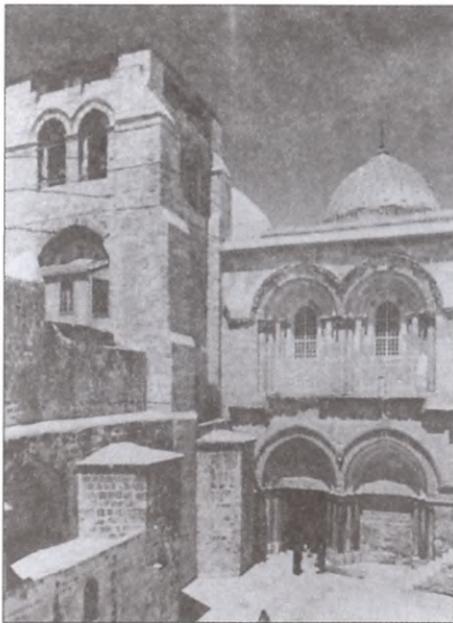
Король Людовик IX,
вершающий суд.
Миниатюра XIII в.
из книги «Жизнь и чудеса
Людовика Святого».
(Французская национальная
библиотека /
Художественная библиотека
Бриджмена)

Крестоносцы,
осаждающие Дамьетту
в 1248 г. во главе с
Людовиком IX. Миниатюра
XIV в. из книги «Хроники
Франции, или Сен-Дени».
(Британская библиотека /
Художественная библиотека
Бриджмена)

Крестоносцы, изгоняющие
катаров из Каркассона.
Книжная миниатюра XIV в.
(Британская библиотека /
Художественная библиотека
Бриджмена)

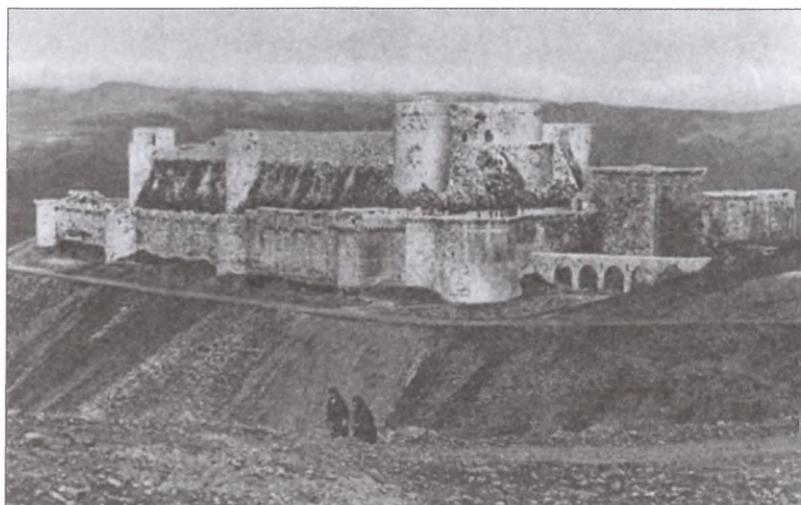

Церковь Святого Гроба
Господня в Иерусалиме.
(Энтони Керстинг)

Проект восстановления церкви Святого Гроба Господня,
составленный после взятия Иерусалима
крестоносцами во время 1-го похода
(Архив Вейденфельда)

Крепость Крак-де-Шевалье в Сирии,
принадлежавшая с 1144 по 1271 г. ордену госпитальеров.
(Архив Вейденфельда)

Крепость тамплиеров в Монзоне (испанская провинция Арагон).
(Уэска, Арагон / Художественная библиотека Бриджмена)

Оборона Акры войсками крестоносцев в 1291 г.
Картина Доминика-Луи Папети, XIX в.
(Версальский дворец / Ларош-Жирадон / Художественная библиотека
Бриджмена)

Французский король Филипп IV Красивый со своими четырьмя сыновьями и братом Карлом Валуа. Миниатюра XIV в. (Французская национальная библиотека / Художественная библиотека Бриджмена)

Казнь тамплиеров. Миниатюра XIV в. из книги «Хроники Франции, или Сен-Дени». (Британская библиотека / Художественная библиотека Бриджмена)

Жак де Моле, последний Великий магистр ордена тамплиеров. Гравюра XIX в. (автор — Геваше). (Частная коллекция / Роже Виоллет / Художественная библиотека Бриджмена)

Гравюра XVIII в. с изображением замка тамплиеров в Париже, где в 1793 г. провел последние дни перед казнью король Людовик XVI. (Французская национальная библиотека / Художественная библиотека Бриджмена)

Крепость тамплиеров в Альмауроле на реке Тахо (Португалия)

Круглая башня-часовня из замка тамплиеров в Томаре (Португалия), построенная в 1160 г. португальским зодчим Гуалдимом Паисом

Автор этой книги на фоне замка в Томаре

предводительством французского короля Людовика VII и английского монарха Генриха II, недавно женившегося на бывшей супруге Людовика Элеоноре Аквитанской, — единственным принцем, отправившимся в Святую землю, стал Филипп, граф Фландрский, который к тому же настаивал, что является всего лишь паломником, а не крестоносцем.

Воспользовавшись разногласиями среди франкских вождей, Саладин повел войска через Синайскую пустыню к принадлежавшей тамплиерам крепости Газа. Тамплиеры подтянули туда свой отряд, но Саладин обошел Газу стороной и осадил другой город, Аскалон. Им навстречу выступила армия латинян во главе с семнадцатилетним Балдуином IV. Хотя ему удалось добраться до Аскалона раньше Саладина, тот быстро сообразил, что Иерусалим в этот момент практически беззащитен, и, оставив небольшой отряд, чтобы задержать Балдуина, быстрым маршем направился к Священному городу. Поняв, что его пыгают перехитрить, Балдуин объединился с отрядом тамплиеров из Газы и бросился за армией Саладина. Ему удалось настичь турок 25 ноября 1177 года у Монгисара, между Иерусалимом и побережьем. Не ожидавший такого маневра от юного франкского короля, Саладин обратился в бегство, а его разбитая армия в панике отступала до самого Египта.

Но эта триумфальная победа помешала франкам реально оценить свои силы. Латинские летописи утверждают, что армией франков командовал сам Балдуин, однако мусульманские историки настаивают, что на самом деле войсками командовал опытный Рено де Шатильон, сражавшийся с небывалой отвагой и заметно укрепивший этой победой свой престиж.

Не имея достаточных людских ресурсов, чтобы развить достигнутый успех, король Балдуин IV ограничился укреплением границы с дамасскими владениями, построив крепость на реке Иордан — в местечке под названием Брод Иакова: согласно Книге Бытия, именно здесь библейский Иаков боролся с ангелом. Это стратегическое укрепление позволяло держать под контролем не только путь от средиземноморского побережья до Дамаска, но и плодородную долину, которая издавна находилась в совместном пользовании христиан и мусульман. По ранее достигнутой договоренности этот район имел статус де-

милитаризованной зоны. Однако, уступив мощному давлению тамплиеров и воспользовавшись разногласиями среди членов семьи Саладина, Балдуин воздвиг здесь мощный форпост.

Летом 1173 года войска Саладина осадили эту крепость; Балдуин отправился на помощь осажденным, призвав под свои знамена графа Триполи Раймунда и тамплиеров во главе с Одоном Сент-Аманским, и уже в июне отряд латиняев вступил в столкновение с армией Саладина. Тамплиеры с ходу атаковали турок, но были отбиты. Многие из них сумели переправиться через реку Литания и нашли убежище в крепости Бофор, однако немало тамплиеров погибло, а Великий магистр Одон де Сент-Аман был захвачен в плен.

Через год Одон скончался в заключении — глава ордена был слишком горд и не мог согласиться, чтобы его обменяли на какого-нибудь мусульманина, находившегося в плену у христиан. Летописец Вильгельм Тирский, чей брат погиб в той самой стычке, обвинял Одона в высокомерии (кстати, это была отличительная черта рыцарей-храмовников): его действия «диктовались духом гордыни, которой в нем было с избытком», это был «никчемный человек, заносчивый и надменный, с раздувающимися от ярости ноздрями, не испытывавший страха перед Богом и презиравший людей». Одон — яркий пример рыцаря, создавшего себе имя в светской среде и только затем присоединившегося к ордену. Но им двигали не религиозные чувства, а стремление с помощью такого обходного маневра подняться в высшие круги светской власти над всем христианским миром.

Нельзя сказать однозначно, что явилось причиной избрания Одона великим магистром — его истинно религиозное рвение или же практические соображения братьев-тамплиеров, избравших его своим вождем как знатного рыцаря, уже занимавшего к тому времени высокое положение в обществе. Но, вероятно, именно по примеру Одона де Сент-Амана был избран и его преемник Арно де Турружский, который до того был магистром тамплиеров в одной из испанских провинций.

Воспользовавшись двухлетним перемирием между Саладином и королем Балдуином IV — оно было заключено из-за поразившей весь Ближний Восток засухи и последовавшего за ней голода, — Арно Турружский вместе с Великим магис-

тром ордена госпитальеров Роже де Муленом и вновь избранным патриархом Ираклием отправился на корабле в Европу, чтобы заручиться помощью из Италии, Франции и Англии. Ираклий, полуграмотный священник из Оверни, был любовником королевы-матери Агнессы, чье влияние вначале обеспечило ему пост архиепископа Кесарийского, а позднее — и патриарха Иерусалимского. Его новая пассия, Пачия де Ривери, известная как «мадам патриархесса», была женой торговца тканями из Наблуса.

Когда, будучи в Лондоне, Ираклий освящал церковь, выделенную тамплиерам в западной части города, его внешний вид — умащенный благовониями, в одежде, украшенной драгоценностями, — невольно вызвал у присутствовавших на церемонии сомнение, так ли уж сильно нуждаются их христианские братья на Востоке. Незадолго до визита своих ближневосточных братьев орден тамплиеров в Англии сумел извлечь существенную выгоду из весьма значительного события — убийства в 1170 году архиепископа Кентерберийского Томаса Беккета. Четверем норманнским рыцарям, убившим церковного иерарха, было предписано четырнадцать лет отслужить в Святой земле в рядах тамплиеров. Король Генрих II не только принес публичное покаяние с кафедры Кентерберийского собора, но также поклялся снабдить храмовников деньгами для ежегодного содержания двухсот рыцарей. А в 1172 году, тоже в виде покаяния, сам Генрих принял крест, собираясь лично возглавить новый крестовый поход; и хотя дальнейшие события помешали ему сразу осуществить свой план, по его повелению в 1172 году на эти цели было выделено двадцать тысяч марок: пять тысяч — тамплиерам, пять тысяч — госпитальерам, пять тысяч — в их совместное пользование, а оставшиеся пять — «всем другим религиозным общинам, прокаженным, отшельникам и паломникам, направляющимся в Палестину».

Во время путешествия по Европе великий магистр тамплиеров Арно Турружский внезапно заболел и в 1184 году скончался в Вероне. Капитул тамплиеров, собравшийся в Иерусалиме, избрал на его место фламандского рыцаря (по другим сведениям, он имел англо-норманнское происхождение) Жерара де Ридфора. Жерар представлял собой классический пример ры-

царя, присоединившегося к ордену Храма «по воле случая». Прибыв в Святую землю в начале 1170-х годов, он поступил на службу к Раймунду III, графу Триполи. Согласно хроникам того времени, Раймунд пообещал ему выделить фьеф (феодалное владение), как только появится соответствующая вакансия. В 1180 году скончался правитель имения Ботрон на ливанском побережье Гильом Дорель, оставивший свои владения дочери Люси. Вероятно, сильно нуждаясь в деньгах, граф Раймунд «продал» Люси вместе с наследственным наделом итальянскому купцу Пливено из Пизы, получив от него ровно столько золота, сколько весила невеста. Эта сделка принесла ему десять тысяч безантов (что соответствует примерно шестидесяти килограммам).

Разочаровавшись в перспективах своей карьеры при дворе триполитанского графа, Жерар вступил в ряды тамплиеров. Примерно в то же время он серьезно заболел, что заставило его на время забыть о своих амбициозных планах и сосредоточиться на спасении собственной души. Однако прилив благочестия не избавил рыцаря от чувства унижения, когда на глазах у всех ему предпочли какого-то торгаша. И вскоре ему представился случай отомстить графу Триполи за нанесенную обиду. К моменту смерти Арно Турружского Жерар занимал пост сенешаля* в королевстве Иерусалимском.

В марте 1185 года от проказы скончался молодой король Балдуин IV. Ему должен был наследовать семилетний племянник, Балдуин V, сын старшей сестры Сивиллы, первым мужем которой был Гильом де Монферрат. Раймунд, граф Триполи, исполнявший при Балдуине IV обязанности бальи (управляющего, или главного министра), автоматически стал регентом малолетнего Балдуина V. Пользуясь своими полномочиями, он заключил с Саладином новое перемирие на четыре года. Однако уже в следующем году авторитет Раймунда пошатнулся из-за внезапной смерти юного монарха, когда не осталось ни одного законного наследника.

По завещанию Балдуина IV наследование иерусалимского трона отдавалось на усмотрение папы римского, императора

* Сенешаль являлся вторым по старшинству сановником ордена Храма, своего рода «начальник штаба». — *Примеч. пер.*

Византии, а также королей Франции и Англии. Но в очередной раз судьба латинян в Святой земле оказалась в зависимости от женских страстей. Принцесса Сивилла, мать покойного короля, к тому времени вышла замуж за французского рыцаря Ги де Лузиньяна. Ее первый муж, Гильом де Монферрат, приглашенный в свое время из Европы в качестве кандидата на иерусалимский трон, умер от малярии в 1177 году.

В качестве возможного супруга Сивиллы ведущие монархи Европы вначале остановили свой выбор на местном бароне Балдуине Ибеленском. Однако у Амальрика де Лузиньяна — коннетабля (главнокомандующего армией) Иерусалимского королевства и бывшего любовника матери Сивиллы, Агнессы, — имелся младший брат Ги. По настоянию Амальрика Сивилла, соблазненная красочными рассказами о его внешности, пригласила последнего из Европы. Когда Ги де Лузиньян прибыл в Иерусалим, он пришелся ей по вкусу и она принялась уговаривать своего брата короля Балдуина IV дать согласие на брак. Король, видевший слабость и абсолютную неспособность смазливового французского жениха к управлению государством, долго сопротивлялся этому брачному союзу, однако мать и сестра упорно добивались своего, и в конце концов он дал согласие на свадьбу, состоявшуюся на Пасху 1180 года.

И теперь, шесть лет спустя, планы двух энергичных дам принесли долгожданные плоды: Сивиллу, окруженную многочисленными приспешниками, короновал на иерусалимский трон другой любовник ее покойной матери — патриарх Иракий. Великий магистр госпитальеров, у которого хранился один из трех ключей от сокровищницы с королевскими регалиями (два других были у патриарха и магистра тамплиеров), отказался выдать ключ и выбросил его в окно. Но Жерар де Ридфор, хранитель второго ключа и явный сторонник Сивиллы и Ги, нашел и вернул его. Вступив на королевский трон, Сивилла не мешкая возложила вторую корону на голову своего легкомысленного муженька. По свидетельству очевидцев, «во время коронации Жерар де Ридфор прокричал во все горло, что эта корона — справедливая расплата за его несостоявшееся венчание с наследницей де Ботрона».

Совершенный Сивиллой «дворцовый переворот» означал победу «ястребов» над «голубями» во главе с Раймундом, графом Триполи. И хотя «голуби» отбивались с большим трудом, на их стороне были практически все королевские вассалы, за исключением Рено де Шатильона. Самого Ги де Лузиньяна почти все презирали. Граф Раймунд предлагал короновать принцессу Изабеллу, 13-летнюю дочь покойного Амальрика I, вышедшую замуж за 11-летнего Онфруа Торонского. Их венчание состоялось год назад в замке Керак, осажденном войсками Саладина. Он приказал приостановить обстрел крепости из осадных орудий на время обряда венчания, и в благодарность мать Онфруа послала мусульманским вождям блюда с брачными яствами. Как уже говорилось, эта осада была снята при личном участии Балдуина IV, вынужденного передвигаться на носилках; однако события тех дней сильно напугали юного Онфруа Торонского — по свидетельству современников, он «обладал чрезвычайной красотой и для своих лет был весьма образован, но по своим наклонностям больше походил на девушку, нежели мужчину». Когда же Раймунд предложил его кандидатуру на королевский трон, Онфруа от страха сбежал в Иерусалим, где засвидетельствовал свое почтение Ги де Лузиньяну. Так переворот стал свершившимся фактом, и все бароны, не считая Раймунда, графа Триполи, и Балдуина Ибеленского, выказали полную покорность новому монарху.

С этого момента уже ничто не могло сдерживать агрессивных планов Рено де Шатильона. Доставшиеся ему в результате женитьбы земли за рекой Иордан простирались до Акабасского залива в Красном море. По этой территории, прорезавшей владения Саладина, пролегали многочисленные караванные пути из Египта в Сирию. В 1182 году, воспользовавшись стратегическим расположением своего фьефа, он совершил ряд вооруженных набегов на соседей-мусульман. Его вероломство вызвало резкое возмущение всего мусульманского мира. Выстроив и опробовав новые галеры в Мертвом море, Рено затем спустил их на воду в Акабасском заливе. Отсюда он направился на юг, безжалостно грабя и опустошая мусульманские порты, расположенные по обоим берегам Иордана, а также торговые корабли и даже суда с

паломниками, направлявшиеся в Мекку. Бросив якорь в порту ар-Рагиб, он снарядил вооруженную экспедицию в саму Мекку, намереваясь вывезти оттуда останки пророка Мухаммеда. Однако неподалеку от города франкский отряд был разбит египетскими войсками, которые направил туда Малик, брат Саладина. Захваченных в плен латинян публично казнили на площадях Мекки и Каира.

Неизвестно, был ли это единичный террористический набег, осуществленный лично Рено, либо одно из «самых дерзких деяний в цепи совместно задуманных акций от лица всего Иерусалимского королевства», однако описанные выше события сразу превратили Рено в кровного врага Саладина, которого весь мусульманский мир считал гарантом безопасности мусульманских святынь на Ближнем Востоке и авторитет которого неожиданно оказался подорван. Сразу после вступления на трон короля Ги Рено еще сильнее рассердил Саладина, захватив мусульманский торговый караван, направлявшийся из Египта в Сирию, и уничтожив охранявший его отряд египтян. Это было откровенное нарушение перемирия, и Саладин потребовал полного возмещения потерь, в первую очередь от самого Рено, отказавшегося даже принять его послов, а затем и от короля Ги — тот, правда, приказал Рено прекратить бесчинства и уладить конфликт, но так и не смог заставить его подчиниться: ведь во многом благодаря ему он и получил свою корону.

Естественно, что все недоброжелатели Рено сочли разграбление мирного каравана актом неприкрытого бандитизма; но даже его сторонники называли такое поведение «необъяснимым», полагая, что, возможно, он просто ошибся и принял отряд охранников-египтян за воинов Саладина, нарушившего перемирие. Каковы бы ни были мотивы этого инцидента, война стала неизбежной — причем в то самое время, когда между латинскими государствами на Ближнем Востоке произошел раскол. Выявился конфликт между баронами-старожилами, изо всех сил пытавшимися удержать свои владения, и вновь прибывшими из Европы рыцарями, стремившимися к новым походам и территориальным завоеваниям. В тот же период обострились идеологические разногласия между сторонниками добрососедских отношений с

мусульманами и теми, кто рассматривал любой компромисс с неверными как предательство основ христианства. При этом было весьма непросто провести четкую границу между двумя лагерями. Однако можно однозначно утверждать: сам факт, что граф Триполи бегло говорил по-арабски и с интересом изучал исламские тексты, заставлял подозревать, что он не во всем следовал христианским принципам.

Словно желая укрепить эти подозрения, Раймунд обратился к Саладину за помощью в борьбе против Ги де Лузиньяна. Их переговоры не ограничивались простым соглашением о перемирии — речь шла об открытом сотрудничестве. Идя навстречу своему возможному союзнику, Раймунд даже разрешил коннице египетских мамлюков под командованием сына Саладина аль-Афдаля пройти через свои владения в Галилею — для проведения там разведки. Согласно договоренности, мусульманской кавалерии не разрешалось проводить военные операции и оставаться на чужой территории на ночь. Об этом соглашении были извещены все подданные графа Раймунда, в том числе в замке Фев, куда как раз прибыла делегация, посланная королем Ги для примирения с графом Триполи, — в нее входили великие магистры тамплиеров и госпитальеров.

Жерар де Ридфор тут же призвал под свои знамена девяносто рыцарей-тамплиеров из окрестных крепостей и направился к Назарету, где к нему присоединились еще сорок рыцарей. Недалеко от Назарета его воины встретились с мусульманским отрядом, который остановился на водопой у Крессонского источника. Увидев явное превосходство мусульман, магистр госпитальеров Роже де Мулен предложил Жерару отступить. Его поддержал и маршал тамплиеров Жак де Майи. Однако их предостережения лишь распалили Жерара де Ридфора. Обвинив своего коллегу-госпитальера в трусости, он оскорбил и Жака де Майи: «Вы говорите как человек, который хотел бы удрать; вы слишком любите свою белокурую голову, которую вы так хотели бы сохранить». — «Я умру перед лицом врага как честный человек, — ответил ему брат Жак. — Это вы повернете поводья как предатель». Объединенный рыцарский отряд с ходу атаковал египтян, но

результаты оказались плачевными: все рыцари, включая Жака де Майи и Роже де Мулена, были убиты, в живых остались лишь трое тамплиеров, в том числе сам виновник этой катастрофы Жерар де Ридфор. Многие светские рыцари попали в плен вместе с христианами из Назарета, которые выбрались из города в надежде пожить легкой добычей.

Единственным достижением латинян можно считать последовавший после поражения разрыв постыдного соглашения между графом Раймундом и Саладином, а также примирение графа с королем Ги. Пока Саладин стягивал мусульманские войска из подчиненных ему доминионов — Алеппо, Мосула, Дамаска и Египта — в местечко аль-Аштар за рекой Иордан, король Ги также объявил всеобщую мобилизацию латинских ратников, назначив пунктом сбора город Акру. Тридцать тысяч марок, переданных английским королем Генрихом II тамплиерам для организации нового крестового похода, были использованы для оплаты наемников и экипировки армии латинян. К исходу июня король Иерусалимский собрал под свои знамена 20-тысячное войско, включая 12 тысяч кавалеристов. Фактически в Иерусалим были стянуты все воинские ресурсы — как добровольцы, так и наемники, — которыми латиняне располагали на Ближнем Востоке; христианские крепости и поселения опустели.

1 июля 1187 года Саладин форсировал реку Иордан южнее Тивериадского озера с 30 тысячами пехотинцев и 12-тысячной конницей. Далее он разделил войско на две части — половина отряда направилась на запад, в сторону предгорий, а остальные двинулись к расположенной на берегу озера Тиверии. После недолгого сопротивления город перешел в руки турок, однако графиня Триполи, укрывшаяся в Тивериадском замке вместе с сыновьями, успела отправить послание своему супругу, который находился с королевской армией в Акре.

Нерешительный Ги де Лузиньян долго не мог сделать однозначный выбор между советами «голубей» и «ястребов». Еще не зная о судьбе своей жены и сыновей, граф Раймунд предлагал соблюдать осмотрительность и утверждал, что Саладину с его огромным войском не удастся долго продержаться в такой пустынной местности, да еще в самый разгар знойного палестин-

ского лета. Но его оппоненты — Рено де Шатильон и Жерар де Ридфор — выступали за немедленный бросок на Тиверию, упрекая Раймунда в трусости и припоминая его предательские переговоры с Саладином. Как и раньше, слабовольный Ги не смог проигнорировать советы этих вельмож, которые в свое время помогли ему занять королевский трон. И он приказал армии выступить на Тиверию. В полдень 2 июля крестоносцы разбили лагерь вблизи местечка Сефория, в стратегически весьма выгодном месте — с достаточным запасом воды и кормом для лошадей.

Здесь их нагнал гонец из Тиверии с известием о тяжелом положении супруги графа Триполи. Находившиеся с Раймундом сыновья стали умолять короля Ги поспешить на помощь их матери, однако сам Раймунд считал, что безрассудно и губительно оставлять такую выгодную позицию и вести войско через пустынные холмы, отделявшие франкское войско от Тивериадского озера. Он также добавил, что ради сохранения королевства готов рискнуть судьбой своих владений и собственной женой. «Тиверия принадлежит мне, — сказал он, — так же как моя жена и мое состояние, и никто не потеряет столько, сколько я, если замок будет утрачен. Если они захватят мою жену, моих людей и мое добро и разрушат мой город, я возвращу это, когда смогу, и отстрою свой город, когда смогу, ибо предпочитаю видеть разрушенной Тиверию, чем погибшей — всю Землю».

На военном совете король и большинство баронов согласились с доводами Раймунда, однако в полночь, когда Ги де Лузиньян остался один и готовился ко сну, к нему в шатер проник магистр тамплиеров Жерар де Ридфор. Разве можно доверять предателю? И разве не бесчестие — бросить в беде захваченный неприятелем город, находящийся совсем рядом? Жерар страстно заверял, что «тамплиеры готовы сбросить свои белые плащи, продать и заложить все, что у них есть, только чтобы отомстить за смерть своих братьев в битве у Крессонского источника».

И снова, будучи не в силах противостоять напору де Ридфора, король Ги отдал приказ свернуть лагерь и немедленно

выступать. Крестоносцы пустились в путь еще до зари. Они шли на восток по длинной бесплодной равнине, расположенной среди таких же бесплодных холмов; по другому склону дорога спускалась к берегам Тивериадского озера. Расстояние было небольшим — двадцать километров от Сефории до Тиверии, — но длинный караван тянулся пешим шагом. При этом их постоянно обстреливали неуловимые турецкие лучники, метко стрелявшие на скаку не только в людей, но и в лошадей. Кроме того, крестоносцы изнемогали от жажды, и в местечке Любия король — по просьбе тамплиеров, защищавших арьергард, — решил сделать привал и переночевать. Возглавлявший авангард граф Раймунд резко возражал против такого решения: «О Господи! Война проиграна, и все мы мертвецы. Королевству пришел конец!»

Все колодцы в деревне оказались пусты. Армию латинян, разбившую лагерь в одном из самых безводных мест под названием Рога Хыттина, со всех сторон окружили турецкие войска Саладина. В течение ночи кольцо все больше сжималось; многие крестоносцы, вышедшие из лагеря в поисках воды, были захвачены в плен или убиты. Турки подожгли кустарник и сухую траву вокруг лагеря, и латиняне стали задыхаться в едком дыму.

На рассвете Саладин повел своих солдат в атаку. Обезумевшие от жажды, невыносимой жары и дыма, христианские пехотинцы пытались прорваться к озеру через плотные ряды сарацин, но почти все погибли, а остальные попали в плен. Облаченные в тяжелые доспехи, рыцари с трудом отбивали непрерывные атаки турецкой кавалерии, однако они настолько ослабли от жажды, что серьезного сопротивления оказать не могли. Проскочить сквозь неожиданно разомкнувшиеся турецкие фаланги (обычная тактика легких мусульманских отрядов) удалось лишь графу Раймунду с частью его воинов. Не сумев воссоединиться с основной массой окруженных крестоносцев, граф и его люди отступили к побережью и направились в Триполи.

Оставшиеся на поле боя крестоносцы заняли круговую оборону вокруг своего короля, совершая время от времени вылазки против сарацин. В рядах латинян находился архи-

епископ Акрский, державший в руках святую реликвию — Крест Животворящий, который, однако, затем удалось захватить мусульманам. Битва была закончена. Король Ги и оставшиеся в живых рыцари попадали на землю, страдая от невыносимой жажды. Самых знатных пленников доставили в шатер триумфатора Саладина — среди них были король Ги, его брат Амальрик, Рено де Шатильон и юный Онфруа Торонский. Изнемогавшему от жажды королю султан предложил — с изысканной любезностью и подчеркнутым уважением — бокал с розовой водой и льдом, доставленным с вершины горы Хеврон. Отпив несколько глотков, король протянул бокал Рено де Шатильону, но тому не позволили утолить жажду: по арабским воинским правилам жизнь гарантируется только тем пленникам, которым дается еда или питье.

Саладину представилась возможность расправиться с Рено за все его беззакония и вероломство, но предварительно — опять же в соответствии с исламскими канонами — ему позволили сделать выбор: принять ислам или умереть. Рассмеявшись в лицо Саладину, Рено заявил, что скорее тот примет христианство, и добавил: «Если бы ты уверовал в истинного Бога, то избежал бы тех адских мук, которые тебе, несомненно, уготованы». Услышав это, Саладин выхватил саблю и отсек ему голову.

В отличие от Рено королю и светским рыцарям была дарована жизнь. «Король не убивает короля, — объяснил Саладин, — однако человеческое вероломство и дерзость часто не знают границ». Пленных франкских вождей отправили в дамасскую тюрьму, дав строгое предписание тюремщикам не причинять заключенным вреда. Однако на рыцарей из монашеских орденов эти правила не распространялись. Как постоянно заявлял Саладин, он «очистит землю от этих нечестивцев». Каждому воину, захватившему в плен рыцаря-монаха, полагалась награда в пятьдесят динаров, после чего ему приказывали убить пленника. Окружавшие Саладина мусульманские богословы, исламские отшельники и суфийские мистики упрашивали его разрешить им лично отрубить неверному голову. Неожиданным исключением оказался лишь великий магистр ордена Храма Жерар де Ридфор — его оста-

вили в живых. Остальным рыцарям, как и Рено де Шатильону, предложили сделать выбор: принять ислам или умереть. Всю ночь под дикие вопли их палачей они готовились к смерти. Никто из них не отрекся от Христа, и на рассвете все 230 рыцарей-тамплиеров вместе с братьями-госпитальерами были обезглавлены фанатиками-ислаamistaми.

После поражения при Хыттине дальнейшая судьба христиан в Святой земле была предопределена. Военные гарнизоны были выведены из всех замков и крепостей, принадлежавших латинянам, и вскоре более полусотни таких укреплений либо добровольно сдались, либо были захвачены сарацинами. Графине Триполи разрешили беспрепятственно покинуть Тивериадский замок, а 10 июля того же года Жослин де Куртине — один из самых непримиримых «ястребов» — практически без сопротивления сдал отлично укрепленную Акру. Во время захвата Аскалона Саладин решил проверить стойкость захваченных им пленников. Он приказал вывести к воротам крепости Жерара де Ридфора и короля Ги; последний отдал осажденным приказ открыть ворота и сдаться. В ответ посыпались ругательства, а в ходе последовавшей стычки погибли два турецких эмира из окружения Саладина. Однако судьба Аскалона была предрешена, и 4 сентября город капитулировал. А вот гарнизон Газы, состоявший из тамплиеров, сдался без боя — верные данному ими обету послушания, они выполнили приказ своего магистра Жерара де Ридфора.

После этого Саладин обратил свой жадный взор на главную цель — Иерусалим. Обороной города руководили королева Сивилла, патриарх Ираклий и Балдуин Ибеленский. Сил у осажденных было явно недостаточно — всего два рыцаря, и Балдуин был вынужден срочно произвести в рыцари три десятка холостых горожан. В Иерусалиме было полно беженцев, в основном женщин и детей, а на лояльность мусульман и православных христиан вряд ли можно было полагаться. И тут результат осады был в принципе предрешен; однако, опасаясь возможного пожара и беспокоясь за судьбу мусульманской мечети Купол Скалы, Саладин решил начать переговоры. За то, чтобы беспрепятственно выпустить из города все население, он по-

требовал выкуп в сто тысяч динаров — сумма неслыханная. Потом установил индивидуальный тариф: десять динаров за мужчину, пять — за женщину и один — за ребенка. Отдельно из общественного фонда (главным образом из орденской казны госпитальеров) было выделено тридцать тысяч динаров за освобождение семи тысяч неимущих жителей. И 2 октября 1187 года, в очередную годовщину восхождения пророка Мухаммеда с Храмовой горы на небеса, Саладин триумфально въехал в Иерусалим. С побежденными христианами он обращался весьма милостиво; его поведение, как подчеркивают летописцы, выгодно отличалось от поведения патриарха Ираклия и членов рыцарско-монашеских орденов, особенно тамплиеров, — они отказались поделиться с согражданами своими сокровищами и с неохотой расстались со средствами, которые им специально передал Генрих II для выкупа из рабства бедняков.

С этого момента Храм оказался в руках Саладина и тамплиеры были вынуждены убрать свою резиденцию из мечети аль-Акса. После их ухода мусульмане тщательно отмыли ее розовой водой, а в честь одержанной победы установили памятную кафедру, посвященную Нуреддину. Хотя храм Гроба Господня был оставлен православным христианам, крест, венчавший Собор на Скале, был сброшен наземь, и под восторженные вопли мусульман его еще два дня таскали по городским улицам, пиная и колотя палками.

Столь милостивое отношение Саладина к иерусалимским христианам объяснялось как его природным великодушием, так и дальновидным расчетом. В военном трактате аль-Харави «О военных хитростях» — написан по распоряжению сына Саладина, аль-Малика (а может, и самого Саладина) — автор замечает, что «доброе отношение к мирным жителям помогает продемонстрировать силу и тем самым устрашить врага...» Одним из показательных примеров такой демонстрации силы и спокойствия является великодушное разрешение, данное турками гарнизонам осажденных городов, покинуть свои крепости и перебраться в Тир или другие франкские поселения. Подобные действия были призваны показать, что султан абсолютно не опасается своих поверженных противников. Тем самым всем франкам как бы де-

монстрировалось презрение — за «безответственность, недальновидность, мелочность и алчность... их благородных рыцарей и вельмож». В своем трактате аль-Харави резко осудил католическое духовенство за ту легкость, с которой оно нарушает собственные клятвы, данные Саладину. Не скрывая своего глубокого уважения к рыцарским орденам, автор в то же время предупреждает Саладина, чтобы тот «опасался тамплиеров и госпитальеров... поскольку никогда не сумеет достичь своих целей, если попытается действовать через них; ибо эти монахи одержимы в своем религиозном рвении и не обращают внимания на то, что происходит в остальном мире».

Насколько верны оценки, данные аль-Харави? Нет сомнений, что великодушие и благородство, проявленные Саладином при взятии Иерусалима, заметно укрепили его престиж и в то же время подорвали волю части латинян к сопротивлению. Однако его жестокое обращение с рыцарями католических орденов только укрепило их волю и решимость к борьбе. Знаменитая крепость Керак, где в 1183 году проходила брачная церемония под аккомпанемент осадных орудий Саладина, более года стойко выдерживала турецкую осаду, и только наступивший из-за недостатка продовольствия голод заставил тамплиеров сдаться. Такова же судьба Монреаля. Лишь после непрерывной месячной бомбардировки капитулировали тамплиеры, защищавшие замок Сафет, и госпитальеры в крепости Бельвуар. Но некоторые цитадели по-прежнему оставались в руках рыцарских орденов. Так, госпитальеры удержали Крак-де-Шевалье и Капель-Блан. Тамплиеры, вынужденные отдать замок Гастон в Амманских горах, все-таки отстояли Роше-Гильом и, несмотря на падение самого города, — замок в Тортозе.

Указанные выше опорные пункты, а также прибрежные города Антиохия, Триполи и Тир остались в руках христиан. Прибывший в Антиохию сицилийский флот доставил подкрепление для местного гарнизона под командованием Боэмунда, а положение Тира резко стабилизировалось после появления новой партии крестоносцев из Европы под командованием германского князя Конрада Монферратского, умело организовавшего оборону. Вскоре его корабли разбили египетский флот, и в 1189 году Саладин был вынужден снять осаду.

В июне того же года Саладин отпустил на свободу Ги де Лузиньяна — тот поклялся никогда не воевать и навсегда покинуть пределы королевства. Однако, получив от священников уверение, что вынужденная клятва, данная неверному, не имеет законной силы, король Ги собрал новый отряд из рыцарей, которые были выкуплены или просто освобождены, и направился к Тиру. Но Конрад Монферратский отказался открыть ему городские ворота — по его мнению, Ги потерял корону по собственной вине. Напрасно проведя под городскими стенами несколько месяцев, тот понял, что ему остается либо убраться из Святой земли, либо предпринять решительные действия, дабы восстановить свои права на корону.

Приняв довольно неожиданное решение, в августе 1189 года Ги де Лузиньян направился со своим отрядом к Акре, которая была взята войсками Саладина сразу после битвы при Хьгтине. В этом походе он опирался на тамплиеров во главе с Жераром де Ридфором. Хотя неподалеку еще располагались части регулярной турецкой армии, Ги организовал осаду, но мусульманский гарнизон успешно отбивал все его попытки захватить город. Пожалуй, в XII веке в Сирии это был единственный пример, когда методичная осада проводилась на виду у стоявшей в поле армии противника, которая угрожала осаждавшим с тыла и могла оказать поддержку осажденным. Откровенная дерзость этого плана, несомненно, объясняется активным участием Жерара де Ридфора, который предпринимал отчаянные шаги, чтобы спасти свою подмоченную репутацию. Но 4 октября 1189 года при очередном наступлении на Акру Великий магистр тамплиеров был убит.

9. Ричард Львиное Сердце

Новости о бедах, потрясших Святую землю, достигли папы Урбана III, когда тот находился в Вероне. О печальных событиях ему поведали местные рыцари-храмовники — они получили письмо от брата Террье, который занимал в Палестине должность командора и один из немногих сумел спа-

стись в битве при Хытине. Самого Урбана и всю папскую курию эти известия буквально потрясли: никто в Европе не мог представить, что такое поражение возможно. И все единодушно решили, что Господь оставил свою паству за людские грехи. Монах Петр Блуаский, присутствовавший на заседании курии, направил английскому королю Генриху II письмо, где обрисовал «страстную реакцию кардиналов и решимость верховного понтифика, который призвал всех присутствовавших пожертвовать своим благополучием и богатствами и отстаивать дело Христа не только на словах, но и на деле, своим примером». От пережитых скорбей папа Урбан III вскоре скончался.

Когда архиепископ Тирский Жозе, прибывший по поручению баронов Заморья летом 1187 года из Тира в Палермо за помощью, встретился с королем Сицилийским Вильгельмом II и рассказал ему о случившейся с ближневосточными латинянами катастрофе, потрясенный король сбросил роскошную шелковую мантию, облачился в монашескую власяницу и уединился в часовне, где четыре дня предавался покаянным молитвам. Наследник папы Урбана престарелый итальянец Альберто де Морра, принявший имя Григория VIII, занимал папский трон лишь два месяца, и он обратился со страстным воззванием ко всем европейским монархам, призывая их прекратить междоусобицы и объявить семилетнее перемирие, дабы организовать новый крестовый поход. Папская булла «*Audita Tremendi*» была написана чрезвычайно живым и страстным языком. Первым на нее откликнулся король Вильгельм Сицилийский, пославший на помощь осажденным в Антиохии латинянам флот в составе пятидесяти галер.

Идея всеобщего покаяния, которую провозгласил Бернард Клервоский еще перед 2-м Крестовым походом, теперь была подкреплена подлинно рыцарской целью — вырвать из рук неверных и вернуть христианам Святой Крест Животворящий. Именно с этого времени слово *crucesignata* («знак креста», *лат.*) прочно вошло не только в церковную терминологию, но и в обиход большинства европейских рыцарей и князей. В период 1-го Крестового похода геральдика еще не получила достаточного распространения; теперь же геральдические символы ста-

ли появляться на щитах и знаменах. Среди европейской знати еще больше окрепло убеждение, что крестовый поход является высшим выражением доблести и чести — самый главный поединок с силами зла и высшая цель настоящего рыцаря. Так, Петр Блуаский — свидетель публичного покаяния римских прелатов и самого папы Урбана III, всем сердцем воспринявший страстные призывы Григория VIII — в своем трактате «Passio Reginaldi», посвященном описанию жизни и смерти злосчастного Рено де Шатильона, назвал его не просто мучеником, а святым.

Среди европейских вельмож одним из первых на призыв папы римского откликнулся Ричард, граф Пуату, сын английского короля Генриха II и Элеоноры Аквитанской. Брак Элеоноры с королем Франции Людовиком VII был расторгнут в 1152 году, через три года после их бесславного возвращения из 2-го Крестового похода. А уже восемь недель спустя Элеонора — ей в ту пору было тридцать лет — вышла замуж за девятнадцатилетнего графа Анжуйского, ставшего в 1154 году, после смерти короля Стефана, английским монархом под именем Генриха II. Столь поспешный брак был в последующем осужден биографами Элеоноры: по мнению одного из них, Альфреда Ричарда, Элеонору просто очень раздражали «женские манеры» Людовика, а ей хотелось «чувствовать сильную мужскую руку, и, как ни странно это звучит, она относилась к тем женщинам, которым нравится, когда их лупят». Двое других летописцев сообщают, что Элеонору успел соблазнить или даже изнасиловать отец Генриха, граф Жоффруа Анжуйский. Однако по части плодovitости брак Элеоноры с Генрихом II можно считать вполне удачным: если Людовику она родила лишь двух дочерей (именно отсутствие наследников по мужской линии побудило династию Капетингов согласиться на этот развод), то английскому королю за период с 1152 по 1167 год она принесла пятерых сыновей и трех дочерей!

Третьим из этих сыновей и был Ричард, который уже в одиннадцатилетнем возрасте унаследовал владение своей матери — герцогство Аквитанское. Постоянно участвуя в военных конфликтах с непокорными вассалами, Ричард снис-

кал репутацию бесстрашного воина и жесткого правителя, а после успешного взятия считавшейся неприступной крепости Тойлебург — ему тогда едва исполнился 21 год — славу блестящего стратега и полководца.

Женившись на Элеоноре, молодой Генрих II тут же стал изменять законной супруге, чаще всего со своей английской любовницей Розамундой Клиффорд. В 1173 году Элеонора, разозлившись, поддержала мятеж своих сыновей против английского короля. Однако бунт окончился полным провалом: испугавшись последствий, сыновья покорились воле Генриха II, а сама Элеонора, пытавшаяся найти прибежище у своего бывшего мужа Людовика VII, была схвачена и на пятнадцать лет брошена в темницу.

Неожиданная смерть в 1183 году его старшего брата Генриха сделала Ричарда наследником не только английского королевского трона, но и герцогства Нормандского, а также графства Анжуйского. В сложившейся ситуации его отец Генрих II попросил Ричарда уступить герцогство Аквитанское младшему брату Иоанну. Однако Ричард отказался выполнить его просьбу и обратился за поддержкой к своему сюзерену и наследнику Людовика VII юному французскому королю Филиппу Августу. Оба принца — бывшие одно время друзьями, потом соперниками и, наконец, непримиримыми врагами — на время прекратили политические и военные махинации, узнав о жестокое поражении латинян при Хьтгине и падении Иерусалима.

Подчиняясь порыву и даже не заручившись согласием отца, Ричард принял крест — причем в том же самом соборе города Тур, где когда-то вступил в крестоносцы его героический прадед Фульк Анжуйский, — намереваясь жениться на принцессе Мелисенде и таким образом стать новым королем Иерусалимским. Филипп Август поначалу протестовал против решения Ричарда вместо женитьбы отправиться в крестовый поход. Однако, выслушав страстный призыв архиепископа Тирского, сам последовал примеру Ричарда и тоже принял крест. Оба принца принялись уговаривать присоединиться к ним и Генриха II, который давно желал принять участие в крестовом походе и потратил значительные суммы на поддержку королевства Иерусалимского. Они условились отправиться в поход из Везеле сразу

после Пасхи 1190 года, однако Генриху II так и не довелось принять участие в походе — 6 июля 1189 года он скончался.

Став полноправным королем Англии — одновременно правителем Нормандии и Аквитании — и сосредоточив в своих руках огромные ресурсы, Ричард составил подробный план будущего крестового похода. Во всей Европе в связи с предстоящей экспедицией царил небывалый энтузиазм, а роль Бернарда Клервоского в качестве идейного вдохновителя крестоносцев в Англии взял на себя бывший цистерцианский монах, а ныне архиепископ Кентерберийский, архидьякон Колчестера (позднее погиб во время стычки с воинами Саладина). Однако в отличие от времен 1-го Крестового похода в летописях того периода не найти упоминаний о «немногословных и таинственных отшельниках, наставлявших вождей в вопросах военной тактики»; даже церковники, «призывавшие на помощь Господа... опирались на собственные средства». Так, папа ввел специальный десятипроцентный налог на все доходы и движимое имущество, получивший название «Саладинова десятина». Хотя если разобраться, крестовый поход во многом по-прежнему зависел от готовности конкретных людей рискнуть собственной жизнью и имуществом для освобождения Святой земли от неверных.

Ричарда и Филиппа Августа успели опередить другие, менее знатные принцы, князья, графы, герцоги и прочие люди, которые влились в армию христиан, осаждавшую Акру. Многие из них были потомками первых крестоносцев или родственниками франкской знати, обосновавшейся в Палестине: Генрих, граф Шампанский, внук Элеоноры Аквитанской и племянник французского и английского королей; Тибо, граф Блуа, и Ральф, граф Клермонский; графы Барский, Бриенский, Фонтенийский и Дреский; Стефан Сансерский и Алан де Сен-Валери. В их рядах были и германские вельможи — такие, как маркграф Людвиг Тюрингский; мощные флоты прибыли из Генуи и Пизы; архиепископ Жерар привел из Равенны целый отряд итальянцев; ополчение прибыло также из Мессины и Пизы; вооруженный трехтысячный корпус уэльсцев собрал архиепископ Балдуин Кентерберийский; были отряды добровольцев из французских городов

Безансон, Блуа и Туль, рыцари из Фландрии, Венгрии, Дании; отдельный контингент из Лондона, который — как их предшественники, участники 2-го Крестового похода, — по пути задержался в Португалии, где помог тамошнему королю Санчо отбить у мавров замок Сильвеш.

В Германии в 1189 году крест принял глава «Священной Римской империи» Фридрих I Барбаросса (Рыжебородый). Его избрали германским королем еще в 1152 году, а императорскую корону на его голову возложил папа Адриан IV в 1155 году. Его отцом был герцог Швабский, а матерью — дочь герцога Баварского. Еще молодым человеком он сопровождал своего дядю Конрада в неудачном 2-м Крестовом походе. Его правление было отмечено непрекращающимися распрями между папой римским, императором, сицилийским королем, византийским императором и новой мощной силой, сравнительно недавно заявившей о себе в полный голос, — ломбардскими герцогами на севере Италии во главе с Миланом.

К тому моменту Фридриху уже исполнилось 66 лет, и его имя было прославлено многочисленными победами. Данный им обет — выступить на защиту Святой земли — не просто означал личное участие в борьбе с неверными, но налагал на него огромную ответственность как на вождя общехристианского дела. До сих пор немцы играли в крестовых походах второстепенную роль. Близким родственником Барбароссы являлся упоминавшийся ранее Конрад Монферратский — организованная им героическая защита Тира произвела большое впечатление на императора. Фридрих направил Саладину решительное послание с требованием вернуть Палестину христианам. Египетский султан ответил, что готов отпустить на свободу христианских пленников, и обещал вернуть монахам захваченные христианские обители.

Но Барбароссе этого показалось недостаточно, и в мае 1189 года он выступил из Регенсбурга во главе самого многочисленного войска, которое когда-либо участвовало в крестовых походах. Фридрих заранее договорился с государями тех земель, по которым его воинство должно было пройти. По территории Венгрии оно прошло без осложнений; трудности начались, когда оно вступило в пределы Византийской империи.

Отношения между православными христианами и их единоверцами-католиками были омрачены событиями, произошедшими в Константинополе пять лет назад, когда ненависть жителей к латинской императрице Марии Антиохийской — регентше малолетнего императора Алексея — переросла в массовые погромы местных католиков. В результате учиненной резни пострадало более восьми тысяч человек — мужчин и женщин, детей и стариков, здоровых и больных; многие из них были убиты, а их дома и церкви сожжены. Ненависть греков к латинянам была столь сильна, что, узнав о взятии Иерусалима войсками Саладина, византийский император Исаак Ангел послал султану поздравление с победой.

Однако армия Фридриха Барбароссы была слишком сильна, и он не сомневался в успехе. Весной германский император беспрепятственно пересек Босфор и углубился на территорию, контролируемую турками-сельджуками. И снова, как в случае с войсками императора Конрада и французского короля Людовика VII сорока годами ранее, те же самые причины — недружественное отношение греков, тяжелый климат и почти полное отсутствие источников продовольствия на пути следования — привели к большим людским потерям от голода и болезней. 18 мая 1190 года германские крестоносцы впервые столкнулись с турецкими войсками под командованием зятя Саладина, Малик-шаха. В результате короткой стычки турки были разбиты и обратились в бегство. Не встречая больше сопротивления, армия Барбароссы спустилась со склонов Таврских гор в Селефскую долину. Пересекая реку, император по трагической случайности упал в воду и под тяжестью доспехов утонул.

Потеряв решительного и опытного вождя, собранная им армия утратила мощь и сплоченность, многими воинами овладело отчаяние. С телом погибшего отца герцог Фридрих Швабский, сын Фридриха, продолжил путь на Антиохию, но большая часть армии предпочла возвратиться домой через Сирию и Киликию. Останки императора Барбароссы захоронили в соборе Святого Петра в Антиохии; часть их германские крестоносцы поместили в саркофаг и взяли с собой, надеясь доставить в церковь Гроба Господня в Иерусалиме, но в конце концов захоронили их в соборе города Тир.

В Палестине остатки армии Фридриха Барбароссы соединились с отрядом Людвига Тюрингского и Леопольда Австрийского. Для лечения больных и раненых группа крестоносцев из Бремена и Любека основала в Иерусалиме военный госпиталь под покровительством святой Марии Германской — по образцу ордена Госпиталя святого Иоанна Крестителя, — так был образован новый рыцарский орден, принявший за основу устав тамплиеров. Они также выбрали белый цвет для своих плащей, но кресты на них были не красного, а черного цвета. В 1196 году папа Целестин III утвердил создание нового ордена — Тевтонского (по названию одного из германских племен).

Сразу по прибытии новой группы крестоносцев из Европы в 1190 году место Ги де Лузиньяна на иерусалимском троне занял граф Конрад Монферратский. Несмотря на яростную осаду Акры, которая превратилась в ключевую цель нового крестового похода, выскочке Ги не простили его полузаконной коронации, но особенно — катастрофической для всех латинян военной кампании и тяжелого поражения при Хытгине. Два его главных советника и приближенных — Рено де Шатильон и Жерар де Ридфор — были мертвы, но окончательно его позиции ослабли после внезапной смерти в 1190 году жены и двух малолетних дочерей, заразившихся чумой.

Королевский титул достался Ги лишь в результате брака с Сивиллой. А теперь корона должна была достаться дочери короля Амальрика Изабелле, которая, как мы помним, вышла замуж за малолетнего Онфруа Торонского в самый разгар осады Керака войсками Саладина. Однако палестинские бароны враждебно относились к Онфруа из-за его преданности Сивилле и ненавистному Ги. Потому они постановили признать брак Изабеллы и Онфруа недействительным — из-за недопустимо юного возраста жениха и невесты — и обвенчать Изабеллу с Конрадом Монферратским. Саму принцессу вполне устраивал симпатичный, хотя и глуповатый, муженек. Однако ее мать, вдовствующая королева Мария Комнина, внучатая племянница императора Византии, поддержала политическую инициативу баронов и помогла осуществить их план. Брак был аннулирован папским легатом в Акре и

одновременно архиепископом Пизы, после чего Изабелла была обвенчана с Конрадом Монферратским.

Смещению Ги с королевского трона резко воспротивились не только представители рода Лузиньянов, но и Ричард, король Англии, одновременно являвшийся их сюзереном в графстве Пуату. В лагере под Акрой его интересы представлял архиепископ Кентерберийский Балдуин, который считал задуманное расторжение брака Ги и Изабеллы незаконным. Однако он умер 19 ноября 1190 года, всего за несколько дней до этого события, и, когда в апреле следующего года в Акру прибыл сам Ричард, дело было сделано.

Примерно за два месяца до него там объявился и французский король Филипп II Август. Оба монарха выступили в поход из французского города Везеля в июле 1190 года, но разными маршрутами: Филипп со своей армией отплыл на кораблях из Генуи, а Ричард — из Марселя. После кратковременной остановки на Апеннинском полуострове оба отряда прибыли в Мессину, владения короля Танкреда Сицилийского. Из-за возникших между Танкредом и Ричардом разногласий по поводу приданого вдовствующей королевы Сицилии Иоанны — сестры английского короля — войска обоих прибывших на остров монархов осадили Мессину и вскоре взяли город, а вместе с ним захватили богатую добычу*. Филиппа весьма уязвил отказ Ричарда I жениться на его сестре Алисе, чьей руки тот прежде домогался. Обосновывая свой отказ, Ричард заявил, что Алису совратил его отец Генрих II, от которого она даже родила ребенка.

Весной следующего года раздосадованный Филипп II Август покинул Мессину и без особых приключений добрался до портового города Тир. Ричард же двигался более сложным путем: сначала шторм отбросил его флотилию в сторону Крита, откуда англичане доплыли до острова Родос. Один из кораблей потерпел крушение вблизи Кипра, а другой, на котором находилась помолвленная с Ричардом Беренгария Наваррская (она прибыла на Сицилию вместе с его матерью Элеонорой Аквитанской), сопровождаемая его сестрой —

* По одной из версий, именно за взятие Мессины Ричард получил прозвище Львиное Сердце. — *Примеч. пер.*

вдовствующей королевой Иоанной, был вынужден бросить якорь в порту Лимасол.

Самовольно провозгласивший себя правителем Кипра, принц Исаак Дука Комнин — ранее изгнанный из Византии и вступивший в предательский сговор с египетским султаном — захватил в плен всех потерпевших крушение крестоносцев. Королева Иоанна и Беренгария благоразумно отказались от его предложения сойти на берег. Прибывший туда неделю спустя Ричард потребовал немедленно отпустить пленных, а когда Исаак ответил отказом, приготовился к боевым действиям. Воспользовавшись подкреплением в виде отряда кораблей, прибывших из Акры, — на которых плыли в Европу злосчастный Ги де Лузиньян, армянский принц Лео Киликийский, Боэмунд Антиохийский, Онфруа Торонский и знатные сановники орденна Храма (несмотря на гибель Жерара де Ридфора, они продолжали поддерживать короля Ги), — Ричард тут же захватил весь остров. Никогда не пользовавшийся у своих греческих подданных особыми симпатиями, принц Исаак смог оказать лишь слабое сопротивление и вскоре капитулировал с одним условием — что его не закуют в железо. И Ричард исполнил его просьбу — на него надели кандалы из серебра.

Невероятно разбогатев в результате этой военной операции, Ричард оставил на острове гарнизоны для защиты крепостей и двух английских чиновников в качестве управляющих, после чего отправился на кораблях в Палестину. Прибыв туда, он высадился в окрестностях Тира, однако по приказу короля Филиппа II и Конрада Монферратского ему не разрешили войти в город. Тогда он повернул южнее и 8 июня бросил якорь в гавани Акры. Его прибытие заметно подняло боевой дух тамошних крестоносцев. Филипп Август, хоть и обладал воинским опытом и умением, периодически страдал ипохондрией и вообще был психически неустойчив, а эти качества, как известно, очень мешают полководцу. Кроме того, он был существенно беднее Ричарда Львиное Сердце, который еще до завоевания Кипра выгреб все средства не только из английской казны, но и своих французских владений, направив их на финансирование крестового похода. Обладая столь мощными ресурсами и

пользуясь заслуженным авторитетом опытного военачальника, с общего согласия Ричард возглавил крестовый поход. Почти одновременно Великим магистром ордена тамплиеров был избран его друг и бывший подданный Робер де Сабле.

Одним из первых шагов нового магистра стало предложение выкупить у Ричарда остров Кипр за сто тысяч безантов. К тому времени английский король, до которого дошли известия, что английские управляющие не могут справиться с местным населением, был не прочь избавиться от острова, доставлявшего лишь головную боль, но вначале потребовал подтверждения, что у тамплиеров, несмотря на понесенные ими потери, осталось в казне достаточно средств. После подписания договора Робер де Сабле направил на Кипр двадцать рыцарей в сопровождении оруженосцев и сержантов, которые установили полный контроль над средиземноморским островом.

Основные силы тамплиеров вместе с остальными крестоносцами продолжали осаду Акры. В июле 1191 года мусульманский гарнизон капитулировал: Саладин был не в силах разорвать кольцо окружения. За жизнь горожан латиняне потребовали 200 тысяч безантов, освобождения 1500 пленников-христиан и возвращения Креста Животворящего. Во главе победителей в город вошел Конрад Монферратский. Король Ричард занял королевский дворец, а король Филипп — бывшую резиденцию тамплиеров. Рядом с их знаменами на крепостном валу свои штандарты разместил и герцог Австрийский, недвусмысленно заявив свои претензии на добычу. Но Ричард приказал своим воинам разорвать и сбросить его знамена в ров с водой. А вот Ги де Лузиньян и Конрад Монферратский все-таки достигли компромисса, договорившись, что первый будет править до своей смерти, а второй наследует престол. Договорились они и о разделе королевской казны.

Вернув Акру христианам, многие крестоносцы решили, что исполнили свой долг, и возвратились домой. Стерпев унижение от английского короля, через несколько дней отбыл в Европу и Леопольд Австрийский. Король Филипп Август вместе с Конрадом Монферратским удалились на отдых в Тир, а затем

король направился на корабле в итальянский порт Бриндизи: его замучили болезни, но более всего раздражал Ричард I. И хотя он оставил в Палестине свою армию, поручив командование герцогу Бургундскому, все местные бароны — сторонники Конрада были крайне огорчены его отъездом.

Таким образом, единственным вождем крестоносцев стал Ричард Львиное Сердце. Задержки с обменом пленных и выплатой репараций вызывали гнев нетерпеливого монарха. Со слов очевидца, Саладин, не доверяя Ричарду, попросил тамплиеров проконтролировать соблюдение условий соглашения: хоть он и испытывал ненависть к ордену, но был уверен, что слово свое храмовники держат твердо. Однако тамплиеры, доверявшие Ричарду еще меньше египетского султана, отказались дать такие гарантии. Разъяренный непрерывными проволочками, Ричард приказал казнить около трех тысяч пленных мусульман, среди которых были женщины и дети.

Мусульмане восприняли это как явное нарушение договора, заключенного между Ричардом и Саладином (франкские хронисты сочли его действия как необходимую и даже похвальную меру в рамках общепринятых законов войны — ведь Саладин тоже казнил рыцарей монашеских орденов, захваченных в плен после его победы при Хытине). Однако перед тем как пойти на столь крутые меры, Ричард заручился согласием других христианских принцев и вельмож: охрана большого количества пленных сковывала основные силы латинян — несомненно, Саладин учитывал это, — что сильно мешало продолжению крестового похода.

Разобравшись с пленными и укрепив фортификационные сооружения, армия крестоносцев покинула Акру и двинулась вдоль морского побережья на юг, в сторону Хайфы и Кесарии. В голове отряда, который подвергался непрерывным атакам легкой турецкой конницы, расположились тамплиеры, а тыл защищали госпитальеры. С флангов их прикрывала пехота, в первую очередь английские лучники, которые также охраняли громоздкий обоз с оружием и провиантом, заметно тормозивший продвижение крестоносцев. На выходе корпуса латинян

из Арсурского урочища, к югу от Кесарии, Саладин предпринял полномасштабное наступление, но был отброшен крестоносцами. Обе стороны понесли незначительные потери, но сражение закончилось безусловным поражением Саладина — первым после битвы при Хытине.

Однако турецкие войска — даже ослабленные и изрядно потрепанные — по-прежнему представляли собой грозную силу. По пути Ричард с частью ополчения завернул в Яффу, где организовал строительные работы по укреплению этой важной цитадели. Вскоре стало очевидно, что ни одна из противостоящих армий не способна уничтожить другую, а потому конфликт можно уладить только путем переговоров. Такие переговоры интенсивно велись с братом Саладина — аль-Адилем. Несмотря на учиненную католиками расправу с пленниками в Акре, египетский султан не утратил уважения к английскому монарху. Холодно-вежливые отношения сменились чуть ли не братскими. Ричард даже предложил аль-Адилю жениться на своей сестре Иоанне и вместе управлять Палестиной, а Священный град сделать столицей двух религий. Однако у Иоанны этот проект вызвал только гнев, а Саладин вообще не принял его всерьез.

После празднования Рождества в Латеранском монастыре на Иудином нагорье Ричард уже собирался повести армию в Иерусалим, расположенный всего в двенадцати милях. Однако другие христианские вожди и великие магистры рыцарских орденов посоветовали ему соблюдать осторожность: даже если бы Иерусалим удалось взять, латиняне вряд ли сумели бы удержать город после возвращения Ричарда и других крестоносцев в Европу. При отсутствии сплошной линии укреплений между Синаем и Палестиной Иерусалим по-прежнему оставался незащищенным от нападений египетских сарацин.

Тогда Ричард вернулся на побережье, где в течение четырех месяцев 1192 года занимался укреплением фортификационных сооружений Аскалона, а затем направился в Газу. Время для энергичного английского короля бежало незаметно, но тут его настигли тревожные известия с родины — о политических интригах Филиппа Августа и его брата Иоанна

Безземельного. Дружеские переговоры с Саладином убедили английского короля, что мирное соглашение с турками вполне достижимо. Кроме того, прежде чем покинуть Святую землю, он решил оставить Иерусалимское королевство с четкой иерархией управления. Раньше главным претендентом на иерусалимский трон он считал Ги де Лузиньяна, теперь же, прислушавшись к мнению местной знати, одобрил кандидатуру Конрада Монферратского. Но в самый разгар подготовки к коронации Конрад погиб от руки убийцы на улице Акры.

Его убили мусульманские религиозные фанатики, члены секты ассасинов, которых подослал Старец Горы — Синан. Осталось неизвестным, какие он преследовал цели. Конрад нанес ассасинам болезненный удар, захватив корабль с принадлежавшими им товарами и напрочь отказавшись вести переговоры о каком-либо возмещении убытков. Однако тень подозрения в этом убийстве пала и на самого Ричарда. Близкий друг и духовник Конрада епископ Беве, которого тот посетил незадолго до смерти, был убежден, что наемных убийц подослал именно английский монарх. Хотя большинство возражало, сочтя, что столь коварный способ устранения врагов не в его стиле, следует, однако, признать, что такой поворот событий был ему на руку: всего через два дня после гибели Конрада его вдова, 21-летняя королева Изабелла, была обручена с племянником Ричарда графом Генрихом Шампанским.

Чтобы окончательно уладить «заморские» дела, оставалось только разобраться с Ги де Лузиньяном. С согласия Робера де Сабле, было решено в качестве компенсации за потерянное Иерусалимское королевство отдать под его правление остров Кипр. Алчность и жесткий стиль правления рыцарей-храмовников настроили против них местное население, и в апреле 1192 года греки осадили латинский гарнизон в Никосии. Хотя бунт удалось подавить, стало очевидно, что небольшой рыцарский гарнизон — со своими узкособственническими интересами — не способен обеспечить сколь-нибудь надежный контроль над местным населением. Поэтому остров перешел снова во владение короля Ричарда,

который тут же перепродал его Ги де Лузиньяну за шестьдесят тысяч безантов.

Стремясь поскорее вернуться в Англию, Ричард усилил давление на Саладина, дабы добиться нужного соглашения. Его армия захватила крепость Дарон к югу от Аскалона. Но, воспользовавшись временной отлучкой Ричарда в Акру, турки атаковали Яффу и после трехдневной осады захватили этот важный стратегический пункт. Укрывшийся в замке гарнизон латинян уже собирался капитулировать, но тут на помощь прибыл король Ричард с пятьюдесятью галерами из Генуи и Пизы. Прыгнув с корабля прямо в воду — с ним было всего восемьдесят рыцарей, четыреста лучников и примерно две тысячи итальянских матросов, — Ричард бросился на ошеломленных сарацин, и те обратились в бегство. Воспользовавшись тем, что к этому небольшому авангарду еще не присоединились основные части франков, Саладин предпринял несколько контратак, но, ведомые умелым и отважным Ричардом Львиное Сердце, латиняне уверенно отбивали их. По словам летописца, «наблюдая за боем, Саладин испытывал злость и восхищение действиями врага». А когда под Ричардом была убита лошадь, Саладин — образец исламской учтивости и благородства — прислал английскому королю двух арабских скакунов.

Благодаря беззаветной отваге и правильно выбранной тактике Ричард в тот день одержал победу; однако обоим вождям было ясно, что они оказались в военном и политическом тупике: ни одна из сторон не могла окончательно одолеть другую. Следовало каким-то образом разрешить затянувшийся конфликт. Ричардом к тому же двигала необходимость срочного возвращения домой — защитить корону и свои владения. А Саладину, которому на протяжении нескольких лет приходилось содержать и поддерживать в боевом состоянии многочисленное войско, уже не под силу были огромные затраты. Благодаря своему полководческому таланту и политическому предвидению он прочно занял в исламском мире место защитника веры, однако основной мотивацией воинов Саладина было не обретение счастья и покоя на том

свете, а стремление получить обильную воинскую добычу в земной жизни. Именно последнее обстоятельство позволяло им выдержать перипетии опасной военной кампании, но, когда воинская удача отвернулась от турок, их непреодолимо потянуло к домашним очагам.

Камнем преткновения на переговорах являлся Аскалон, и Ричард решил уступить. Он согласился скрыть эту крепость, а Саладин, со своей стороны, обязался не претендовать на прибрежные христианские города от Антиохии до Яффы. Мусульмане и христиане получали возможность свободного передвижения по смежным территориям. Христианским паломникам обеспечивался беспрепятственный доступ в Иерусалим и другие святые места на Ближнем Востоке. Балдуин Ибеленский, Генрих Шампанский, а также великие магистры орденов Храма и святого Иоанна поклялись вместе с Ричардом I соблюдать перемирие в течение пяти лет.

После этого многие воины Ричарда разоружились и, превратившись в простых богомольцев, направились в Святую землю. Английский король, вернувшись в Акру, уладил там оставшиеся дела, проводил супругу и сестру, отплывших на корабле во Францию, сам же отправился только 9 октября, проведя на Святой земле шестнадцать месяцев. По пути его судно сбилось с курса и оказалось на византийском острове Корфу. Опасаясь стать греческим заложником, Ричард договорился с пиратами и перешел на их корабль, направлявшийся в Венецию. Чтобы остаться неузнанным, он надел плащ рыцаря-храмовника, поскольку четыре тамплиера входили в состав его свиты.

Выбранный Ричардом маршрут определялся политическими событиями, которые произошли в его отсутствие, — в первую очередь войной между его тестем, королем Санчо Наваррским, и графом Раймундом Тулузским. Именно из-за войны он не мог высадиться ни в одном порту на юге Франции, а надвигавшаяся зима весьма затрудняла путь через Гибралтарский пролив и вокруг Пиренейского полуострова; в то же время дорога через Италию и далее по долине Рейна была сопряжена с опасностью оказаться в плену у его врага — императора Генриха VI Гогенштауфена.

По пути в Венецию пираты сделали остановку в порту Аквилея, на северном побережье Адриатического моря. Отсюда король Ричард и его свита продолжили свой путь по суше через Альпийские горы под видом простых паломников, однако на одном из постоялых дворов Вены кто-то узнал Ричарда — возможно, по драгоценному перстню на руке, — и он был схвачен слугами герцога Леопольда Австрийского, его заклятого врага со времен осады Акры. И человек, который свободно покупал и продавал огромный остров Кипр, сам оказался предметом торговли: вначале Леопольд запер его в темнице замка Дюрренштайн, а затем передал английского монарха в руки своего сюзерена — императора Генриха VI, который в качестве условия освобождения выдвинул принесение Ричардом вассальной присяги и выкуп в размере 150 тысяч марок.

Пока Ричард томился в плену, его мусульманский противник и восхищенный поклонник Саладин скончался. Почти одновременно умер и Великий магистр тамплиеров Робер де Сабле. Король Филипп Август и брат Ричарда Иоанн Безземельный настойчиво упрашивали германского императора не отпускать английского короля на свободу, однако Ричард — сохранявший бодрость духа, уверенность и трезвость рассудка даже в таком тяжелом положении — сумел завоевать поддержку и сочувствие императорского двора. В феврале 1194 года его освободили: он согласился принести требуемые от него клятвы, а британской казне оказался вполне по силам 150-тысячный выкуп. Получив это известие, король Филипп Август тут же написал Иоанну: «Будь осторожен, дьявол на свободе».

Проведя всего один месяц в Англии, Ричард Львиное Сердце вернулся в Нормандию, где следующие пять лет провел в непрерывных войнах с непокорными вассалами и французским королем Филиппом Августом. В 1199 году во время осады замка Шалю, принадлежавшего виконту Лиможскому, Ричард был ранен в плечо стрелой из арбалета. Рана воспалилась, и он скончался от заражения крови.

За прошедшие с тех пор века имя Ричарда Львиное Сердце стало символом рыцарского благородства и отваги и окружено

самыми невероятными легендами. Каждая из них отражает свое время. «Если под героизмом понимать дикую и свирепую отвагу, — писал Гиббон, — то Ричарда можно смело назвать героем своего времени». В середине XX века возникла версия, будто Ричард был гомосексуалистом, но сейчас она признана ложной. Современные историки чаще упоминают о его увлечениях женщинами и сексуальной ненасытности, подчеркивая, что «даже на смертном ложе он занимался любовью вопреки всем врачебным рекомендациям».

Более серьезная критика Ричарда касается его заморских подвигов и приключений, что негативно сказалось на самой Англии. «Несомненно, самой главной и благородной целью он считал освобождение Иерусалима, — пишет историк Г. Маршалл в пособии для английских школьников «История нашего острова», — но насколько было бы лучше, если бы он обратил внимание на управление собственной страной и благосостояние своих подданных». Но многие исследователи пытаются защитить Ричарда: дескать, его политические интересы простирались далеко за пределы Англии именно потому, что в то время серьезных проблем на его родине было намного меньше. Несмотря на внешнюю воинственность — в этом он ничем не отличался от других рыцарей, — Ричард «не был просто свирепым и драчливым монархом, изначально настроенным на войну ради удовлетворения своих агрессивных амбиций, а трезвым правителем, разумно употребившим воинский талант в интересах всей Анжуйской династии, которую возглавлял». И хотя в ретроспективе его яростная борьба за сохранение своих наследных французских владений от посягательств Капетингов в итоге оказалась безрезультатной, в конце XII века все выглядело иначе.

Почти все летописцы того времени сходились во мнении, что Ричард безрассудно подвергал себя опасности, бросаясь в любые, порой малозначащие, стычки. Даже его враги сарацины считали крайне неразумным, что такой известный полководец и правитель рискует в бою собственной жизнью. Но кроме смелости и одержимости, Ричард обладал еще и выдающимся стратегическим чутьем и строгой логикой суждений. Однако безрассудная отвага, предопределившая его

печальный конец, вовсе не зачеркивает достижений Ричарда. По мнению современного историка Джона Гиллингама, «как политик, администратор и полководец — короче, как монарх — он был самым выдающимся правителем во всей европейской истории». Этот вывод перекликается с мнением мусульманского летописца ибн-Афира, что «отвага, трезвый ум, энергия и выдержка [Ричарда Львиное Сердце. — *Пер.*] сделали его самым ярким владыкой всех времен».

10. Внутренние враги

В одной из легенд, повествующих о жизни Ричарда Львиное Сердце, рассказывается, что, чувствуя приближающуюся смерть, тот будто бы завещал свои личные пороки: алчность — цистерцианцам, любовь к роскоши — нищим монахам, а заносчивость — тамплиерам. В гордыни упрекал храмовников и современник Ричарда папа Иннокентий III — пожалуй, одна из самых выдающихся личностей, занимавших папский трон за всю историю католической церкви.

Иннокентий, избранный на этот пост в 37-летнем возрасте, был сыном графа де Сеньи, представителем знатного римского рода Скотти, из которого в XI—XII веках вышло немало римских понтификов. Дядя Иннокентия папа Климент III возвел его в 1190 году в кардиналы, поэтому самой судьбой ему было уготовано (как, впрочем, и его сыну) занять папский трон. Однако такое кумовство вовсе не означает, что Иннокентий не имел реальных достоинств, позволяющих претендовать на этот пост. Это был исключительно образованный, порядочный и великодушный человек, «умевший чутко разбираться в тех запутанных событиях и людях, которые его окружали»; он пользовался всеобщим доверием как верховный понтифик и «викарий Христа» — термин, который был впервые предложен им самим, — и заслужил прочный авторитет, «уступая Богу, но превосходя всех людей на земле, имея право судить всех, но которого не мог осудить никто».

Иннокентий III великолепно знал католические каноны в отличие от своих коллег на папском престоле, и эти знания имели не догматический характер, а были основаны на жизненном опыте. Обладая незаурядной энергией, он провел коренную реформу католических церковных обрядов и уточнил канонические христианские тексты, которые затем были утверждены четвертым Латеранским собором, состоявшимся в 1215 году. Он неустанно боролся за твердое соблюдение принятых законов: это было беспокойное время, когда за внешне однородным и казавшимся крепким фасадом католической веры возникали опасные противоречия, подогреваемые религиозными раскольниками и «правдоискателями». Нескрываемая увлеченность многих священников светской жизнью размывала церковные устои. У Иннокентия хватало мудрости понять ценность взглядов идеалистов и новаторов, подобных Франциску Ассизскому, но одновременно он нещадно искоренял еретические учения катаров (альбигойцев), распространившиеся во французской провинции Лангедок.

Как и все папы, начиная с Урбана II, Иннокентий III был горячим сторонником войны с исламом. В 1198 году, сразу после своего назначения, он призвал к новому крестовому походу, а затем написал обращение к баронам и епископам Заморья, в котором горячо убеждал, что их соглашение с сарацинами мешает его попыткам поднять европейских христиан на защиту веры. Для сбора средств на крестовый поход он ввел дополнительный 2,5-процентный налог на все доходы церквей. Он гарантировал полное отпущение всех грехов, если согрешивший сознался и раскаялся, — и не только тем, кто лично отправился в Палестину, но даже тем, кто направил туда уполномоченных от своего имени. Священная война за освобождение Святой земли превратилась в главную идею всего западноевропейского мира, однако в период позднего Средневековья организация крестового похода уже была невозможна без привлечения огромного количества сборщиков, банкиров и стряпчих, занимавшихся сбором и распределением денег.

Как и Ричард Львиное Сердце, Иннокентий III испытывал двойственные чувства к ордену Храма. Он был осведом-

лен о его упадке. Папам, как высшим гарантам суверенных рыцарских орденов, постоянно поступали жалобы на братьев-рыцарей как от представителей светской знати — например, от короля Иерусалимского Амальрика, доложившего об убийстве тамплиерами мирных послов ассасинов, — так и от духовенства, роптавшего из-за ущемления его прав. Поскольку подавляющая часть летописцев в тот период состояла из церковников, таких как Вильгельм Тирский, неудивительно, что они сформировали в общественном сознании крайне неприглядный образ рыцаря-храмовника.

Некоторые из выдвинутых ими обвинений были довольно примитивны — например, они писали, что колокольный звон в иерусалимской общине госпитальеров нарушает покой патриарха Иерусалимского и мешает совершать службу каноникам храма Святого Гроба Господня. Порой они откровенно завидовали привилегиям, которые рыцарские ордена получали от пап римских, особенно освобождению их от уплаты десятины. На третьем Латеранском соборе в 1179 году был принят ряд декретов по сокращению орденских льгот, однако позднее папа аннулировал эти ограничения. В 1196 году папа Целестин III упрекнул тамплиеров за несоблюдение соглашения, которое они заключили со служителями храма Гроба Господня относительно распределения десятинной подати, а в 1207 году уже Иннокентий III бранил их за неподчинение его легатам: они пользовались привилегией служить мессу в церквях, на которую теперь был наложен интердикт (временный запрет). Но одновременно постановил, что, «ежели кто пожелает заплатить два или три пенса на поддержку тамплиерского братства... даже в случае его отлучения от церкви — за супружескую измену, ростовщичество, либо за что другое, — тому следует предоставить возможность быть погребенным по-христиански». Как выразился папа, «и да изойдет из них дух алчности».

В какой-то момент под вопросом оказалось само существование рыцарско-монашеских орденов. Настоятель цистерцианского монастыря л'Этуль (недалеко от Пуатье) англичанин по имени Исаак публично возносил молитву про-

тив «новоявленного монстра» под видом *pova militia* («новая гвардия», *лат.*) — этот термин был взят им из названия программного трактата Бернарда Клервоского «*De laude povae militiae*». В своем памфлете Исаак обличал тех, кто насильно обращал мусульман в христианство и грабил неверных, удастаясь при этом мученического венца. Позднее в том же XII веке два других англичанина, монахи-летописцы Вальтер Мап и Ральф Найджер, также высказывали сомнения в правомерности применения силы для распространения христианства. Вальтер Мап, непримиримый враг цистерцианцев, подверг тамплиеров резкой критике за их алчность и расточительность, так не соответствовавшие скромности и благородству основателя ордена Гуго де Пейна.

Общий настрой против тамплиеров усиливался присущей им скрытностью. И если в условиях Палестины действительно имелись веские причины сохранения военной тайны и неразглашения планов, то в Европе это делалось с целью скрыть моральное разложение своего ордена. Потому о проступках храмовников и наложенных за это наказаниях практически никогда не становилось известно за пределами тамплиерского братства: как и большинство других организаций такого типа, тамплиеры предпочитали скрывать свои прегрешения и трудности. К середине XIII века во всех трех рыцарских братствах действовали строгие ограничения, запрещающие братьям говорить кому-либо о принятых решениях и событиях внутриобщинной жизни. Плотный покров тайны также окружал и церемонию приема в орден тамплиеров новых членов.

Солидное благосостояние ордена Храма неизменно вызывало зависть окружающих. Узнав о бедах, которые потрясли Святую землю, многие подумали, что храмовники просто отказались раскошелиться и решили приберечь свои деньги. В отличие от обычных монашеских общин рыцарские братства отдавали лишь незначительную долю своих доходов на общегосударственные нужды: один из первых критиков тамплиеров Иоганн Вюрцбургский отмечал, что хотя тамплиеры и дают милостыню нищим, но в неизмеримо меньших раз-

мерах, чем те же госпитальеры. Подобно своим более ранним предшественникам — бенедиктинцам и цистерцианцам, — благодаря обильным благотворительным вливаниям и умелому управлению многочисленной недвижимостью ордена храмовников и госпитальеров стали одними из самых богатейших корпоративных организаций в королевствах Западной Европы. В результате такого быстрого обогащения духовные наследники Бенедикта Нурсийского и Бернарда Клервоского оказались в положении, не соответствующем первоначальным идеалам апостольской бедности, присущей всем монашеским братствам. Печален пример ордена францисканцев, который под тяжестью свалившегося на них богатства фактически разложился.

Несмотря на распространение подобных тенденций в монашеской среде, тамплиеры жили в довольно спартанских условиях и отличались умеренностью в быту. Вдали от крупных городов или территорий, где проходили военные действия с их участием, они не тратили больших денег на строительство крупных замков или роскошных церквей: сохранившиеся до наших дней командорства, такие как Ришеранш во Франции, выглядят весьма скромно, особенно в сравнении с величественными монастырскими ансамблями той эпохи.

На территории командорств и прецепторий (орденских хозяйств, включавших сельскохозяйственные фермы и мастерские) строились главным образом амбары для хранения зерна, стойла для лошадей, дормитории (спальные корпуса), рассчитанные примерно на полдюжины братьев, и небольшие укрепления, могущие защитить лишь от воров. Часовни — также имевшие весьма скромный вид и служившие символом главной миссии тамплиеров и госпитальеров — были уменьшенными копиями иерусалимской церкви Гроба Господня. Оба ордена соперничали между собой — каждый пытался предстать перед обществом как главный и единственный защитник христианских святынь в Палестине.

В обществе складывалось мнение, что рыцарские ордена, обладая немалыми средствами, использовали их преимущественно на привлечение и экипировку новых добровольцев,

что жизнь в самих братствах не столь комфортна, как многие утверждают. Пожалуй, единственными, кого открыто критиковали за стремление к роскоши, были клюнийские епископы. Тамплиеров их современники больше упрекали за другое: несмотря на исключительное положение рыцарей и дарованные им права, лишь немногие из них с оружием в руках боролись с неверными. Огромное же большинство управляло более чем девятью тысячами поместий, пожалованных ордену благочестивыми владельцами, или занималось хозяйственной деятельностью. Различные привилегии и освобождение от традиционных феодальных повинностей и податей, распространявшееся даже на самых нижних членов тамплиерской общины, вызывали естественное негодование и зависть местных феодалов. Вообще говоря, отношения с королевскими судами и официальными представителями королевской власти были довольно дружескими; однако порой они обвиняли тамплиеров, что те за взятки принимают в свои ряды уголовников и грабителей, укрывая их от суда и наказания.

Подобно цистерцианцам, тамплиеры сами управляли своими владениями. Их поместья были разбросаны по всей Англии и имелись даже в самых удаленных местах, вплоть до острова Ланди. В графствах Йоркшир и Линкольншир они занимались преимущественно сельским хозяйством, в то же время принимая в свои ряды новых членов из числа бывших владельцев переданных им земель.

Критика в адрес ордена Храма в значительной степени сдерживалась хвалебными отзывами местных дворян, возвращавшихся из крестовых походов и бывших свидетелями подвигов тамплиеров. Так, знатный английский вельможа Роджер Маубри, граф Нортумберлендский, попавший в турецкий плен при Хьлтине и вскоре выкупленный тамплиерами, выразил им свою признательность, пожаловав несколько крупных поместий.

Честная и неподкупная репутация тамплиеров обеспечивала им доверие тех, кто хотел передать на хранение или переправить в другое место деньги и драгоценности. Именно

через Дом Храма в Лондоне король Генрих II передал палестинским крестоносцам финансовые средства, которые такгодились после поражения при Хытине. Кроме того, храмовники давали деньги займы различным организациям и отдельным людям, в том числе евреям, однако их главными клиентами были короли: благодаря орденским ссудам нередко удавалось предотвратить крах многих королевских финансов. Так волею случая тамплиеры превратились в главных банкиров всего христианского мира, а в их казну стекались не только средства самого ордена, но и королевские богатства. Одним из главных финансовых центров на северо-западе Европы стал Парижский дом тамплиеров — Тамплъ. Их казна хранилась в донжоне — мощной оборонительной башне, которая во времена Великой французской революции 1789 года станет тюрьмой для короля Людовика XVI и королевы Марии Антуанетты. Примерно так же выглядела и башня в лондонском Тампле, от которой до наших дней сохранилась только часовня. В главной парижской резиденции тамплиеров могли разместиться одновременно около четырех тысяч человек, хотя вооруженные рыцари — в белых одеяниях с красными восьмиконечными крестами — обычно составляли лишь малую часть гарнизона.

У тамплиеров постоянно одалживали деньги рыцари Арагонского королевства, а во Франции орден периодически испытывал трудности с кредитованием королевского двора. Церковники и монастыри намного охотнее предоставляли займы европейским правителям, если возврат ссуд гарантировал орден Храма. В Арагоне залогом под взятые кредиты служили доходы от имений или приходов и частенько тамплиерам предоставлялось право забирать часть этих средств себе. Некоторые ссуды орден выделял всего под десять процентов годовых, что было на два процента меньше максимально разрешенных в Арагоне учетных ставок для заимодавцев-христиан и в два раза меньше, чем проценты, которые брали еврейские ростовщики. Тамплиеры получали от такого кредитования прямую выгоду, однако порой эти сделки оказывались для них убыточными.

Среди прочих финансовых операций храмовники занимались выплатой рент и пенсий. Нередко добровольная передача ордену земель и денег оговаривалась обязательством пожизненно выплачивать определенные средства бывшему владельцу и его супруге: благотворительный дар в пользу той или иной церковной общины был в то время одним из способов обеспечить себе безбедную старость, а своим наследникам — гарантированный достаток. Кроме того, орденская казна пополнялась платежами как за духовные, так и светские услуги: молитвы за спасение души усопшего дарителя или физическое покровительство со стороны тамплиеров во времена, когда можно было стать жертвой насилия. Само наличие тамплиерского креста на недвижимости того или иного ленника обеспечивало ему более спокойное существование — независимо от того, пользовался ли тот поддержкой местного сеньора или нет.

Исполнение этих, по сути дела, полицейских функций тамплиеров предусматривалось еще основателем ордена Гуго де Пейном, но теперь они расширились — от обычного сопровождения палестинских паломников до обеспечения безопасности финансовых операций и перевода денежных средств. В июле 1220 года папа Гонорий III говорил своему легату Пелагию, что для переправки большой суммы денег он не может найти никого, кому доверял бы больше, чем храмовникам. Рыцарские братства охотно выполняли поручения не только духовенства, но и мирян: госпитальеры и храмовники одинаково усердно служили и папам, и королям. Как и другие монахи, они сохраняли привычку к послушанию, а поскольку следовали обету безбрачия, то их не интересовали вопросы наследования богатств и династические споры. Вместе с тем рыцарский статус придавал им необходимый авторитет при исполнении воинских обязанностей: например, папа Урбан IV поручил трем рыцарям-храмовникам контролировать состояние всех замков и крепостей в Папской области, а в Акре именно тамплиеры и госпитальеры были среди тех немногих, кому одинаково доверяли Ричард I и Филипп Август. Благодаря накопленному

опыту и знанию банковских дел храмовники стали выполнять функции главных финансовых поверенных большинства западноевропейских монархов.

Несмотря на строгую дисциплину, а также обет послушания, который все братья-рыцари давали великому магистру, и присягу на верность папе римскому, следует признать, что духовно-рыцарские ордена нередко защищали интересы венценосцев, конфликтовавших между собой или с римским папой. Практически в любой европейской державе и госпитальеры, и храмовники были активно задействованы в местной общественно-политической системе, благодаря чему оказывали заметное влияние на различные процессы — естественно, с учетом собственных интересов. Когда папа римский отлучил от церкви английского короля Иоанна Безземельного, сменившего на троне Ричарда Львиное Сердце, тот обратился за советом к магистру тамплиеров Англии Аймери де Сен-Мору — это был единственный человек, которому Иоанн мог доверять. Точно так же император Фридрих II, у которого были постоянные распри с римскими понтификами, опирался на совет и поддержку Германа фон Зальца, Великого магистра тевтонских рыцарей.

Впоследствии такое двурушничество тамплиеров — одновременно поддерживавших и королей, и католических иерархов — критически оценил папа Иннокентий III. Несмотря на внешнюю независимость, а нередко и злоупотребление дарованными привилегиями, рыцарские ордена в основном твердо держались в фарватере папского верховенства над всем католическим миром и потому пользовались поддержкой римских понтификов. Скажем, когда патриарх Фульхерий Иерусалимский прибыл в Рим с прошением лишить госпитальеров хотя бы части их привилегий, то не нашел там поддержки. Известный летописец Вильгельм Тирский объясняет столь холодный прием взятками госпитальеров, но более вероятной представляется иная причина. Католические иерархи в Европе были откровенно разочарованы положением латинян на Ближнем Востоке, и свою надежду исправить ситуацию они связывали именно с эффективными действия-

ми воинских орденов. По той же причине позднее папа отменил и декреты, принятые на третьем Латеранском соборе, которые аннулировали часть привилегий могущественных рыцарских братств.

Особенно настойчиво привилегии и налоговые льготы ордена Храма отстаивал папа Иннокентий III, подтвердивший право тамплиеров строить собственные церкви, создавать отдельные кладбища, самим собирать десятину. Одновременно он строго предупредил священников не покушаться на дарованные рыцарскому братству права, собирая десятину в их имениях или накладывая интердикт на их храмы. Он неоднократно наказывал епископов, дерзнувших арестовывать тамплиеров, и добивался наказания любого, кто покусится на имущество и владения рыцарей Храма. Он снял с поста епископа Сидонского, когда тот отлучил от церкви великого магистра тамплиеров за отказ последнего поделиться доходами ордена в Тивериадской епархии. Кроме того, этот римский понтифик возвратил и подтвердил все привилегии храмовников, дарованные буллой Иннокентия II «*Omne datum optimum*» в 1139 году, а также категорически запретил «нападать на рыцарей-тамплиеров и стаскивать их с коней» (невольно указав нам на популярный способ выражения народного негодования).

Учитывая, что для всех рыцарских орденов именно папа являлся верховным авторитетом, довольно странным представляется тот факт, что лишь единожды Папская курия привлекла их для собственной военной поддержки: так, в 1167 году папа Климент IV использовал госпитальеров в военных действиях против германской армии на Сицилии. Вполне естественно, что рыцари — члены военных орденов были вынуждены поддерживать тех пап и монархов, на чьих территориях размещались их орденские владения. Например, правители Арагона напрасно пытались привлечь тамплиеров для борьбы с соседней Кастилией и Францией. Однако такие эпизоды были исключением из правила. Коронованные особы крайне редко прибегали к помощи тамплиеров в борьбе со своими недругами, да и сами храмовники всячески этому

противились и порой соглашались выполнить требования королей только под давлением, когда тем удавалось припугнуть рыцарей самыми строгими мерами.

Два других фронта, где тамплиеры иногда вступали в вооруженные конфликты со своими единоверцами, располагались на Кипре и в армянской Киликии. Так, в 1192 году они успешно подавили мятеж местных греков, но даже после перепродажи острова Ги де Лузиньяну тамплиеры сохранили в своих руках крепость Гастрию (севернее Фамагусты), несколько имений в районе Ермасойры и Хирокиты, а также замок в Лимасоле. В схватке в Киликии с царевичем Львом II рыцари Храма отвоевали ранее принадлежавший им замок Гастон в Амманских горах на границе с Антиохией.

В двух самых крупных вооруженных конфликтах между христианами, случившихся в тот период, тамплиеры принимали лишь косвенное участие. Первое из этих столкновений произошло в ходе 4-го Крестового похода, организованного по инициативе папы Иннокентия III. Как и в 1-м Крестовом походе, в авангарде шли западноевропейские дворяне не самого высшего ранга — графы Людовик Блуа, Балдуин Фландрский и Тибо Шампанский.

Из-за гибели в Анатолии императора Барбароссы сухопутный маршрут был признан неприемлемым, поэтому передовые отряды крестоносцев стянулись к Венеции, откуда намечались отплыть в Палестину. Венецианский дож (избранный правитель республики) Энрико Дандоло, несмотря на весьма преклонный возраст, отличался бодростью духа и трезвостью ума. За 85 тысяч серебряных марок он согласился предоставить крестоносцам флот из 50 галер, чтобы переправить за море 4500 рыцарей, 9000 оруженосцев и 20 000 пехотинцев с оружием и провиантом. Отплытие назначили через год.

Официальной целью экспедиции было освобождение Иерусалима, поскольку, как и перед 1-м Крестовым походом, западноевропейские христиане готовы были рискнуть жизнью только за Святую землю. Однако в секретный пара-

граф подписанного крестоносцами договора было включено предполагаемое нападение на Египет. После 3-го Крестового похода у большинства франкских вождей — как в Европе, так и в Заморье — созрело убеждение, что при постоянной угрозе со стороны Каира надежно защитить Иерусалим невозможно. Однако венецианцев, поддерживавших с египетскими Аюбидами (по имени Аюба — отца Саладина) выгодные торговые отношения, этот план совсем не устраивал. После смерти графа Тибо Шампанского, последовавшей в 1201 году, командующим экспедицией избрали маркиза Бонифация Монферратского. Однако ко дню отплытия до Венеции добрались лишь около 10 тысяч крестоносцев; кроме того, недоставало 35 тысяч марок, чтобы расплатиться с венецианцами. Местные власти отказались снизить оговоренную ранее сумму, однако согласились простить долг, если крестоносцы помогут им по пути на Восток захватить город Зара в Далмации (современная Хорватия). Этот важный порт удерживал венгерский король, а Венгрия была католической страной, поэтому многие крестоносцы отказались от этой авантюры — среди отказавшихся были, в частности, настоятель цистерцианского монастыря Лефо-де-Серне и французский барон Симон де Монфор. Однако вопреки их воле Зара была захвачена. Узнав о нападении крестоносцев на владения христианского монарха, Иннокентий III так разгневался, что отлучил от церкви разом всех нападавших, однако, опасаясь полного срыва всего похода, был вынужден отменить свой приговор.

Пока крестоносцы зимовали в Заре, собираясь весной продолжить свой восточный поход, им поступило заманчивое предложение от греческого принца Алексея IV Ангела, чье семейство претендовало на византийский трон. В обмен на помощь латинян в возвращении императорской короны его отцу он обещал содействовать объединению православной и католической церквей, крупную финансовую поддержку и десятитысячный отряд византийцев для участия в крестовом походе. Энрико Дандоло и Бонифацию Монферратскому эта идея сразу пришлась по душе, однако вызвала не-

приятие у тех, кто прежде противился нападению на Зару, — аббата Лефо-де-Сернейского и Симона де Монфора. В результате они отказались от дальнейшего участия в походе.

Между тем восстановление законных прав коронованных особ являлось вполне легитимным в феодальном обществе, поэтому большинство епископов, которые сопровождали крестоносцев, поддержали это рискованное предприятие. Но как только флот латинян в июне 1203 года добрался до Халкидона, расположенного напротив Константинополя, крестоносцев стали обуревать неприятные исторические ассоциации. Так, французы припомнили печальную судьбу армии короля Людовика VII во время 2-го Крестового похода в 1148 году через Антиохию, когда их соотечественники были коварно преданы теми же греками. У венецианского дожа также имелись основания ненавидеть византийцев — прежде всего за погромы, учиненные константинопольскими греками над латинянами в 1182 году. Во время погромов 1182 года Энрико Дандоло был ранен и потерял зрение.

Память об этих зверствах еще сохранилась у западноевропейцев: в этом легко убедиться, ознакомившись с яркими историческими хрониками того же Вильгельма Тирского. Ранее, укоряя византийцев за то, что те оказались неспособны защитить христианские святыни на Ближнем Востоке, он все же признавал их естественными союзниками в борьбе с сарацинами. Но после погромов 1182 года эти иллюзии рассеялись, и архиепископ Тирский признает, что ошибался, доверяя «лукавым и вероломным грекам», чьи «внешне благочестивые и богобоязненные священники» — на самом деле истинные еретики; в устах средневекового церковника это звучало тяжким проклятием.

«Идейная» ненависть к византийцам подогревалась и неистребимой тягой средневековых воинов к грабежам и воинским трофеям — что не так легко представить в наше относительно спокойное и сытое время, когда солдаты, как правило, обеспечены всем необходимым, а подобные действия считаются преступными. Это вовсе не значило, что страсть к разбою в крови франкских воинов и досталась им в наслед-

ство от предков-варваров, — просто в то время любую военную кампанию стремились максимально окупить. Иннокентий III упустил из виду, что, несмотря на все объявленные им привилегии и освобождение от податей, расходы на крестовый поход далеко превышали реальные возможности ополченцев, за исключением самых богатых рыцарей. Добиваясь участия в походе как можно большего числа дворян — всех этих графов Блуа, Фландрии и Шампани, — папа хотел сохранить надежный контроль над экспедицией, что было бы труднодостижимо, если бы он опирался только на королей Англии и Франции. Однако, как показал захват Зары, полного контроля ему добиться так и не удалось — прежде всего из-за недостаточного финансирования.

Вполне очевиден и тот факт, что — как и в других крестовых походах — покаянные настроения многих участников перемешивались с надеждой не только спасти душу, но и обрести удачу: существовало всеобщее убеждение, что риск непременно должен быть вознагражден. Несмотря на такие настроения, большинство крестоносцев понимали, что задуманное ими предприятие «пахнет откровенным скандалом», даже если не до конца ясно, чья тут вина. В июне 1203 года, сразу после высадки, крестоносцы напали на пригороды Константинополя, захватив Галату, разбили цепи, перекрывавшие вход в бухту Золотой Рог. 17 июля они попытались с ходу захватить и саму столицу, однако были отброшены императорской гвардией, состоящей из варягов. Тем не менее их атака так напугала императора Алексея III, что тот уступил царский трон ставленнику латинян Исааку Ангелу.

Презираемый своими греческими подданными за предательство, новоиспеченный император так и не смог собрать нужные для расплаты с крестоносцами средства. И уже в январе 1204 года разгневанные соотечественники свергли и убили Исаака вместе с сыном, а на его место посадили Алексея V Дука, который был им больше по душе, но враждовал с латинянами. Предприняв новую атаку, 12 апреля 1204 года крестоносцы захватили Константинополь. В древней и до того остававшейся непокоренной столице Восточной Римской

империи началась жестокая резня и повольные грабежи. Больше всего католических ополченцев и паломников привлекали священные реликвии, хранившиеся в церковных сокровищницах, ценность которых намного превышала цену золота, из которого они были изготовлены. Очевидец этих событий Гюнтер Перийский рассказывает о католическом аббате, который ворвался в собор Христа Вседержителя и под угрозой смерти заставил греческого священника показать, где хранятся церковные сокровища, после чего, «набив полы рясы священными реликвиями, с радостным смехом направился к своему кораблю».

Латинские завоеватели поделили между собой не только богатства самого Константинополя, но и всю Византийскую империю. Так, 16 мая Балдуин Фландрский короновался в Софийском кафедральном соборе в качестве нового правителя Фракии и части Кикладских островов; Бонифаций Монферратский основал королевство со столицей в Салониках; а венецианцы прибрали к рукам бывшие владения греков в Адриатике, порты на побережье Пелопоннеса, Крит, Эвбею и острова в Ионическом море. Константинополь был также поделен на несколько частей, при этом почти половина досталась ловким венецианцам. В результате Энрико Дандоло не просто отомстил грекам, а установил полный контроль Венецианской республики над торговыми путями от Адриатического до Черного моря.

Никто из рыцарей Бонифация Монферратского так и не отправился в Святую землю, предпочтя обзавестись феодальными владениями на землях Византийской империи. С этого момента большинство безземельных дворян Западной Европы вместо рискованной погони за удачей в Сирии и Палестине стали больше ориентироваться на спокойную Грецию. От этого пострадали не только православные греки, но и братья-католики на Ближнем Востоке, которые фактически лишились обещанной им помощи. Даже тамплиеры, чья роль в 4-м Крестовом походе была не слишком заметной, приняли участие в захвате центральной части Греции в 1205—1210 годах. Вместе с госпитальерами и тевтонами они оккупировали крупные тер-

ритории на полуострове Пелопоннес. Хотя военная служба их была номинальной, они внесли свой вклад в оборону Латинской империи со столицей в Константинополе.

Вторым крупным внутрехристианским конфликтом, развившимся вскоре после захвата Византии, стал Альбигойский крестовый поход (получил название от города Альби на юго-западе Франции). Это был географический центр катаров*, еретической секты, которая распространила свое влияние в богатой провинции Лангедок, протянувшейся от реки Рона до Пиренеев. Корни катарства уходят к религиозному учению зороастризма, зародившегося в древней Персии. Согласно этой религии, существуют два Бога, добрая воля одного из которых направлена на укрепление духовного мира, а злым царством другого является мир мертвой материи. Поэтому все материальное изначально таит в себе зло, и спасти душу человек может, лишь освободившись от власти плоти. Подобное неприятие всего материального можно обнаружить и в таких учениях, как буддизм, стоицизм и неоплатонизм, а вот христианство в целом — несмотря на провозглашаемое самоотречение — утверждает, что Бог не только сотворил весь материальный мир, но и претворил Божественное Слово в человеческую плоть, явив миру Иисуса Христа.

С первых страниц церковной истории эта двойственность восприятия окружающего мира отражалась на верованиях христиан. В первую очередь их мучил вечный вопрос: если Бог создал все, в том числе и дьявола, то почему он до сих пор допускает его существование? Осуждение плоти, а вместе с ней грубых и эгоистических страстей, казалось бы, в полной мере отвечает учению Христа. При таком дуалистическом подходе целибат является обязательным условием спасения души, все плотские связи олицетворяют собой зло, а посему иметь детей означает потакать сатане, апологету всего материального, то есть бездуховного. Например, Маркиан, известный христианский священник-еретик, живший

* От *katharos* (греч.) — чистый. — *Примеч. пер.*

во II веке, полностью запретил браки, а целибат сделал обязательным условием крещения.

Другой проповедник, Мани, живший в Персии в III веке, разработал собственное учение — манихейство, по которому вообще не следовало заниматься каким-либо трудом, воевать или создавать семью, дабы не потворствовать силам зла. После того как по приказу зороастрийских священников в 276 году его предали мучительной смерти, манихейская ересь из Персии распространилась по всей Римской империи. Под ее влияние попал в юности и знаменитый Августин из Гиппона, а в V веке братство манихейцев-павликиан основало крупный монастырь в Армении. Их влияние было настолько сильным, что в X веке византийский император неоднократно направлял против них войска, вынудив монахов-еретиков перебраться на север Греции, во Фракию. Здесь их взгляды, распространившиеся по всей Болгарии и соседним землям, были восприняты славянским священником по имени Богомил, который стал основателем новой дуалистической церкви на Балканах. Как и их предшественники павликиане, богомилы отрицали Ветхий Завет, таинства крещения и евхаристии, крест и большинство официальных церковных обрядов. Они также считали, что иметь детей — значит потворствовать дьяволу в его кознях. Чтобы «спастись от греха», некоторые богомилы стали прибегать к содомитству (мужеложству); английское слово *bigger* (педераст) имеет болгарские корни.

Несмотря на жестокие преследования со стороны православных византийских властей, богомилская церковь сумела выжить и существовала вплоть до оккупации Балкан оттоманской Турцией, когда многие боснийские богомилы перешли в мусульманство. Некоторые районы Антиохии и Триполи, населенные павликианами, оказались на пути участников I-го Крестового похода; поэтому неудивительно, что вернувшиеся домой крестоносцы принесли с собой их дуалистические взгляды. Отдельные проявления этого еретического учения, впоследствии обнаруженные во Фландрии, Рейнской области и Шампани, были выявлены и решительно подавлены официальной католической церковью.

Что касается Южной Европы, то там дуалистическая идеология должна была соперничать с другими неортодоксальными течениями, в особенности с учением лионского купца Пьера Вальдо, который — даже не будучи дуалистом — решительно отрицал, что непреходящим условием спасения является церковная благодать. Публично осудив безмерное обогащение католического духовенства, оставив дом и состояние жене, он стал отшельником. Его отношение к бедности как высшему достоинству христианина во многом совпадало со взглядами Франциска Ассизского. Они считали, что причисление человека к лику святых или осуждение за вероотступничество является делом случая и, по сути, ничего не решает. Разумеется, далеко не всегда легко отличить стремление к совершенствованию и реформам, антиклерикализм от идейных проповедей, несовместимых с духом христианства. Однако победоносное развитие исламского учения наглядно продемонстрировало, что может произойти, если оставить без внимания и контроля те еретические идеи, которые вырабатывают и принимают на вооружение нарождающиеся социальные группы и сословия. Тут следует заметить, что самую активную критику официального духовенства за его безмерное материальное благосостояние вели городское купечество и буржуазия богатых областей Ломбардии, Лангедока и Прованса.

В Лангедоке имелись и другие причины, способствовавшие быстрому распространению катарского учения. Как с горечью заметил в свое время Бернард Клервоский, осуждая Ги де Лузиньяна, церковь находится в прискорбном положении, поскольку нерадивые, жадные и невежественные священники больше склонны обирать, а не опекать свою паству. Вместе с тем постоянные контакты испанских католиков с маврами и знакомство с их идеями, а также заметный рост влияния евреев на экономику южноевропейских областей способствовали возникновению там атмосферы веротерпимости. Централизованный контроль в этих регионах был не столь жестким, поскольку многие территории находились в свободном землевладении и были избавлены от гнета традиционной феодальной зависимости. Даже местные феодалы не имели единых

сюзеренов: одни из них подчинялись графу Тулузскому, другие — королю Арагона, а некоторые — германскому императору. И везде процветали откровенно антиклерикальные настроения. От предков нынешней дворянской знати в руки алчного духовенства к тому времени уже перешло немало собственности, включая обширные территории, и у местных дворян созрело естественное желание вернуть их себе. Это стало причиной непрерывных конфликтов как с местными епископами, так и с Папской курией. Поэтому неудивительно, что религия, признававшая за духовенством законное право на неограниченное обогащение, вызывала общественное осуждение и протест.

На первый взгляд может показаться странным, что столь неуправляемая, довольно беззаботная и эгоистически настроенная общественная группа, выделявшаяся на фоне всей Европы высокой культурой и склонностью к наслаждениям — именно здесь, по словам современников, нашли прибежище жонглеры и трубадуры, воспевавшие утонченную любовь, — оказалась так восприимчива к мрачному дуалистическому учению катаров. Однако не следует забывать, что лишь отдельные, самые фанатичные приверженцы этой идеологии — парфаты* — жили в условиях подлинного самоотречения, а основная масса рядовых верующих — креденты** — считала, что для спасения души достаточно причастия: именно оно способно полностью очистить человека от прегрешений. А посему отпадала необходимость в постоянном целомудрии — достаточно было покаяться перед смертью. Идеология катаров отличалась уважительным отношением к женщине: женщины-парфаты пользовались не меньшим уважением, чем мужчины. Как метко выразился один французский священник, «хотя ересь — типично мужское изобретение, но благодаря женщинам она разносится по земле и обретает бессмертие».

В 1167 году греческий «папа» катаров Никита прибыл из Константинополя, чтобы председательствовать на Соборе своих единомышленников, собравшихся в Сен-Феликс-де-

* Parfait (фр.) — совершенный, законченный. — *Примеч. пер.*

** Credere (лат.) — верить. — *Примеч. пер.*

Карамане (провинция Лангедок). К тому времени уже существовал катарский епископат в городе Альби, и настало время избрать новых епископов для Тулузы, Каркассона и Ажена. Католические епископы Лангедока, напуганные быстрым распространением еретического учения, тщетно пытались противостоять ему с помощью богословских дискуссий. Вскоре известие о пополнении и укреплении новой секты достигло папского престола в Риме. И когда в 1205 году Доминик Гусман, фанатичный каноник кафедрального собора в городе Осма (королевство Кастилия), испросил у папы Иннокентия III позволения проповедовать Евангелие язычникам, живущим у реки Вислы, тот благословил его намерения, но перенаправил католического священника на юг Франции. Причина состояла в том, что двумя годами ранее понтифик поручил цистерцианцам обратить в истинную веру местных катаров, однако, несмотря на все усилия, эта миссия провалилась.

Получив это задание, Доминик перевоплотился в настоящего парфата — влачащего жалкое существование нищего и смиренника. Одновременно вместе с цистерцианцами он проповедовал традиционные догматы католицизма, горячо полемизируя с катарскими богословами. Однако и в этот раз нужного результата добиться не удалось. Иннокентий, к тому времени уже четко осознавший опасность, нависшую над официальной католической церковью в Лангедоке, отозвал из провинции сразу семерых епископов, заменив их неподкупными цистерцианцами, и повторно обратился к графам Тулузским предпринять необходимые меры. Однако светские правители не горели желанием выполнять его просьбу, да и вряд ли смогли бы это сделать, поскольку учение катаров уже пустило глубокие корни. К тому же у многих правоверных католиков среди катаров были братья, сестры и другие родственники, ведшие достойную подражания жизнь.

Высшее духовенство с тревогой наблюдало за триумфальным шествием этого еретического учения. Катары не просто заставляли их потесниться — католические священники Лангедока на себе ощущали мощное давление непримиримых

конкурентов. Точнее было сказать, что катарам удалось переманить души верующих, опеку которых поручил церковникам сам Господь и которые теперь были обречены на вечное проклятие. Особую ненависть катары питали к кресту, который считался у них символом богохульства, напоминающим о страданиях Божества, и церковной мессе, которая, по их мнению, была воплощением кощунства, поскольку включала обряд поедания хлеба, олицетворявшего плоть Христа, то есть людоедство. Не особенно стремясь сохранить мирные отношения с католиками, катары были готовы без колебаний отстаивать свои далеко идущие амбиции, вплоть до ликвидации официальной церкви: в 1207 году они даже изгнали из Каркассона католического епископа.

Однако общественная и церковная жизнь в средневековой Европе были тесно переплетены: каждый год, в соответствии с календарем, повторялись одни и те же христианские праздники и посты, а весь жизненный уклад был связан с церковными таинствами и обрядами. Упраздненные катарами обеты и клятвы издавна служили основой всей системы феодальных отношений, поэтому вероотступничество неизбежно привело бы к анархии и разрушению важнейших общественных институтов. Об этом постоянно твердили и сами катары; в частности, их идеолог Ренье Саккони заявлял, что «брак является смертельным грехом... за который Господь карает не менее жестоко, чем за супружескую измену или за инцест» (половые отношения между близкими родственниками).

После очередной неудачной попытки призвать раскольников к порядку папа Иннокентий обратился к верховному правителю региона графу Тулузскому Раймунду VI с требованием искоренить ересь силой. В 1205 году Раймунд пообещал ему принять меры, но так ничего и не сделал. А в 1207 году после встречи Раймунда с папским посланником — легатом Пьером Кастельно в городе Сен-Жиль провинции Прованс последний был убит одним из членов графской свиты. Столь возмутительный инцидент побудил Иннокентия III объявить крестовый поход против еретиков. Следующие два

десятилетия прошли в непрерывных войнах и взаимной кровавой резне, которая закончилась тем, что французский король присоединил Лангедок к своим владениям. Катаров выслеживали и безжалостно сжигали, а порой, измученные пытками, они сами в отчаянии бросались в костер. В конце концов ересь удалось подавить, но вместе с ней из жизни ушло и то, что некоторые историки называют уникальной цивилизацией с развитой и утонченной культурой, а их противники — «обществом в состоянии усиливающегося раскола, которое хотя и цеплялось за внешнюю оболочку хрупкой цивилизации, но было обречено на исчезновение».

Первым Альбигойский крестовый поход возглавил Симон де Монфор, тот самый рыцарь из северной части Франции, который покинул войско Бонифация Монферратского и венецианцев, направлявшихся к Заре. И вот случилось так, что вся провинция Лангедок оказалась в его полной власти, и он вполне мог — как франкские вожди в Палестине или норманны в Антиохии — основать собственную правящую династию, хотя и под контролем церкви. Но судьба отвернулась от него — Симон де Монфор погиб во время осады Тулузы.

Вся местная знать — и католики, и катары — этот крестовый поход рассматривала как вражеское вторжение северян в их родные владения; несмотря на постоянную смену верховной власти, они упорно отстаивали свою независимость. Вассальные обязательства перед сеньором и собственные политические интересы неизбежно были связаны с религиозными разногласиями, что нередко приводило к парадоксальным союзам: король Педро II Арагонский, одержавший важную победу над мусульманами в битве при Лас-Навас-де-Толосе в 1212 году, уже в следующем году погиб, сражаясь с отрядом Симона де Монфора под стенами Муреты.

Какая же роль в этих внутриконтрессиональных и братоубийственных войнах отводилась рыцарским орденам? И тамплиеры, и госпитальеры располагали в районе боевых действий солидными владениями, включая мощные укрепления

и замки. Граф Тулузский Раймунд VI был одним из вождей 1-го Крестового похода. Поэтому неудивительно, что все его наследники и вассалы жертвовали этим рыцарским братствам свои земельные наделы — особенно ордену святого Иоанна, — хотя самое крупное поместье, Мас-Ден в Русиньоле, принадлежало храмовникам. Помимо того, оба ордена имели давние дружеские связи с Арагонским королевством, помогая его монархам бороться с маврами.

В развернувшемся военном конфликте, где на одной стороне стоял папа и его армия во главе с Симоном де Монфором, а на другой — граф Тулузский Раймунд IV и король Педро II вместе с большей частью дворян провинции Лангедок, симпатии орденов разделились. В общем-то оба братства всегда старались сохранять нейтралитет и закрепили свою позицию в Парижском соглашении, которое положило конец затянувшейся междоусобице. Если же орденам приходилось участвовать в военных действиях, то госпитальеры поддерживали Раймунда IV и Педро II, а рыцари-храмовники, хотя и сражались с маврами на стороне арагонского короля, всегда с крайним тщанием исполняли свои обязанности в отношении папы и Святой церкви. Верность рыцарей Храма Симону де Монфору и крестоносной идее никогда не подвергалась сомнению. В 1215 году Симон де Монфор даже посетил Дом тамплиеров недалеко от Монпелье.

Вместе с тем следует напомнить, что главная миссия тамплиеров — борьба с исламом на Востоке; да и сам Иннокентий III вовсе не пытался втянуть их в войну с катарами, что в немалой степени подтверждает и создание в 1221 году по образцу тамплиеров нового ордена, получившего название «воинство защиты веры Иисуса Христа». Тем не менее, будучи вассалами французского короля, храмовники являлись если не участниками, то свидетелями кровавой расправы с мирными жителями в Марманде, устроенной весной 1219 года армией принца Людовика. А в 1226 году, уже став королем, Людовик VIII во время осады Авиньона, будучи в отсутствии, передал всю полноту власти рыцарю-храмовнику брату Эвару, который и принял капитуляцию.

Непрекращающиеся попытки обвинить тамплиеров в поддержке катаров, на основе которых в наше время и создается их коллективный портрет, значительно убедительнее выглядят в отношении госпитальеров, но и в этом случае отсутствуют прямые свидетельства, подтверждающие их симпатии к еретической идеологии. По мере становления орден святого Иоанна завязывал все более прочные отношения с графами Тулузскими — не только в Европе, но и на Ближнем Востоке. У госпитальеров имелось много владений в Лангедоке, а в Триполи им принадлежала мощная крепость Крак-де-Шевалье, пожалованная Раймундом II Триполитанским, знаменитым внуком Раймунда VI Тулузского. Естественно, что во время Альбигойских войн они держали сторону наследников столь щедрых благодетелей, с которыми рыцари-госпитальеры — в отличие от храмовников — были крепко связаны политическими и экономическими отношениями. Катары, надеясь получить *consolamentum** от своих парфатов, столь же щедро одаривали госпитальеров, дабы те стали их поручителями перед Всевышним или собратьями, полагая, что они не слишком разбираются в теологии и охотно выполняют их просьбу.

Таким образом, орден госпитальеров разбогател благодаря поддержке врагов крестоносцев. После гибели Симона де Монфора при осаде Тулузы и временного отступления крестоносцев католические епископы и монахи-цистерцианцы тут же покинули этот регион, а тамплиеры оставили все свои владения в Шампани, в то время как госпитальеры и бенедиктинцы остались на месте. Однако позднее за сотрудничество с катарами бенедиктинский монастырь в Алете был закрыт. Одним из самых ярких проявлений истинных симпатий госпитальеров стала смерть в битве под Муретой арагонского короля Педро II — они тогда испросили позволения вывезти с поля боя тело своего покровителя. Точно так же они официально признали своим братом Раймунда VI, а после его смерти в 1222 году забрали тело под свою охрану, поскольку граф был отлучен от церкви и не мог покоиться в

* Утешение (*лат.*).

освященной земле. Некоторое время его останки сохранялись в одном из госпитальерских приоратов, пока Раймунд VII не добился от римской курии разрешения похоронить его в часовне. Погребенный оставался там вплоть до XVI века, когда «крысы прогрызли деревянный гроб и останки Раймунда VI были навсегда утрачены».

11. Фридрих II Гогенштауфен

В 1213 году Иннокентий III издал буллу «Quia maior», в которой содержался призыв к новому крестовому походу против сарацин на Востоке. В пользу этого предприятия говорили сразу несколько факторов: Симон де Монфор добился наивысших успехов в ходе военной кампании в Лангедоке; в Испании армия мусульман потерпела сокрушительное поражение в битве при Лас-Навас-де-Толосе; и наконец, возникло новое, невиданное ранее явление — крестовый поход етей, в котором участвовали десятки тысяч юных европейцев из Франции, Германии и других стран. Они толпами ходили по городам и селам, повторяя слова: «Господи, возврати нам наш Святой Крест». Несмотря на отвратительную организацию этой массовой акции, изначально обреченной на неудачу из-за отсутствия официальной церковной поддержки, стихийный порыв продемонстрировал всенародную готовность католиков к продолжению священной войны.

Даже скандальное отклонение 4-го Крестового похода в сторону Константинополя папа воспринял как «тучу с серебряной подкладкой»: в кои-то веки под его (т.е. папы) командованием удалось объединить весь католический мир. К тому же такие негативные моменты, как продолжавшиеся династические раздоры между Капетингами и Плантагенетами во Франции, а также Вельфами и Гогенштауфенами в Германии, помогли Иннокентию отстранить непримиримых соперников от командования экспедицией и избежать раскола. В 1215 году его призыв к священному походу поддер-

жали 1300 католических епископов, собравшиеся на четвертом Латеранском соборе в Риме. После этого были предприняты грандиозные юридические и административные меры для финансирования задуманного предприятия, вплоть до выдачи индульгенций не только непосредственным участникам похода, но и тем, кто поддерживал их материально. Это позволяло принять крест даже женщинам, жертвовавшим деньги и имущество на общехристианские цели. Через них оказывалось давление и на мужей. Жак де Витри, у которого несколько генуэзцев реквизировали на военные нужды лошадей, обзвонился с упреком на их жен: «Грабители забрали моих коней, и благодаря этому их жены тоже стали крестносцами». Сбором выделяемых на поход денег заведовал казначей парижского Дома тамплиеров брат Аймар.

В 1216 году Иннокентий III скончался, не дождавшись осуществления своих планов. Однако дело понтифика с не меньшим энтузиазмом продолжил сменивший его кардинал Савелли, принявший на римском троне имя Гонория III. Будучи уже пожилым человеком, Гонорий не обладал лидерскими качествами и активностью своего предшественника. Однако подготовка к крестовому походу уже набрала достаточные обороты: хотя основная масса французских и английских рыцарей выпала из христианского ополчения по причине внутренних династических войн и подавления еретических выступлений, на востоке Европы, в Сполето, уже собрались крупные отряды из Австрии и Венгрии, готовые отплыть в Палестину на венецианских кораблях.

Иерусалимским королем тогда был престарелый рыцарь из Шампани Жан де Бриенн, что свидетельствовало о недостаточном внимании к заморским территориям у тогдашней европейской знати; и он оказался лучшим кандидатом в мужа для наследной принцессы Марии. При венчании в 1210 году ему было уже шестьдесят, а невесте — всего семнадцать лет. Два года спустя Мария умерла при родах дочери Изабеллы, больше известной под именем Иоланты. Жан, став регентом новорожденной наследницы, придерживался весьма осторожной политики в отношениях с братом и наследни-

ком Саладина, аль-Адилем. Оба были заинтересованы в продлении перемирия 1212 года.

Появившийся в 1217 году на Ближнем Востоке венгерский король Андрей II совершил несколько набегов на незначимые мусульманские укрепления, но не добился заметных результатов. Тем не менее, посчитав свой христианский долг выполненным, венгры возвратились домой через Анатолию, прихватив немало священных реликвий — в том числе голову святого Стефана и один из кубков со знаменитого свадебного пира в Кане Галилейской.

Во время своего пребывания в Святой земле австрийские и венгерские паломники вместе с тамплиерами и тевтонами участвовали в строительстве новой крепости на мысе Атлит, которая в их честь была названа замком Паломника. Построенная на мысе на побережье к югу от Хайфы (берег создавал здесь естественное укрепление) для защиты дороги, окрестных виноградников, садов и полей, на которые сарацины часто совершали свои опустошительные набеги, крепость являла собой мощное фортификационное сооружение, обнесенное рвом с водой и двойными стенами со стороны суши. По свидетельству немецкого монаха-доминиканца Бурхардта с горы Сион, «крепостные валы и башни казались столь прочными и несокрушимыми, что целый мир не мог бы завоевать ее». Крепостной вал окружал три высоких холма и часовню ордена Храма в форме традиционной ротонды. Другой летописец, Оливер из Падерборна, пишет, что «в крепости имелись запасы пропитания для четырех тысяч воинов».

В апреле 1219 года в Акру из Фризии прибыл флот, который обеспечил короля Иоанна Иерусалимского необходимыми средствами для наступления на Египет. После небольшой остановки вооруженная эскадра подняла паруса и 27 мая бросила якорь в устье Нила напротив Дамьетты. Разбив лагерь на левом берегу, 24 августа в результате яростной и кровопролитной атаки крестоносцы захватили оборонительную башню посреди реки, соединенную с городом деревянным мостом и запиравшую вход в реку. А через два дня от

лихорадки скончался Великий магистр Гильом Шартрский, возглавлявший корпус тамплиеров, и на его место заступил опытный Пьер де Монтегю, ранее занимавший пост магистра в Провансе и Испании и принимавший участие в знаменитом сражении при Лос-Навас-де-Толосе.

Христиане не смогли развить этот успех, поскольку не имели судов для переправы через Нил: большая часть кораблей, на которых они прибыли в Египет, возвратилась обратно. Через несколько месяцев напряженного противостояния к ним пришло пополнение из Европы во главе с графами Неверским и ла Маршем из Франции, графами Честерским, Арундельским, Дербийским и Винчестерским из Англии, архиепископом Бордоским, епископами Лионским, Парижским и Анжерским, а также итальянский отряд во главе с папским легатом испанским кардиналом Пелагием Санта-Лючийским.

Пелагий как папский представитель сразу взял инициативу в свои руки. Действовал он решительно и энергично, но при этом отличался заносчивостью, грубостью и откровенным деспотизмом. Осада Дамиетты длилась уже почти полтора года и сопровождалась массовыми болезнями и смертями крестоносцев. Летом 1219 года, не в силах больше сопротивляться, египетский султан Малик аль-Камиль, брат Саладина, предложил заключить перемирие. В знак своих добрых намерений он разрешил Франциску Ассизскому, прибывшему в Египет поддержать единоверцев, побывать в лагере сарацин и обратиться к ним с проповедью. Их встреча прошла в атмосфере исключительного взаимоуважения, но ни один из них не смог убедить другого сдаться и принять веру противника. Однако, отказавшись принять христианство, аль-Камиль предложил возвратить латинянам Иерусалим и другие святые места в обмен на снятие осады Дамиетты.

Это предложение вызвало острые разногласия в стане крестоносцев: если Пелагий и патриарх Иерусалимский решительно выступали против соглашения с неверными, требуя полной капитуляции, то король Иоанн — при поддержке большинства представителей палестинской и европейской

знати — готов был принять эти условия. Великие магистры орденов Храма и святого Иоанна считали, что Иерусалим все равно не удастся удержать, не вернув прежде бывшие франкские укрепления за рекой Иордан. Но это условие для аль-Камиля было абсолютно неприемлемо. В результате его предложение было отвергнуто, и 5 ноября крестоносцы после решительного штурма ворвались в Дамиетту: местный гарнизон и оставшиеся жители были настолько истощены, что уже не могли сопротивляться.

Крестоносцы расположились в Дамиетте, ожидая очередное подкрепление из Европы — армию германского императора Фридриха II Гогенштауфена. В дальнейшем они собирались продолжить поход на Каир. Но в 1222 году прибыл лишь небольшой авангард — отряд герцога Людовика Баварского, состоявший из пятисот рыцарей. Поняв, что больше пополнения не предвидится, Пелагий приказал двигаться в глубь Египта, несмотря на возражения короля Иерусалимского и вождей тамплиеров, которые считали, что сил для такой экспедиции явно недостаточно. Но их доводы не были приняты во внимание, и ополчение двинулось по правому берегу Нила к стороне египетской крепости Мансура. Путь занял ровно неделю. Пока крестоносцы занимали позицию под стенами города, с тыла их обошел отряд аль-Камиля, а путь по реке перекрыла египетская флотилия на озере Манзала. Тем не менее у латинян еще оставалась возможность прорваться назад, но египтяне открыли шлюзы, затопив огромные участки прибрежной суши. Как позднее выразился великий магистр тамплиеров, «они оказались пойманными, как рыба, запутавшаяся в сетях».

Теперь Пелагию, которому грозило навсегда погрузиться с войском в вязкую трясину дельты Нила, не оставалось ничего другого, как согласиться на перемирие. В результате крестоносцы бесславно покинули Дамиетту и отплыли в Акру — все их жертвы оказались напрасными. Единственным утешением для кардинала Пелагия могло стать возвращение Животворящего Креста, захваченного Саладином при Хьтгине. Его брат аль-Камиль согласился вернуть Крест. Однако эту величайшую

христианскую реликвию сарацинам так и не удалось отыскать на своих складах.

Вся ответственность за провал 5-го Крестового похода лежала на самоуверенном и тщеславном кардинале Пелагии. Нетерпимый к чужому мнению, этот человек был просто не способен достичь каких-либо успехов в военном деле, поскольку в его стратегических расчетах постоянно доминировал религиозный фанатизм. Все экспедиции крестоносцев, как правило, терпели неудачу именно из-за деспотизма и самоуверенности полководцев. Ричард Львиное Сердце достаточно успешно противостоял Саладину не столько благодаря выдающейся отваге и рыцарской харизме, сколько из-за высокого королевского титула. Хотя Жан де Бриенн тоже был самодержцем, однако его авторитет как короля Иоанна Иерусалимского был слишком непрочен, и он не пользовался уважением не только европейских дворян, но даже палестинских баронов; а духовный статус кардинала Пелагия делал его претензии на военное руководство совершенно безнадежными. Единственным человеком, достойным возглавить освободительную миссию христиан на Ближнем Востоке — в глазах папы, его легатов и всей феодальной знати, — являлся Фридрих II Гогенштауфен, внук Фридриха Барбароссы.

Германский император высадился в Акре 7 сентября 1228 года, решив наконец возглавить крестовый поход — по прошествии пятнадцати лет после принятия креста и данной им клятвы. К тому времени ему исполнилось 36 лет, и он имел репутацию властного и мудрого самодержца. Его отец император Генрих VI скончался, когда Фридриху было всего три года. Вместе с матерью императрицей Констанцией, которая одновременно являлась наследницей норманнского королевства в Сицилии, он переехал в Палермо, где та через год скончалась. По просьбе королевы Констанции юного наследника воспитывали учителя, присланные папой Иннокентием III. У лишенного родительской заботы подростка — под влиянием норманнской, греческой и мусульманской культуры, составлявших сложную атмосферу сицилийского коро-

левского двора, — сформировался непредсказуемый, вспыльчивый и весьма утонченный характер. Как писал очевидец, это был «хитрый, жадный, эксцентричный, злобный и раздражительный человек. Но если требовалось проявить свои лучшие качества и предстать в более выгодном свете, он становился собранным, остроумным, приветливым и прилежным». Он неплохо пел и сочинял музыку; говорил на немецком, итальянском, латинском, греческом, французском и арабском языках, был отличным наездником и знатоком соколиной охоты. Хронист описывает его «стройным мужчиной среднего телосложения»; однако редкие рыжие волосы, унаследованные от деда Фридриха Барбароссы, и слегка выпученные глаза делали его не слишком привлекательным; один мусульманский летописец даже заметил, что «не дал бы за Фридриха и 200 дирхемов, если бы тот продавался на невольничьем рынке».

Во время его коронации как германского императора, состоявшейся во Франкфурте в 1212 году, Фридрих сгоряча поклялся отправиться в крестовый поход. Однако это заявление расходилось с планами его опекуна Иннокентия III, поэтому в тот момент поход был отложен. Когда же Иннокентий скончался, на его место заступил один из бывших учителей Фридриха — Ченцо Савелли, принявший имя Гонория III. Таким образом, с юных лет Фридрих оказался под полным контролем церкви. Его камергером стал рыцарь-храмовник брат Ричард, ранее находившийся в том же качестве при римском понтифике. Однако давнее соперничество между духовной и светской властью в Западной Европе внезапно обострилось из-за того, что Фридрих II занял одновременно два трона — германского императора и сицилийского короля. До сих пор, чтобы обезопасить положение Папской области и, как следствие, укрепить папский трон, римские иерархи искусственно разжигали противоречия между обеими державами. Но теперь из-за объединения двух государств под властью Фридриха Рим почувствовал реальную опасность.

Не меньшую угрозу представлял и непредсказуемый, воинственный характер юного самодержца. В отличие от по-

давляющего большинства европейских правителей, чье образование и воспитание велось под присмотром и в рамках католической церкви, Фридрих ознакомился в Палермо со многими византийскими и арабскими идеями. Обе идеологии имели более длительную историю и были разработаны заметно глубже, чем соперничавшее с ними католическое учение, что невольно вызывало уважение и заставляло относиться к ним терпимо. Такие настроения резко контрастировали с фанатическим настроением католических монархов севера Европы. Снисходительное отношение к мусульманам, особенно характерное для сицилийского королевства, по-настоящему шокировало ортодоксальных католиков — современников Фридриха. Однако идеологические корни этого явления можно было проследить и в политике, проводимой орденом Храма в Испании. Например, тамплиеры, чтобы удержать мусульманское население, разрешали им совершать религиозные обряды и молитвы в своих владениях.

Зависимость мусульманских подданных от благосклонности Фридриха укрепляла и его собственное доверие к ним — среди охранников у него даже был сарацин. Однако его веротерпимость зиждилась не только на голом расчете: по мнению придворного биографа, «он обладал качеством, присущим подлинно культурным людям всех времен и народов, — искренним и глубоким восприятием культурных достижеств человечества в целом, независимо от расы и национальности». Но точно так же во все эпохи наблюдался и переход от терпимости к полному безразличию и далее — к абсолютному скептицизму. Неудивительно, что многие современники Фридриха сомневались, верит ли он вообще в Бога.

Поскольку личность германского императора постоянно очернялась его многочисленными врагами, довольно непросто отделить реальные факты от выдумки. При этом следует подчеркнуть, что даже многие современники-мусульмане, например дамаский летописец аль-Джавзи, считали его «законченным безбожником». А католический летописец Салибмен также отмечал, что «в нем не было ни капли истин-

ной веры», но «если бы он действительно стал добрым католиком и возлюбил Бога, Христову церковь и свою душу, то ему не нашлось бы равных среди самодержцев всего мира». Говорят, что Фридрих даже высмеивал обряд причастия («Как долго будут продолжаться эти фокусы с хлебом?») и непорочное зачатие Богородицы («Надо быть полным идиотом, чтобы поверить, будто Христа родила непорочная Дева Мария... никто не может родиться без предварительного соития мужчины и женщины»). Известно, что факт непорочного зачатия Христа Девой Марией признается не только христианами, но и мусульманами. Однако, несмотря на их дружеские отношения с Фридрихом, тот не выказывал уважения ни к пророку Мухаммеду, ни к Иисусу Христу, считая их — наряду с Моисеем — «самыми выдающимися мошенниками и самозванцами на земле».

И хотя приведенные высказывания можно рассматривать как заведомое преувеличение со стороны его врагов из Папской курии, такие характеристики во многом совпадают с мнением дружески настроенных к нему мусульман. Другими словами, Фридрих плохо вписывался в окружающие его исторические обстоятельства. Видимо, он был склонен к научному мировоззрению, больше характерному для нашей эпохи, но не для Средневековья. Так, в предисловии к трактату, посвященному соколиной охоте, «*De arte Venandi*», он написал, что «старался представить в этом труде... вещи именно в том виде, как они выглядят в действительности», а в другом месте отметил, что «не следует верить ничему на слово, надо всегда сверяться с природой и отыскивать истинные причины». В результате получилась гремучая смесь из учений и практик царя Соломона, Исаака Ньютона и — о чем не подозревали его современники — доктора Менгеле.

Качества, присущие первому из этих трех, — мудрость и справедливость — он проявил в ходе суда над немецкими евреями (1235—1236 гг.), обвинявшимися в ритуальном убийстве христианского младенца. Проведенное под его руководством тщательное расследование закончилось полной их реабилитацией, закрепленной императорским указом «*In*

Favoren Judaeorum» («Во благо иудеев»). Он также запретил использование в судебной практике «испытания огнем», которому когда-то султан аль-Адиль подверг Франциска Ассизского, дабы проверить крепость христианской веры католического монаха. «Разве может раскаленное докрасна железо, — рассуждал Фридрих, — стать жарче или холоднее без естественной причины?»

Доктора Менгеле можно разглядеть в бесчеловечных опытах Фридриха по проверке некоторых гипотез. Например, он приказал закупорить человека в винной бочке, дабы проверить, сможет ли в таких условиях душа отделиться от тела после смерти. Двух мужчин убили, а затем изъяли внутренние органы, чтобы изучить изменения в них. Младенцев намеренно держали в полной тишине, дабы выяснить, какой именно язык является родным для всего человечества — иврит, греческий, арабский или латынь. Но, как зафиксировал Салибмен, «все труды оказались напрасны, ибо дети умерли».

Его мораль в вопросах сексуальных отношений явно не соответствовала христианскому учению, хотя и в данном случае трудно отличить правду от вымысла. Один из видных членов папской курии Николас ди Кабрио, «поднаторевший в искусстве подрыва чужих репутаций», обвинял его в том, что он превратил церковь в публичный дом, а церковный алтарь — в сортир. Он заявлял, что Фридрих делал проститутками не только молодых женщин, но и мужчин, «предаваясь чудовищному разврату, о котором преступно даже помыслить». По словам Николаса, Фридрих «предавался преступному содомскому греху открыто и даже не пытаясь его скрыть». Почему-то некоторые ученые считают — возможно, по наивности, — будто одна сильная страсть исключает другую. Однако можно вполне определенно утверждать, что в гареме германского императора были как мусульманские, так и христианские гурии, от которых у Фридриха имелась куча незаконных детей, и среди них Манфред — позднее король Сицилии, а также Иоланта — графиня Казертская.

Избавившись от докучливой опеки приставленных папой священников, Фридрих прежде всего попытался воплотить в

жизнь рациональные и светские идеи по управлению своими державами. После того как в 1220 году римский папа Гonorий III короновал его (Фридриха) императорской короной, молодой монарх назначил вместо традиционных священников и феодальных вассалов в сицилийской администрации профессиональных юристов и открыл университет в Неаполе — для подготовки новых управленческих и судебных кадров на основе древнеримского права. Возлагая на голову своего воспитанника императорскую корону, папа благословил Фридриха на новый крестовый поход. Нет сомнений, что тот воспринял его напутствие весьма серьезно — он не столько беспокоился за судьбу Иерусалима, захваченного сарацинами, сколько рассчитывал, возглавив эту экспедицию, укрепить свое лидирующее положение в христианском мире. Опираясь на традиции деспотического правления античной эпохи и будто предваряя диктаторские режимы нашего времени, Фридрих, презрев христианскую добродетель смирения, принял концепцию, что данная ему Богом императорская власть берет начало от императоров Древнего Рима. «С давних времен, — писал он, — мое сердце горело неумным желанием не только восславить имена великих и благородных основателей Римской империи, но и восстановить саму империю».

Эти честолюбивые планы неизбежно вошли в противоречие с амбициями Папской курии, провозгласившей такие же, если не более грандиозные, цели, а также с интересами Лиги ломбардских городов во главе с Миланом, которая в 1221 году провозгласила свою независимость. Хотя и папа Гonorий III, и сам Фридрих II стремились исполнить обет и скорее начать крестовый поход, однако раз за разом он откладывался. В 1223 году умерла его жена, Констанция Арагонская, — она была намного старше Фридриха, но брак с ней в 1209 году существенно укрепил его положение. Претенденткой в супруги стала принцесса Иоланта Иерусалимская. Ее отец Жан де Бриенн в то время находился в Европе и как раз подыскивал ей мужа, и этот вариант ему подсказал Великий магистр Тевтонского ордена Герман фон Зальца.

После некоторых колебаний Фридрих согласился. И шестнадцатилетняя Иоланта, предварительно объявленная королевой Иерусалимской в Акре, отправилась в Европу; их с Фридрихом обвенчали в кафедральном соборе города Бриндизи 9 ноября 1225 года. Несмотря на присущий ему рационализм, Фридрих тем не менее нередко прислушивался к предсказаниям астрологов. Поэтому впервые посетил спальню юной супруги только на следующее утро после венчания — именно этот момент, согласно звездам, был наиболее благоприятен для зачатия сына. Впоследствии он соблазнил дворянскую сестру королевы Иоланты и нарушил обещание, данное тестю, что тот останется регентом Иерусалимского королевства, заявив, что сам как законный муж собирается занять королевский трон. Когда выяснилось, что Иоланта забеременела, Фридрих отправил ее в свой гарем, где та родила ему сына Конрада и в скором времени скончалась.

В марте 1227 года покинул этот мир и Гонорий III; его место занял другой член могущественного семейства Сеньи, по имени Уго, принявший имя Григория IX. Как и его дядя папа Иннокентий III, он был знатоком церковного права. Именно он как папский легат вручал Фридриху крест во время коронации в 1220 году. Отличавшийся глубокой набожностью и являвшийся близким другом и покровителем Доминика Гусмана и Франциска Ассизского, он — в отличие от покладистого и добродушного Гонория III — был тверд, бескомпромиссен, энергичен и обладал политическим даром. Близко зная Фридриха и его повадки, он никогда не доверял ему, и когда тот в августе 1227 года отправился наконец в Святую землю на корабле из порта Бриндизи, но почти сразу вернулся из-за внезапно вспыхнувшей болезни, папа Григорий отлучил его от церкви и проклял как безбожника и клятвотпреступника.

Один из компаньонов Фридриха, ландграф Людвиг Тюрингский, действительно умер от лихорадки, поэтому весьма вероятно, что император страдал той же болезнью. Возобновив экспедицию на следующий год, он решил не дожидаться папского благословения и за это был отлучен вторично. Столь

поспешные и резкие церковные санкции рассматривались Папской курией как наиболее действенное средство поддержания собственного авторитета: Григорий IX целиком разделял мнение Бернарда Клервоского, что меч для борьбы за христианские идеи император может извлечь из ножен лишь по указанию папы римского.

После второго отлучения Фридрих особенно ощутил откровенно враждебное отношение к нему католического духовенства заморских территорий, когда в 1228 году высадился в Акре. Предполагалось, что, исполнив свой обет, он наконец примирится с церковью. Однако Фридрих не выказал и тени раскаяния — сразу после его отплытия на юге Италии вспыхнула война между императорскими войсками под командованием Реджинальда Сполетского и папской армией, ведомой его бывшим тестем и бывшим королем Иерусалимским, заклятым врагом Жаном де Бриенном.

В ответ на столь дерзкое поведение Григорий IX направил гневное послание патриарху Акрскому, в котором подтверждал свой прежний приговор мятежному императору. Это означало полное отстранение Фридриха от командования крестовым походом; при этом все его подданные были освобождены не только от вассальной зависимости, но и от необходимости подчиняться приказам опального императора. Армия латинян и прежде была немногочисленна — местные бароны со своей свитой, около восьмисот рыцарей-паломников и десять тысяч пехотинцев. Теперь и без того слабое войско разделилось на два лагеря: один — во главе с императором, а другой — под началом патриарха Герольда. Великий магистр тевтонов Герман фон Зальца был на стороне своего давнего приятеля Фридриха, а вот госпитальеры и храмовники отказались выполнять приказы отлученного монарха.

По мнению Фридриха, такое разделение между латинянами могло сказаться лишь при начале военных действий. По сути дела, ослабление военной мощи крестоносцев заставляло их искать дипломатические пути достижения своих целей, не прибегая к активным операциям. Тем более что предпосылки для этого имелись. Еще до отбытия из Сици-

лии Фридрих принял при своем дворе в Палермо эмира руддина ибн ас-Саиха, прибывшего по поручению египетского султана и брата Саладина, аль-Камиля, с предложением возратить христианам Иерусалим в обмен на военную помощь в борьбе с единоверцами из восточных провинций. В ответ Фридрих направил епископа Палермского Томмазо Ачеррского в Каир с богатыми дарами и предложением дружбы. В свою очередь, Фахруддин снова посетил Палермо, в результате они с Фридрихом стали близкими друзьями.

К тому времени, когда Фридрих прибыл в Палестину, ситуация в империи Аюбидов заметно изменилась, и аль-Камиль отчетливо осознавал опасность, грозившую всему исламскому миру в случае возврата Иерусалима христианам. Фридрих направил к аль-Камилю — теперь в Наблус — своих эмиссаров, чтобы напомнить о его обещании отдать Иерусалим. Пока аль-Камиль изобретал предлоги для отказа, Фридрих предпринял несколько судорожных и безуспешных попыток укрепить свой авторитет. Он попытался овладеть замком Паломника, но тамплиеры захлопнули перед ним крепостные ворота. Настрой храмовников против императора отчасти был вызван его явной благосклонностью к конкурентам из Тевтонского ордена, а также присутствием в их рядах нескольких рыцарей из провинции Апулия, которые принимали участие в восстании против Фридриха, а впоследствии, вынужденные бежать, надели белые плащи тамплиеров.

В ноябре 1228 года Фридрих решил продемонстрировать свою силу, чтобы окончательно склонить аль-Камиля на свою сторону. Из Акры он совершил марш-бросок на юг. Вначале госпитальеры и храмовники отказались напрямую ему подчиняться, но выступили за ним вслед днем позже. Когда войска дошли до Арзуфа, Фридрих все-таки согласился передать командование полководцам, не подпадавшим под церковный запрет, после чего рыцарские ордена снова присоединились к основному контингенту крестоносцев.

Ни Фридрих, ни аль-Камиль войны не хотели — и не потому, что у императора было недостаточно сил, а египет-

ский султан в тот момент осаждал Дамаск, — просто оба руководствовались здравым смыслом. За время многомесячных переговоров Фахруддин служил посредником между императором и султаном при обсуждении вопросов, не имеющих никакого отношения к насущным делам. Например, Фридрих просил султана просветить ученых мужей из своего окружения по таким глубоким проблемам философии, как природа Вселенной, бессмертие души, логические построения Аристотеля. Не столь фанатичный в отстаивании исламских идей, как его брат Саладин, аль-Камиль тепло относился к этому западноевропейскому скептику-интеллектуалу и частенько посылал ему подарки, которые отчасти скрашивали пребывание того в Палестине. «С прискорбием, как о величайшем позоре и бесчестии, — писал патриарх Герольд папе Григорию IX, — вынуждены доложить вам, что султан, узнав о любви императора к сарацинским нравам и обычаям, прислал тому певцов, фокусников и жонглеров, о развратной репутации которых среди христиан даже упоминать не принято».

По иронии истории, эти два абсолютно нерелигиозных человека спорили между собой по поводу судьбы города, на который каждому из них было в принципе наплевать, — тут все дело было в престиже. «Из-за вас мне пришлось отправиться в это путешествие, — именно так, по свидетельству арабских летописцев, писал Фридрих аль-Камилю. — Теперь о моей миссии знает не только папа, но и весь западный мир. И если я вернусь с пустыми руками, то в значительной степени утеряю авторитет. Сжальтесь и отдайте мне этот Иерусалим, чтобы я мог по-прежнему держать голову высоко». На что аль-Камиль отвечал: «Если я уступлю вам Иерусалим, то за это меня проклянет халиф, а кроме того, из-за религиозных волнений я вообще могу лишиться трона». В конце концов у аль-Камиля возобладало чувство чести. Все-таки Фридрих прибыл на Восток по его призыву и должен быть за это вознагражден. И 18 февраля 1229 года он подписал договор, по которому Иерусалим переходил христианам. Был также освобожден Вифлеем — сухопутный коридор до

Яффы, Назарет и часть Галилеи, включая крепости Монфор и Торон. В самом Иерусалиме Храмовая гора с Собором на Скале и мечетью аль-Акса оставались открытыми для доступа мусульман, желавших там помолиться. По тому же соглашению предполагалось освободить всех пленников, также было установлено перемирие сроком на десять лет.

Но ни один из подписавших этот исторический договор правителей не удостоился благодарности. Аль-Камиль был проклят имамами за предательство ислама, а в католическом лагере Фридриха, как и следовало ожидать, поддержали лишь сицилийцы и немцы, гордившиеся достигнутым соглашением. «Что может быть большей наградой для смертного, — писал немецкий поэт и крестоносец Фриданк, — чем Божья Гробница и Крест Чудотворный?» На что патриарх, паломники и почти все братья-рыцари единодушно отвечали: военная победа над сарацинами. Сама идея крестового похода как искупления за грехи выглядела в их глазах недостойно без пролития крови. Кроме того, в договоре ни словом не упоминалось о Христе и Святой церкви; и ни один город на самом деле не был очищен от неверных. Последний факт особенно раздражал тамплиеров, штаб-квартира которых, располагавшаяся на Храмовой горе, так и осталась мечетью.

Сюда же добавлялись и стратегические возражения, высказанные ранее, — во время 5-го Крестового похода аль-Камиль сделал сходное предложение кардиналу Пелагию. Иерусалим и Вифлеем оставались изолированными от приморских городов, между ними существовал лишь узкий сухопутный коридор. В результате престиж Фридриха Гогенштауфена в христианском мире не только не укрепился, а скорее упал. И когда 17 марта 1229 года он торжественно въезжал в Святой град, местные бароны предпочли проигнорировать это событие. Так же поступили тамплиеры, госпитальеры и все латинское духовенство, подчинившееся интердикту, наложенному патриархом Геральдом на вступление Фридриха на иерусалимский трон. И только верные императору тевтоны во главе с Германом фон Зальца, а также английские епископы Винчестерский и Экстерский сопровождали его, однако они

были не вправе отменить интердикт. Когда Фридрих вошел в храм Гроба Господня, то не обнаружил там ни одного епископа или священника. Тогда, взяв корону, он сам возложил ее себе на голову. После чего Герман фон Зальца зачитал приготовленное обращение на латинском и немецком языках — панегирик императору, простившему папу за все доставленные ему неприятности и обещавшему сделать все, что в его власти как «наместника Бога на земле во славу Господа, христианской церкви и империи».

После этой церемонии германский император отправился в ознакомительную прогулку по Иерусалиму, посещая не только христианские, но и мусульманские святыни. На это время аль-Камиль приказал муллам мечети аль-Акса воздержаться от традиционных призывов мусульман к молитве. Но Фридрих упрекнул их за это, заявив, что именно для того, чтобы услышать призывы к молитве, он и прибыл в Иерусалим. Когда католические священники попытались сопроводить его в Собор на Скале, Фридрих прогнал их: «Клянусь Богом, если хоть один из вас еще раз войдет сюда без разрешения, я выколю ему глаза». Узнав, что деревянная решетка при входе в Собор служит для защиты от птиц, он повторил оскорбительное обращение мусульман к франкам: «Это Бог отгораживается от вас, свиньи».

Фридрих II недолго пробыл в Иерусалиме. Тревожные известия о мятежах в его итальянских владениях заставили императора поторопиться с возвращением в Европу. Оставив для охраны города небольшой гарнизон из тевтонских рыцарей и отдав распоряжение восстановить башни и крепостные стены, император вернулся в Акру. Там в это время патриарх Герольд вместе с тамплиерами собирал ополчение, готовясь от имени папы взять под охрану Иерусалим, а затем выступить против дамасского эмира, так и не признавшего подписанный договор. Фридрих воспротивился этим планам, а Герольд отказался подчиниться отлученному от церкви императору. Ситуация в самой Акре была беспокойной: местная знать была оскорблена тем, что с ней не посоветовались при подписании соглашения; венецианцы и генуэзцы

были недовольны преференциями, которые получили от Фридриха их давние конкуренты пизанцы; а население оказывало все более активное сопротивление императорскому гарнизону.

Дабы укрепить свой авторитет, Фридрих публично призвал всех горожан, прелатов, баронов и паломников поддержать его действия, одновременно пожаловавшись на упорное противодействие патриарха и ордена Храма. Однако призыв остался втуне, и Фридрих прибег к насилию: он приказал солдатам закрыть городские ворота для врагов, в том числе и тамплиеров, а также заблокировать патриарший дворец и замки храмовников. Он даже собирался похитить Пьера де Монтегю, великого магистра тамплиеров, и Жана д'Ибелена, лорда Бейрутского, но у обоих была хорошая охрана, и замысел провалился. Необдуманно назначив блюсти свои интересы *бальи* (управляющего), чьи тесные отношения с его оппонентами заведомо обрекали Фридриха на поражение, и, уничтожив все оружие, которое могло попасть в руки врагов, император готовился отплыть на 1 мая. На рассвете, когда он со свитой пробирался из своего дворца в гавань по улице Мясников, горожане забросали его кухонными отбросами, выразив таким образом презрение к императору.

12. Акрское королевство

По возвращении в Италию Фридриху неожиданно легко удалось разрушить планы папы римского — намного легче, чем подавить сопротивление папских сторонников в Заморье. Осаждавшие Капую папские войска под командованием двух ветеранов, Жана де Бриенна и кардинала Пелагия, отступили и разбежались, как только узнали о приближении армии Фридриха, спешившего на помощь осажденным. Жан де Бриенн был вынужден поспешно бежать в свою родную Шампань. А тамплиеры, активно поддерживавшие папские действия в Сицилии, заплатились за это — они потеряли

свои дома и земельные владения. К тому же Фридрих заставил освободить более сотни пленников-мусульман, удерживаемых храмовниками и госпитальерами, причем без всякой денежной компенсации.

Главным даром Фридриха Святой земле было освобождение Иерусалима, но сам Иерусалим оставался стратегически крайне уязвимым и, по сути дела, «открытым городом». Имперская администрация и оставленные войска во главе с маршалом Ричардом Филангьери вели непрерывные войны в Палестине и на Кипре с тамошними баронами, которых возглавлял Жан д'Ибелен. Номинально иерусалимский трон принадлежал Конраду, сыну Фридриха II и королевы Иоланты. Но, даже достигнув совершеннолетия, Конрад не счел нужным отправиться на Восток, чтобы взять в руки бразды правления, что дало местным дворянам повод окончательно выйти из повиновения и изгнать Филангьери из Тира. Высший совет Иерусалима назначил регентшей Алису Кипрскую, но фактически королевство перешло под олигархическое управление группы франкских вельмож, которая страстно и даже фанатично стремилась следовать духу и букве закона. Ни в каком ином тогдашнем христианском дворянстве так не культивировалось знание обычного права, как в Латинском королевстве. В заморских землях не было ни университетов, ни ученых, ни писателей, кроме Вильгельма Тирского. Вся интеллектуальная энергия как будто сконцентрировалась на изучении права.

В ситуации оформленной анархии, захлестнувшей Заморье, рыцарские ордена фактически вели автономную политику. Так, в северных районах в 1220—1230-е годы тамплиеры попытались расширить свои владения за счет территории Алеппо, опираясь на военную базу Гастон в Амманских горах. Они образовали полунезависимую область, где управляли по собственным законам, не слишком обращая внимание на мнение киликийских властей. Благосостояние и военная мощь тамплиеров в Сирии и Палестине также заметно возросли благодаря тому, что местные феодалы, чьи владения теперь сосредоточились вокруг приморских городов, уже не

могли самостоятельно охранять свои удаленные замки и передавали их рыцарским орденам. Например, в 1186 году Маргаб, одна из самых крупных и мощных сирийских крепостей, была продана ордену госпитальеров, поскольку у бывшего владельца не имелось средств для ее содержания и защиты.

Однако некоторые дворянские семейства по-прежнему процветали, например д'Ибелены, чей роскошный дворец в Бейруте поразил посланника германского императора; но средства на поддержание столь дорогостоящего сооружения теперь приходилось добывать не столько от владения земельной собственностью, сколько от активизировавшейся торговли. Акра стала центром ближневосточной торговли с Константинополем и Александрией: ежегодный доход иерусалимских королей от Акры составлял 50 тысяч фунтов серебром, что превышало доход английского короля в то время. Акра буквально кишела купцами из Дамаска, доставлявшими сахар, красители и пряности. Львиная доля экспортируемого в Европу сахара попадала туда через Акру, как и множество экзотических товаров, которые формировали рынок предметов роскоши на Западе. В свою очередь, 250-тысячное население заморских территорий обеспечивало крупный рынок сбыта для европейского экспорта — например, накидок и беретов из Шампани, а мусульмане охотно приобретали изделия из железа, лесоматериалы, текстиль и меха.

Там же располагался и крупный невольничий рынок, где на продажу выставляли не только мусульман, но также греков и славян, которых доставляли на кораблях итальянские купцы. Всех их продавали под видом мусульман, поскольку закон запрещал продавать христиан в рабство; однако хитрые торговцы игнорировали это требование, а владельцы запрещали своим рабам креститься. Один епископ в начале XIII века сетовал, что «хозяева отказывают рабам-мусульманам в принятии христианства, хотя те умоляют их об этом со слезами на глазах». А в 1237 году сам папа Григорий IX с гневом обвинил в этом сирийских епископов и магистров военных орденов.

Отдельные случаи крещения мусульман все-таки были, в результате чего, например, и возникла община сирийских хри-

стиан. На Ближнем Востоке одновременно существовали различные христианские конфессии: католики, православные, марониты, армяне, яacobиты, несториане. Но все попытки Рима и Константинополя объединиться с ними не увенчались успехом, исключением стали разве что ливанские марониты. Что бы ни утверждали римские понтифики, католическое духовенство готово было объединиться с другими родственными церквями лишь при условии своего лидерства и превосходства. Поэтому не получалось дружбы не только между различными христианскими церквями, но даже между общинами. И отношение латинян к местным христианам было немногим лучше, чем к мусульманам, иудеям или самаритянам.

На фоне мощного подъема миссионерской деятельности католиков в IX и начале X веков представляется странным полное отсутствие активности в этом направлении со стороны победоносных крестоносцев — они даже не пытались обратить мусульман в христианскую веру. И можно со всей определенностью утверждать, что такая цель перед воинами Креста никогда не стояла. Хотя папа Урбан II, несомненно, хотел помочь византийскому императору, стремясь направить разрушительную агрессию франкских рыцарей на загородные цели, но его главное намерение состояло, как и у Бернарда Клервоского, в восстановлении христианства на Святой земле и спасении душ крестоносцев.

И лишь в начале XIII века обнаруживаются слабые признаки миссионерской деятельности — прежде всего в Испании, где в результате успешной Реконкисты под властью христиан оказалось большое количество мусульман. Примечательно, что именно испанский епископ Диего Осма и его коллега Доминик Гусман испросили у папы Иннокентия III дозволения проповедовать Евангелие не только сарацинам, но и язычникам, проживающим на реке Висле. А в 1255 году их последователь Умбер Романский, великий магистр ордена доминиканцев, принялся активно обращать сарацин в католическую веру, призвав монахов изучать арабский язык.

Во время знаменитой осады Дамиетты Франциск Ассизский непрерывно курсировал между крестоносцами и мусуль-

манами, проповедуя султану аль-Камилю христианские истины, что стало для монахов-францисканцев примером для подражания. Их смелые миротворческие призывы снискали им славу защитников святых мест, даже когда эти святыни вернулись под контроль ислама. Однако Франциск всем сердцем поддерживал идею крестовых походов. Он искренно восхищался героями «Песни о Роланде», считая мучениками всех, кто погиб в боях с неверными, и полагал, что христиане имеют законное право владеть Святой землей, поскольку в Евангелии имеются указания на абсолютную легитимность крестовых походов как средства насильственного освобождения христианских святынь из-под власти богопротивных сарацин.

Пожалуй, единственным католическим священником, настойчиво пытавшимся обратить ближневосточных мусульман в свою веру, был французский прелат Жак де Витри, назначенный епископом Акры. О своих коллегах на Святой земле он был весьма низкого мнения и писал папе, что местные христиане ненавидят латинян и предпочли бы власть мусульман, что католические священники их буквально разоряют, а сами ведут недостойный сана праздный, безнравственный и полный роскоши образ жизни. Местное духовенство отличалось невероятным взяточничеством и казнокрадством, а итальянские купцы были всегда готовы вцепиться друг другу в горло. Единственными, к кому он сохранял уважение, оставались рыцарские ордена.

Но несмотря на проповедование католической веры среди палестинских мусульман, Жак де Витри вовсе не противопоставлял свои действия силовым мерам по расширению христианских владений в Заморье. Будучи горячим сторонником крестоносной идеи, он сопровождал кардинала Пелагия еще во время египетского похода. Он также защищал рыцарские ордена, особенно тамплиеров, от обвинений — не только со стороны еретиков-катаров, вальденсов, но и католических священников, вроде Вальтера Мапа из монастыря Сан-Альбано, — в нарушении заветов Христа, который, согласно Евангелию от Матфея, запретил апостолу Петру

обнажать свой меч. В одной из проповедей к рыцарям Храма Жак де Витри призывал их не обращать внимания на нелепые обвинения со стороны «лживых христиан, сарацин и бедуинов».

Сам факт, что Жак де Витри считал нужным ободрить и поддержать тамплиеров именно таким образом, говорит о том, что они по-прежнему ощущали себя исполнителями важной религиозной миссии. И хотя в исторических хрониках о них упоминается преимущественно в связи с военными или политическими действиями вождей, рядовые рыцари продолжали твердо придерживаться Кодекса, принятого на знаменитом Соборе в Труа. И во времена, когда монашеские ордена частенько обвиняли в распущенности и коррупции, к храмовникам такие упреки не относились. Постоянно вдыхая не церковный ладан, а запах конского навоза, кожи и пота, они прекрасно осознавали опасность службы в Палестине, знали, что рано или поздно их ждет страшная смерть от рук неверных.

Если еще раз просмотреть внимательнее орденский Кодекс, то можно представить, в каких суровых жизненных условиях — жесткой дисциплины и сурового наказания за любое нарушение — исполняли свой обет братья-храмовники в середине XII века и в последующие времена. Вероятно, единственным их утешением и поддержкой были дружеские отношения с другими рыцарями, разделявшими с ними тяжелую воинскую судьбу. Такая дружба, как мы уже знаем, высоко ценилась среди цистерцианцев. Как явствует из Кодекса, несмотря на соперничество между двумя орденами — которое нередко перерастало в открытый конфликт, — товарищеские отношения, существовавшие между рыцарями и сержантами ордена Храма, распространялись и на братьев-госпитальеров. Тамплиерам требовалось предварительно получить разрешение начальства, чтобы есть, пить и посещать дома других религиозных общин, кроме госпитальеров. Рыцарь-тамплиер, оказавшийся в сражении отрезанным от своих братьев по оружию, обязывался «присоединиться к первому знамени, которое он увидит поблизости, *желательно* —

к знамени госпитальеров». В 1260 году, когда отряду храмовников было приказано покинуть Иерусалим, руководство ордена согласовало свои действия с госпитальерами; и те охотно к ним присоединились.

Гомосексуальные отношения между рыцарями, согласно Кодексу, оценивались как самый страшный проступок, преступление «против закона и Вседержителя», оно приравнивалось к вероотступничеству или дезертирству с поля боя, за это наказывали изгнанием из ордена. В статье 573 приводится пример с наказанием «трех братьев, которые ночью в замке Паломника, сподобившись тяжкому греху, ласкали друг друга». Их проступок показался великому магистру столь «злостным и предосудительным», что он даже не пожелал представить их на суд орденского капитула. Вместо этого «нарушителей режима» заковали в кандалы и отправили отбывать наказание в Акру. Один из них, по имени Лука, сумел по дороге улизнуть, переметнувшись к мусульманам; второй при попытке бегства погиб; а третий долгие годы провел в застенке.

Но чаще всего тамплиеров обвиняли в непомерной алчности. Орден Храма очень умело распоряжался богатствами, накопленными за многие годы в результате обильных благотворительных пожертвований, что вызывало постоянную зависть и возмущение тех, кто не представлял себе их огромных расходов — и не только в Святой земле, но во всех христианских государствах. Как и госпитальеры, храмовники являли собой многонациональное братство, финансируемое международными силами по борьбе с врагами христианства сразу на нескольких фронтах. Так, шесть рыцарей-тамплиеров погибли в сражении объединенного западноевропейского ополчения с татаро-монголами в битве под Легницем в 1241 году. Мощные позиции орден Храма сохранял в Португалии и Испании, хотя его реальное участие в Реконкисте было относительно небольшим: когда в 1229 году христианские войска атаковали Мальорку, отряд тамплиеров составлял лишь около четырех процентов от общей численности войска. В том же Арагоне считали, что главная миссия хра-

мовников — защита Святой земли, поэтому все новобранцы, лошади и до тридцати процентов всех доходов направлялись ими в Палестину.

Так же как современные благотворительные общества вкладывают средства в доходные проекты, тамплиеры направляли накопленные средства не только на войну с сарацинами, но и на расширение собственных владений на Востоке: когда Жану д'Ибелену понадобились деньги для борьбы с Фридрихом II, он продал часть своих земель тамплиерам и госпитальерам.

Самостоятельное распоряжение доходами вызвало критическое отношение к тамплиерам папы Григория IX. «Многие могут заключить, — писал он великому магистру, — что вы намереваетесь умножить свои земельные владения за счет единоверцев, в то время как для этого существуют земли, обильно политые кровью Спасителя и незаконно занятые неверными». Кроме того, тамплиеры подвергались нападкам за слишком мягкое обращение с мусульманами — они разрешали им занимать прежние жилища и молиться Аллаху в своих домах. По иронии судьбы, подобное обвинение прозвучало и в письме беспутного Фридриха II к графу Ричарду Корнуэльскому в 1245 году.

Не поскупился орден и на оборудование своей новой штаб-квартиры в городе Акра — ею в тот момент вместо смещенного Ричарда Филангьери, ставленника императора Фридриха, управлял специальный комитет. Городские кварталы представляли, по сути дела, автономные республики, окруженные крепостными стенами и башнями, а улицы, по словам арабского летописца ибн-Жубейра, «были переполнены таким множеством людей, что даже ступить было некуда. А в воздухе стояла страшная вонь, вызванная обилием пищевых отходов и экскрементов». Тамплиерская община, размещавшаяся в припортовой части города, обеспечивала главное направление городской обороны. По словам рыцаря-храмовника из Тира, «вход в Акру преграждала очень высокая и мощная крепость со стенами толщиной 28 футов [около 9 метров. — *Пер.*]. С каждой стороны имелось по небольшой

башне, увенчанной скульптурой льва с поднятой лапой — размером с упитанного быка и покрытого золотом. Все четыре льва — с материалом и работой — обошлись в полторы тысячи сарацинских безантов, но выглядели как в сказке. С другой стороны, напротив пизанского квартала, возвышалась еще одна башня. Поодаль, у женского монастыря Святой Анны, виднелась и другая цитадель — с колокольной и устремленной в небо часовней. А последняя башня стояла на самой кромке берега. Это было очень древнее сооружение, построенное почти сто лет назад по приказу самого Саладина. Именно там хранились сокровища тамплиеров. Башня находилась так близко от воды, что о ее подножие разбивались морские волны. У ордена имелось немало столь же прекрасных сооружений, о которых стоит упомянуть».

Однако большинство обвинений в адрес тамплиеров полностью опровергаются противоположными свидетельствами. Когда король Яков I Арагонский на втором Лионском соборе укорил храмовников за уклонение от участия в новом крестовом походе против мавров, его слова не нашли поддержки среди других членов испанской делегации. А знаменитый францисканский священник из Англии Роджер Бэкон, напротив, даже критиковал тамплиеров за излишнюю агрессивность, которая, по его мнению, мешала обращению мусульман в христианство. Более того, в то время как почти все католические ордена, за исключением картезианцев, обвиняли за расточительность и поведение, не соответствующее их священному предназначению, орден Храма менее других монашеских общин заслуживал подобную критику. Разумеется, в золоченых львах не было особой необходимости, и Гуго де Пейн вряд ли мог представить магистра рыцарей бедного братства Иисуса Христа живущим во дворце. Однако доля средств, потраченных орденом Храма на выполнение своих главных задач, намного превышала аналогичные расходы других религиозных орденов того времени и даже масштабы благотворительности в наши дни. Тем не менее Папская курия, хотя и журила время от времени храмовников и госпитальеров, не переставала гордиться делами рыцарских

орденов, постоянно отмечая их достижения в папских буллах и защищая их интересы с помощью всевозможных привилегий и льгот.

Кроме того, финансовые расходы военных орденов росли из-за непрерывного роста цен. Если на содержание одного бургундского рыцаря в 1180 году шел доход от 750 акров земли, то в середине XIII века на это требовались доходы уже от 4000 акров. Стоимость полного боевого оснащения конного рыцаря, а также сопровождавших его сержантов и оруженосцев можно сравнить со стоимостью современного тяжелого танка. К тому же, несмотря на регулярное пополнение тамплиерской казны, деньги у них долго не задерживались. Только в Заморье они полностью обеспечивали содержание гарнизонов 53 замков и крепостей — от грандиозного замка Паломника до скромных наблюдательных башен на традиционных маршрутах богомольцев; в Европе и на Востоке тамплиеры содержали около тысячи представительств — так называемых Домов, службу в которых несли около семи тысяч членов ордена и в десять раз больше привлеченных солдат и работников. Соотношение обслуживающего персонала и воинов обычно составляло 3:2. К середине XII века орден Храма уже имел собственный галерный флот — для перевозки лошадей, зерна, оружия, паломников и самих войск. От этого терпели убытки традиционные перевозчики, поэтому в 1234 году городские власти Марселя ограничили численность паломников, которых храмовникам разрешалось перевозить из их порта в течение года.

Несмотря на очевидную их причастность к финансовому, материально-техническому и военному аспектам различных вооруженных конфликтов, тамплиеры, как и раньше, главной своей задачей считали защиту Святой земли и освобождение Иерусалима. В предисловии к одному из первых переводов библейской Книги Судей с латыни, сделанному по инициативе тамплиеров, особо подчеркивалось, что следует учиться «настоящему рыцарству» и всегда помнить, «сколь высока честь служить Всевышнему, который всегда

вознаграждает за верность и любовь». А поскольку большинство самих рыцарей, а также сержантов и оруженосцев были неграмотны, эти слова предназначались не столько для их просвещения, сколько для укрепления морали и боевого духа. Книга Судей была выбрана не случайно. В то время как Книга Иисуса Навина рассказывает о завоевании евреями Земли обетованной в результате ряда кровопролитных военных кампаний, в Книге Судей те же события рассматриваются как более сложный и последовательный процесс, сопровождавшийся взлетами и падениями. В этом повествовании угадывается явная аналогия древнееврейской истории с приключениями, выпавшими на долю крестоносцев в Палестине. Авторы Ветхого Завета, противореча Заветам евангельского Христа, вполне одобряли ограбление своих врагов, считая его одним из естественных способов ведения войны, который не только допустим, но предписан Всевышним.

В 1239 году истек срок мирного соглашения, подписанного Фридрихом II и султаном аль-Камилем. Помня об этом, папа Григорий X провозгласил новый крестовый поход. Хотя короли Франции и Англии на словах поддержали эту идею, но никто из них не принял креста. Снова, как во времена 1-го Крестового похода, во главе была титулованная знать, а не представители королевских домов. Войском командовал Тибо, граф Шампанский. Он приходился двоюродным братом сразу трем монархам — Англии, Франции и Кипра — и рассматривал эту экспедицию как высшее проявление рыцарской чести и отваги. «Настоящий слепец тот, — говорил он, — кто хотя бы однажды не пересек моря, чтобы поддержать нашего Христа».

Осуществлению планов новых крестоносцев вовсе не способствовала запутанная политическая обстановка в Заморье — отовсюду они получали весьма противоречивые советы и призывы. Аюбиды воевали между собой, а дамаский султан Измаил предложил франкам заключить договор против своего племянника и сына аль-Камиля — Аюба, занявшего каирский трон. В обмен на защиту латинянами погра-

ничных рубежей в Синайской пустыне он соглашался передать им важные укрепленные пункты — Бофор и Сафет. До битвы при Хыттине Сафет принадлежал тамплиерам, которые стремились вернуть себе эту крепость.

Так была заключена сделка, в результате которой владения латинян в Палестине стали самыми большими со времен Хыттина. Однако особенно привлекательными для обеих сторон являлись прибрежные города и районы. Фанатичные подданные дамасского султана яро враждовали со своими единоверцами из Египта, а в лагере христиан эта вражда вылилась в обострение конфликта между тамплиерами и госпитальерами, которые до того момента держали единый фронт против ставленников Фридриха II. Проигнорировав договор с Дамаском, госпитальеры заключили союз с каирским султаном Аюбом.

В такую запутанную и взрывоопасную ситуацию попал только что прибывший в Святую землю Ричард, граф Корнуэльский, — племянник Ричарда Львиное Сердце, брат короля Генриха III и шурин императора Фридриха II. Ему был всего 31 год, но он уже завоевал репутацию отважного и дальновидного правителя. Он прибыл на Ближний Восток с солидными запасами вооружений и провианта, а также с полномочиями от германского императора, который после смерти несчастной королевы Иоланты женился на английской принцессе Изабелле.

Ричард, заставший Иерусалим в состоянии политического хаоса, со свойственными ему упорством и энергией сумел добиться соглашений и с Дамаском, и с Каиром. В результате достигнутых договоренностей из египетских тюрем были освобождены все христианские узники и подтверждены права латинян на недавно утраченные ими земли. Но не успел Ричард отплыть в Англию, как все соглашения были разорваны. Великий магистр храмовников Арман Перигорский, проигнорировав договоренность с египтянами, в 1242 году напал на город Хеврон, который оставался под властью каирского султана. Легко преодолев слабый отпор мусульман, тамплиеры захватили и Наблус, где сожгли все мечети и уничтожили практически все население, включая местных христиан.

Примерно в то же время императорский балый Ричард Филангьери при поддержке госпитальеров попытался восстановить власть Фридриха II над Акрой. Неудавшийся переворот закончился шестимесячной осадой владений госпитальеров армией латинских баронов во главе с Бальяном д'Ибеленом, к которым охотно присоединились тамплиеры. Этот открытый конфликт между двумя рыцарскими орденами вызвал возмущение европейской общественности, которая основную вину возлагала на орден Храма и держала сторону германского императора. Так, настоятель Сан-Альбанского монастыря Матвей Парижский обвинял храмовников в том, что, перекрыв доставку продовольствия во владения госпитальеров, они обрекли своих братьев-христиан на голодную смерть. Кроме того, тамплиеры изгнали из замков и поместий многих тевтонских рыцарей, на что аббат с горечью заметил: «Те, кто призван использовать доставшиеся им богатства для неустанной борьбы с сарацинами, злонамеренно обратили насилие и злобу против христиан, своих братьев, и тем самым навлекли на себя тяжкий гнев Всевышнего».

Нет сомнений, что в правление Армана Перигорского орден Храма состоял в антиимперской коалиции, поддерживая Алису, королеву Кипрскую. Одновременно она являлась регентшей королевства Иерусалимского при юном Конраде — сыне Фридриха II от первого брака, — признавая правомерным непризнание его в качестве короля из-за нежелания Конрада посетить Святую землю и короноваться. И в этом храмовники были вовсе не одиноки — такой же позиции придерживались венецианцы и генуэзцы, которые в 1243 году вместе с местными франкскими баронами изгнали императорского ставленника Филангьери из Тира. Однако подобные действия тамплиеров не обязательно были вызваны враждой, мстью или собственными корыстными интересами. В письме Роберту Сэндфорду, написанном в 1243 году, Арман Перигорский разъясняет основные причины своих политических пристрастий. Посланники, направленные тамплиерами для переговоров в Каир, фактически удерживались египтянами в плену. Египтянам нельзя было доверять, они просто выгадывали время. А союз с Дамас-

ком не только обеспечивал латинянам возвращение ряда важных укрепленных пунктов и значительных территорий, но и удаление из Иерусалима оставшихся там мусульман.

Дабы укрепить союз с Дамаском, в Акру был приглашен с визитом эмир Хомса принц аль-Мансур Ибрагим, которого весьма уважительно приняли в главной резиденции ордена Храма. Однако радоваться было преждевременно. Чтобы противостоять выступившим против него объединенным силам, египетский султан Аюб обратился за помощью к хорезмийским туркам, торгашам и кочевникам, занимавшим земли неподалеку от Эдессы. В июне 1244 года десяти тысячная хорезмийская кавалерия ворвалась на дамасскую территорию и, обойдя сам Дамаск стороной, двинулась в Галилею, захватив для начала Тиверию. Уже 11 июля отряд хорезмийцев стоял под стенами Иерусалима. Некоторое время город оборонялся, но 23 августа — по приказу трусливого эмира Керакского Муслима — гарнизон и все жители-христиане тайно покинули Иерусалим, направившись в Яффу. В силу трагических обстоятельств — им, например, показалось, что на стенах города развеваются франкские флаги, — христиане вновь вернулись в Святой град. Они пришли туда одновременно с туркменами, которые почти полностью перебили их — живыми до Яффы добрались лишь около трехсот беженцев.

Хорезмийцы подвергли город тотальному разграблению, выбросили из могил даже бранные останки Готфрида Бульонского и других иерусалимских королей, похороненных в церкви Гроба Господня, убили немногих оставшихся там священников и предали церковь огню. Покинув разоренный город, свирепые туркмены направились к средиземноморскому побережью и соединились в Газе с отрядом египетских мамлюков под командованием Рухадина Бейбарса.

17 октября 1244 года на песчаной равнине неподалеку от деревни Гербия, известной франкам как Ла-Форби, этот египетский корпус столкнулся с объединенной армией Дамаска и Акры. Дамасские войска, включая бедуинскую кавалерию под командованием ан-Насира, возглавлял принц Хомсский аль-Мансур Ибрагим. Христианское ополчение было самым

мощным с трагических времен Хыттина: шестьсот рыцарей-мирян во главе с Вальтером де Бриенном и Филиппом де Монфором, столько же тамплиеров и госпитальеров, ведомые Великими магистрами Арманом Перигорским и Гильомом Шатоне. Здесь же был небольшой отряд тевтонских рыцарей и христианские ополченцы из Антиохии.

Как и перед битвой при Хыттине, между союзниками возникли споры относительно того, атаковать самим или же занять оборону: аль-Мансур Ибрагим склонялся к последнему варианту, но победила точка зрения Вальтера де Бриенна, который предлагал активные действия. Армия союзников заметно превосходила по численности войска египтян, однако отряд мамлюков отбил фронтальную атаку, а в это время туркменская кавалерия решительно атаковала с фланга. Дамасские войска, которыми командовал эмир Керака ан-Назир, обратились в паническое бегство. Не прошло и нескольких часов, как армия латинян была разгромлена: на поле боя осталось не менее 5 тысяч погибших, а 800 человек попали в египетский плен, и среди них Великий магистр тамплиеров Арман Перигорский. Общие потери тамплиеров составили от 260 до 300 рыцарей. Всего в живых остались 33 храмовника, 26 госпитальеров и 3 тевтона.

13. Людовик IX Французский

Кто теперь мог спасти Святую землю? Непримируемое противостояние в Европе между Папской курией и императором Фридрихом II лишило последнего какой-либо возможности снова возглавить освободительное христианское ополчение. Фридрих понимал, что его враги в Палестине, особенно тамплиеры, ценой собственной гибели разрушили перемирие с египетскими Аюбидами.

Единственным европейским монархом, который мог возглавить новый крестовый поход, оказался французский король Людовик IX. По воле providения или просто по совпадению,

но именно в год катастрофического разгрома латинян под Ла-Форби Людовик заболел малярией и, находясь на волосок от смерти, поклялся в случае выздоровления принять крест.

Являясь сыном властной Бланки Кастильской и мужем Маргариты Прованской — обе происходили из родов, издавна боровшихся с мусульманами, — Людовик унаследовал французский трон еще ребенком и сумел удержать его благодаря энергичному регентству матери. В пятнадцатилетнем возрасте он уже командовал армией в очередной военной кампании против английского короля Генриха III. Приятной внешности, с хорошим чувством юмора, легко возбудимый и зачастую несдержанный, Людовик в отличие от Фридриха II был очень набожен и не испытывал никаких сомнений в истинности католической веры. Еще в начале своего правления он подписал Парижский эдикт, по которому провинция Лангедок входила в состав Франции, и это положило конец распространению катарской ереси. Он нисколько не сомневался в правомерности применения силы для защиты христианства и как настоящий рыцарь часто говаривал своему давнему другу Жану де Жуанвилью, что «всякий раз, как он слышит о принижении христианской веры, его рука невольно тянется к мечу и ему хочется пронзить негодяя насквозь». И даже если Людовик пользовался не столь жесткими выражениями, это высказывание разительно отличается от циничного скептицизма императора Фридриха II.

В отличие от того же Фридриха французский монарх был счастлив в браке. Его привязанность к супруге Маргарите Прованской даже вызывала ревность у матери: когда они поженились, то жили в отдельных комнатах, встречаясь только на лестнице, где о приближении матери-королевы их предупреждали верные слуги. Однажды во время крестового похода Жуанвиль упрекнул короля, что тот смиренно ожидал окончания мессы, вместо того чтобы поспешить навстречу Маргарите и новорожденному младенцу. Однако этот эпизод скорее говорит о его набожности, а не о равнодушии к супруге. За всю совместную жизнь между ними не было и тени отчуждения. Маргарита родила королю одиннадцать детей.

Людовик испытывал трепетный интерес к церковным реликвиям. Выкупив терновый венец Христа у Балдуина, латинского императора Византии, он пронес его босиком по улицам Парижа до великолепной часовни, построенной специально для хранения этой святыни на острове Ситэ. Он также сделал множество щедрых пожертвований, в том числе на строительство Раймонского аббатства, но никогда не поддавался запугиваниям со стороны церковных иерархов и выступал посредником в конфликте между императором и папой. Стремление Людовика к справедливости и правосудию, как и его искреннее внимание к нуждам бедняков снижали ему репутацию святого, но особенно эту славу укрепил принятый им крест, «поскольку крестовый поход являлся высшим выражением рыцарской идеи среди западной аристократии».

И коль обет был дан, Людовик стал готовиться к крестовому походу с тем же упорством и целеустремленностью, которые обычно проявлял при подавлении выступлений строптивых вассалов и реорганизации системы правления французского королевства. Первая его задача — добыть средства для организации дорогостоящей заморской экспедиции. Для этого он ввел новый налог в размере 1/12 от всех церковных доходов и обязал все французские города выплатить дополнительные субсидии. Поскольку порт в Марселе в тот момент находился под властью германского императора, Людовик построил новый портовый причал в Эгморте. Именно оттуда он и отправился в Святую землю 25 августа 1248 года. Без особой охоты, но все-таки за ним последовали его братья и многие вассалы. Вместе с королем отправилась и Маргарита с детьми, в результате Франция осталась под рукой королевы Бланки Кастильской.

Уже за пределами Франции к отряду Людовика присоединились и другие знатные рыцари, в том числе Жан де Жуанвиль, сенешаль провинции Шампань. Местом сбора всего ополчения был выбран остров Кипр, где по заранее намеченному плану уже были размещены провиант и вооружение для 25-тысячной армии Людовика IX; среди них были

5000 арбалетчиков и 2500 рыцарей. Остановившись на зимовку, в январе 1249 года король направил двух монахов-доминиканцев с посланием к монгольскому хану, надеясь, что эта мощная азиатская сила — по слухам, она благоволила христианам — поможет ему в борьбе с исламом.

Придерживаясь тех же взглядов, что и ранее кардинал Пелагий, — дескать, обезопасить Святую землю можно, лишь подчинив себе Египет, — и особо не задумываясь о причинах неудач предыдущих крестовых походов, в конце мая Людовик с армией отплыл из Кипра, направляясь в дельту Нила. На рассвете 5 июня флот латинян бросил якорь напротив Дамьетты. Мусульманское войско под командованием Фахруддина, приятеля Фридриха II, уже ожидало их на берегу. «Это было завораживающее зрелище, — вспоминает Жуанвиль. — Золоченые доспехи султана горели в лучах восходящего солнца. В ушах стоял мощный грохот боевых барабанов и заунывный стон сарацинских труб». Не менее красочно выглядело и франкское войско: «Галера графа Яффского сверху донизу, как чешуей, была покрыта яркими щитами с его родовым гербом... Гребцов на галере было не менее трех сотен, и рядом с каждым из них был укреплен небольшой щит с графскими регалиями, а к щиту был дополнительно приделан флажок с тем же гербом, но уже позолоченным».

Несмотря на совет дожидаться отставшей части флота, разбросанного по морю штормом, Людовик приказал начать высадку, и как только на берегу вспыхнула *орифламма* (ярко-красное французское боевое знамя с изображением языков пламени), король повел своих воинов на сарацин. Те, не в силах противостоять решительному натиску франкских рыцарей, попытались укрыться за стенами Дамьетты, но вскоре покинули город, предав его огню. Была одержана стремительная и легкая победа, и французский король вполне мог быть удовлетворен. Однако, помня о печальной судьбе 5-го Крестового похода под командованием кардинала Пелагия, он не стал преследовать египтян, отступавших вдоль нильского берега. Он сделал Дамьетту временной столицей всего Заморья, поручив доставить туда из Акры королеву Марга-

риту, и стал ожидать подкрепления из Франции во главе с принцем Альфонсом, графом Пуатье, а также падения воды в Ниле.

Наконец 20 ноября Людовик решил двинуться в глубь Египта. Отвергнув совет местных баронов держать путь в сторону Александрии, он по рекомендации своего брата графа Робера де Артуа двинулся на юг, по восточному берегу Нила — в направлении Мансуры. В авангарде его армии находился отряд тамплиеров, возглавляемый Великим магистром Гильомом де Соннаком — его избрали на этот пост через три года после смерти Армана Перигорского в каирской темнице. Вместе с ними следовали Робер д'Артуа и корпус англичан под началом графа Солсбери. Воспользовавшись бродом, который указал перебежчик-бедуин, они перешли на другой берег и, нарушив повеление короля Людовика дожидаться остальной части армии, атаковали лагерь сарацин как раз в тот момент, когда их командующий Фахруддин принимал ванну. Не успев облачиться в золоченые доспехи, он бросился прямо в гущу сражения и погиб от рук рыцарей-храмовников.

Робер д'Артуа решил преследовать бегущих сарацин до самой Мансуры. Великий магистр Гильом де Соннак попытался остановить его. Он и без того был крайне раздражен намерением принца оттеснить тамплиеров от командования авангардом. В оценке дальнейших событий мнения летописцев расходятся. Жан де Жуанвиль, оставшийся с главными частями крестоносцев на другом берегу, позднее писал, что Гильом де Соннак действительно пытался уговорить Робера д'Артуа пустить вперед рыцарей-тамплиеров, но в пылу боя тот просто не расслышал его слов. По мнению же Матвея Парижского, Робер д'Артуа отлично все понял, но ответил в крайне оскорбительной форме, повторив измышление Фридриха II относительно того, что тамплиеры просто не заинтересованы в окончательной победе, поскольку война приносит их ордену огромные прибыли. Когда же граф Солсбери заметил, что у Великого магистра больше опыта в борьбе с мусульманами, Робер д'Артуа обозвал его трусом и, пришпорив скакуна, повел в атаку своих французских рыцарей.

Поставленные перед выбором, тамплиеры и англичане двинулись за Робером д'Артуа и преследовали сарацин, бежавших в сторону Мансуры. Но их отступление было не столь безоглядным, как могло показаться. После гибели Фахруддина командование принял на себя опытный офицер мамлюкской гвардии Рухаддин Бейбарс Бундукдари. Поначалу не оказывая франкским рыцарям активного сопротивления, он дождался момента, когда те ворвались в город, и отдал приказ солдатам, укрывшимся на боковых улицах, атаковать крестоносцев. Лишенные возможности маневрировать на узких городских улочках, к тому же перегороженных бревнами, рыцари оказались в ловушке и были уничтожены. Погибло более 300 рыцарей, в том числе граф Солсбери и принц д'Артуа. Тамплиеры потеряли убитыми 280 человек; в живых остались только двое, включая самого Гильома де Соннака, который еще ранее был вынужден покинуть рукопашную схватку, лишившись глаза.

Этот трагический для крестоносцев эпизод, вызванный некомпетентностью и излишней горячностью Робера д'Артуа, predetermined дальнейший ход событий. Как только основные силы латинян пересекли один из притоков Нила, на них обрушились мусульмане. Уже раненный, Жуанвиль заметил короля Людовика, сражавшегося в первых рядах своего войска, — настоящий образец рыцарского мужества и чести. «Мне никогда не доводилось видеть более прекрасного и отважного рыцаря! Подобно башне, он возвышался над своими солдатами; его позолоченный шлем пылал на солнце, а в руке сверкал надежный меч немецкой стали». По истечении целого дня кровавой сечи египетские войска отступили в Мансуру. Когда командующий госпитальеров сообщил Людовику, что «его брат теперь в раю... из глаз его показались крупные слезы».

Той же ночью египтяне совершили вооруженную вылазку, но снова были отброшены в Мансуру. Во время их новой атаки, предпринятой 11 февраля, Гильом де Соннак, возглавлявший маленькую группу оставшихся тамплиеров, лишился и второго глаза и вскоре умер. Армия Людовика с трудом отбивала

атаки мусульман, но все-таки устояла, и египтяне в очередной раз укрылись за стенами крепости. К этому моменту стало ясно, что города латинянам взять не удастся, но и у мусульман сил для победы над крестоносцами оказалось недостаточно. Свои надежды Людовик теперь связывал с дворцовыми интригами при каирском дворе, вызванными смертью султана Аюба и его полководца Фахруддина. Целых восемь недель король терпеливо ждал под стенами Мансуры, однако распри по поводу наследования каирского трона быстро прекратились благодаря решительным действиям овдовевшей султанши и уже в конце февраля власть в Египте перешла к сыну Аюба — Тураншаху, вернувшемуся из Сирии.

Переправив, используя верблюдов, легкие суда на берег Нила и спустив их на воду ниже по течению, мусульмане перерезали пути сообщения крестоносцев с Дамиеттой, лишив их поставок провизии и питьевой воды. В лагере латинян свирепствовали болезни. Сам Людовик страдал от хронической дизентерии: приближенный к нему Жуанвиль рассказывает, что, «поскольку ему приходилось непрерывно посещать туалет, он приказал отрезать заднюю часть кальсон». Король решил отступить в Дамиетту и, несмотря на жестокую болезнь, отказался покинуть своих воинов и воспользоваться галерой. Неотступно преследуемый египтянами, Людовик в конце концов оказался в плену и был принужден капитулировать. Жуанвиля от смерти спасло лишь то, что его жена приходилась двоюродной сестрой императору Фридриху II. Более-менее знатные пленники были отпущены за выкуп, а остальные казнены. Королева Маргарита сумела отговорить гарнизон Дамиетты — он состоял из генуэзцев и венецианцев — от капитуляции, поскольку город был весьма ценным козырем в переговорах с египтянами. Вместе с выкупом в миллион безантов, или полмиллиона ливров, это дало возможность освободить короля Людовика и оставшихся в живых крестоносцев.

Операция с выкупом показала как добросовестность, так и черствость тамплиеров. При сборе оговоренной суммы выяснилось, что в королевской казне не хватает

тридцати тысяч ливров, а ведь от них зависела судьба брата Людовика, графа Пуатье. Жан де Жуанвиль предложил одолжить эти деньги у храмовников и от имени короля обратился к командору ордена Этьену д'Отрикуру. Однако тот решительно отказался выполнить его просьбу на том основании, что дал присягу не выдавать деньги никому, кроме тех, кто передал их на хранение.

Этот отказ стал причиной жестокой ссоры Жуанвиля с д'Отрикуром. Но маршал ордена Рено де Вишье придумал выход из положения. Действительно, тамплиеры не имели права нарушать клятву, но король Людовик вполне мог забрать эти деньги силой — тем более что казна храмовников размещалась в Акре, — а после возвращения возместить убытки. И Жуанвиль отправился на галеру тамплиеров, вскрыл топором сундук с деньгами и привез королю недостающую сумму.

Вместе с вызволенным из темницы братом и свитой Людовик направился на корабле в Акру. Здесь он обнаружил послание от матери, Бланки Кастильской, убеждавшей его вернуться во Францию. К ее совету присоединились братья короля и другие приближенные, но король никак не мог смириться с поражением французской армии на берегах Нила. Все силы христианского Заморья были серьезно подорваны этим поражением, поэтому Людовик не торопился покидать Святую землю и оставлять ее в таком бедственном положении, а вместе с ней и пленных франкских воинов, заключенных в египетские тюрьмы. Благословив возвращение на родину своих братьев и вассалов, сам он остался в Акре с женой и детьми. Формально королем Иерусалимским оставался Конрад, сын Фридриха II и королевы Иоланты, однако фактическим правителем был признан Людовик, который теперь стремился дипломатическим путем добиться того, чего не удалось сделать силой.

Тем временем власть в Каире захватили офицеры мамлюков, элитной гвардии, набираемой из рабов. Захваченные в плен еще малолетними детьми — главным образом они

происходили из кипчаков, аланов, половцев и других кочевых племен южнорусских степей, — они были проданы в рабство египетским Аюбидам, которые воспитали из них бесстрашных, жестоких и умелых воинов, лишенных каких-либо связей не только с бывшими соплеменниками, но и с любыми сословиями или общественно-политическими силами. По словам арабского летописца ибн-Вазила, это были своего рода «исламские тамплиеры», которые занимали доминирующее положение при дворе Аюбидов, но их положение оказалось под угрозой после прихода к власти сына Аюба — Тураншаха. В самый разгар переговоров с королем Людовиком мамлюки убили Тураншаха, тем самым положив конец правлению в Египте наследников Саладина. Однако Аюбиды остались у власти в Сирии, и, узнав о мамлюкском перевороте в Каире, внук Саладина ан-Назир Юсуф, султан Алеппо, занял Дамаск и направил своих послов к королю Людовику — за помощью.

Людовик решил воспользоваться ситуацией и заставить мамлюков принять его условия, передав их султану через Жана Валансьенского. Втайне от короля тамплиеры предприняли самостоятельные дипломатические ходы. Вместо Гильома де Соннака они избрали Великим магистром бывшего маршала ордена Рено де Вишье. Кандидатура Рено вполне устраивала Людовика, поскольку ранее тот был магистром храмовников во Франции. Во время подготовки к походу именно Рено занимался организацией транспорта из Марселя, он же являлся маршалом крестоносцев на Кипре, был соратником короля в ходе боевых действий на Ниле и крестным отцом еще одного королевского наследника, графа Алансона, рожденного Маргаритой в замке Паломника.

Однако назначение на высокий магистерский пост, по видимому, вскружило Рено голову и толкнуло на опрометчивые шаги. Не посоветовавшись с королем Людовиком, он направил маршала тамплиеров Гуго де Жуя в Дамаск — для переговоров с султаном по поводу спорных земель. Заключение соглашения, Гуго вернулся с дамасским советником в Акру, дабы ратифицировать договор. Узнав о политических

интригах у себя за спиной, французский король пришел в ярость и не только настоял на отмене соглашения, но и потребовал, чтобы великий магистр и все его рыцари покаялись перед крестоносцами, пройдя босиком через лагерь латинян и коленопреклоненно умоляя короля о прощении. Козлом отпущения стал все тот же Гуго де Жуй, изгнанный из королевства Иерусалимского, — этот приговор не был отменен даже после заступничества великого магистра и королевы. Вне всякого сомнения, таким образом король стремился не столько утвердить свой авторитет среди латинян, сколько произвести впечатление на мамлюков. И это ему удалось — в марте 1253 года все христиане были освобождены из египетских тюрем.

В регионе имелись еще две мощные силы, с которыми Людовик вел переговоры. Первая из них — Старец Горы, вождь ассасинов. Сразу после возвращения Людовика из Дамьетты он направил к нему послов с требованием контрибуции, или «денег за сохранение жизни», которые ранее ему выплачивали император Фридрих, венгерский король и каирский султан. При этом эмир согласился уменьшить общую сумму выплаты на величину, причитающуюся тамплиерам и госпитальерам. Как отмечает Жуанвиль, описавший ход этих переговоров, ассасины считали, что нет смысла убивать великих магистров, поскольку их места тут же займут «равно достойные и отважные мужи».

Великие магистры, приглашенные на эти переговоры и крайне раздраженные наглостью ассасинов, отправили послов к Старцу Горы с предложением поискать другой, более уважительный подход к королю. И через две недели те же гонцы вернулись в Акру с богатыми дарами. Людовик ответил не менее щедрыми дарами и направил к нему говорящего по-арабски брата Ива Лебретона с миссией проповедовать христианскую веру среди сарацин.

Еще одна делегация прибыла от монголов, которые в течение последующих двадцати лет смогли победить ассасинов и даже захватить в 1256 году считавшуюся неприступной их

крепость Альмут. Послы прибыли в Акру с доминиканскими монахами, которых в свое время французский король отправил к монголам с предложением объединиться в борьбе с исламом. Монгольский хан потребовал, чтобы Людовик стал его вассалом и «выплачивал ежегодную контрибуцию для сохранения обещанной дружбы. Если же он откажется, то будет уничтожен...» Король, рассчитывавший совсем на другой ответ, по словам Жуанвила, «горько сожалел, что обратился за помощью к великому татарскому хану».

Поражение армии короля Людовика в дельте Нила положило конец попыткам латинян возвратить Иерусалим, используя вооруженную силу. Теперь им следовало извлечь максимум выгоды из исламских междоусобиц, дабы удержать оставшиеся в их руках земли. Поэтому Людовик распорядился укрепить прибрежные города — Акру, Кесарию, Яффу и Сидон, — гарнизоны которых были усилены французскими войсками.

Все отдаленные от берега крепости, содержать которые теперь заморским баронам было не по карману, перешли во владение рыцарских орденов: тевтонам отошел замок Монфор, госпитальерам — Бельвуар, тамплиерам — Шато-Блан (Белый Замок) и Сафет. В 1240-х годах Сафет был за огромные деньги перестроен и превратился в самую мощную цитадель в Иерусалимском королевстве, которое контролировало провинцию Галилея и дорогу между Дамаском и Акрой. В мирное время гарнизон крепости насчитывал 1700 человек, но во время военных действий увеличивался еще на 500 воинов. Сюда входили 50 рыцарей-тамплиеров, 30 сержантов, 50 туркополов и 300 арбалетчиков. На их содержание в год требовался миллион сто тысяч сарацинских безантов, а обслуживали воинов 400 рабов. Каждый год в город пригоняли до 12 тысяч мулов с запасами зерна и другого продовольствия; при этом часть провианта поставлялась из европейских прецепторий ордена Храма.

Завершив укрепление Сидона, король Людовик решил вернуться во Францию. Тамошняя ситуация требовала его

присутствия в королевстве; патриарх Иерусалимский и местные бароны уверили его, что он сделал все возможное и теперь может с чистой совестью возвращаться на родину. И 24 апреля 1254 года Людовик отправился из Акры на корабле тамплиеров. Он исполнил данный им обет, постоянно рискуя жизнью, не раз пребывая на краю гибели, и оставался четыре долгих года в Святой земле после того, как все его братья и бароны отправились в Европу. За это время он потратил огромные деньги, порядка миллиона трехсот тысяч турецких ливров, что превышало суммарный доход французского королевства за 11—12 лет. Благодаря его усилиям в Заморье воцарился мир, но в целом положение христиан в Святой земле оставалось непрочным, а Иерусалим по-прежнему находился в руках неверных.

Наместником короля Людовика в Акре был назначен Жоффруа де Саржин. Однако после смерти императора Фридриха II (1250 г.), а затем его сына Конрада (1254 г.) иерусалимский трон должен был перейти не к Людовику, а к сыну Конрада — Конрадину. И хотя в Акре оставался французский гарнизон под командованием Жоффруа, его приказам не подчинялись соперничавшие с французами итальянцы из приморских республик — Венеции, Генуи и Пизы. Спор, разгоревшийся между венецианцами и генуэзцами в начале 1256 года по поводу монастыря Святого Себастьяна в Акре, привел к вооруженному конфликту. Тамплиеры и тевтоны поддержали венецианцев, а госпитальеры — генуэзцев. В том же году скончался Великий магистр храмовников Рено де Вишье, которого сменил Тома Берар.

В 1258 году монгольские войска заняли Багдад, убив халифа и вырезав большинство жителей. Приближение этой азиатской орды вызвало панику среди латинян в Сирии и Палестине. Понимая вред и неуместность внутренних распрей, особенно в такой момент, Тома Берар заключил пакт о перемирии с Великим магистром ордена госпитальеров Гуго де Равелем и его тевтонским коллегой Анноном фон Зангерхаузенном. Под натиском монголов в январе 1260 года пал

город Алеппо, а в марте наступил черед Дамаска. Тома Берар обратился за помощью к руководству ордена Храма в Европе, описав ужасное опустошение, которое несут с собой дикие азиатские полчища. Важность и срочность этих посланий была столь велика, что тамплиерский курьер брат Амадей добрался до Лондона всего за тринадцать недель, а от Дувра (порт на юге Англии) доскакал до английской столицы всего за сутки. Магистр поведал, что монгольские варвары используют христианских пленников, в том числе женщин, в качестве живого щита для прикрытия своих войск. И если помощь не присплет вовремя, «то весь мир ждет полное и страшное уничтожение».

Окончательные намерения монголов в отношении христиан оставались неясными. Так, в Багдаде, где уничтожили всех мусульман, христиан все же пощадили. Египетские мамлюки, спешно готовившиеся к отпору монголо-татарским захватчикам, запросили у франков военной помощи и разрешения для прохода своих войск по их территории. Согласие на проход было получено от сенешаля королевства Иерусалимского, а вот в реальной помощи, по настоянию Великого магистра тевтонцев, было отказано. Пройдя быстрым маршем через Палестину, 3 сентября 1260 года армия мамлюков под командованием Кутуза разбила монгольский корпус хана Китбоги вблизи деревни Айн-Джалут, что к югу от Назарета. Китбога в этом сражении был убит, а месяц спустя от руки Бейбарса погиб и его удачливый соперник, султан Кутуз.

Ал-Малик аз-Захир Рухаддин Бейбарс происходил из кипчакских турок, живших на северном побережье Черного моря. Еще ребенком монголы продали его в рабство каирскому султану. Поначалу он был рядовым воином отряда телохранителей султана на одном из нильских островов, но сумел дорасти до командирской должности и стал одним из самых способных офицеров египетской армии. Именно Бейбарс командовал кавалерией в битве с крестоносцами при Ла-Форби в 1244 году. Тот же Бейбарс заманил в ловушку и уничтожил в Мансуре отряд Робера д'Артуа, состоявший из французов, англичан и тамплиеров. Позднее он вместе с дру-

гими мамлюкскими офицерами убил последнего султана из рода Аюбидов и племянника Саладина — Тураншаха. И еще: именно Бейбарс командовал авангардом египетской армии в сражении с монголами у деревни Айн-Джалут.

Разозлившись на султана Кутуза, отказавшегося наградить его за отважные действия в бою под Алеппо, Бейбарс попросту зарезал хозяина и сам занял султанский трон. И тут же продемонстрировал свои способности правителя, начав, как опытный военный, с восстановления разрушенных монголами крепостей и обновления египетского флота. А немного времени спустя изгнал из своих владений ассасинов и, подобно мудрому Саладину, объединил под своей властью Сирию и Египет.

Поначалу заморские латиняне не вполне оценили значимость победы мамлюков у деревни Айн-Джалут для установления равновесия сил в регионе. В феврале 1261 года Жан д'Ибелен и маршал Иерусалимского королевства Жан Гибеллийский повели отряд из 900 рыцарей, 1500 туркополов и 3000 пехотинцев на усмирение кочевых туркменских племен, занимавшихся мародерством. Однако поход вышел неудачным: отряд латинян был разбит, и среди немногих, кому удалось спастись, оказался маршал тамплиеров Этьен де Сисси. Последующие переговоры с Бейбарсом об освобождении христиан из плена зашли в тупик, поскольку тамплиеры и госпитальеры отказались отпустить на волю свою часть пленников-мусульман.

Расценив подобное поведение как невероятную алчность, Бейбарс разграбил Назарет и устроил нападение на Акру. В бою с местным гарнизоном, оборонявшим город, он ранил сенешала Жоффруа де Сержина. Поскольку монголы по-прежнему угрожали ему с севера, Бейбарс пока не мог отважиться на осаду Акры, но и латиняне не сумели воспрепятствовать продвижению его войск из Египта в Палестину. О любой передислокации франкских сил мусульмане тут же узнавали благодаря голубиной почте. В начале 1265 года армия Бейбарса внезапно появилась под стенами Кесарии, которая недавно была укреплена по приказу Людовика IX. Город капи-

тулировал 27 февраля, а замок — неделей позже. Спустя несколько дней была захвачена и Хайфа; все, кто не успел покинуть город, были зарезаны сарацинами.

Следующей целью Бейбарса стал тамплиерский замок Паломника. Но в то время как сам город был довольно быстро взят и сожжен, замок оказался неприступен. Тогда Бейбарс повернул войска на крепость госпитальеров в Арсуфе. После того как стенобитные машины египтян сделали в стене замка пролом, а из 270 госпитальеров в живых осталось меньше трети, гарнизон принял условия капитуляции, которые гарантировали свободу всем уцелевшим в бою. Но коварный Бейбарс, нарушив эту договоренность, захватил этих рыцарей в плен.

В июне 1266 года Бейбарс осадил самый мощный замок тамплиеров в Сафете. Его массивные укрепления, совсем недавно отремонтированные и усиленные, легко выдержали первый натиск сарацин. Однако из-за больших размеров цитадели для ее защиты были привлечены сирийские христиане — и Бейбарс обещал сохранить им жизнь, если они сдадутся. Не рассчитывая на помощь со стороны и понимая, что солдаты-туркополы готовы дезертировать, командовавший гарнизоном тамплиер поручил вести переговоры о сдаче сирийскому сержанту по имени Леон Казеляр. Тот вернулся и сообщил, что Бейбарс разрешает осажденным беспрепятственно покинуть замок и перейти в Акру. Но на самом деле спасся только Казеляр. Как только египтяне овладели замком, они обезглавили всех тамплиеров, а женщин и детей продали в рабство на каирском невольничьем рынке.

Потеря Сафета в результате всего лишь шестнадцатидневной осады была воспринята франками Заморья как настоящая катастрофа и унижение ордена Храма. Занятую крепость Бейбарс использовал для полного контроля над Галилеей и дорогами к средиземноморским портам — Акре, Тиру и Сидону. Чтобы запугать латинян, он велел выставить головы убитых тамплиеров на стенах замка.

Следующей крепостью, которая пала после символического сопротивления, оказался Торон. Армия Бейбарса бес-

препятственно достигла средиземноморского побережья, уничтожая по пути всех христиан. Весной 1268 года всего за один день мамлюки захватили Яффу. Гарнизону было позволено перебраться в Акру, но сам город был разрушен, а жители-христиане уничтожены. Далее настал черед Бофора, недавно перешедшего под защиту тамплиеров: они продержались лишь десять дней и 18 апреля открыли ворота сарацинам.

В мае того же года Бейбарс подошел к Антиохии, которая, несмотря на некоторый упадок торговли, оставалась крупнейшим христианским городом в Заморье. Его правитель принц Боэмунд находился в тот момент в Триполи, а гарнизоном командовал назначенный им констебль Симон Мансель. Но высокие крепостные стены, которые так долго сдерживали натиск латинян во время 1-го Крестового похода, на этот раз оказались не такими уж крепкими. Уже 18 мая мамлюки ворвались в город через пробитую в стене брешь. Все церкви и часовни были сначала разграблены, а затем полностью уничтожены. В результате эта великая метрополия Римской империи, в свое время ставшая первой наградой крестоносцев, уже никогда не смогла преодолеть упадок, с каждым годом все больше разрушаясь, и, наконец, исчезла с карты мира.

После захвата египтянами Антиохии, а немногим ранее и Сиса, столицы киликийской Армении, перед мамлюками открылась дорога к замкам тамплиеров в Амманских горах. Гарнизон, охранявший замок Гастон (Баграз), зная о судьбе Антиохии, которая пала всего за несколько дней, заранее решил, что крепость удержать не удастся. Однако сдача столь важной цитадели, расположенной на пограничной территории, без разрешения Великого магистра означала серьезное нарушение орденового устава. Поэтому комендант замка принял решение сдерживать натиск мамлюков до последней возможности. Но в то время, когда командующий обедал, один из братьев, Ги де Белен, покинул крепость, прихватив ключи от крепостных ворот, и передал их Бейбарсу, заверив, что тамплиеры согласны сдать.

Комендант и другие рыцари были готовы проклясть капитулянта, а вот сержанты были настроены не столь решительно. Предвидя их дезертирство и понимая, что в таком случае Бейбарс будет осведомлен о слабостях их обороны, командующий приказал тайно покинуть Гастон. Он предугадал план великого магистра, который направил к осажденным гонца с приказом отступить в Лароше-Гулам, однако по прибытии в Акру рыцарей из Гастона обвинили в капитулянтстве. Но, учтя сложные обстоятельства, провинившихся не исключили из ордена, как полагалось в таких случаях, а лишь запретили в течение года носить белые рыцарские облачения с красными крестами; наказание могло быть и более мягким, если бы они успели уничтожить все оружие и продовольственные запасы до того, как покинули замок.

С горечью узнав о падении в 1267 году Сафета, король Людовик IX снова принял крест. Однако пятном на бескорыстных королевских помыслах стали амбиции его брата Карла, графа Анжуйского, который при поддержке папы римского стремился вырвать у Гогенштауфенов сицилийскую корону. В 1268 году юный внук Фридриха II Конрадин, пытавшийся сохранить власть над Сицилией, потерпел поражение в битве при Тальякоццо и был казнен. Карл, строивший честолюбивые планы стать правителем новой империи на востоке Средиземноморья, упорно подталкивал своего брата Людовика к тому, чтобы перед походом в Египет захватить Тунис. Как и в начале своей экспедиции по Нилу двадцатилетней давности, на первой стадии Людовик достиг определенных, хотя и незначительных, успехов — в частности, захватил Карфаген. Как и во время предыдущего крестового похода, король тяжело заболел и уже не поднялся с постели. Скончался он 25 августа 1270 года. Тело было перевезено во Францию, и всю дорогу — через Лион и аббатство Ключи — его сопровождали толпы соотечественников, пожелавших отдать дань уважения святому монарху. Людовик похоронен в аббатстве Сегюр парижского пригорода Сен-Дени, где теперь находится усыпальница династии Капетингов.

Сразу после смерти Людовика затеянный им крестовый поход расстроился, и Бейбарс, настороженно притаившийся в ожидании нападения французов, теперь мог почти безнаказанно продолжить ликвидацию опорных пунктов латинян на Ближнем Востоке. В феврале 1272 года, по совету великого магистра, капитулировали тамплиеры, защищавшие Шато-Блан, а гарнизону было разрешено эвакуироваться в Тортозу. В марте подошел черед замка Крак-де-Шевалье, неприступной крепости госпитальеров, которые, несмотря на яростное сопротивление, были вынуждены сдаться 8 апреля того же года. Другая их цитадель, Аккар, пала 1 мая после двухнедельной осады. После этого Бейбарс направился к Монфору, который удерживали тевтонские рыцари, и 12 июня — всего за неделю — овладел и этой крепостью, последним опорным пунктом франков на внутренних территориях.

Прибрежные города, остававшиеся в руках латинян, получили подкрепление: прибыли новые крестоносцы из Европы с Тибо Висконти — архиепископом из Льежа, который, будучи папским легатом в Лондоне, принял крест в соборе Святого Павла. Но главное — здесь появился английский принц Эдуард, племянник Ричарда Корнуэльского, сын и наследник короля Генриха III. Достигнув тридцатилетнего возраста, способный и энергичный Эдуард дал обет освободить Святую землю от неверных, на что получил благословение отца, который частенько и сам давал подобные обещания, но ни разу их не выполнил. Добравшись вначале до Туниса, где собирался присоединиться к Людовику IX, Эдуард застал короля уже при смерти. Тогда он направился в Сицилию, к своему дяде Карлу Анжуйскому, далее — на Кипр, а в мае 1271 года добрался до Акры, вскоре после падения крепости Крак-де-Шевалье.

Эдуарда поразило состояние дел в Заморье — и не только неспособность местных властей и вооруженных сил удержать в своих руках внутренние владения, но и то усердие, с которым итальянские портовые республики торговали со своими кровными врагами: венецианцы поставляли Бейбарсу металл

и строевой лес для создания осадных машин, а генуэзцы — рабов для пополнения отрядов мамлюков; при этом те и другие действовали с официального согласия властей Акры. Он также узнал, что кипрские рыцари отказывались воевать на стороне сирийских христиан, а монголы, к которым он когда-то отправил делегацию из трех послов, были не в силах оказать латинянам существенную помощь. Так и не сумев уговорить английских дворян присоединиться к крестовому походу, Эдуард был вынужден отправиться на Ближний Восток с отрядом численностью около тысячи человек — достаточным для небольших вылазок на мусульманские земли, но почти не менявшим общего соотношения сил.

Это понимал и Бейбарс, однако, по-прежнему чувствуя за спиной монгольскую угрозу, он еще не мог всеми силами обрушиться на христианские города Средиземноморья. Прибытие Эдуарда в мае 1271 года побудило султана предложить перемирие графу Триполитанскому Боэмунду, которое тот охотно принял. Год спустя такое же соглашение было заключено и с королевством Акры: согласно подписанному договору, целостность территории королевств гарантировалась сроком на десять лет и десять месяцев. Стоит отметить, что ни одна из сторон не рассматривала это соглашение как долгосрочное. Эдуард возвел в Акре еще один башенный бастион, поручив ее оборону рыцарям из вновь организованного ордена святого Эдуарда. После этого он отправился в Англию, намереваясь вернуться с более мощным войском, но умер его отец, и он взошел на королевский трон под именем Эдуарда I.

14. Падение Акры

За время его отсутствия в Европе удостоился «повышения» и товарищ Эдуарда по оружию Тибо Висконти, архиепископ Льежский. К нему в Акру прибыли из Европы два эмиссара из Рима с сообщением, что он избран новым па-

пой. После нескольких лет бесплодных дискуссий по приказу префекта города Витербо, где происходило заседание курии, католических кардиналов заперли в папском дворце, обязав принять окончательное решение. Для ускорения процесса с зала заседаний сняли крышу, предоставив высокое собрание воздействию небесных стихий, и отказали кардиналам в пище, пока они не изберут нового католического иерарха.

Взяв после избрания имя Григория X, новый понтифик возвратил папский трон в Рим, которому два его предшественника предпочитали более спокойный городок Витербо, и там торжественно принял папскую тиару 27 марта 1272 года. Душа его, однако, осталась в Палестине, и он сохранил живые воспоминания об Иерусалиме, упорно работая над его воскрешением. Искренняя преданность делу освобождения Святой земли стала основой всей его политики. Почти через месяц после избрания папа созвал генеральный церковный Совет в Лионе. Главным предметом обсуждения стал новый крестовый поход, и он просил собравшихся вносить свои предложения, помня при этом о неудачной экспедиции Людовика IX в Тунис двумя годами ранее.

Чтобы обеспечить успех предстоящего похода, Григорий X приложил немало усилий, дабы примирить враждующие стороны в Европе. Он также обратился к греческому императору в Константинополе Михаилу VIII Палеологу с предложением направить в Лион своих представителей, чтобы способствовать объединению двух братских церквей. В свете многочисленных неудач и поражений последних лет сама идея крестового похода уже не вызывала былого энтузиазма: пятый Великий магистр ордена доминиканцев Умбер Романский в письменном обращении «*De predictione sancta crucis*» («Предсказание Святого Креста») к братьям-христианам предупредил, что они должны подготовиться отвечать на грубую и враждебную критику своих оппонентов и что их проповеди будут восприниматься «насмешливо и с издевкой». В своем трактате Умбер перечислил доводы, которыми пользуются подобные критики, например, что призыв убивать ни-

как не согласуется с христианским учением: «На втором Лионском соборе немалую поддержку будут иметь поборники мирного обращения неверных в христианство». Даже среди тех, кто поддерживал новый крестовый поход, было распространено мнение, что это должно быть не общенародное мероприятие, как в начале 1-го Крестового похода, а, по выражению Жильбера Турнейского, специальная экспедиция профессиональных воинов.

На призыв Григория X откликнулся единственный европейский монарх — король Арагона Яков I; он прибыл на Лионский собор, который открылся 7 мая 1274 года. Для самого папы отсутствие короля Эдуарда I стало горьким разочарованием, поскольку тот благодаря своему высокому положению и опыту мог повлиять на решение участников Собора. В отсутствие Эдуарда I и французского монарха Филиппа III Григорий обратился за советом к Великим магистрам рыцарских орденов — госпитальеру Гуго де Равелю и храмовнику Гильому де Боже (он был избран на этот пост год назад, после смерти Тома Берара).

Много лет находясь в рядах тамплиеров, Гильом обладал большим опытом военных действий на Ближнем Востоке и управления орденом. В 1261 году во время очередного рейда по вражеской территории он попал в плен, но впоследствии был выкуплен; некоторое время Гильом управлял орденомскими владениями в графстве Триполи, а в момент избрания магистром представлял интересы ордена на Сицилии. Его возвышение во многом объяснялось близостью к французскому королевскому двору. Его дядя вместе с Людовиком IX участвовал в нильской экспедиции, а через бабушку по отцовской линии он имел родство с королевской династией Капетингов. Французские короли и раньше сильнее всех в Европе поддерживали дело освобождения Святой земли — как морально, так и материально, — постоянно оплачивая расходы на содержание рыцарского гарнизона и полка арбалетчиков в Акре. А теперь, благодаря победе Карла Анжуйского над своими противниками из дома Гогенштауфенов в битве при Тальякоццо, влияние французской короны распростра-

нилось на все Средиземноморье. В результате на Лионском соборе Гильом де Боже выступил против идеи арагонского короля Якова I, предложившего сначала направить авангард из 500 рыцарей и 2000 пехотинцев. Аргументируя свое несогласие, он заявил, что действия толпы недисциплинированных «энтузиастов» не дадут положительного результата. По мнению магистра тамплиеров, прежде всего в Святой земле необходимо создать постоянный, хорошо обученный и вооруженный гарнизон, который периодически следует усиливать и обновлять за счет профессиональных военных, а во-вторых, следует предпринять экономическую блокаду Египта с целью подорвать его экономику.

В качестве составляющей такой блокады Гильом де Боже предложил христианам Европы организовать жесткий контроль над морским сообщением на востоке Средиземноморья, чтобы не зависеть от прихотей итальянских торговых республик: Венеции, Генуи и Пизы, — поскольку «их интересы связаны лишь с торговой прибылью, которую они боятся потерять». А венецианцы вообще используют порт в Акре для продажи египтянам производимых в Европе и стратегически важных средств и материалов для вооружения. Следуя его совету, Лионский собор поручил великим магистрам храмовников и госпитальеров строительство военного флота.

У тамплиеров была и другая причина поддержать Карла Анжуйского: тот недавно приобрел права на иерусалимский трон, выкупив их у законного претендента Марии Иерусалимской за тысячу фунтов золотом одновременно и ежегодную пенсию в размере четырех тысяч турецких ливров. Естественно, что как тамплиеры, так и папа римский предпочитали иметь единого покровителя из королевского дома Франции, управлявшего и Сицилией, и Иерусалимским королевством, — это представлялось оптимальным вариантом для сохранения присутствия латинян в Святой земле. Но вместе с тем такая ситуация толкала орден на конфликт с местной знатью в Акре, которая в основном поддерживала притязания Гуго Кипрского. И когда в сентябре 1275 года

Гильом де Боже возвратился в Акру, то отказался признать власть короля Гуго — тот, вернувшись на Кипр, отправил папе возмущенное письмо, жалуясь на рыцарские ордена, сделавшие Святую землю практически неуправляемой.

Карл Анжуйский, заручившись поддержкой Григория X, направил в Акру своего бальи Роже де Сан-Сиверино. Тамошним дворянам не оставалось ничего другого, как признать власть нового управляющего, которую тот укреплял совместно с Гильомом де Боже. Обе попытки короля Гуго восстановить свои позиции с помощью экспедиционных корпусов, направленных в Тир (1279 г.) и в Бейрут (1284 г.), провалились — главным образом из-за тамплиеров. За это орден Храма поплатился потерей своих земельных владений и собственности на Кипре, что, в свою очередь, вызвало резкие протесты папы римского.

Еще более неосторожно Гильом де Боже повел себя при разрешении давнего конфликта между графом Триполи, Бозмундом VII, и его крупнейшим вассалом из-за руки наследницы территорий; в результате тамплиеры оказались втянуты в небольшую гражданскую войну между латинянами. Подобные междоусобицы в то самое время, когда все Заморье переживало далеко не лучшие времена, вызвали настоящий скандал в Европе, подорвав авторитет великого магистра и создав ему славу не заслуживающего доверия фанатика. В дальнейшем это нашло отражение не только в его личных характеристиках, но и в оценке последних лет, проведенных им в Палестине, сказалось и на ордене Храма в целом.

В конце марта 1282 года — из-за начавшегося мятежа сицилийцев, выступивших против Карла Анжуйского, — дала трещину и главная политика Гильома де Боже. Беспорядки начались с шумной стычки вблизи кафедрального собора в Палермо во время вечерней церковной службы, что спровоцировало нападение на французский гарнизон. Отличавшийся крайним высокомерием и жестокостью, принц Карл к тому же не обладал рассудительностью и мудростью, свойственными его брату Людовику IX Свято-

му. Из-за деспотичной манеры правления его отношения с сицилийцами заметно обострились, особенно после перенесения столицы в Неаполь, за которым последовал быстрый экономический упадок Палермо. Подстрекаемые претендентом на сицилийский трон Педро III Арагонским, жители Палермо на атаку французских солдат ответили массовой резней мирных горожан-французов, уничтожив до двух тысяч человек. Впоследствии этот погром был назван «сицилийской вечерей».

А несколько месяцев спустя в порту Триполи высадились арагонские войска, и началась настоящая война, положившая конец всем надеждам латинян на помощь Святой земле. Новый папа Мартин IV провозгласил крестовый поход — теперь уже не против сарацин, а против братьев-католиков из Арагона. Как и ряд последующих крестовых походов XIV века против врагов Папской курии, этот призыв подорвал саму идею священной войны с неверными. И дело не только в том, что европейское общество в большинстве своем было возмущено вооруженной борьбой Папской курии со своими противниками, но и в том, что произошла явная подмена целей и понятий. Француз по национальности, папа Мартин IV поручил королю Филиппу III изъять из парижской казны тамплиеров сто тысяч турских ливров, собранных в виде налога и предназначенных для будущего крестового похода, и направить их на финансирование войны с сицилийцами и арагонцами. Все сборы церковной десятины, набранные в той же Сицилии, Сардинии, Корсике, провинции Арагон и Венгрии и составившие пятнадцать тысяч унций золотом, были переданы в распоряжение Карла Салернского, сына и наследника Карла Анжуйского. Печальные последствия, которыми обернулось это решение для Святой земли, сразу стали понятны всем папским противникам. Так, Бартоломео де Неокастро пишет в своих воспоминаниях, как рыцари-тамплиеры упрекали папу Николая IV: «Имея возможность поднять Святую землю с колен, опираясь на королевскую власть и поддержку других верных христиан... ты предпочел напасть на христианского короля и христиан-сицилийцев, настроив

одного короля против другого, только чтобы отвоевать Сицилию».

В самой Святой земле известие о «сицилийской вечере» заметно ослабило позиции нового ставленника Карла Анжуйского, бальи Одона Поличена, а тамплиеры тут же переметнулись на сторону кипрского короля Генриха II, сына и наследника короля Гуго. Продемонстрировав редкое согласие, храмовники, госпитальеры и тевтоны уговорили Одона Поличена отдать главную цитадель Акры под их контроль и тут же передали ее королю. Через шесть недель после коронации юного монарха в городе Тир королевский двор возвратился в Акру, где это событие пышно отпраздновали, устроив всевозможные игрища, карнавалы и турниры под патронажем госпитальеров. Для нового правителя Заморья даже поставили инсценировку, сюжетом которой были события из романтических новелл «Рыцари Круглого стола» и «Королева Феминийская», — облаченные в женское платье рыцари изображали шуточные поединки.

Палестинские латиняне старались извлечь выгоду из распрей, периодически возникавших среди сарацин в связи со смертью того или иного мусульманского правителя — например, после кончины в 1193 году Саладина. Однако после смерти Бейбарса в 1277 году его безвольных сыновей на султанском троне через три года сменил властный и опытный военачальник Келаун. Единственное, что удерживало нового султана от вооруженного выступления против франков, — страх перед Карлом Анжуйским: коли уж он оказался в 1282 году изгнанным из Сицилии, то теперь ничто не помешает ему заняться Бейбарсом и его наследниками, которые давно стремились сбросить франков в море. Дабы проверить это, в 1287 году Келаун приказал одному из своих эмиров захватить Латакию — последний франкский порт в бывшем Антиохийском княжестве. Латиняне не предприняли никаких ответных действий, и после слабого сопротивления Латакия пала. В 1288 году, воспользовавшись разногласиями в правительстве Триполи после смерти Бозмунда VII, Келаун скрытно

подготовил нападение на город. Но его план выдал шпион, находившийся на содержании у тамплиеров, эмир аль-Фахри, и Гильом де Боже успел предупредить жителей Триполи. Однако, зная его своекорыстие и двуличие, те не поверили храмовнику, и армия Келауна застала латинян врасплох. Когда мамлюки ворвались в город, командор тамплиеров Пьер де Монкада остался на своем посту и был убит вместе со многими другими мужчинами; женщины и дети, как водится, были проданы в рабство. Захватив Триполи, Келаун приказал разрушить город до основания, чтобы франки никогда не могли туда вернуться.

Примечательно, что королевство Акра еще находилось под защитой соглашения о перемирии, однако вскоре Келаун нашел предлог разорвать этот договор. Группа активных, но недисциплинированных крестоносцев, недавно прибывших с севера Италии — до них дошли слухи, будто некую христианку соблазнил местный сарацин, — попыталась устроить в Акре расправу над жителями-мусульманами. Латинские бароны и рыцарские ордена предприняли усилия, чтобы остановить погром, но какое-то количество мусульман спасти не удалось. Когда до Келауна дошло известие об этой резне, он потребовал выдать ему зачинщиков, намереваясь казнить их. Власти Акры не желали выдавать неверным на расправу христианских рыцарей. Тогда Гильом де Боже предложил отправить вместо них нескольких уголовников, содержащихся в городской тюрьме, которым был уже вынесен приговор. Но это предложение отклонили, а к султану направили эмиссаров с поручением объяснить ему, что ломбардцы просто не знали местных законов, да и сами погромы начались по вине мусульманских торговцев.

Но Келауна такие объяснения не устроили. А советники подсказали ему, что теперь он имеет право разорвать соглашение о перемирии, и султан отдал приказ готовиться к скрытному нападению на Акру. Эмир аль-Фахри снова успел предупредить Гильома де Боже, но и на этот раз Великому магистру не поверили. В отчаянии Гильом де Боже направил

в Каир собственного гонца, пытаясь договориться с Келауном. Тот обещал сохранить мир, но взамен потребовал выкуп — по одному цехину (мелкая золотая монета) за каждого горожанина. Гильом передал это предложение высшему городскому совету Акры, но там его решительно отвергли. Самого магистра обвинили в предательстве, и когда он покидал палату заседаний, толпа чуть не растерзала его.

4 ноября 1290 года Келаун собирался выступить в поход на Акру, но внезапно заболел и через несколько дней скончался. Сменивший его на султанском троне сын аль-Ашраф еще у смертного одра отца поклялся, что продолжит войну против франков. Новые посланцы из Акры, прибывшие на переговоры — среди них и рыцарь-тамплиер Бартоломео Пизанский, — были брошены в темницу. А в марте 1291 года две армии аль-Ашрафа — из Сирии и Египта — устремились к Акре, имея при себе до сотни стенобитных орудий, гигантских катапульт и таранных башен. Сам аль-Ашраф появился под стенами Акры 5 апреля, после чего началась активная осада.

Христиане знали о замыслах сарацин за полгода до их похода, но никаких мер для укрепления обороны не предприняли. Лишь рыцарские ордена обратились к правителям Европы, прося прислать пополнение; король Эдуард I прислал небольшой отряд рыцарей под командой своего внука Оттона; а король Генрих — корпус кипрских ополченцев. Основу объединенных сил латинян составляли около тысячи рыцарей и четырнадцать тысяч пехотинцев, включая злополучных ломбардцев. Все население города насчитывало около сорока тысяч жителей, и каждый мужчина, способный носить оружие, занял свое место на крепостных стенах. К северу от Акры находился пригород Монмасар, защищенный двойной стеной и рвом, а между Монмасаром и самим городом был вырыт ров с водой и воздвигнута стена, соединявшая оборонительные башни.

Каждый отряд обороняющихся отвечал за конкретный участок крепостной стены. Тамплиеры во главе с Гильомом де Боже защищали северную часть, где стены Монмасара

спускались прямо к морю. Рядом располагались братья-госпитальеры, а ближе к стенам самой Акры был размещен королевский корпус под командованием брата короля Амальрика, усиленный тевтонцами. Далее занимали оборону французы, англичане, венецианцы, пизанцы и солдаты городского ополчения.

Осада началась на рассвете 6 апреля с обстрела города из катапульт и баллист. Под прикрытием града стрел из луков и арбалетов, нацеленных на обороняющихся, мамлюкские саперы продвинулись вперед и заминировали башни и стены. Продовольствия и воды, поставляемых со стороны моря, латинянам вполне хватало, но вот оружия и солдат для обороны протяженных крепостных стен было явно недостаточно. В ночь на 15 апреля Гильом де Боже с группой рыцарей провел стремительную вылазку в лагерь мусульман. После начального успеха франки запутались в веревках от палаток и вынуждены были отступить, потеряв восемнадцать человек убитыми. 8 мая почти полностью разрушилась одна из башен, подорванная мусульманскими саперами. Защитники крепости подожгли ее и отступили на другую позицию.

На следующей неделе дала трещину вторая башня, а 16 мая мамлюки предприняли мощный штурм ворот Святого Антония, которые защищали храмовники и госпитальеры. Устроившись ненадолго передохнуть в одной из башен под названием Проклятая, Гильом де Боже вдруг увидел, что туда вот-вот ворвутся сарацины. Не успев облачиться в доспехи, он организовал быструю контратаку, во время которой был опасно ранен. Братья-тамплиеры перенесли его в главную резиденцию ордена, что на юго-восточной окраине города, и той же ночью он скончался.

Маршал госпитальеров Мэтью де Клермон, до конца остававшийся рядом с умирающим Гильомом де Боже, вернулся на поле боя и вскоре тоже погиб. Великий магистр госпитальеров Жан де Вильер также был ранен, но, к счастью, не смертельно. Братья-рыцари переправили его на галерею в порту. На причале царили паника и переполох,

словно все жители разом собрались покинуть проклятый Богом город. Король Генрих с братом Амальриком, погрузившись на парусник, отправились на Кипр. Немецкий принц Оттон и Жан де Граилли реквизировали для себя другой корабль. Над водной поверхностью гавани виднелось много голов беженцев — они устремились в сторону отплывающих из порта галер. Патриарх Николай по доброте душевной набрал в свою ветхую лодчонку столько страждущих, что та перевернулась, и пастырь утонул.

Роже де Фло, капитан одной из галер, принадлежащих тамплиерам, фактически превратился в профессионального пирата, вымогая крупные суммы у богатых матрон из Акры за место на своей посудине. Наконец, отрезав гавань от города, мамлюки принялись вершить расправу, убивая и мужчин, и детей, и женщин. Те, кто пытался укрыться в своих домах, попали в плен, а затем были проданы в рабство. Пленников оказалось так много, что, например, цена девочки на дамасском рынке упала до одной драхмы, а «многие женщины и дети навсегда исчезли в гаремах мамлюкских эмиров».

К исходу ночи 18 мая почти вся Акра уже была в руках мусульман, за исключением замка тамплиеров на побережье, за массивными стенами которого оборону держали уцелевшие рыцари во главе с маршалом Пьером де Севри и группа горожан. Часть возвратившихся с Кипра галер доставила оборонявшимся продовольствие и воду, поэтому они могли выдержать длительную осаду. Поняв это, аль-Ашраф вынужден был пойти на переговоры. По соглашению, тамплиеры и все бойцы из их команды могли покинуть замок и беспрепятственно перейти на суда, захватив казну и имущество. Однако эмир, которому с сотней мамлюков поручили проконтролировать выполнение соглашения, тут же изъял у горожан их имущество и дал приказ обыскать женщин и детей. Разгневанные тамплиеры набросились на мамлюков и уничтожили их, затем в ключья разорвали султанский штандарт, который те укрепили на башне замка.

Той же ночью под покровом темноты командор храмовников Тибо Годен по приказу маршала Пьера де Севри погрузил на корабль всю казну ордена Храма и вместе с группой беженцев-христиан отплыл в Сидон, удерживаемый тамплиерами. На следующий день султан аль-Ашраф потребовал продолжить переговоры об условиях капитуляции тамплиеров. Получив гарантии безопасности, маршал Пьер де Севри с небольшой группой рыцарей отправился на переговоры. Но как только они вошли в султанский шатер, их схватили и обезглавили. Оставшиеся в замке тамплиеры заперли ворота, ожидая сарацинской атаки. В конце мая мусульманам удалось подорвать часть стены вблизи крепостных ворот, и мамлюки ворвались в образовавшийся пролом. Последние защитники крепости погибли в жестокой схватке, и Акра окончательно пала.

В Сидоне Тибо Годена избрали Великим магистром вместо погибшего Гильома де Боже; это был храбрый и опытный воин, прослуживший около тридцати лет на Святой земле — вначале в качестве туркопола, а затем командора Акры. Спустя месяц после падения Акры и под стенами Сидона появилась мамлюкская кавалерия, поэтому он перевел тамплиеров в укрепленный замок на берегу. К тому времени под ударами египтян уже пал Тир, а захваченная мамлюками Акра по приказу султана намеренно разрушалась. Например, портал церкви Святого Андрея был выломан и перевезен в Каир в качестве символа блестящей победы аль-Ашрафа.

Готовый продолжать сопротивление, Тибо Годен отправился на Кипр, прихватив и тамплиерскую казну. Однако он так и не вернулся в Заморье. Кипрские братья советовали ему оставить Сидон, и, поняв, что сарацины строят плотину, храмовники покинули замок, погрузились на корабли и отплыли в Тортозу. 30 июля капитулировала Хайфа, а днем позже — Бейрут, стены которого были полностью снесены, а кафедральный собор превращен в мечеть. Тортозу пришлось эвакуировать 3 августа, а спустя одиннадцать дней тамплие-

ры покинули и самую мощную цитадель — неприступный замок Паломника. У них остался лишь гарнизон на островке Руад, что в двух милях от Тортозы.

На Руаде орден Храма удерживался еще на протяжении двенадцати лет. За это время мусульмане разрушили все латинские города, и средиземноморское побережье вовсе обезлюдело. Последние следы многолетнего присутствия франков на Ближнем Востоке скрыли пески.

Часть третья

ПАДЕНИЕ ТАМПЛИЕРОВ

15. Тамплиеры в изгнании

Падение Акры, хотя и предсказуемое, вызвало шок во всем католическом мире, и планы Николая IV организовать новый крестовый поход стали особенно актуальными. Его призыв, прозвучавший 29 марта 1291 года — всего за два месяца до печальных известий с Востока, — был весьма своевременным: как раз разрешилась запутанная ситуация на Сицилии, а незадолго до этого подписано Броньольское соглашение. Предполагалось, что на этот раз крестоносцев возглавит английский король Эдуард I, который уже сумел разобраться с мятежными валлийцами и теперь мог выполнить свое давнее обещание вернуться в Святую землю с христианским ополчением. Дата его отплытия на Восток была назначена на День святого Иоанна Крестителя — 24 июня 1293 года.

Поначалу падение Акры еще не воспринималось как конец латинского присутствия на Святой земле. В Европе бытовало мнение, что освобождению христианских владений помогут монголы. Обращение в христианскую веру некоторых монгольских вождей на втором Лионском соборе позволяло надеяться, что вскоре их примеру последуют и остальные соплеменники; постепенно слабые надежды превращались в настойчивые ожидания. Папа Николай IV — первый францисканский монах, занявший трон святого

Петра, — направил своего духовного брата Джованни ди Монте-Корвино в качестве миссионера ко двору великого Кубла-хана. Христиане по-прежнему удерживали власть в киликийской Армении и на Кипре, который тоже оставался в руках франков. Стратегия папы римского заключалась в том, чтобы еще до выступления в поход короля Эдуарда усилить эти христианские форпосты и одновременно подорвать экономическое положение Египта путем морской блокады.

На взаимные обвинения и разногласия среди католиков был наложен запрет, что разительно отличалось от ситуации после провала 2-го Крестового похода. В основном ответственность за происшедшее была возложена на ломбардцев — именно они дали повод Келауну нарушить перемирие; а еще обвиняли отступников из числа латинян, проживавших в Палестине, но прежде всего — проявивших трусость и малодушие христианских вождей. «Рыдайте, дочери сионские, — писал автор средневекового трактата *«De Exidio Urbis Acconis»*, — возопите о вождях, бросивших вас. Оплакивайте ваших пап и священников. Скорбите о королях, принцах и баронах, христианских рыцарях, возомнивших себя грозными воинами... но бесславно покинувших город, населенный братьями-христианами, оставив их, словно агнцев среди волков».

Упадок духа и растерянность среди христиан резко контрастировали с религиозной одержимостью мусульманского мира. Даже Всевышний был готов спасти Содом, если там найдется десяток праведников, — точно так же было и с Акрой, в которой, несмотря на печальную судьбу, насчитывалось гораздо больше десяти верных защитников. Ворвавшиеся в город мамлюки зарезали тридцать монахов-доминиканцев, а их духовный брат Рикольдо де Монте-Кроче, который в качестве миссионера пребывал в Багдаде, постоянно подвергался насмешкам местных мусульман, говоривших, что неспособность Христа защитить своих последователей еще раз доказывает, что тот был всего лишь

простым смертным. По словам Рикольдо, «евреи и татары тоже издевались над Иисусом... Многие христиане, оказавшись в крайне тяжелых обстоятельствах, вынуждены были принять ислам».

Роясь на багдадском базаре в имуществе разграбленных акрских церквей, Рикольдо обнаружил католический молитвенник и копию трактата папы Григория Великого «Поучения пророка Иова». Брат Рикольдо испытал безграничное отчаяние и разочарование: Мухаммед одержал триумф на родине Христа. Повсюду царил дух отступничества и смирения. Священников резали, как скотину, монахинь превращали в наложниц, и «если сарадины и дальше продолжают то черное дело, которым занимаются последние два года в Триполи и Акре, то во всем мире скоро не останется ни одного христианина».

В самой Европе, куда сведения об издевательствах мусульман не доходили и где о судьбе азиатских христиан имели довольно смутное представление, никто не позволял себе столь безрассудно обвинять во всем Христа. Хотя усилились критические замечания в адрес итальянских торговых республик и рыцарских орденов. Так, Жан де Вильер, магистр госпитальеров, раненный во время обороны Акры и затем вывезенный на Кипр, позднее писал Гильому Вилларе, приору иоаннитской церкви Сен-Жиль, что предпочел бы погибнуть на поле боя. Но даже героическая смерть Гильома де Боже не изменила репутацию великого магистра тамплиеров — его считали главным виновником распрей среди латинян. В 1291 году папа Николай IV публично заявил, что именно споры между храмовниками и госпитальерами привели к падению Акры, и предложил объединить оба ордена. Эта идея была почти единодушно одобрена духовенством, а на очередном церковном совете в Кентербери, проходившем в лондонской резиденции тамплиеров в 1292 году, прозвучало требование оплатить расходы на новый крестовый поход из казны двух орденов. Однако после кончины Николая IV, случившейся в следующем году, были похоронены и планы этой экспедиции.

В самих рыцарских орденах предложение объединиться было встречено в штыки. Никто не хотел поступиться своей автономией, и каждый орден считал, что ему навязывают ответственность за ошибки другого. В обоих рыцарских братствах прекрасно понимали — дело не в том, что каждое из них было достаточно мощным и не нуждалось в объединении, а в объективной невозможности их участия в будущем крестовом походе. Тем не менее именно защита Святой земли оставалась их главной целью и делом чести. И хотя при обороне Акры они проявили должную отвагу и мужество, но сдача практически без сопротивления таких крепостей, как Сидон и замок Паломника, — без сомнения, оправданная стратегическими причинами, — явно не добавила им славы.

Предвидя трагическое развитие событий, Тевтонский орден перенес свою штаб-квартиру сначала в Венецию, а затем, в 1309 году, в прусский город Марисбург, сосредоточив свои усилия исключительно на обращении в католичество местных язычников — пруссов и литовцев. Орден святого Иоанна, как и тамплиеры, эвакуировался на Кипр, где госпитальеры давно располагали обширными земельными владениями и где в 1292 году устроили главную резиденцию в городе Лимасол (на южном берегу острова). Одновременно они искали место, пригодное для размещения своего морского флота — дабы организовать экономическую блокаду Египта, как им было предписано вторым Лионским собором, — и свободное от юрисдикции кипрского короля. Свой взор новый Великий магистр Фулько де Вилларе — избран на этот пост в 1305 году — остановил на острове Родос, в Восточном Средиземноморье.

Формально это была часть Византийской империи, однако последние тридцать лет он находился в руках генуэзских пиратов. Вообще в акватории Эгейского моря сколь-нибудь прочная власть отсутствовала. Южной Грецией по-прежнему управляли западноевропейские князья; Крит и некоторые острова в Ионическом море захватила Венеция,

а разницы между пиратами, грабителями и купцами практически не существовало. В марте 1302 года кипрский Дом тамплиеров заплатил 45 тысяч серебряных монет в качестве выкупа за Ги д'Ибелена и его семью, которых похитили пираты.

Яркой иллюстрацией нравов, царивших в тот период в Средиземноморье, может служить карьера уже упоминавшегося Роже де Фло, тамплиера, который вымогал деньги у знатных дам, спасавшихся из Акры, за место на своем судне. Говорили, что он был сыном сокольничего при дворе императора Фридриха II Гогенштауфена и тогда еще носил имя Рихард фон Блюме. После падения династии Гогенштауфенов восьмилетним мальчишкой он был взят юнгой на тамплиерскую галеру в порту Бриндизи. Поменяв имя на более латинизированное — Роже де Фло, он вступил в ряды храмовников и дослужился до капитана галеры с символичным для него названием «Сокол».

Исключенный из ордена за недостойное поведение при обороне Акры, он отправился сначала в Марсель, а потом в Геную, где нанялся на галеру «Оливетта». Сказочно разбогатев на пиратском промысле и став предводителем банды каталонских наемников в Сицилии, к 1302 году он уже управлял целой эскадрой из 32 судов с экипажами численностью 2500 человек. Со своей бандитской эскадрой он поступил на службу к императору Византии Андронику Палеологу, потребовав за это себе в жены его племянницу Марию, титул великого герцога и двойное — против обычного — жалование для своих каталонских головорезов. Но после триумфальной победы над турками в провинции Анатолия Роже был убит. А его каталонская шайка — уже с новым атаманом — в 1311 году прибрала к рукам герцогство Афинское и удерживала его в течение 77 лет.

Это один из немногих задокументированных эпизодов быстрого взлета и падения, который показывает, как легко было в то бурное время отряду хорошо владеющих оружием мужчин захватить понравившиеся земли и города. Воспользовавшись повсеместной анархией, в июне 1306 года госпи-

талеры высадились на Родосе и к концу года заняли столицу — город Филермо. А уже в 1307 году папа Климент V благословил эту оккупацию. На овладение всем островом ушло еще три года, но в результате орден святого Иоанна целиком прибрал к рукам прекрасно укрепленное и экономически независимое государство.

А вот тамплиеры оказались не столь удачливы и дальновидны. У них тоже имелись крупные владения на Кипре, включая замок к северу от Фамагусты, а также мощные оборонительные башни в городах Лимасол, Ермасоя и Хирохития. Однако им так и не удалось установить контроль над всем островом. Более того, король Гуго Кипрский — в наказание за поддержку Карла Анжуйского в ходе известного спора за иерусалимскую корону — отнял у них часть недвижимости. Дома в Лимасоле вернули ордену Храма лишь после вооруженного вмешательства папы Мартина IV в 1280-х годах.

Отношения оставались напряженными и после падения Акры, когда главная штаб-квартира тамплиеров переместилась на Кипр. У короля Генриха II не вызывал особого восторга наплыв в его страну рыцарей, сержантов и вспомогательных войск ордена. На генеральном совете, состоявшемся в Никосии вскоре после акрского поражения, присутствовало 400 братьев-тамплиеров. А в 1300 году орден Храма направил еще 120 рыцарей, 500 лучников и 400 сержантов — для усиления гарнизона на остров Руад.

Как всегда, у тамплиеров имелись завистники, возмущавшиеся их привилегиями и налоговыми льготами. В 1298 году Генрих II даже направил к папе римскому дипломатическую миссию с жалобой на храмовников. Поэтому, когда в 1306 году группа влиятельных баронов заставила его отречься от власти и передать королевскую корону его брату Амори, тамплиеры поддержали это требование.

После кончины Великого магистра Тибо Годена в апреле 1293 года бразды правления орденом перешли в руки Жака де Моле. Родом из мелкопоместных дворян провинции Франш-Конте, входившей в состав Лотарингии — оттуда, кстати, вышло немало рыцарей-тамплиеров, — он был сы-

ном Жана де Лонгви, а по материнской линии связан со знаменитой фамилией Роганов. Имя де Моле он взял по владению в окрестностях Безансона, а в орден был принят в 1265 году в бургундском городе Бон по рекомендации Эмбера де Перо, магистра тамплиеров в Англии, и Амори де Ла Роше, французского магистра. Он долгое время служил в Заморье, однако о его участии в обороне Акры ничего не известно.

К сожалению, несмотря на тридцатилетний опыт орденской службы и разного рода таланты, Жак де Моле не обладал дипломатическими способностями и хитроумием, собственными его коллеге Великому магистру госпитальеров Фулько де Вилларе. Он считал главным и единственным предназначением храмовников — даже в новых, резко изменившихся условиях — быть, как и раньше, авангардом крестового ополчения. Сообразуясь с этой примитивной концепцией, он по-прежнему держал гарнизон на острове Руад, настойчиво призывая под свои знамена новых рыцарей и сержантов, чтобы заменить тамплиеров, погибших в Акре.

В 1294 году Жак де Моле совершил большой вояж по Европе, повсюду призывая поддержать орден Храма. В декабре он оказался в Риме, где стал свидетелем уникального эпизода в истории Римско-католической церкви: в первый и последний раз добровольно ушел в отставку папа Целестин V, а папский трон занял один из членов кардинальского совета, принявший имя Бонифация VIII. Из Рима де Моле отправился в Центральную Италию, а далее — в Париж и Лондон. В результате он установил личные и письменные связи со всеми западноевропейскими монархами; особенно добросердечные отношения сложились у него с английским королем Эдуардом I, который в 1302 году заверял его в письме, что только затянувшиеся военные конфликты с Францией и Шотландией не позволяют ему «отправиться в Иерусалим во главе давших обет рыцарей и паломников... в поход, о котором мечтаю всей душой». Эдуард исключил орден из общего списка на запрещение экспорта денег и драгоценностей из Англии, что дало возможность беспрепятственно переправить часть их лондонской казны на Кипр.

Хлопоты Жака де Моле в Риме тоже дали неплохие результаты: новый папа Бонифаций VIII издал специальную буллу, которая закрепляла за орденом Храма на Кипре те же привилегии и льготы, что и ранее в Святой земле, а Карл II Неаполитанский специальным указом разрешил беспошлинный экспорт продовольствия для тамплиеров через южно-итальянские порты, причем сроки указом не ограничивались. Для перевозки грузов тамплиеры создали целый флот, приобретя в 1293 году шесть судов у венецианцев. В июле 1300 года эта эскадра совершила ряд дерзких вылазок к египетскому и сирийскому побережью, а в ноябре доставила пополнение из 600 рыцарей на военно-морскую базу на острове Руад — для предполагаемого штурма Тортозы.

Возвращение на Святую землю было спланировано в виде совместной операции с монголами под командованием хана Газана и армян во главе с царем Хетуном. Однако к тому моменту, когда армии союзников добрались до Тортозы (в феврале 1301 г.), латиняне, устав ждать, вернулись на Кипр. Тамплиеры продолжали укреплять островную базу, но мамлюки, понимая ее опасность при начале развернутых боевых действий, послали туда флотилию из шестнадцати кораблей. Гарнизон стойко оборонялся, пока не наступил голод. Тогда командующий гарнизоном брат Гуго Дампиерр, заручившись гарантией безопасности для своих подчиненных, согласился на капитуляцию. Однако мамлюки снова нарушили слово — тамплиеры были либо убиты, либо взяты в плен. Позднее многие путешественники рассказывали о рыцарях, нищенствующих на улицах Каира, и вплоть до 1340 года некоторых из них видели на лезаготовках неподалеку от Мертвого моря.

Подготовка штурма Тортозы велась в самый разгар активных приготовлений к новому крестовому походу, ведущая роль в котором отводилась духовно-рыцарским орденам. Почти весь 1300 год в Папской курии царили оптимистические настроения — там верили, что захваченный татарским ланом Иерусалим скоро снова перейдет под власть

христиан. И такие расчеты имели веские основания — по крайней мере в первой половине 1300 года, когда мамлюки были изгнаны монголами из Сирии и Палестины; однако этот оптимизм оказался преждевременным — уже на следующий год сарацины вернулись.

После утраты базы тамплиеров на острове Руад основные надежды на успешный крестовый поход стали связывать преимущественно с французским королем Филиппом IV, в 1285 году сменившим на троне своего отца Филиппа III, который умер от лихорадки во время крестового похода папы Мартина IV против мятежных арагонцев. Совсем не желая воевать с собственным дядей, братом его матери, Филипп IV тут же заключил с Арагоном мир, сосредоточив основные усилия на модернизации административной системы своего королевства. В первые годы своего правления он почти не проявлял интереса к идее крестового похода, а в декабре 1290 года даже попросил папу Николая IV освободить его от обета по освобождению Святой земли, доставшегося ему по наследству от отца.

Как и немецкий император Фридрих II, Филипп IV рано лишился матери. Когда Филиппу было шесть лет, в семье появилась мачеха — Мария Брабантская, а через два года внезапно умер его старший брат Людовик. Пошли упорные слухи, что его отравила мачеха и что она может таким же образом избавиться от других пасынков. Юный принц жил в страхе и никому не доверял, и, как в свое время его дед Людовик IX Святой, он со всей страстью обратился к Богу, прося у него помощи и защиты.

Женившись в шестнадцать лет на подруге детства Жанне Наваррской — она принесла ему в качестве приданого не только богатую Наварру, но и провинцию Шампань, — спустя лишь год Филипп вззошел на французский трон. Будучи одиннадцатым членом королевской династии, основанной в 987 году Гуго Капетом, он соответствовал представлениям большинства придворных и церковников того времени о самодержце: на церковном Соборе в Сансе Филиппа называли «христианнейшим» монархом в Европе, а Жиль

Романский заметил, что «в нем больше божественного, чем человеческого».

Набожность Филиппа IV была вполне искренней: он добровольно налагал на себя различные епитимьи, дабы умертвить плоть, и даже носил власяницу. Высокий и стройный, с прекрасными шелковистыми волосами, бледно-розовой кожей и пронизательным взглядом, Филипп IV заслуженно получил прозвище Красивый. Среди современников французский король слыл прекрасным охотником и идеалом рыцаря. Как заметил епископ Памьерский Бернар Сессе, Филипп «действительно был самым очаровательным мужчиной в мире», но за его надменными манерами скрывались бездумность и легкомыслие — он «не умел ничего другого, как уставиться на человека своим неподвижным взглядом, словно сова, которая хоть и выглядит неплохо, но птица бесполезная». Это высказывание епископа стало широко известно и привело к его аресту в 1301 году — Бернара Сессе обвинили в богохульстве, колдовстве, ереси, государственной измене и возмутительной безнравственности. Нынешние историки считают Филиппа более сложной фигурой, но также малоприятной — «капризная, вьедливо-педантичная, любящая нудно морализировать, лишённая чувства юмора, упрямая, агрессивная и мстительная личность, к тому же постоянно опасавшаяся последствий своих мирских деяний для спасения собственной души».

Брак Филиппа с Жанной Наваррской оказался счасливый: супруга была хорошо образованной и волевой женщиной, с благоговением относившейся к деду своего мужа Людовику IX. У Жанны и ее матери Бланки д'Артуа возникли неприязненные отношения с Гишаром, епископом Труа; и когда она умерла в апреле 1305 года, его обвинили в колдовстве и наведении порчи на королеву. Филипп же, потрясенный потерей любимой супруги, так и остался вдовцом.

Однако Филипп унаследовал не столько дедовские традиции благочестия, сколько традиционные политические методы Капетингов, упорно стремившихся прибрать к рукам соседние княжества и графства — например, Тулузское, как

это произошло в результате Альбигойских войн, — а также пытавшихся укрепить королевские права и полномочия за счет дворянства, духовенства и городов. Как современникам, так и более поздним историкам нелегко разобраться, насколько сильное влияние на политику Филиппа IV, пропитанную идеологией абсолютизма, оказывали его советники и министры. Это были представители нового сословия *легистов* (от *лат. legis* — закон) — или, по-современному, юристов, — не связанных обязательствами ни с церковью, ни с дворянской знатью, но чье влияние в обществе целиком определялось самим монархом. В 1290-е годы самым влиятельным из них считался Пьер Флот, канцлер и хранитель королевской печати. После смерти Флота в 1302 году его место занял Гильом Ногаре, адвокат из небольшого городка Сен-Феликс-де-Караман в округе Ажен, недалеко от Тулузы.

О происхождении и первых годах жизни Гильома Ногаре известно немного, что заставило некоторых историков заподозрить, будто ему было что скрывать — возможно, свои катарские корни. Отдельные летописцы даже указывают, что его родители и семь ближайших родственников были сожжены на костре как еретики. Именно на его родине, в городке Сен-Феликс-де-Караман, в 1167 году альбигойский «папа» Никита созвал своих единоверцев на совет. На самом деле Ногаре происходил из семьи еретиков или это всего лишь легенда, однако его трудно уличить в откровенной симпатии к запрещенной катарской идеологии и нелояльном отношении к официальной католической церкви. При его положении это выглядело просто политически нецелесообразным, но гораздо выгоднее — учитывая глубокую набожность короля Филиппа IV — было подчеркивать свое неприятие этой ереси, поддерживая имидж своего патрона как «самого стойкого католика среди королей, страстного защитника веры и святой матери-Церкви».

Между современными историками нет единодушия и относительно того, в какой мере Филиппом манипулировали его приближенные и советники, — многие специалисты склоняются к тому, что Ногаре скорее всего выполнял роль «от-

ветственного контролера», следившего за исполнением королевских распоряжений. Осознание своей роли богоизбранного монарха заставило Филиппа решительно взяться за осуществление «предназначенной свыше» миссии. Особое раздражение у него вызывало дерзкое поведение его вассала герцога Гасконского — английского короля Эдуарда I. Во-первых, являясь официально утвержденным главой будущего крестового похода, Эдуард, вполне естественно, считался и лидером среди католических монархов. А во-вторых, экономическая и политическая мощь Англии, как и прочное положение на троне самого Эдуарда позволяли ему уверенно противостоять агрессивной политике Капетингов, проводимой Филиппом Красивым, который упорно стремился расширить свои владения за счет вассалов. В результате такого противостояния вспыхнула война между Францией и английским союзником Фландрией. Благодаря вмешательству Эдуарда I в 1298 году было заключено временное перемирие. Однако в мае 1302 года — когда в Брюгге произошел очередной погром и погибли десятки горожан-французов — Филипп снова ввел туда свои войска, но потерпел поражение в жестокой битве под Куртре. В ходе ее погиб канцлер Пьер Флот.

Эти военные действия потребовали огромных расходов, которые опустошили казну; к тому же еще существовали обязательства поддерживать Папскую курию в борьбе против Арагонского королевства — они достались Филиппу в наследство от покойного отца. Общая сумма затрат достигла полутора миллионов турецких ливров, поэтому король использовал любую возможность пополнить казну. Были до предела повышены феодальные пошлины и налоги с городов, которые порой приходилось выбивать с помощью силы. Когда же все доступные и законные источники были исчерпаны, советники короля обратили его внимание на весьма обеспеченные, но непопулярные в народе национальные меньшинства. Первыми пострадали осевшие в Париже ломбардские купцы — еще в начале правления Филиппа IV они были его главными банкирами, а в каче-

стве гарантий под кредиты им передавался сбор будущих податей. Купцы подчистую изымали все налоги, что вызвало естественное возмущение и гнев населения. Этими настроениями воспользовались королевские чиновники, изъяв у ломбардцев все деньги и имущество, после чего изгнали их из Франции. Вскоре та же участь постигла и французских евреев-ростовщиков. Чиновники короля конфисковали у них имущество, оставив только незначительные средства для того, чтобы покинуть страну.

В качестве другого хитроумного способа получить дополнительные доходы королю предложили уменьшить вес имевшихся в ходу монет — *ливров, су и денье*. В результате в период между 1295 и 1306 годами королевский монетный двор снизил реальную стоимость всех находившихся в обороте денег. По завершении этой «искусственной девальвации» Филипп IV радостно предложил подданным вернуться к «полновесным и добрым» деньгам времен Людовика IX. К тому времени все французские монеты «похудели» на две трети, что вызвало в столице бунт, от которого «король-изобретатель» укрылся в резиденции тамплиеров — парижском Тампле.

Но король не успокоился — он захотел добыть средства за счет повышения церковных податей. По закону это мог сделать лишь сам римский папа, однако английский и французский короли дерзнули на этот шаг без его разрешения. Тут следует добавить, что еще в 1296 году попытка папы Бонифация VIII примирить между собой Англию и Францию резко настроила против него Филиппа Красивого. Теперь же специальной буллой «*Clerico laicos*» Бонифаций подтвердил жесткий запрет светским властям взимать налоги с церковных доходов. В ответ Филипп наложил эмбарго на вывоз любых денежных средств из Франции в римскую курию. Поскольку папа крайне нуждался в этих деньгах, ему не оставалось ничего другого, как пойти на попятную, а свое примирение с французским монархом он закрепил в августе 1297 года, официально провозгласив Людовика IX, деда Филиппа IV, святым.

Как и его предшественники — Иннокентий III и Григорий IX, — Бонифаций VIII был родом из небольшого городка Ананьи, что к югу от Рима. Хотя его семья, Каэтани, была не столь богата и могущественна, как Сеньи, из которой вышли прежние понтифики, однако он происходил из близких к ним кругов — обучался церковному праву в Болонье, 1260-е годы провел на дипломатической службе во Франции и Англии, а при папе Николае IV стал кардиналом. Его предшественник на римском троне Пьетро дель Морроне, принявший имя Целестина V, когда-то был отшельником. Покинув свою пещеру, он основал монастырь Святого Духа в Неаполе, одновременно наладив отношения со спиритуалами из ордена францисканцев, стремившихся к такому же воздержанию, как благочестивый основатель их ордена. А когда он был избран папой в 1294 году в возрасте 84 лет, то снова удалился в пещеру.

Папу Целестина V выбрали после продолжительных обсуждений в коллегии кардиналов. Была надежда, что столь одухотворенная персона поможет возродить и объединить католическую церковь. Но главное — он был фаворитом Карла II, короля Неаполитанского (родом из Франции), который, угрожая оружием, настоял на избрании Целестина вопреки воле кардиналов; к тому же совет проходил в замке Кастель Нуово в Неаполе. Следует заметить, что наряду с величайшей набожностью Целестин V отличался крайней наивностью, невежественностью и некомпетентностью. Он даже недостаточно хорошо владел латынью, чтобы служить мессы.

Целестин V и на самом деле не хотел принимать папскую тиару, а к концу 1293 года стало очевидно, что он не справляется со столь высокой должностью. После неудачной попытки сформировать временный совет управляющих в составе трех кардиналов он назначил вместо себя наиболее сведущего в церковных делах каноника кардинала Бенедетто Каэтано, объявив о своем желании уйти в отставку. Согласившись на этот незаконный акт, кардинал взялся сформу-

лировать и юридическую основу этого отречения. На очередном заседании консистории 13 декабря Целестин V сложил с себя папские регалии, намереваясь вернуться к жизни отшельника; однако выбранный им преемник, опасаясь церковного раскола, настоял на том, чтобы Целестин не покидал пределов монастыря Кагель Фаоме, вблизи Флоренции. Там бывший папа и скончался спустя три года. А его преемник Бенедетто Каэтано, став папой, принял имя Бонифация VIII.

Как уже говорилось ранее, примирение папы Бонифация с французским королем Филиппом Красивым закончилось в 1297 году канонизацией святого Людовика Французского. Однако практически сразу после этого вспыхнула ссора между римской курией и влиятельной семьей Колонна относительно спорной территории в провинции Кампанья. Два кардинала, которые до того поддерживали Бонифация VIII, выступили против него с резкими обвинениями, утверждая, что отставка Целестина была незаконной и что того убили по приказу того же Бонифация. Когда они присвоили часть папской казны, Бонифаций принял против них самые жесткие меры — повелел разрушить их замки, а земли передал своим родственникам. И тогда Колонна обратились за помощью к французскому королю Филиппу.

1300-й год стал самым значимым за все время папского правления Бонифация VIII — тогда казалось, что скоро вся вселенная окажется под властью римского понтифика. Папа не только одержал победу над строптивым семейством Колонна, но и был в шаге от нового триумфа на Востоке: крестоносцы всюду готовились к штурму Тортозы, а монголы вот-вот должны были вернуть Иерусалим христианам. К тому же настал год тринадцативекового юбилея Спасителя. В честь этого события папа обещал отпущение грехов всем католикам, которые посетят собор Святых Петра и Павла в Риме и покаются. Это была самая яркая демонстрация папской власти, призванной Богом «вязать и решать», с того самого момента, когда два столетия назад Урбан I провозгласил 1-й Крестовый поход. На призыв Бонифация откликнулись бо-

лее 200 тысяч богомольцев: их толпы были столь многочисленны, что в стене Ватикана пришлось сделать дополнительный проем. Ликующий папа появился перед паломниками, сидя на троне святого императора Константина с мечом и скипетром в руках и короной на голове, и провозгласил: «Я — цезарь!»

Однако вскоре началось его стремительное падение. В 1301 году за язвительные замечания о Филиппе IV по приказу короля был арестован уже упоминавшийся епископ Памьерский — Бернар Сессе. Его бросили в тюрьму, а затем — на основании выбитых под пыткой показаний слуг — обвинили в богохульстве, ереси, симонии и государственной измене. Это было вопиющим нарушением церковной юрисдикции и прямым подрывом папского авторитета. А посему в декабре 1301 года Бонифаций VIII издал буллу «Ausculta fili», напрямую обвинив короля Франции в оскорблении церковной власти, и созвал французских епископов на заседание католического синода — по его призыву в Рим прибыли 39 прелатов; а в ноябре 1302 года папа издал еще одну буллу — «Unam sanctum», в которой перечислил все аргументы в пользу верховенства духовной власти, сформулированные еще Григорием VII. Он писал: «Ни один человек не может спасти душу без покровительства римского понтифика».

В последней булле обильно цитировались выдержки из писаний его предшественников на папском троне, а также Фомы Аквинского и Бернарда Клервоского, который к тому времени, как и Людовик IX, был провозглашен святым. Не видя признаков того, что король Филипп IV прислушался к его призыву и признал свои ошибки, папа Бонифаций заготовил специальный указ об отлучении короля от церкви, но не успел предать его огласке из-за неожиданного и дерзкого переворота, подготовленного противниками. Бонифаций находился в своем дворце в Ананьи, когда туда ворвался отряд французских солдат под предводительством министра Филиппа IV Гильома Ногаре и представителей семейства Колонна — двух опальных кардина-

лов и их приятелей. Они схватили Бонифация, а один из нападавших даже ударил его по лицу.

Располагая лишь «декоративной» охраной, состоявшей из горстки тамплиеров и госпитальеров, Бонифаций — в полных папских регалиях — смело обратился к нападавшим, призывая убить его. «Вот вам моя шея, — воскликнул он, — а вот — голова!» Ногаре и его приятелей Колонна такое мужественное поведение папы явно смутило — ведь они собирались отвезти Бонифация во Францию и там предать суду церковного Собора по ложному обвинению в ереси, содомии и намеренном убийстве Целестина V. Однако вскоре французы узнали, что горожане с гневом восприняли известие о нападении на их земляка папу Бонифация, и поспешили незаметно убраться из города. Папа вернулся в Рим, но перенесенного унижения пал духом и спустя четыре недели скончался. А вместе с ним угасли и надежды на всемирное торжество Римско-католической церкви.

16. Атака на Храм

Надругательство над главой католической церкви, произошедшее в Ананьи, вызвало гнев и возмущение европейцев, а знаменитый Данте, который вообще-то недолюбливал Бонифация VIII, сравнил это преступление с распятием самого Христа. Потрясенный таким святотатством, церковный конклав, собравшийся на выборы нового понтифика, отлучил от церкви двух кардиналов из семейства Колонна, отказавшись выслушать их оправдания. На совете новым папой был избран кардинал Никколо Боккасино, архиепископ Остии (порт рядом с Римом), однако не прошло и года, как он заболел дизентерией и скончался.

Кардиналам снова пришлось выбирать преемника святого Петра, однако на этот раз возникла длительная заминка в связи с тем, что мнения разделились — одни по-прежнему занимали жесткую позицию в отношении семейства Колон-

на, другие же предлагали восстановить отношения и с ними, и с королем Франции. Противников семейства Колонна было большинство, однако и они разделились на две группы — каждая поддерживала своего кандидата из знатного рода Орсини. После одиннадцати месяцев безрезультатных споров и обсуждений кардиналы решили обратиться к более широким церковным кругам. К тому же они ощущали давление короля Карла II Неаполитанского, который прибыл на заседание совета в Перуджу от имени короля Филиппа IV.

Наконец в июне 1305 года десять из пятнадцати кардиналов остановили свой выбор на французском архиепископе из Бордо Бертроне де Го. Семья барона де Вилландре, где будущий папа был третьим сыном, издавна активно участвовала в политических и церковных делах провинции Гасконь. Пользуясь покровительством короля Эдуарда I, члены этой семьи неоднократно выполняли деликатные дипломатические поручения, а старший брат Бертрана, Бери, был кардиналом и архиепископом Лионским. Уверенно следуя по стопам брата, Бертран сначала стал викарием, затем папским капелланом, епископом и, наконец, архиепископом Бордоским.

Приняв имя Климента V, Бертран де Го, несомненно, понимал, что восхождением на римский трон обязан не столько личным качествам, сколько обстоятельствам — просто его кандидатура вызвала меньше всего возражений у противоборствующих фракций. Король Филипп IV имел все основания рассчитывать, что новый папа будет послушно выполнять его распоряжения. Английский король Эдуард I одобрил выбор на столь важный и высокий пост одного из своих вассалов, направив щедрые дары обоим братьям де Го — в Лион и в Бордо. В глазах итальянцев Климент V был всего лишь жалкой марионеткой французского короля, к тому же этот папа римский за всю свою жизнь ни разу не был в Риме.

Разумеется, и в предыдущие два столетия сменявшие друг друга понтифики выбирали место для постоянной резиденции — дворцы в Орвието, Витербо, Ананьи или Неаполе, —

сообразуясь прежде всего с требованиями собственной безопасности. Однако они всегда находились в пределах Папской области или по крайней мере в Италии. А Климент V даже ни разу не пересекал Альпы. Однако он часто бывал в таких городах, как Лион, Вьенн и Авиньон — формально они не находились под юрисдикцией короля Филиппа IV, но все эти регионы де-факто входили в сферу его влияния, куда он быстро мог направить войска, что убедительно доказал во время Вьеннского церковного собора.

Какова же причина столь очевидной приверженности Климента V интересам Франции? Два итальянских летописца, Аньоло дель Тура и Джованни Виллани, писали, что кардинал Никколо да Прато присутствовал на знаменательной встрече с Бертраном де Го, когда тот еще был архиепископом Бордоским, и Филиппом Красивым. На этом приеме король выдвинул четыре условия поддержки кандидатуры кардинала на папский трон: примирение с Колонна и всеми участниками скандала в Ананьи; официальное осуждение Бонифация VIII; пополнение Папской курии за счет кардиналов-французов; и еще один секретный пункт — как он выразился, «крайне важный и загадочный», — который он собирался сообщить Бертрану де Го позднее.

По словам хронистов, Бертран будто бы смиренно ответил королю: «Вы приказываете, я подчиняюсь». Хотя рассказ об этой встрече больше похож на выдумку, однако он показывает атмосферу, царившую во время избрания Климента V на Апеннинском полуострове. К тому же описанная история хорошо увязывается с последующими практическими шагами нового папы: в декабре 1305 года он назначил десять новых кардиналов, девять из которых были французами, а один — из Англии. При этом четверо приходились ему родственниками, а один из них, Арно Пойенн, — старинным приятелем. И это было не просто проявление фаворитизма — папа создавал себе окружение, которому мог доверять. Изменение состава Папской курии с преобладанием французского представительства стало еще более явным при следующей номинации на кардинальское звание, проведенной в 1310 году:

пятеро из новых кардиналов были французами, а двое из них к тому же приходились папе племянниками. Такое наглое проталкивание французов на высшие церковные посты означало не просто оплату долгов. Откровенное задабривание папой Филиппа Красивого объяснялось тем, что тесное сотрудничество с французской короной приближало Климента V к его главной и сокровенной цели — новому крестовому походу.

Первоначальные оптимистические настроения, связанные со Святой землей, преобладали в Папской курии до 1300 года и затем рассеялись, словно туман. Мамлюки прочно оккупировали всю Палестину. База на острове Руад пала, а татарский хан Газан, который должен был передать Иерусалим христианам, в 1304 году провозгласил в своих владениях ислам официальной религией. Последним оплотом христианства в Азии оставалась киликийская Армения, но и она постоянно подвергалась ударам соседних монголов и сарацин.

Торжественная коронация Климента V папской тиарой состоялась 14 ноября 1305 года в церкви Сен-Жюст-Валуа в Лионе в присутствии короля Филиппа IV, его брата Карла Валуа, герцога Бретонского Иоанна II и Генриха, герцога Люксембургского. А уже через два дня новый папа издал энциклику, провозгласившую очередной крестовый поход.

Для Климента, не случайно взявшего себе имя одного из предшественников, находившегося в полном согласии с королем Людовиком Святым, успех будущего крестового похода определялся тем, что его снова возглавит французский король. Следуя своим планам, он не только побудил Филиппа Красивого принять крест — это произошло 29 декабря 1305 года на Лионском соборе, — но и сделал все возможное, чтобы погасить разногласия между Англией и Францией, которые могли помешать реализации этих планов. Он добился подписания перемирия между Филиппом IV и Эдуардом I. Кроме того, прекрасно понимая финансовые затруднения короля Филиппа, передал ему на нужды крестового похода десятую часть всех церковных доходов во Франции,

что в пять-шесть раз превышало годовой доход французского королевства.

В тот момент король Филипп Красивый в самом деле готов был выполнить торжественный обет, и не только для того, чтобы получить лавры освободителя Святой земли от неверных, но и для того, чтобы утвердить в Восточном Средиземноморье новую французскую империю. Видя слабость византийского императора, позволившего госпитальерам безнаказанно оккупировать крупный греческий остров Родос, Филипп задумал отвоевать константинопольский трон для своего брата Карла Валуа. Этот план не слишком вписывался в схему Климента V, однако Франция, Венеция, Арагон и Неаполь уже определенно нацелились на византийскую корону.

По мнению Филиппа Красивого, необходимым условием успешного крестового похода являлось слияние двух крупнейших духовно-рыцарских орденов. Командование новым орденом он собирался возложить на себя, а далее передать по наследству сыновьям. Идея была не нова — о ней часто упоминалось в различных документах той эпохи, связанных с ближневосточной Реконкистой. Особо примечателен трактат юриста из Нормандии (и одного из апологетов «национальной французской идеи») Пьера Дюбуа под названием «*De recuperacione terre sancte*» («Возвращение Святой земли»). Суть его предложения сводилась к тому, чтобы «в результате крестового похода установить французскую гегемонию от запада до востока». Центральной идеей его плана было объединение орденов Храма и Госпиталя, а также передача их средств под контроль французского короля. Весьма зловещим выглядит примечание к этому трактату, в котором Дюбуа открыто заявляет, что «было бы неплохо вообще распустить орден тамплиеров и во имя справедливости полностью его уничтожить». Надо сказать, что идея слияния двух католических орденов носила универсальный характер, а известный средневековый писатель Раймунд Луллий, посвятивший большую часть жизни изучению исламских проблем, даже проклинал тех, кто выступал против такого предложения.

Удивительно, что практически единственным, кто реально откликнулся на этот призыв, явился Великий магистр храмовников Жак де Моле. В ответ на предложение папы Климента V он составил меморандум, где изложил свой взгляд на ситуацию, начав с того, как зародилась идея о слиянии двух орденов — это произошло на втором Лионском соборе в 1274 году. Магистр перечислил и всех прелатов, выступивших тогда против этого предложения, не забыл и Бонифация VIII. Жак де Моле признавал, что в объединении орденов имеется определенный смысл — столь мощное братство могло бы более эффективно бороться со своими врагами, но вместе с тем по отдельности госпитальеры и тамплиеры обладали большей тактической гибкостью и маневренностью. Соперничество орденов Госпиталя и Храма давало несомненную выгоду, и хотя их цели практически совпадали, сам характер действий различался: госпитальеры занимались преимущественно благотворительностью, а храмовники выполняли функции вооруженной охраны единоверцев, являясь своего рода «рыцарской системой безопасности». Жак де Моле соглашался, что ордена должны сплотить свои усилия как в деле опеки и защиты паломников, так и в борьбе с сарацинами, но при этом оставаться независимыми братствами.

Второй меморандум Жака де Моле стал его ответом на призыв папы римского к новому крестовому походу. И снова великий магистр выступил против укоренившегося в то время взгляда на такую экспедицию как на особое военное предприятие с исключительным участием профессионалов и опорой на киликийских армян. Он писал, что горький опыт, полученный тамплиерами после потери их последней ближневосточной базы на острове Руад, показал, что такие мелкомасштабные операции обречены на неудачу. Кроме того, многолетние отношения тамплиеров с армянами свидетельствуют, что те не заслуживают доверия и часто подводят в самые ответственные моменты. Из-за нелюбви к франкам и подозрительности армяне, как правило, не пускают латинян в свои замки. Кроме того, климат в тех местах весьма вреден для здоровья, и многие крестоносцы гибнут от болезней.

Какой же он видел выход? Жак де Моле предлагал организовать полномасштабную экспедицию классического «общенародного» типа — наподобие крестового похода Людовика IX. Единственный способ отвоевать Святую землю — разгромить сухопутные силы египетских мусульман. А для этого короли Франции, Англии, Германии, Испании и Сицилии должны собрать ополчение численностью двенадцать — пятнадцать тысяч конных рыцарей и не менее пяти тысяч пехотинцев, которых итальянские торговые республики на своих судах должны перевезти на Кипр, передовую базу предстоящей Реконкисты.

Однако все остальные, особенно сторонники короля Филиппа Красивого, сочли его идеи старомодными и давно себя дискредитировавшими. А из-за упорного противостояния Жака де Моле слиянию двух орденов о нем сложилось мнение как о своекорыстном и отсталом консерваторе. Прекрасно понимая, сколь непопулярны его предложения, Жак обратился к папе Клименту V с просьбой о встрече, дабы он мог изложить свои взгляды в личной беседе: как и большинство рыцарей той эпохи, магистр не умел ни читать, ни писать, а меморандумы просто диктовал.

И Климент назначил великому магистру — а также его коллеге из ордена госпитальеров — встречу в Пуатье в День всех святых, 1 ноября 1306 года. Но аудиенцию пришлось отложить из-за обострения у папы хронической язвы желудка, которая нередко выводила его из строя на несколько месяцев. Жак де Моле прибыл в Европу с Кипра в конце 1306-го или начале 1307 года, а до Пуатье добрался к концу мая. Великий магистр госпитальеров Фулько де Вилларе задержался по делам своего ордена на Родосе. Помимо вопросов подготовки крестового похода, Жак де Моле хотел поговорить и о некоторых обвинениях, недавно выдвинутых против тамплиеров, и попросить папу «провести расследование тех нарушений и высказываний, которые им необоснованно приписываются, дабы оправдать, если найдете их невиновными, либо наказать по справедливости, если они виноваты».

Авторами этих облыжных доносов были рыцари, в свое время исключенные из ордена Храма: Эскиус Флуарак (земляк и приятель Гильома Ногаре); Бернар Пеле, приор из Монкофона, и некий Жерар де Бизоль из Гисора. Вначале о скандале, якобы разразившемся внутри братства, Эскиус сообщил Якову II Арагонскому (по прозвищу Справедливый), но тому его обвинения показались неубедительными, и тогда доносчик направился к французскому королю. В 1305 году Филипп IV передал эти сведения папе Клименту V во время его коронации в Лионе и еще раз напомнил об этом во время их встречи в Пуатье в мае 1307 года. А 24 августа того же года папа в письме Филиппу, упомянув об этих обвинениях, заметил, что «следует с опаской относиться к тому, что нам теперь рассказывают», однако в последнее время до него часто доходят «очень странные и непонятные слухи» о делах тамплиерского братства, и он «не без горечи, тревоги и сердечного трепета» все-таки решил провести собственное расследование. Одновременно папа просил короля не ускорять события, пока не поправится его здоровье.

Удовлетворенный тем, что его просьба о расследовании уважена, Жак де Моле отправился из Пуатье в Париж, где 12 октября 1307 года со всем двором присутствовал на похоронах Екатерины де Куртене, жены брата короля Карла Валуа. Но уже на следующий день, в пятницу 13 октября 1307 года, он был арестован прямо в Тампле, резиденции ордена в пригороде Парижа. Руководили арестом министр Гильом Ногаре и королевский казначей Рено Руа.

Три недели спустя Филипп Красивый разослал тайные инструкции своим бальи и сенешалям по всей Франции задерживать храмовников за «странные и неслыханные преступления, которые жутко не только вообразить, но о которых страшно даже слышать... о столь мерзких и отвратительно позорных делах, которые выходят за пределы человеческих понятий, по сути являясь абсолютно бесчеловечными». Его распоряжения были выполнены необычайно оперативно: всего за один день в королевстве арестовали около пятнадцати тысяч рыцарей, сержантов, капелланов, а также слуг

и хозяйственных работников. Избежать ареста удалось лишь двум дюжинам тамплиеров, и среди них магистру храмовников во Франции Жерару де Вильеру, а также Умберу Блану, командору провинции Овернь. Одного рыцаря, Пьера де Бокля, хотя и сбрившего бороду, опознали по белому плащу с крестом.

Точно так же, как ранее в истории с ломбардцами и евреями, все имущество ордена Храма изъяли в пользу короля; но в целом его выступление против тамплиеров носило существенно иной характер. Ведь храмовники не были иностранцами, как те же ломбардцы или неверные иудеи. Они были членами могущественной и авторитетной корпорации, находившейся под надежной церковной юрисдикцией и подчинявшейся не королю, а непосредственно римскому понтифику. Прекрасно сознавая, что, покусившись на свободу рыцарей и их имущество, поступает незаконно, король Филипп лживо ссылался на некие консультации и поддержку со стороны «святейшего отца всех христиан, папы римского».

Пребывавший в полном неведении Климент V, узнав об этом, направил королю гневное послание:

«Ты, мой дорогой сын... в наше отсутствие нарушил закон, подняв руку на орден Храма и его имущество. Ты даже арестовал его членов и, что гнетет меня сильнее всего, обошелся с ними без должной терпимости и снисходительности... усугубив и без того тяжелое положение заключенных дополнительными страданиями. Ты посягнул на людей и имущество, находящихся под прямой защитой римской Церкви... Для всех очевидно, что твои поспешные действия являются неуважением к нам лично и ко всей римской Церкви».

Климент не сообщил, поверил он или нет выдвинутым против тамплиеров обвинениям, — основной гнев понтифика был направлен против попыток короля присвоить себе церковные прерогативы; его рассердило и неуважение к Папской курии, проявившееся в односторонних действиях. Что касается «дополнительных страданий» заключенных, в кото-

рых он упрекал Филиппа, то здесь речь, несомненно, идет о пытках, которым обвиняемых подвергала святая инквизиция.

Созданная в свое время для искоренения альбигойской ереси в Лангедоке на базе ордена доминиканцев (образован Домиником Гусманом, который в 1234 году был провозглашен святым), католическая инквизиция во Франции стала мощным карательным инструментом в руках государства. Верховный инквизитор Гильом Парижский являлся духовником Филиппа IV, и можно было не сомневаться по поводу дальнейших планов короля. В ближайшее после ареста тамплиеров воскресенье именно доминиканские священники разъяснили причины ареста храмовников всем собравшимся в королевском парке — при этом их сопровождали и охраняли королевские гвардейцы.

Дабы инквизиторы успешно проводили расследование антицерковных выступлений и заговоров, за полвека до описываемых событий папа Иннокентий IV официально разрешил применять пытки, которые полагалось прекращать при появлении крови. Распространенными пыточными устройствами в те времена были козлы, на которых человека растягивали, пока кости не начинали трещать, а также дыба — обвиняемого подвешивали на веревке, перекинутой через брус, за связанные за спиной руки. Третий способ пытки был такой: бедняге смазывали ноги салом и засовывали их в костер. Иногда подобные пытки заканчивались трагически: капеллана тамплиеров из города Альби пытали огнем, и его кости загорелись и обуглились. Свидетель тех событий рыцарь-храмовник Жак Соси сообщает о двадцати пяти своих братьях, погибших после перенесенных страданий, а в анонимном письме, найденном в библиотеке колледжа «*Cogrus Christi*» («Тело Христа»), упоминаются еще тридцать четыре жертвы инквизиции.

Помимо таких зверских пыток, сопровождающихся безумной болью, подозреваемых заковывали в кандалы, сажали на хлеб и воду и не давали сутками спать. Поскольку большинство арестованных вовсе не были закаленными в боях воинами, а всего лишь пахарями, пастухами, мельниками,

кузнецами, плотниками и управляющими, испытанные страдания и непонимание причин происходящего вынуждали их давать показания, нужные инквизиторам и королевским чиновникам. К январю 1308 года 134 из 138 схваченных в Париже тамплиеров в той или иной степени признали все выдвинутые против них обвинения. Даже сам Великий магистр уже через десять дней после ареста сделал все признания, которых от него добивались.

Что же это за «странные и неслыханные преступления», в коих обвиняли тамплиеров и которые «жутко не только вообразить, но страшно даже слышать... столь мерзкие и отвратительно позорные дела, которые выходят за пределы человеческих понятий, по сути являясь абсолютно бесчеловечными»? По словам королевских прокуроров, орден Храма состоял на службе у самого дьявола. Каждого новобранца будто бы принуждали во время инициации (процедуры вступления) заявлять вслух, что Иисус Христос является лжепророком, которого распяли не во искупление людских грехов, а в наказание за собственные преступления. Вступающему в орден полагалось отречься от Христа и плюнуть или помочиться на распятие, а затем поцеловать рыцаря, который принимал клятву у новобранца, в рот, пупок, ягодицы, копчик, а «иногда и в пенис». После этого сообщали, что ему не просто «дозволяется вступать с братьями в половые отношения», а предлагается всячески «стремиться к подобным братским связям по взаимному согласию», но что это «для них не считается грехом».

Дабы подчеркнуть свое неприятие Христа, священникам-тамплиерам якобы полагалось во время мессы пропускать все слова, связанные с его прославлением. Обвинители утверждали, что у тамплиеров существовала некая тайная церемония службы демону по имени Бафомет — в виде кошки, черепа или скульптурного изображения головы с тремя лицами. На поясе рыцари носили веревки или ремни, «освященные» прикосновением к подобной голове. Утверждалось также, что это делалось «большинством и повсеместно», а тех, кто отказывался, либо убивали, либо бросали в темницу.

Наряду с этими главными беззакониями существовали и другие странности, которые также вызывали подозрение общественности. Заседание тамплиерского капитула всегда проводилось тайно, ночью и под усиленной охраной. Великий магистр — вместе с другими старшими офицерами — исповедовал и отпускал грехи братьям-храмовникам, хотя и не имел на это церковных полномочий. Всем тамплиерам вменялись в вину жадность и своекорыстие; они «не считали грехом... присвоить имущество других — как законными, так и незаконными методами» — и постоянно стремились «приумножить богатства ордена любым способом...» И еще их обвиняли в предательстве, в тайных переговорах с мусульманами, которые, дескать, привели к потере Святой земли.

Неудивительно, что когда папа Климент V и король Яков II Арагонский впервые услышали эти обвинения, то не поверили ни единому слову. С такими же грязными обвинениями в ереси и содомии католическая церковь в свое время обрушилась на катаров, а совсем недавно Гильом Ногаре и его коллега Гильом де Плезан — на несчастного Бонифация VIII. Однако эти откровенно ложные обвинения удачно совпали с негативным общественным отношением к храмовникам; кроме того, в Средние века люди очень остро воспринимали все связанное с колдовством и демонами, а в XV — XVI веках такие настроения вылились в настоящую охоту на ведьм.

Скептическое отношение папы к выдвинутым против тамплиеров обвинениям, а также его суверенный контроль над орденом Храма, по идее, должны были если не подавить в зародыше, то хотя бы приглушить эту истерию. Однако неожиданно Жак де Моле подтвердил все сказанное королем Филиппом, заявив, что действительно отрицал Иисуса Христа как Спасителя, что плевал на распятие, когда вступал в ряды ордена. Единственное обвинение, от которого Великий магистр счел нужным отмежеваться, — участие в гомосексуальных связях. Но признания в святотатстве для Гильома Ногаре и его сподвижников оказалось достаточно, чтобы довести дело до конца.

Далее последовали признания и других высших руководителей тамплиеров: Жоффруа де Шарне, командора Нормандии; Жана де Ла Тура, парижского казначея ордена и одновременно финансового советника самого Филиппа Красивого; Гуго де Перо, генерального смотрителя ордена, который принимал в члены ордена многих французских тамплиеров и на которого многие указали как на пособника их духовного падения. В своем признании 9 ноября Гуго согласился со всеми обвинениями — даже с тем, будто «при вступлении в ряды ордена он говорил новичкам: если кому из них будет невтерпещ и он разогреется от обуявшей страсти, то Гуго предоставит ему возможность охладить свой темперамент с одним из братьев». Вначале он отказался очернить своих коллег, но был уведен на некоторое время охранниками и «в тот же день» признался инквизиторам, что такая «братская любовь» была в ордене делом «вполне обычным и повсеместным».

С чего же могла начаться в ордене подобная сатанинская практика? Жоффруа де Гонвиль, командор Аквитании и Пуату, заявил, «что некий растленный магистр... оказался в тюрьме турецкого султана, а выбраться оттуда ему удалось лишь после того, как он поклялся, что внедрит в ордене святотатственный обычай — при вступлении в ряды тамплиеров проклинать Иисуса Христа...» Не исключено, что этим магистром могли быть Бертран де Бланфор или Гильом де Боже. Сам Жоффруа отказался отречься от Христа, но командор его простил — вероятно, потому, что его дядя был весьма влиятельной особой при дворе английского короля. Однако его заставили поклясться на Евангелии, что он никому не расскажет об этом обычае.

Только четверо тамплиеров категорически отвергли все обвинения — Жан де Шатовиллар, Анри д'Арсиньи, Жан Парижский и Ламбер де Този, — но их показания практически не сказались на общей картине. Таким образом, хорошо подготовленное и неожиданное выступление короля Филиппа против ордена Храма приобрело вполне доказательный и законченный вид. И хотя определенные подозрения в

истинных причинах этих нападков еще оставались, папа Климент V понял, что у него нет иного выхода, как одобрить действия монарха, признав их правомерными, и активнее вмешаться в расследование самому. Меньше чем через месяц после сенсационного признания Жака де Моле, 22 ноября 1307 года, Климент V отправил письменное послание, озаглавленное «*Pastoralis praeminentiae*», всем королям и принцам Западной Европы, призывая их осторожно, тайно и одновременно решительно произвести арест тамплиеров и конфисковать их собственность от имени церкви. В этом письме он всячески превозносил стойкость веры и религиозное рвение Филиппа Красивого, но вместе с тем подчеркивал, что теперь это дело переходит под контроль Папской курии.

Первым перед церковной следственной комиссией в составе трех кардиналов, присланных папой из Пуатье в Париж, предстал Жак де Моле. И он сразу отрекся от предыдущих показаний. По словам одного из очевидцев, он задрал подол рубахи и продемонстрировал следы жестоких пыток на теле; кардиналы «горестно вскрикнули и потеряли дар речи». Вскоре последовали отказы от показаний и других обвиняемых — однако, похоже, это не слишком удивило членов папской следственной комиссии. К тому же недавно назначенные десять новых кардиналов (в том числе девять французов) опасались пойти против мнения инквизиции и королевских легатов, тем более что папа Климент выразил поддержку французскому королю. Но внутри Папской курии вспыхнули острые разногласия, усиленные давлением сторонников тамплиеров, в частности брата Жака де Моле, настоятеля собора в Лангре. Более того, многие руководители храмовников были в хороших отношениях с тремя кардиналами — членами папской комиссии, посланной в Париж. Кстати, именно во время их совместного обеда с Гуго де Перо тот опроверг свои предыдущие показания, данные, судя по всему, под пыткой.

Следует отметить, что подобные отказы для самих обвиняемых были сопряжены с другой страшной опасностью:

согласно правилам святой инквизиции, упорствующего еретика, отказавшегося от прежних показаний, передавали светским властям для сожжения на костре. Но Жак де Моле, по видимому, верил в справедливость папы Климента V, и поначалу эта вера казалась небезосновательной. Когда король Филипп по дороге в Пуатье вдруг узнал, что кардиналы отказываются признать обоснованность обвинений в адрес тамплиеров, он тут же вернулся в Париж и написал Клименту V резкое письмо, угрожая выдвинуть против того аналогичные обвинения. Однако нервы у папы оказались достаточно крепкими, и он ответил, что скорее сам умрет, чем осудит невинных, и в феврале 1308 года велел инквизиторам приостановить пытки тамплиеров.

Когда следствие перешло под контроль римского понтифика, всех арестованных тамплиеров перевели в королевские тюрьмы. Оливье де Пенн, командор Ломбардии, единственный из них, оставленный папой Климентом под домашним арестом в Пуатье, бежал в ночь на 13 февраля; за его голову был обещано вознаграждение в десять тысяч флоринов. В руки королевских чиновников перешло и все имущество, принадлежавшее ордену, а у папы для подобных действий не было в распоряжении никаких воинских подразделений. К тому же Пуатье находился ближе к Парижу, чем к Ананьи, поэтому юридическая власть папы оказалась слабее фактической власти короля.

Король Филипп умело апеллировал к общественному мнению, а поскольку Климент V так и не отважился решительно ответить на его угрозы, то королевские глашатаи и вся администрация рьяно принялись клеймить и поносить всех, кто пытался выступить в защиту тамплиеров. Были срочно изданы анонимные памфлеты, направленные против папы и намеренно разжигавшие возмущение французов его слабостью. В одном из таких обращений, написанном, вероятно, уже упоминавшимся адвокатом из Нормандии Пьером Дюбуа, говорилось, что папа Климент развел семейственность и погряз в коррупции, а посему не способен вершить правосудие. И что лишь обильными взятками тамплиеров можно

объяснить тот факт, что он до сих пор не решается признать их очевидную вину.

Королевская пропаганда решила задействовать в этом деле и две весьма влиятельные организации французского королевства — Парижский университет и Генеральные штаты (французский парламент). В феврале 1308 года Филипп Красивый официально запросил парижских докторов теологии: как ему поступить с тамплиерами? Имеет ли он право предать их суду без согласия папы римского? И как поступить с их собственностью, если храмовников признают виновными? Однако полученный ответ не вполне соответствовал королевским желаниям: похвалив Филиппа за религиозное рвение, ученые, однако, подтвердили, что орден Храма находится под юрисдикцией римского понтифика, и напомнили королю, что власть его не беспредельна. Таким образом, активные действия против еретиков король мог предпринять лишь с благословения и согласия католической церкви.

Недовольный этими научными теологизмами, король Филипп решил собрать Генеральные штаты, представлявшие дворянство, духовенство и буржуазию. Заседание, на котором он собирался заручиться поддержкой парламента в борьбе с тамплиерами, было назначено в городе Тур через три недели после Пасхи. Королевские чиновники строго проследили, чтобы там были представлены все города Франции, где имелся хотя бы один рынок, а вассалам короля и представителям высшего духовенства были направлены именные приглашения. Документов этого заседания не сохранилось, но точно известно, что Гильом Ногаре выступил там с пространной обличительной речью, направленной не только против ордена Храма, но и предыдущего папы Бонифация VIII.

Когда большинство делегатов двинулись по домам — сообщить сенсационную весть о тамплиерах, часть участников заседания отправились вместе с королем в Пуатье. Там, на глазах родовитой французской знати, в том числе брата Филиппа Карла Валуа и сыновей Филиппа IV, король смиренно распростерся у ног папы Климента V. Тот поднял его с пола, оказав подчеркнутое внимание и уважение монарху. И 29

мая 1308 года на открытом заседании католической консистории — в присутствии кардиналов, епископов, родовитых дворян и знатной городской буржуазии — Гильом де Плезан зачитал все обвинения против тамплиеров. Им не только вменяли в вину ересь, черную магию и святотатство, но и признали их ответственными за утрату Святой земли. Как было заявлено, эти злокозненные деяния были разоблачены лишь благодаря религиозному усердию короля Филиппа IV и твердой воле всего французского народа, которые выполнили за папу всю грязную работу, а посему если тот не признает вину ордена Храма и срочно не присоединится к «самым страстным ревнителям христианской веры», то король и его подданные сами осуществят Божественное возмездие.

Климента V эти ультимативные заявления не запугали, и он держался спокойно. Хотя Гильом де Плезан всячески пытался скрыть тот факт, что Филипп IV давно зарится на собственность тамплиеров, папа твердо заявил, что согласится участвовать в судебном процессе лишь после того, как все арестованные тамплиеры и их собственность будут у него. Казалось бы, ситуация зашла в тупик, но королевским чиновникам и Папской курии все-таки удалось достичь компромисса.

Пойдя на некоторые уступки католическому иерарху, Филипп Красивый представил папе семьдесят два тамплиера, которых заставил повторить свои показания о *разложении* ордена. Это не значило, что французский монарх передает дело под юрисдикцию папы римского, — внешне это выглядело как возможность выслушать обе стороны. Разумеется, все семьдесят два «свидетеля» были отобраны самым тщательным образом. Так, первым перед Папской курией предстал капеллан Жан Фолльяко, которого незадолго до этого руководство ордена обвинило в коррупции. Имел нарекания по службе и сержант Этьен Тройе — теперь он красочно описал ту самую голову (Бафомета), которая присутствовала на богослужениях тамплиеров и которую «сопровождали два брата с восковыми свечами в серебряных канделябрах». Он также заявил, что его неоднократно избивали за

отказ участвовать в гомосексуальных утехах братьев-тамплиеров. Другой сержант, Жан Шалон, рассказал, что по приказу командора Франции Жерара де Вильера непокорных бросали в яму, и на его (свидетеля) глазах погибли девять человек. Он также поведал, будто накануне ареста командора кто-то предупредил, и тот на пятидесяти лошадях вывез все сокровища тамплиеров в порт Ла-Рошель. Там казну погрузили на восемнадцать судов и отправили неизвестно куда.

В результате сорок из представших перед кардиналами свидетелей признались хотя бы в одном преступлении. Однако описания пресловутого «идола» были весьма различны. Один утверждал, что это была «отвратительная черная рожа», другой видел нечто «белое и с бородой», а трое — «голову с тремя лицами». Более внимательный анализ показывает, что среди представленных Папской курии тамплиеров более половины еще ранее были исключены из ордена. Среди них не было ни одного представителя орденского руководства: папе объяснили, что, к сожалению, все они «слишком плохо себя чувствуют, но всегда к его услугам в Шинонской тюрьме». Однако в целом показания свидетелей отвечали интересам как папы, так и короля, давая каждому возможность что называется сохранить лицо. Теперь Климент мог «с чистой совестью» разрешить инквизиции продолжить расследование, Филипп же обязался передать имущество ордена под контроль специальных кураторов, а сами тамплиеры оставались в его руках, но уже «по поручению церкви».

В изданных сразу после этого события — в июле—августе 1308 года — папских буллах, особенно в «*Faciente miseracordam*», Климент V показал, что фактически полностью принял версию событий, состряпанную королем и его чиновниками, и признал, что тот действовал «не из корысти», а «как правоверный католик, послушно следующий по стопам своих предшественников». Климент поручил епископам организовать в своих округах провинциальные советы по расследованию «злокозненных деяний мерзких тамплиеров». Такой совет должен был состоять из двух монахов-доминиканцев, двух францисканцев и двух кафедральных ка-

ноников. Для расследования деятельности ордена была создана отдельная папская комиссия в составе восьми спецуполномоченных, и одновременно в Шинон — для допроса высокопоставленных узников — направили трех кардиналов. А на 1310 год Климент V назначил Генеральный церковный собор во Вьенне, на котором предполагалось обсудить дело тамплиеров, подготовку крестового похода и вопросы церковной реформы.

Что же побудило Климента V столь резко изменить свое отношение к тамплиерам? Возможно — но и маловероятно, — что на него повлияли признания свидетелей, хотя он слишком хорошо представлял методы, которыми эти показания добывались. Куда более реальной кажется версия, что он просто решил пожертвовать тамплиерами ради стабильности церкви и ради своих честолюбивых интересов. Об этом говорит и выражение, которое он использует в своем послании: король Филипп, дескать, «следует по стопам своих предшественников». Не только понтифик, но и все современники считали, что король Филипп IV унаследовал престиж и политический вес своего знаменитого деда Людовика IX Святого. А посему — в отличие от злосчастного императора Фридриха II, упорно, но безуспешно боровшегося с Папской курией, — французский монарх мог реально претендовать не только на светскую власть понтифика, но и на его духовный авторитет. Несмотря на мнение парижских ученых-теологов, что борьба с ересью является исключительной прерогативой самого папы, факты показывают, что королевский гнев был направлен не только против тамплиеров, но в равной степени и против тех, кто вольно или невольно поддерживал их.

Крикливые королевские глашатаи и целая армия наемных адвокатов умело играли на настроениях большинства европейцев, в сознании которых тамплиеры прочно ассоциировались с такими маргинальными общественными группами, как прокаженные, евреи и мусульмане. Незадолго до этого Карл II, двоюродный брат Филиппа IV, управлявший Южной Италией из Неаполя, изгнал из своих владений мусульманскую общину, которая когда-то обосновалась на Си-

цилии с позволения императора Фридриха II. Успех этих пропагандистских усилий виден хотя бы из письменного запроса, который папская комиссия направила королю Арагона Якову II: действительно ли тамплиеры принимали ислам и планировали в Гранаде вступить в союз с местными евреями и сарацинами? Имелись сведения, что некоторые из бежавших от преследования храмовников получили политическое убежище у мусульман: например, послом тунисского султана при дворе короля Якова II был бывший командор тамплиеров в одной из провинций Бернар Фонтibu. И королевские следователи стремились сделать эти сведения достоянием общест­венности.

Еще более действенной оказалось однозначное отождествление вышеупомянутых маргинальных групп с «силами тьмы». Обвинения в колдовстве и черной магии производили на умы средневековых людей неизгладимое впечатление. Изображения демонов неизменно присутствовали в барельефах и фресках кафедральных соборов и церквей; искренний страх перед сатаной испытывали не только необразованные крестьяне и ремесленники. Жак Дюэз — монах одного из монастырей в Гаскони, получивший кардинальскую митру из рук Климента V, а затем сменивший его пап­ством именем Иоанна XXII, — будучи родом из богатой купеческой семьи и получив университетское образование, панически боялся погибнуть от колдовской порчи и приказал инквизиторам тщательно выявлять всех, кто «заклучил союз с нечистым». Он был абсолютно убежден, что многие просто маскируются под христиан, а сами давно подписали «тайный договор с дьяволом».

Из сказанного невольно возникает вопрос: а не мог ли сатана овладеть душой самого папы? И ответ на него далеко не столь очевиден, как кажется, тем более для таких опытных крючкотворов, как Гильом Ногаре и его коллега Гильом де Плезан, ревностно исполнявших задание своего «начальника», Филиппа Красивого. Пожалуй, только этим и можно объяснить столь упорное противодействие Климента V «христианнейшему из монархов». Разве у того же епископа Па-

мьерского Бернара Сессе, посмевшего назвать Филиппа IV «глупой и косноязычной совой», не было такого советника из преисподней? В этом несчастный сам признался под пытками. Но самое важное — откровенным еретиком был смертельный враг короля Филиппа папа Бонифаций VIII, содомит и слуга сатаны.

Душевное состояние тех, чьему примеру папа Климент V, опасаясь обвинения в связи с дьяволом, не хотел следовать, было тяжелым. Помимо жестких и настойчивых нападков на тамплиеров король Филипп предложил провести посмертный суд над Бонифацием VIII по обвинению в ереси. Что касается церковного канона, то подобный прецедент в истории Рима уже имел место — с папой Формозом в 896 году. Сам Филипп добивался нового процесса, чтобы постфактум смыть с себя позор того святотатства, которое сотворил в Ананьи его приспешник Гильом Ногаре. Одновременно это позволило бы доказать всему миру, что он имеет право не просто судить подданных, но «также арестовывать и карать пап-вероотступников». В Папской курии было достаточно «бонифацианцев», и это подтолкнуло Климента к примирению с королем. Пожертвовать тамплиерами казалось меньшим злом — и Святой престол ими пожертвовал.

Частью намеченной Филиппом кампании поношения покойного понтифика была также канонизация Пьетро дель Морроне — папы-отшельника Целестина V, которого якобы незаконно сместил, а затем бросил в тюрьму и отравил коварный Бонифаций VIII. Окончательное признание того, что Целестин V вознесся на небеса, по мнению Филиппа, означало неизбежное падение строптивного Бонифация в преисподнюю. Поэтому процессу канонизации святого Целестина предшествовала целая серия инспирированных «чудес», рассчитанных на простолоудинов.

Под мощным напором могущественного французского монарха, который считал себя ответственным лишь перед Богом, и под влиянием собственного окружения Климент V оставался верен своей любимой тактике выжидания и затягивания и одновременно старался держаться подальше от

эпицентра событий, передав практически все под контроль Филиппа Красивого. Политический хаос в Италии того времени не позволял папе вернуться в Папскую область, поэтому он создал новый анклав — со столицей в городке Авиньон, расположенном на берегу Роны, на самой границе Прованса. В августе 1308 года Климент V объявил, что папский двор покидает Пуатье и переезжает в Авиньон. Это считалось временной мерой, однако город оставался резиденцией католических иерархов в течение семидесяти лет.

Но даже после переезда в Авиньон, затянувшегося до марта следующего года, давление Филиппа Красивого на папу не ослабло. И перед самым отъездом из Пуатье Климент все-таки согласился на судебное расследование дела покойного Бонифация VIII, но пошел на это весьма неохотно, испытывая угрызения совести, поскольку отлично понимал, сколь губителен может быть этот суд для авторитета папской власти. За пределами Франции известие о предстоящем суде вызвало волну возмущения. И всем стало ясно, что Климент V — всего лишь пешка в руках Филиппа IV. Король Яков II Арагонский прислал папе резкое письмо, высказав свое беспокойство в связи с этим.

Неудивительно, что, когда расследование все-таки началось, защиту Бонифация VIII взял на себя сам Климент V: он воззвал к благочестию короля Филиппа, говорил о его преданности делу церкви, которую тот неоднократно проявлял. После этого папа разрешил продолжить расследование, но, умело используя доскональное знание римского права, искусно затянул процесс — то скрупулезно требуя многочисленных письменных материалов по делу, то просто откладывая слушания, как, например, в декабре 1310 года из-за приступов желудочной болезни.

До его выздоровления консультации по делу Бонифация продолжались вне зала суда. В результате папа и французский король нашли компромиссный вариант: Климент V признавал, что скандальное нападение на покойного понтифика в Ананьи — просто недоразумение, ведь королевские посланцы во главе с Ногаре хотели всего лишь пригласить папу на

заседание Генеральных штатов. А сам факт насилия в отношении Бонифация VIII объясняется неприязнью его личных врагов из Папской области. При этом была подчеркнута почетная роль короля Филиппа — «стойкого борца за веру» и «защитника католической церкви». В ответ на это Климент отозвал все папские указы с критикой Филиппа и его приближенных. Гильом Ногаре получил папское прощение в обмен на обязательство отправиться в крестовый поход, а также посетить некоторые святыни во Франции и Испании. Филипп Красивый пошел еще дальше — он объявил о соглашении с любым решением, которое примет Климент V по делу его предшественника Бонифация VIII.

Достигнутый компромисс вызвал негативную реакцию в Европе. Данте Алигьери представил эту историю как пример откровенного проституирования Папской курии французским королем. Посол Арагона при папском дворе писал своему монарху, что «Филипп теперь стал королем, папой и императором одновременно». Широко распространился слух, будто отпущение грехов Гильому Ногаре стоило королю Филиппу сто тысяч флоринов. Однако, по мнению современных историков, поведение папы Климента V в деле Бонифация VIII не столько заслуживает критики, сколько позволяет ясно понять, что на самом деле папа одержал политическую победу. Фактически единственный компромисс, на который он согласился, — формальное одобрение действий французского короля. Однако это решение носило чисто умозрительный характер и легко могло быть пересмотрено. Столь же обдуманно Климент поступил и в отношении «папы-отшельника» Целестина V, который был канонизирован в 1313 году, но лишь как праведник и под светским именем — как святой Пьетро де Морроне, а не как мученик, на чем настаивал король Филипп.

Таким образом — умело затягивая принятие важных решений и проявляя недюжинное терпение и выдержку, — папа Климент V сумел сохранить авторитет и независимость католической церкви. В отличие от своих знаменитых предшественников — таких, как Григорий VII и Иннокентий III,

прилагавших титанические усилия в борьбе с германскими императорами, — Климент оказался не в состоянии открыто противостоять фанатичному, коварному и мстительному французскому самодержцу. И все же в деле Бонифация VIII и его предшественника Целестина V «авиньонскому затворнику» удалось провести умную политическую операцию, пойдя лишь на незначительные уступки.

Но можно ли считать таким уж незначительным отступлением процесс тамплиеров? Похоже, сам Климент V так и не решил для себя этот вопрос.

Когда Климент V покинул Пуатье, король Филипп решил, что настала пора окончательно и не мешкая решить судьбу ордена Храма. Арестованные тамплиеры по-прежнему находились в королевских темницах, а после того, как папа санкционировал продолжение работы следователей-инквизиторов, можно было ожидать новых показаний и разоблачений. Вожди тамплиеров, представшие перед комиссией из трех кардиналов в Шинонском замке, признали показания, от которых ранее отказались, и подтвердили свои прежние свидетельства. И хотя никто из них не сознался во всех предъявленных обвинениях, в целом инквизиция добилась цели. Все обвиняемые раскаялись, прося разрешения вернуться в лоно Святой церкви.

Несомненно, на показаниях высокопоставленных заключенных сказались присутствие на допросах в Шиноне «сладкой парочки» — Гильома Ногаре и Гильома де Плезана. Тамплиерам, по сути, не оставалось ничего другого, как согласиться с предъявленными обвинениями, поскольку любые попытки доказать свою невиновность влекли за собой истязания и пожизненное заключение. Даже в случае удачного побега им вряд ли удалось бы найти надежное укрытие, по крайней мере в Европе: Климент строго наказал всем европейским монархам задерживать в своих владениях тамплиеров и передавать их местным епископальным комиссиям. Следует учесть, что многие епископы, особенно в Северной Франции, были ставленниками Филиппа Красивого. Кроме

того, папа предупредил духовенство, что любое содействие мятежным храмовникам чревато обвинением в ереси самих священников.

Король Филипп активно участвовал в подборе кандидатов для папской следовательской комиссии, предложив в ее состав восемь верных ему людей. Одним из них был председатель комиссии Жиль Эйслен, архиепископ Нарбоннский, который выступал с обвинениями против тамплиеров еще в 1308 году в Пуатье. Откровенными сторонниками короля были также епископы Менде и Байо; последний к тому же был финансовым советником Филиппа Красивого. А из четырех членов комиссии, которые не являлись французами по национальности, один — архидьякон Трентский — в свое время тесно сотрудничал с кардиналами Колонна, а другой был доверенным лицом двоюродного брата короля Филиппа — короля Карла II Неаполитанского.

Тем не менее намеренно усложненные по инициативе Климента V процедуры, а также технические трудности, связанные со сбором восьми церковных иерархов в одном месте, привели к тому, что первое заседание комиссии состоялось только через год после утверждения ее состава. 8 августа 1309 года было объявлено, что заседание состоится в ноябре в парижском монастыре Сен-Женевьев-де-Буа, и на него приглашались все, кто хотел дать показания.

В числе первых опрошенных свидетелей был Гуго де Перо, командор тамплиеров Франции, который фактически ничего не сказал в защиту ордена Храма. Когда 26 ноября 1309 года показания давал сам Жак де Моле, он заявил, что хотел бы взять орден под защиту, поскольку не верит, что в такой напряженный момент церкви выгодно его разрушить, но, не чувствуя в себе достаточно сил и умения, нуждается в помощи. И еще Великий магистр сказал, что «с его стороны было бы отвратительно и позорно не попытаться защитить орден, который удостоил его такой высокой чести».

Дело даже не в том, что — как выяснилось при его аресте — Жак де Моле был просто неграмотен; главное — орден Храма в его правление оказался абсолютно не готов к резкому

усилению в тот период общественного внимания к проблемам гражданского и церковного законодательства. Другие монашеские и духовно-рыцарские ордена — например, госпитальеры — давно поняли значимость этих проблем, а вот тамплиеры не озаботились тем, чтобы привлечь на свою сторону знающих юристов или подготовить экспертов в собственной среде. Однако теперь они со всей решимостью и отвагой отстаивали свои права и суверенитет. Несомненно, пылкий и часто смущавшийся Жак де Моле в ходе расследования искренно сожалел об этих просчетах. Когда ему зачитывали его собственные признания, сделанные накануне перед папской комиссией, он вздрогнул, дважды перекрестился и сделал несколько агрессивных жестов, которые многие кардиналы восприняли как недвусмысленную угрозу старому воину «конкретным личностям», составившим этот обвинительный протокол. Когда Жак де Моле выслушал их упрёки, то объяснил, что и не думал никому угрожать, а просто выразил свои чувства, сожалея, что во имя Всевышнего им следует поступить по обычаю татар и сарацин, которые безжалостно «отрубают таким грешникам головы... или рассекают их пополам».

И хотя члены комиссии не удовлетворились этим объяснением, они все-таки согласились дать магистру время, чтобы он смог как следует подготовиться к защите своего ордена. Гильом де Плезан, который присутствовал на этом слушании в качестве доверенного лица короля и к которому, по иронии судьбы, Жак де Моле обратился за помощью, от такой откровенной наивности ветерана пришел в замешательство. Похоже, после двух лет пыток и тюремного заключения Великий магистр — искренно возмущенный зачитанными признаниями — решился-таки встать на защиту своего рыцарского братства. Королевский советник предупредил магистра, чтобы тот «добровольно не совал голову в петлю».

Когда в пятницу 28 ноября 1309 года Жак де Моле снова предстал перед кардинальским советом, то повторил, что чувствует себя не в силах достойно защитить орден, потому что «всегда был только рыцарем — бедным и неграмотным»,

а посему будет хранить молчание, вверяя себя правосудию самого папы Климента. Комиссии он сообщил только три вещи: во-первых, что литургию в орденских церквях всегда служили более красочно, чем в других храмах, — за исключением, может быть, кафедральных соборов; во-вторых, орден действительно принимал щедрые жертвования; в-третьих, члены ордена с такой самоотверженностью защищали христианскую веру, что всегда считались главными и самыми непримиримыми врагами сарацин. Ведь не случайно граф д'Артуа поставил тамплиеров в авангард армии Людовика Святого во время знаменитого Нильского похода! И разве не остался бы сам граф в живых, если бы внял совету Великого магистра?

Когда же члены комиссии раздраженно ответили, что для утративших веру все сказанное не имеет значения, Жак де Моле согласился с ними, добавив, что всегда верил «в единого Бога, Святую Троицу и другие символы католической веры... но, лишь когда душа отделится от тела, станет ясно, кто праведник, а кто грешник. И лишь тогда каждый поймет, кто был прав».

Прервав свое первое заседание 28 ноября, комиссия продолжила работу только 3 февраля 1310 года. К этому времени пораженческие настроения, характерные для большинства тамплиеров в первое время после ареста, сменились твердой решимостью отстаивать свои права. На первом этапе папского расследования командор Пейена Ронсар де Жизи заявил кардиналам, что все обвинения против ордена ложны, а показания выбиты «под пытками и угрозой смерти». Подробно поведав членам комиссии о пытках, которым подвергали его, командор сказал, что в таких условиях сознается любой и в чем угодно. Вслед за ним с 7 по 27 февраля подобные заявления сделали еще 532 тамплиера со всей Франции.

14 марта перед девяноста тамплиерами, которые добровольно пожелали выступить в качестве официальных защитников, был зачитан полный список обвинений против ордена Храма, состоявший из 127 пунктов. Уже к концу месяца число таких добровольцев выросло до 597 человек. Среди

них был и священник Жан де Робер, заявивший на одном из заседаний, что наслышан о признаниях тамплиеров в личных грехах, но ни одно из них не может быть вменено в вину ордену Храма в целом. Учитывая столь большое число добровольных защитников, комиссия предложила выбрать из них несколько «прокуроров или синдиков». Выбор тамплиеров пал на Пьера Булонского, поверенного ордена при Папской курии, и Рено де Провсна, командора Орлеанского дома (оба были священниками), а также на двух рыцарей: Гильома де Шанбонне, командора Бландси (в Крезе), и Бертрана де Сартижа, командора Карла (в графстве Вьеннском).

Пьер Булонский — ему было 44 года, причем 25 из них он состоял в ордене Храма, — родился в Ломбардии, а в тамплиеры был принят в Болонье, где впоследствии изучал юриспруденцию под началом командора Ломбардии Гильома де Нори. Его назначение командором в Папскую область указывает на высокую образованность, что являлось большой редкостью среди полуграмотных рыцарей. После своего ареста, последовавшего в ноябре 1307 года, Пьер Булонский признал, что отрекался от Христа и плевал на распятие, но отверг обвинения в содомии, хотя и не отрицал подобных отношений между братьями.

Рено Прованский, также бывший священником, на восемь лет моложе своего коллеги. Тот факт, что в свое время он намеревался стать не тамплиером, а доминиканцем, говорит о том, что он был неплохо образован и обладал острым умом, — это подтвердили его грамотные и продуманные ответы на первых допросах. В орден Храма он вступил в городе Бри за пятнадцать лет до описываемых событий.

Первые действия, которые предприняли эти два тамплиерских священника, касались условий содержания обвиняемых: их лишали причастия; конфисковали все имущество, включая облачения священников; отвратительно кормили и держали закованными в железа; а тем, кто умирал в тюрьме, отказывали в погребении по христианскому обряду.

Позднее, во время допросов в парижском Тампле, куда перевели Пьера Булонского, он назвал все предъявленные

комиссией обвинения «позорными, непристойными и мерзкими выдумками... которые от начала до конца состряпаны подставными свидетелями и бессовестными врагами». Он утверждал, что «орден Храма всегда был и остается чист и свободен от каких-либо пороков, прегрешений и зла». А все признания ложны — они получены во время пыток.

В среду, 1 апреля 1310 года, Пьер Булонский и Рено Прованский вместе с двумя другими рыцарями — Гильомом де Шанбонне и Бертраном де Сартижем, долгое время прослужившими в Заморье, предстали перед папской комиссией. Оба рыцаря решительно отклонили все обвинения в свой адрес, предъявленные епископом Клермонским.

Рено Прованский сразу повел дело таким образом, что самим кардиналам пришлось оправдываться. Во-первых, он утверждал, что только Великий магистр и орденский капитул вправе назначать прокуроров для защиты тамплиеров на процессе; во-вторых, все предыдущие процедуры по обвинению ордена в ереси абсолютно незаконны с точки зрения гражданского и церковного права. Всем обвиняемым необходимо предоставить возможность и средства для найма адвокатов, а сами дела необходимо передать в ведение церковных властей, а не королевской канцелярии. Таким образом, впервые после внезапного ареста в октябре 1307 года тамплиеры четко сформулировали аргументы в свою защиту.

Даже спустя семь веков после этих событий Пьер Булонский предстает перед нами не просто грамотным адвокатом, а прежде всего защитником прав человека. Он открыто заявил членам комиссии, что с самого начала судебная тяжба против тамплиеров велась в атмосфере «исключительной ярости и нетерпимости»; братьев тащили, словно «овец на заклание»; применялись «самые изощренные пытки, от которых одни просто умерли, а другие стали калеками, что побудило многих солгать, оклеветать себя и весь орден». Он утверждал, что пытка делает невозможным «свободное мышление — неотъемлемое свойство любого добродетельного человека». Она лишает его «знания, памяти и понимания». Он также поведал кардиналам, что братьям-тамплие-

рам неоднократно показывали письма с королевской печатью, в которых Филипп IV обещал всем, кто покинет осужденный и погибший орден, не только прекращение пыток, но жизнь, свободу и пожизненную ренту.

Таким образом, все доказательство разложения ордена Храма оказались ложными и, более того, противоречили здравому смыслу. Как можно поверить тому, что так много людей знатного происхождения, достаточно способных и обладающих немалой властью, оказались «столь глупы и даже безумны», чтобы, «стремясь погубить душу, выбрали именно служение в ордене»? Вне сомнения, если бы такие рыцари и в самом деле столкнулись в ордене Храма с подобными беззакониями — особенно это касается богохульства в отношении Христа, — «они бы тут же возопили и громко поведали об этом всему миру».

Мощный отпор со стороны тамплиеров и нескончаемые проволочки папского расследования переполнили терпение Филиппа Красивого. Даже церковный Собор, назначенный на октябрь 1310 года в городе Вьенне, — главным вопросом на нем должно было стать дело тамплиеров — пришлось отложить, поскольку еще не был готов отчет папской комиссии. Тогда король решил ускорить события при содействии архиепископа Сансского Филиппа де Мариньи — тот был недавно переведен в Санс из отдаленной епархии благодаря содействию брата, Ангеррана де Мариньи, претендовавшего на пост главного министра, который пока занимал Гильом Ногаре. Именно по просьбе Ангеррана король выбил у папы разрешение на архиепископский трон в Сансе, и весной 1311 года Филипп де Мариньи, оказавшийся в долгу перед братом и королем, должен был как-то расплатиться со своими покровителями.

По внутрицерковному устройству, сложившемуся еще во времена Римской империи, Парижский округ относился к провинции Санс. А посему в ведение архиепископа Сансского входило и судебное разбирательство над отдельными тамплиерами, находившимися в его юрисдикции. И 10 мая, когда папская комиссия отдыхала, он срочно созвал в Пари-

же местный церковный совет. Сразу поняв, что за операция готовится, Пьер Булонский попросил кардиналов оградить от нападков тех тамплиеров, «которые отважились встать на защиту ордена», и запретить архиепископу Сансскому проведение этого судилища.

Председатель комиссии архиепископ Нарбоннский Жиль Эйслен не пожелал рассматривать поданную петицию на том основании, что архиепископ Сансский — хозяин в своей епархии, а потому он не может вмешиваться, после чего удалился, заявив, «что отправляется слушать или служить мессу». Таким образом, решение по делу тамплиеров предстояло принять другим членам папской комиссии; и хотя многие из них питали симпатии к тамплиерам, но были не в силах преодолеть юридические рогатки; к тому же архиепископ Сансский им действительно не подчинялся. Поскольку Филипп де Мариньи получил свой жезл непосредственно из рук понтифика, только тот и мог повлиять на его решение.

В понедельник 11 мая при открытии заседания комиссии — в отсутствие председателя архиепископа Нарбоннского — стало известно, что пятьдесят четыре тамплиера, вызвавшихся защищать свой орден, уже осуждены епископом Санским как упорствующие еретики и переданы в руки светской власти. Им грозила смерть на костре. Уполномоченные спешно отправили архидьякона Орлеанского Жана де Жуанвиля и его коллегу, ответственного за охрану тамплиеров Филиппа де Воз, к архиепископу с просьбой отсрочить казнь. Воз напомнил ему, как много храмовников, уже скончавшихся в тюрьмах, клялись перед смертью, что все обвинения против ордена — явная ложь.

Но эти увещевания не подействовали. Пятьдесят четыре тамплиера были посажены на телеги и отвезены на луг у стен монастыря Святого Антония в пригороде Парижа. Там их сожгли на костре. Все они до конца упорно отрицали инкриминированные им преступления, повторяя, что их казнят беспричинно и несправедливо. По словам летописца, «очевидцы наблюдали их последние мучения с величайшим восхищением и неподдельным удивлением».

Как уже говорилось, по законам инквизиции сжигали тех «упорствующих еретиков», кто отказался от прежних признаний в ереси и святотатстве; того, кто не сознавался в приписываемых ему преступлениях, приговаривали к пожизненному заключению. И лишь тем, кто подтверждал свои показания и раскаивался, прощали прежние грехи и отпускали на свободу.

Четыре дня спустя архиепископ Сансский устроил расправу еще над четырьмя тамплиерами, отправив их на костер как нераскаявшихся еретиков. А тело бывшего казначея Парижского дома тамплиеров Жана де Ла Тура, уже умершего, было извлечено из земли и сожжено на костре.

Реакция на эту жестокую расправу была соответствующая. Так, при допросе сержанта-храмовника Эмери де Вильерле-Дюка разыгралась душераздирающая сцена. Он видел, как накануне в телегах везли на казнь братьев-тамплиеров. Продолжая твердить, что все грехи, приписываемые ордену Храма, — клевета, бедняга, однако, заявил, что из страха перед подобной смертью не устоял бы, если бы от него потребовали признания в том, будто он убил самого Господа. И просил членов комиссии не передавать его слова королевским чиновникам. Кардиналам оставалось только объявить свой протест, но в это время из тюрьмы неожиданно исчез один из добровольных тамплиеров-защитников, Рено Прованский.

Протест возымел определенное действие: Рено Прованский вернулся вместе с двумя другими рыцарями, Гильомом де Шанбонне и Бертраном де Сартижем. Но теперь вдруг исчез Пьер Булонский — его так и не удалось обнаружить. После этого работа комиссии почти прекратилась, а многие ее члены под разнообразными предложениями стали уклоняться от участия в ней. В декабре Гильом де Шанбонне и Бертран де Сартиж заявили, что не могут выполнять функции защитников братьев-тамплиеров без Рено Прованского и Пьера Булонского, потому что неграмотны, а кроме того, им стало известно, что их напарники уже сложили с себя обязанности защитников ордена, вернувшись к привычной деятельности.

На самом деле церковный совет Санса лишил Рено Прованского духовного звания, а Пьер Булонский так и не объявился: весьма возможно, что он был убит тюремщиками. Но что бы ни случилось с этими священниками-тамплиерами, двое рыцарей не смогли продолжить свою «адвокатскую деятельность» и покинули комиссию.

17. Падение ордена Храма

Как же получилось, что члены самого могущественного духовно-рыцарского братства на всем Западе пошли на смерть, по выражению Пьера Булонского, словно «овцы на заклание»? Одной из причин, несомненно, являлся престарелый возраст большинства тамплиеров, проживавших во Франции. Прослужив некоторое время на Ближнем Востоке, многие рыцари возвратились в Европу, где заняли различные административные посты. Более молодые рыцари предпочитали отправиться на Кипр — в 1307 году почти семьдесят процентов тамплиеров там составляли новички, набранные всего несколько лет назад. На Кипре они готовились к военным действиям, сражались с сарацинами за Тортозу и вели приготовления к нашествию на остров мамлюков.

Папская булла Климента V «*Pastoralis praesentiae*», в которой он давал разрешение на арест храмовников, была доставлена на Кипр в ноябре 1307 года. В то время фактическим правителем острова был Амори, брат короля Иоанна, которому в августе 1306 года тамплиеры помогли прийти к власти. Поэтому указ папы римского поставил Амори в неловкое положение. Своим тронем он был обязан ордену Храма и, как большинство жителей Кипра, считал обвинение тамплиеров заведомой ложью; однако ему не хотелось настраивать против себя римского понтифика или наживать опасного врага в лице короля Филиппа Красивого. И он распорядился начать судебное преследование храмовников, которых возглавлял маршал Ом д'Озильер.

Поначалу те оказали сопротивление, но потом все-таки сдались властям, после чего 83 рыцаря и 35 сержантов были заключены под домашний арест в собственных владениях. Их имущество было конфисковано, однако большая часть обширной казны тамплиеров бесследно исчезла. Никакого расследования по этому делу не проводилось до мая следующего года, когда на Кипр прибыли двое судей, назначенных Климентом V. Ни один из тамплиеров не признал себя виновным, и все свидетельские материалы были получены из других источников, в том числе от 16 светских рыцарей и сенешаля Кипрского королевства Филиппа д'Ибелена, а также от королевского маршала Рено де Суассона. Большинство этих свидетелей являлись сторонниками Генриха II, давнего претендента на кипрский трон, а потому можно было ожидать, что все они будут настроены против тамплиеров, приведших к власти его противника Амори. Однако все их свидетельства оказались в пользу ордена Храма. Филипп д'Ибелен, первым дававший показания, высказал предположение, что подозрения в отношении тамплиеров вызваны атмосферой таинственности, в которой всегда проходил прием в члены братства. Рено де Суассон подтвердил, что они не занимались дьявольскими таинствами, а их религиозные службы и молитвы носили исключительно канонический характер.

Другой рыцарь, Жак де Плани, произнес яркую речь в защиту тамплиеров, напомнив суду, что воины Храма не однажды проливали кровь во имя Христа и христианской веры, являясь самыми добродетельными и целомудренными рыцарями-монахами. Знатный генуэзский дворянин Персиваль де Мар поведал о группе тамплиеров, попавших в сарацинский плен и выбравших смерть, когда им предложили свободу в обмен на вероотступничество. Остальные свидетели, хотя и упоминали о таинственной процедуре инициации и известной алчности тамплиеров, не привели никаких доказательств ереси или святотатства в их рядах. Священник Лоран Бейрутский заявил, что за свою жизнь исповедовал более шестидесяти братьев-храмовников и ничего плохого о них сказать не может. Дальнейшие слушания подтвердили, что мно-

гие тамплиеры нередко исповедовались у доминиканцев, францисканцев и представителей белого духовенства.

Единственным среди всех кипрских латинян, кто дал против тамплиеров обвинительные показания, был некий Симон Сарезарис, священник ордена госпитальеров, однако и он не смог предоставить сколь-нибудь убедительных доказательств их вины, а лишь бессвязно пересказал свои беседы с некоторыми людьми, имен которых не помнил. За одним исключением, все свидетельства оказались в пользу тамплиеров, разве что прозвучали упреки со стороны окружения короля Генриха II в том, что орден поддерживал его конкурентов.

Результаты этого судебного расследования не могли удовлетворить Климента V, и он тут же распорядился провести новые слушания, направив на Кипр своего легата на Востоке епископа Родосского. Новый суд начался летом 1310 года — уже после убийства Амори и возвращения на трон короля Генриха II. И, судя по разрозненным документам, дошедшим до нас с тех времен, на этот раз возобладала жесткая линия Папской курии. В частности, маршал тамплиеров Ом д'Озильер и многие рядовые члены ордена закончили свою жизнь в темницах одного из замков на севере острова.

В Италии ход судебного процесса против тамплиеров зависел от политических пристрастий местных правителей. Как можно установить из немногих сохранившихся документов, Карл II Неаполитанский, кузен Филиппа Красивого, сумел выбить нужные показания — преимущественно под пытками. И в Папской области, используя те же жестокие методы, от тамплиеров добились признаний, что они отреклись от Христа и плевали на распятие. Однако в целом напряженная работа инквизиторов во главе с епископом Сутрийским дала весьма скромные результаты. Что касается Ломбардии, то многие тамошние епископы открыто встали на сторону тамплиеров. Епископы Равенны, Римини и Фано так и не смогли найти никаких доказательств вины тех тамплиеров, которых доставили на их суд. И только во Флоренции — опять же

под пытками — шестеро из тринадцати обвиняемых все-таки сознались.

В Германии против местных тамплиеров также было начато энергичное судебное расследование под председательством архиепископа Магдебургского Бурхардта. И все братья, включая командора всей Германии Фридриха Альвенслебена, были арестованы. Однако провинциальный церковный совет, собравшийся в городе Трире, не обнаружил никаких доказательств вины храмовников. А заседание церковного совета в Майнце во главе с архиепископом Питером фон Аспельтом было вообще прервано появлением в зале двадцати вооруженных рыцарей-храмовников во главе с командором графства Грумбах Гуго фон Сальмом. Насмерть перепуганный иерарх был вынужден выслушать претензии рыцарей, жаловавшихся, что их братьев во Франции лишили всякой возможности защищаться, а тех, кто настаивал на своей невинности, отправили на костер. Гуго фон Сальм также заявил, что доказательством их невинности служит тот факт, что белые плащи казненных уцелели в пламени.

В ходе последующих слушаний брат Гуго фон Сальма Фридрих, командор Рейнской провинции, дабы доказать невинность своего ордена, согласился пройти испытание огнем и водой. Он также сообщил судьям, что прослужил много лет на Востоке с Жаком де Моле и знает его как «добротного христианина, достойнее которого трудно даже вообразить». В документах следствия зафиксированы и другие свидетельства добродетельных дел рыцарей ордена Храма: например, один священник рассказал, что во время страшного голода в городе Майстре поместье храмовников ежедневно кормило до тысячи жителей. В результате проведенных слушаний архиепископ полностью оправдал всех арестованных тамплиеров, отпустив их на свободу, что вызвало крайнее раздражение Папской курии.

Кроме Франции и Кипра, крупная колония тамплиеров была в Испании, особенно в Арагонском королевстве, где орден принимал активное участие в Реконкисте — освобож-

дении испанских земель от мавров. Их богатствами — накопленными благодаря многочисленным привилегиям и щедрым пожертвованиям на протяжении почти двух столетий — частенько пользовались и местные монархи. Несмотря на обширные земельные владения тамплиеров в Арагоне, их казна заметно истощилась из-за необходимости направлять все новые и новые средства в Сирию и Палестину, а также постоянно ублажать арагонских правителей. И хотя орден Храма исправно выполнял банковские функции, однако сам он уже давно был в долгах.

В середине октября 1307 года король Яков II получил письменное послание короля Филиппа Красивого, где тот перечислял «злостные деяния» тамплиеров и настоятельно рекомендовал арестовать их самих и все их имущество, как сам Филипп уже сделал во Франции. Но его арагонский коллега с недоверием отнесся к этой информации, написав в ответном послании Филиппу:

«Тамплиеры всегда отличались достойной похвалы праведностью и религиозной стойкостью; и набожность их до сих пор не вызывала ни у кого сомнения; и никто не смел обвинить их в малейших отклонениях от веры; напротив, за все время нашего правления они преданно служили нам в борьбе с неверными, когда бы мы их об этом ни попросили».

Но когда до Испании дошло известие, что Жак де Моле сознался в предъявленных ему обвинениях, Яков II тоже приказал арестовать тамплиеров и все их имущество в своем королевстве. Однако некоторые рыцари отказались подчиниться и покинуть свои замки: в отличие от французских коллег в Арагоне многие тамплиеры успели вооружиться и подготовиться к обороне. Правда, одна из их крепостей, Пензикола, вскоре была взята королевской гвардией, а магистр Арагона Эксемен ди Ленда арестован, но в руках ордена остались мощные замки Аско, Кантавейя, Виллель, Кастеллота, Каламера и Монзон, а командор Руссильона Рамон Са Гуардиа крепко удерживал крепость Миравет. Оттуда он отправил королю Якову II письмо, в котором напомнил о крови, пролитой тамплиерами в войнах с маврами и совсем недавно —

в битве под Гранадой. И о том, что во время охватившего всю Испанию жестокого голода две тысячи человек были спасены от смерти в замке тамплиеров Гардени и еще шесть тысяч — в Монзоне. И о том, что при вторжении в Арагон французов, пытавшихся захватить Барселону, именно храмовники сумели отстоять независимость королевства. Перечислив все это, они просили короля освободить магистра и других тамплиеров, которые «всегда были верноподданными католиками и добрыми христианами».

Однако арагонский король, по-прежнему не веривший в виновность храмовников, хотел воспользоваться ситуацией и закрепить за собой имущество ордена, прежде чем оно будет экспроприровано в пользу церкви. Он предложил папе Клименту дать его племянникам земельные владения в Арагоне, если тот уступит ему (Якову II) права на собственность ордена тамплиеров в Испании. Вероятно, хорошо зная непомерную алчность Якова II, Рамон Са Гуардиа писал, что «искренно сочувствует королю и всем католикам по поводу того ущерба, который они понесли в связи с этим делом, — даже большего, чем мы сами, непосредственно столкнувшиеся с этим злом». Вместе с тем он выразил опасение за душу короля, если тот позволил ввести себя в заблуждение, будто действует от лица Бога, а не дьявола. Как и Пьер Булонский, командор задал Якову II вопрос: разве можно согласиться с предъявленными обвинениями, если членами ордена являются выходцы из самых знатных фамилий, причем многие из них состоят в братстве не менее шести лет, но никто из них ни разу не сообщил о замеченных злоупотреблениях?

В начале февраля 1308 года король Яков II тем не менее отдаст приказ захватить замки, оставшиеся в руках тамплиеров. Не желая или не имея достаточных сил для фронтальной атаки на укрепления, он решил взять их измором. Рамон Са Гуардиа, продолжавший свою переписку с испанским королем, предупредил, что братья-рыцари готовы принять мученическую смерть, если Яков II не гарантирует им защиты от посягательств папы Климента V до тех пор, пока тот

остается под влиянием Филиппа Красивого. Однако Яков не пошел на компромисс, а в ноябре капитулировал гарнизон Миравета, где кончились запасы продовольствия. Замок Монзон сопротивлялся до мая следующего года, а в конце июля была взята и последняя цитадель тамплиеров в Арагоне — крепость Каламера.

Судебное расследование по делу арагонских тамплиеров продолжалось, но, поскольку по местным законам пытки были запрещены, никаких признаний от арестованных добиться не удалось. Задержанные тамплиеры содержались в относительно комфортных условиях и достаточно прилично питались. Перед инквизиторами Рамон Са Гуардиа повторил те же доводы, что и в своих посланиях к Якову II. Он твердо заявил: обряд вступления в орден носил строго канонический характер и полностью соответствовал основам католицизма. Обвинения в отрицании Христа он назвал «ужасной, отвратительной и жестокой выдумкой». Он также сказал, что «все братья, уличенные в противоестественном грехе» (содомии), строго наказывались «лишением права носить орденское облачение и бессрочным тюремным заключением... с цепными кандалами на ногах и шее...» К этому командор добавил, что все обвинения против тамплиеров построены на «клевете и жестокосердии», а те, кто в них сознался, — просто лжецы.

Недовольный результатами следствия, папа в марте 1311 года приказал архиепископу Таррагонскому и епископу Валенсийскому прибегнуть к пыткам. Однако методы, столь хорошо зарекомендовавшие себя во Франции, в Испании почему-то оказались не столь действенными: восемь храмовников, которых пытали в Барселоне, по-прежнему не давали признательных показаний. И в ноябре 1312 года местный церковный совет в Таррагоне вынужден был признать тамплиеров невиновными.

Аналогичным образом развивались события в соседних королевствах — Леон и Кастилия, а также в Португалии. В результате допроса арестованных тамплиеров ни одна из епископальных комиссий не нашла доказательств их вины

Отдельные признания удалось добыть лишь в Наварре, которая традиционно находилась под сильным французским влиянием.

Как и Яков II, английский король Эдуард II получил в середине октября 1307 года послание от Филиппа Красивого с описанием вскрытых им «мерзких преступлений и козней» ордена Храма и рекомендацией зятю арестовать злоумышленников и их имущество, начав судебное расследование. Подобно Якову II, Эдуард поначалу не поверил французскому родственнику. Хотя общая численность тамплиеров в Британии была намного меньше, чем во Франции — в общей сложности в Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльсе насчитывалось от 140 до 230 рыцарей, — тем не менее они играли заметную роль в жизни королевства. И начало этому положил Гуго де Пейн, первый Великий магистр ордена, посетивший Лондон в 1129 году. Тамплиеры долгие годы были надежными банкирами Анжуйской династии английских королей. Именно им было доверено взыскать штрафы за убийство Томаса Беккета*; они же исполняли роль посредников в постоянных военно-политических распрях между Англией и Францией и охраняли замки в Нормандии — приданое принцессы Маргариты Французской — до тех пор, пока ее муж, сын и наследник короля Генриха II Английского Ричард Львиное Сердце, не достиг совершеннолетия.

Прекрасно известно, каким доверием пользовался орден Храма у короля Ричарда Львиное Сердце — Великий магистр Робер де Сабле был его вассалом и надежным другом. Лондонский Тампль являлся самым безопасным хранилищем королевской казны, а сам орден принимал активное участие в коммерческой деятельности по всему миру, пользуясь многочисленными привилегиями и льготами, дарованными королями и папами. И хотя благосостояние ордена Храма всегда вызывало зависть окружающих, следует отметить, что

* Томас Беккет (1118?—1170) — архиепископ Кентерберийский, убит из-за острых разногласий по вопросам церковно-политического устройства. — *Примеч. пер.*

ежегодный доход от всех земельных владений тамплиеров не превышал 4800 ливров, что вряд ли могло служить основанием для «жестокой ревности» конкурентов и «всеобщей нелюбви». В 1294 году Жака де Моле тепло принимал отец монарха Эдуард I, который с доверием относился к его советам. Эдуарду II, который всего три месяца как вступил на отцовский трон, выдвинутые против ордена обвинения показались необоснованными, о чем он прямо написал королям Франции, Арагона, Кастилии, Португалии и Неаполя. По его словам, тамплиеры совершили множество беспримерных подвигов в Святой земле во имя славы и величия католической церкви. Он также отправил письмо папе Клименту V, в котором настаивал, что тамплиеры «всегда непреклонно соблюдали чистоту веры», а те, кто их обвиняет, сами являются лжецами и преступниками.

Последнее письмо, отправленное в декабре, как раз совпало с появлением папской буллы «*Pastoralis praesentiae*», которая положила официальное начало массовым арестам тамплиеров во всех католических государствах. И четыре дня спустя этот церковный указ дошел до Эдуарда II. Юному монарху не оставалось ничего другого, как объявить 26 декабря о задержании английских тамплиеров «самым быстрым и решительным способом». К тому времени в Англии стало известно о неожиданных признаниях Жака де Моле, и, подобно арагонскому королю, Эдуард решил установить прочный контроль над собственностью тамплиеров, чтобы она не попала в другие руки.

Вместе с тем у английского короля остались подозрения по поводу истинных интересов Филиппа Красивого и причин его влияния на папу Климента. Даже по тому, как обращались с тамплиерами, было видно, что Эдуард II не слишком верил обвинениям, предъявляемым им. Магистр Англии Уильям де Ла Мор, арестованный 9 января, был помещен в тюрьму Кентерберийского аббатства. Но при нем оставили двух братьев, разрешили пользоваться собственной одеждой и всеми личными вещами, камеру обставили хорошей мебелью, а постель снабдили прекрасным льняным бельем. Ему

даже выплачивали «суточные» в размере двух шиллингов и шести пенсов. Многим командорам позволили оставаться в своих замках, пока два года спустя их не вызвали на допрос инквизиторов.

При аресте тамплиеров была составлена опись имущества, что давало некоторое представление об их образе жизни и опровергало клевету противников, будто они «просто купаются в роскоши». Так, в графстве Йоркшир вся более-менее ценная собственность ордена состояла из церковной одежды и утвари, сельскохозяйственных орудий и скота. При этом не обнаружилось никакого особого оружия, а лишь немного денег и старая, разбитая мебель. В кладовках были обнаружены небольшие запасы соленой баранины, свинины, говядины, бочки с сельдью, вяленая рыба, но вовсе не было вина.

В сентябре 1309 года в Англию прибыли для проведения следствия два инквизитора — некий Дьедонне, настоятель монастыря Ланьи, и Сикар де Воур, каноник из Нарбонны, где архиепископом был уже упоминавшийся Жиль Эйслен, председатель папской комиссии в Париже. Это было первое появление инквизиции на Британских островах: в отличие от Франции, где инквизиторы давно имели прочные позиции и охотно использовались в интересах королевской власти, в Англии их деятельность противоречила местным законам. Более того, следствием занималось специальное жюри присяжных, а пытки были категорически запрещены. По этой причине допросы арестованных тамплиеров, проведенные присланными инквизиторами и епископом Лондонским в период с 20 октября по 18 ноября, не дали никаких результатов. Никто из обвиняемых не признался в каком-либо святотатстве или антицерковной деятельности. Умбер Блан, командор Оверни, бежавший в Англию от преследований французского короля, объяснил, что подозрительная атмосфера таинственности, которая сопровождала процедуру принятия в орден новых членов, была вызвана «простым безрассудством» и стремлением вызвать большее уважение новобранцев, однако ничего кощунственного или противоправного там никогда не происходило.

Раздосадованные столь неудачной попыткой добиться признания, инквизиторы решили собрать провинциальный церковный совет в графстве Кентербери. На первом заседании, которое открылось 24 ноября в Лондоне, они обратились к королю Эдуарду II с настоятельной просьбой применить пытки. При этом они туманно и многоречиво ссылались на то, что подобная процедура якобы соответствует духу Библии и церковным канонам. И хотя разрешение было в конце концов получено, но и пытки желанных результатов не дали. Единственное нарушение, да и то незначительное, которое удалось им выявить, — распространенное между тамплиерами убеждение, что во время капитула (собрания каноников и высших руководителей ордена) магистр имеет право отпускать грехи.

Другим обстоятельством, вызвавшим откровенное недовольство инквизиторов — о нем они поведали в послании папе Клименту, — было явное нежелание Эдуарда II передать арестованное имущество тамплиеров римской церкви. Свои действия тот объяснял необходимостью посоветоваться с английскими графами и баронами. Это была не просто попытка затянуть расследование: если папа имел право претендовать на эту собственность, поскольку она складывалась из пожертвований ордену за выполнение ими церковного долга в Святой земле, то король мог резонно возразить, что эти благотворительные дары сделаны английскими дворянами, которые — если орден действительно будет распущен — вправе рассчитывать на возвращение своих добровольных вкладов. Поэтому поддержка баронов ему была гарантирована.

Раздосадованный таким итогом следствия, папа Климент V велел архиепископам Кентерберийскому и Йоркскому приложить максимум усилий, чтобы довести все же судебное расследование против английских тамплиеров до конца. Было оказано давление и с другого боку: Уильям Гринфилд, архиепископ Йоркский, получил письмо от короля Филиппа IV с предложением содействия в расследовании. Церковные иерархи делали все, что могли, но, как признался Уильям Гринфилд на очередном заседании местного церковного совета в

мас 1310 года, «о пытках в Английском королевстве даже слышать никто не хочет». Максимум, что ему удалось, — получить косвенное свидетельство против тамплиеров со стороны: некий Джон Нассингтон вроде бы слышал, что храмовники в одном из своих поместий «поклонялись теленку». Другой свидетель, рыцарь Джон Ури, доносил, будто командор графства Вестердейл показывал своей жене книгу, в которой утверждалось, что Христос появился на свет не в результате непорочного зачатия, а обычным образом — от мужа Иосифа. Единственное обвинение в содомии прозвучало в показаниях одного из братьев-храмовников — Адам Хитон заявил, что, когда он был ребенком, его друзья часто говорили: «Бойся поцелуя тамплиера». Другой свидетель был знаком с женщиной, которая как-то нашла в уборной мужские кальсоны с вышитым сзади крестом.

Папа Климент, подозревая английские власти в намеренном затягивании расследования, отправил Эдуарду II письмо, обещая полное прощение грехов, если он передаст арестованных английских тамплиеров под юрисдикцию французских властей. Одновременно понтифик надавил на английских священников, издав новую буллу, «*Faciens misericordiam*». В ней утверждалось, что преступления тамплиеров окончательно установлены, а потому любой, кто попытается их защищать, будет обвинен в тех же грехах. Провинциальный совет в Йорке, чувствуя себя не в силах ни подтвердить, ни опровергнуть выдвинутые обвинения, уполномочил своего главу предоставить решение этого вопроса Папской курии на предстоящем церковном Соборе во Вьенне. А пока они нашли типично английский выход из положения — каждый тамплиер был обязан публично сделать следующее заявление: «Сознавая всю тяжесть обвинений, изложенных в булле нашего владыки папы римского, и не будучи способен очиститься самостоятельно, вручаю свою судьбу его Высокопреосвященству и церковному совету». После этого заявления каждый из арестованных считался примиренным с церковью и был направлен под присмотр в один из монастырей: Вильям Графтон — в Селби, Ричард Кесвик — в Киркхэм, Джон

Уолпол — в Байленд, Томас Стенфорд — в Фаунтейнс и Генри Кирби — в Ривокс. В дальнейшем непокорное поведение Томаса Стенфорда и Генри Кирби заставило их опекунов, двух цистерцианских аббатов, направить жалобу архиепископу Йоркскому.

Судебные слушания по делу храмовников в Шотландии и Ирландии еще менее соответствовали ожиданиям папы Климента и короля Филиппа. Единственные более-менее приемлемые доказательства вины тамплиеров были получены от двух исключенных из ордена братьев — Стефана Стейпльбрега и Томаса Торолдби, которые в июне 1311 года рассказали о тех святотатствах, которые якобы наблюдали во время их вступления в орден. Похоже, обоих перед этим пытали. В июле того же года священник по имени Джон Стоук также признался, что через год после его вступления в орден тамплиеров сам Жак де Моле повелел ему отречься от Христа. После того как свидетели покаялись, их освободили, допустив к церковному причастию и таинствам. Так же поступили и с теми пятьюдесятью двумя тамплиерами, которые согласились на компромиссный вариант, предложенный церковным советом Йорка. Но двое самых высокопоставленных английских тамплиеров — магистр Уильям де Ла Мор и командор Оверни Умбер Блан — продолжали настаивать как на своей личной невиновности, так и всего ордена. Уильям даже отрицал, что отпускал грехи кому-либо из братьев, нарушавших орденские правила. В наказание его отправили в лондонский Тауэр, где в ожидании папского прощения он скончался в феврале 1313 года. Умбера Блана заковали в двойные кандалы и приговорили к заключению в одной из самых мрачных тюрем — там он должен был находиться до тех пор, «пока не признает своей вины и не раскается». Он так и умер — не раскаявшись.

В субботу 16 октября 1311 года, после годичной задержки, экуменический Собор католической церкви собрался в городе Вьенн. Этот городок на реке Роне, расположенный всего в двадцати километрах к югу от Лиона, был построен на развалинах древнеримского поселения. Римский амфите-

атр на склонах горы Пипет мог вместить более тринадцати тысяч зрителей; расположенный неподалеку античный храм, посвященный в свое время императору Августу, был превращен в католический собор. Стоит заметить, что именно сюда император Август когда-то сослал Архелая, сына короля Ирода, и в этом самом городе приняла мученическую смерть во имя Христа святая Бландина — ее «сначала высекли, затем бросили хищникам, поджарили на огне, а останки сложили в корзину и отдали быку». В швейцарском селении, расположенном в верхнем течении той же реки, на которой стоит Вьенн, был казнен еще один христианский мученик той эпохи — римский офицер по имени Маврикий, отказавшийся поклоняться языческим богам. В храме, посвященном этому святому, папа Климент V и открыл первое заседание Собора.

Но даже открытие этого христианского форума вызвало общее разочарование. Дело в том, что папа пригласил на Собор епископов и принцев из всех христианских стран, включая четырех православных патриархов, но из 160 человек на приглашение откликнулось менее половины; остальные под разными предлогами отказались, прислав своих наблюдателей. Да и те епископы, которые все-таки прибыли во Вьенн, сделали это без особой охоты: город был переполнен, приличное жилье найти было непросто, тем более что уже заметно похолодало. Так, епископ Валенсийский жаловался в письме королю Якову II, что «страна эта безмерно холодная».

В первые шесть месяцев Собор не удостоил своим присутствием ни один из европейских монархов — хотя первым из трех обсуждаемых вопросов было освобождение Святой земли, что, казалось бы, не могло их не волновать. Второй вопрос — реформа церковного устройства — тоже являлся актуальным и неоднократно поднимался предшественниками Климента V, однако трудно было ожидать особой активности в борьбе с коррупцией в церкви от римского первосвященника — ведь именно он недавно протащил четырех своих родственников в коллегия кардиналов и не упускал любой возможности поживиться за счет паствы. В высказы-

ваниях делегатов Собора преобладал откровенный цинизм. Французский современник описываемых событий Жан Сен-Виктор вспоминает, как «многие шутили, что папа созвал этот Собор просто для того, чтобы вытрясти побольше денег».

И третий вопрос в расписании заседаний — обсуждение судьбы ордена Храма. Для Климента V было весьма важно, чтобы Собор поддержал ликвидацию ордена. Поэтому он так усиленно добивался от инквизиторских комиссий в различных странах все новых и новых доказательств, настаивая на применении пыток в тех случаях, когда не удавалось добиться признаний обычным путем. Все это потребовало намного больше времени, чем предполагалось, из-за чего и пришлось задержать открытие церковного Собора на целый год. Когда же все доказательства были собраны и проанализированы самим папой и его советниками, то выяснилось, что они выглядят неубедительно. Фактически только во Франции удалось добиться заслуживающих определенного доверия признаний; а вот доказательства еретических настроений среди тамплиеров, добытые в других местах — особенно в Англии, Арагоне и на Кипре, — не могли стать основой для серьезных обвинений.

Помимо подготовки аннотаций многочисленных отчетов следственных комиссий, папа Климент поручил двум кардиналам — Жаку Дюэзу, своему гасконскому приятелю, и Гильому Ла Мару, епископам Авиньона и Анжера — изложить свое мнение относительно того, как следует поступить с тамплиерами. Оба прелата сочли вину ордена доказанной, а посему он должен быть распущен, и не путем голосования на Соборе, а личным указом папы как главы церкви — *данной ему властью*. Они также отвергли право ордена защищаться и доводы тех, кто заявлял, что столь благородные христиане «не могут быть извергнуты из тела церкви без предварительного обсуждения и полноправного правосудия». Позиция кардиналов отражала настроения Папской курии и окружения французского короля. Поверенный короля Якова II, присутствовавший на Соборе, писал ему: «Исходя из того, что

мы здесь слышали от кардиналов и священников, нельзя обвинить весь орден, поскольку имеются доказательства вины лишь некоторых его членов». Цистерцианский аббат Жак Теринэ сомневался, могут ли люди столь знатного рода и постоянно рисковавшие жизнью для защиты Святой земли быть еретиками. Он также обратил внимание на многочисленные неясности и расхождения в задокументированных показаниях. Английский клирик Вальтер Гисборо писал, что «большинство прелатов было на стороне тамплиеров, за исключением представителей французского духовенства, которые, судя по всему, просто боялись своего короля, затеявшего весь этот скандал».

Климент оказался в трудном положении — формально он пригласил храмовников на Собор для защиты ордена, хотя в уме держал совсем иное. В конце октября случилось еще одно неожиданное и неприятное для верховного понтифика событие — на Собор явились семеро братьев, чтобы взять на себя защиту ордена. Кроме того, они утверждали, что в окрестностях Вьенна скрываются от полутора до двух тысяч тамплиеров, которые готовы прийти им на помощь.

Папа приказал их арестовать и распорядился создать комиссию из пятидесяти человек, чтобы решить, имеют ли право тамплиеры на самостоятельную защиту; и если решение будет положительным, то могут ли в роли защитников выступать только прибывшие сюда тамплиеры или же необходимо вызвать их братьев из других христианских государств? А если это окажется слишком трудным, может ли папа выбрать для этой цели одного из них? Подавляющим большинством голосов комиссия постановила: тамплиеры имеют право на такую защиту. Против, как обычно, выступили французские епископы, близкие к королю Филиппу, во главе с Жилем Эйсленом.

Однако это решение выглядело трудновыполнимым, поскольку во Вьенне заметно ухудшились бытовые условия и истощились запасы еды, что вызвало резкое подорожание продуктов. В городе к тому же вспыхнули эпидемии, уже унесшие жизни нескольких святых отцов. В этих обстоятель-

ствах упрямство комиссии вызвало откровенное недовольство Климента V и буквально взбесило Филиппа Красивого. Чтобы повлиять на решение Собора, французский король применил тот самый прием, который уже помог ему четыре года назад, — он назначил на февраль 1312 года заседание Генеральных штатов, но не в Туре, а в Лионе, который располагался в двадцати километрах выше Вьенна по реке.

Климент, по-прежнему опасавшийся возможной активности Филиппа в деле покойного папы Бонифация VIII и уже отчаявшийся организовать новый крестовый поход, поддерживал постоянную переписку с королем. А 17 февраля папа принял от него представительную делегацию во главе с принцем Людовиком Наваррским. В нее входили графы Булонский и Сен-Поль, а также его главные советники — Ангерран де Мариньи, Гильом де Плезан и Гильом де Ногаре. Вместе с приближенными кардиналами они стали искать выход из создавшейся ситуации.

Но тут возникло новое обстоятельство — арагонский король Яков II соглашался распустить орден Храма в своем королевстве, но при этом настаивал, чтобы имущество тамплиеров было передано местному духовно-рыцарскому ордену Калатравы. Судьба конфискованной собственности стала камнем преткновения и в переговорах папы с французским монархом. Филипп Красивый, давно задумавший провести операцию по образцу Якова II, отправил папе послание: «Страстно переживая за чистоту и прочность христианской веры и с горечью сознавая, сколь много нанесенных Христу ран остается безнаказанными, с преданностью, смирением и любовью призываю Ваше Святейшество *раздавить* этот богопротивный орден, а вместо него создать новое рыцарское братство и передать ему все имущество упомянутого ордена вместе с правами, почестями и обязанностями».

Отлично зная, что магистром нового ордена король Филипп хочет сделать одного из своих сыновей, Климент V проявил в данном вопросе неожиданную твердость, настояв на том, чтобы орден Храма был распущен — но без формального осуждения, — а вся его собственность была передана гос-

питальерам. Не добившись желаемого в полном объеме, король предложил компромиссное решение, пообещав согласиться с любым папским решением, но оставляя за собой «собственные права, а также права наших священников, баронов, дворян и других королевских подданных».

Климент еще некоторое время колебался, пока 20 марта Филипп Красивый не дал ясно понять своих намерений, внезапно появившись на Вьеннском соборе в сопровождении двух братьев, трех сыновей и многочисленной вооруженной свиты. Два дня спустя папа провел тайное заседание консистории, на котором уговорил ранее созданную по делу тамплиеров комиссию пересмотреть свое решение. Понимая, что игра проиграна — возможно, их подкупили или запугали французы, — большинство прелатов проголосовало за полную ликвидацию ордена. Это решение один из его противников, епископ Валенсии, назвал «противоправным и несправедливым».

3 апреля Собор собрался на одну из последних сессий в храме Святого Маврикия, чтобы выслушать проповедь папы Климента V, зачитавшего из Библии пятый стих первого псалма: «Потому не устоят нечестивые на суде и грешники — в собрании праведных». При этом верховный понтифик восседал на троне, а по бокам от него — и чуть ниже — заняли места король Филипп IV и принц Наваррский. По окончании проповеди и перед началом слушаний глашатай объявил, что под угрозой отлучения никому на данной сессии не позволено говорить без разрешения папы римского.

Далее Климент V зачитал новую буллу — «Vox in excelso», подведя таким образом черту под историей ордена бедных рыцарей Храма. Булла специально была составлена так, чтобы избежать прямых обвинений в адрес братства как такового: орден был распущен, но без формального приговора, а лишь согласно папскому декрету, «учитывая дурную репутацию тамплиеров, имеющиеся против них подозрения и обвинения; учитывая таинственные способы и обряды приема в сей орден, дурное и антихристианское поведение многих из его членов; особо учитывая, что берется с них клятва не раскрывать ничего

из церемонии допуска и никогда не выходить из ордена; учитывая, что позорные слухи не прекратятся, доколе орден существует; учитывая, сверх того, какой опасности подвергаются вера и души людские, равно как и омерзительные злодеяния чрезвычайно многих членов ордена...»

Как о доказанном сообщалось и о «многих ужасных вещах», которые позволяли себе «братья из этого ордена... впавшие в тяжкий грех вероотступничества против самого Господа нашего Иисуса Христа, поклонявшиеся мерзким идолам и предававшиеся непотребному содомитскому греху...»

Авторы этого текста явно хотели оправдаться в собственных глазах, напомнив, что «римская церковь в своей истории распускала другие прославленные ордена и за гораздо меньшие проступки по сравнению с перечисленными...» В документе звучал даже мотив примирения: дескать, жесткое решение далось папе «не без горечи и боли в сердце». Однако на этот раз от Собора не требовалось ни согласиться, ни отвергнуть папское постановление — предлагалось лишь принять к сведению, что «орден упразднен окончательно и навечно. С одобрения совета святых отцов, мы налагаем этот бессрочный запрет и категорически предупреждаем: ежели кто в будущем осмелится вступить в вышеуказанный орден, или надеть на себя его облачение, или выдавать себя за тамплиера, то будет сурово наказан. И ежели кто поступит вопреки этому указу, будет тут же отлучен от церкви в силу самого факта».

В следующей булле, «Ad providam», обнародованной 2 мая того же года, собственность тамплиеров передавалась ордену святого Иоанна, т.е. госпитальерам, которые «постоянно рискуют своими жизнями в заморских странах». Исключения были сделаны лишь для владений тамплиеров в Арагоне, Кастилии, Португалии и на Мальорке — их принадлежность предполагалось решить позднее.

В оценке произошедшего все три монарха — Эдуард II Английский, Яков II Арагонский и главный зачинщик Фи-

липп IV Французский — в принципе согласились с папой Климентом V, поскольку многое из имущества распущенного ордена перешло в их руки или в руки их вассалам. Эдуард II уже успел сдать в аренду некоторые поместья тамплиеров, предупредив госпитальеров, чтобы те не ссылались на папский указ и «не суетились». Однако тяжбы между госпитальерами и папскими легатами, с одной стороны, и английским королем — с другой, тянулись вплоть до 1336 года. Лондонский Тампль был впоследствии передан коллегии адвокатов — это здание сохранилось до нынешних дней.

Арагонский король Яков II давно понял, что безопасность королевства во многом зависит от того, перейдут ли к нему владения ордена Храма: упорное сопротивление, оказанное тамплиерами в 1308 году при попытке ареста, отчетливо продемонстрировало опасность существования этой хорошо вооруженной автономии, которая практически не подчинялась королю. Но и Испании удалось разрешить все проблемы лишь несколько лет спустя. Был создан новый рыцарский орден святой Марии Монтесской, базировавшийся недалеко от Валенсии и подчинявшийся магистру ордена Калатравы, а также местному цистерцианскому аббатству. Остальные владения храмовников на территории Арагона были переданы госпитальерам, но предварительно их командор принес феодальную присягу арагонскому монарху. Сами тамплиеры, которые уже покаялись и были прощены, либо продолжали жить в прежних орденских поместьях, либо переехали в другие монастыри, где получали пенсию из специального орденского фонда. Роспуск ордена не означал, что с них снимался ранее данный обет.

Однако, как и в Йоркшире, тамплиеры в Испании с большим трудом переходили от прежней жизни, полной опасностей и приключений, к рутинному монашескому существованию. Некоторые просто сбежали из монастырей, снимали рясы и начинали мирскую жизнь. Разочаровавшись в прошлом и устав от жесткой орденской дисциплины, многие занялись свободной торговлей и завели семьи. Порой вып-

лачиваемые братьям пенсии были настолько солидными, что они могли позволить себе праздную жизнь. Так, бывший тамплиер Беренгар де Бельви даже купил себе любовницу; другого рыцаря обвинили в изнасиловании, но — что примечательно — не было зафиксировано ни одного случая содомии.

Жалобы, сыпавшиеся со всех сторон новому папе Иоанну XXII, который сменил умершего в 1313 году Климента V, вынудили его попытаться вернуть бывших тамплиеров к религиозной жизни. В письме архиепископу Таррагонскому папа просил проследить, чтобы те «не участвовали в светских военных конфликтах» и не носили роскошной мирской одежды. Он также повелел, чтобы в одном монастыре находилось одновременно не более двух бывших храмовников, а «если они отказываются вести затворническую жизнь, то их надо решительно лишать пенсионных выплат». Однако известно лишь несколько случаев, когда подобные санкции применялись.

А вот португальскому королю Дионисию в 1319 году было позволено создать новый духовно-рыцарский орден — орден Христа; ему передали все бывшие владения тамплиеров; их великолепная резиденция в Томаре в традиционной форме ротонды сохранилась до наших дней. Санчо Мальоркский — его владения располагались на Балеарских островах, у восточного побережья Испании, — добившись компромисса с Папской курией, передал собственность тамплиеров ордену Госпиталя в обмен на выплату ежегодной ренты. Что касается Кастилии, там некоторые орденские замки присвоил себе король, а другие достались его баронам или местному рыцарскому ордену Калатравы. Отказ кастильского монарха передать владения тамплиеров ордену святого Иоанна в 1366 году даже побудил Папскую курию подать запоздалый протест. Сходную картину можно было видеть в Италии, Германии и Богемии, где местные правители быстро завладели львиной долей собственности тамплиеров, а госпитальеры получили остатки. Тамплиерам долго удавалось удерживать замок Хидельшайм, но все же их убрали и оттуда. Ордену доминиканцев, составлявшему основу папской инквизиции,

были переданы дома и владения тамплиеров в Вене, Страсбурге, Эсслингене и Вормсе. В Неаполитанском королевстве и Провансе тамошнему королю Карлу II понадобилось пять лет, чтобы разобраться с недвижимостью ордена Храма. И только на Кипре передача его владений прошла быстро и без проблем — во многом благодаря прифронтовому положению этого острова.

Во Франции братья короля и его новый министр Ангерран де Мариньи настойчиво, но безуспешно пытались убедить Филиппа Красивого, что уступка папе Клименту орденской собственности является неплохой ценой за его согласие на окончательный роспуск рыцарского братства тамплиеров. Однако король попытался сделать ответный выпад — он написал папе, что согласен на передачу конфискованной собственности иоаннитам, но при условии, что Климент V реформирует этот орден, а также компенсирует понесенные королевской казной расходы по охране и управлению конфискованным имуществом. По примеру своего зятя Эдуарда II Английского, он оговорил «собственные права, а также права священников, баронов, дворян и других королевских подданных». Согласно его фактическому ультиматуму, госпитальеры должны были через свое представительство в Венеции перечислить в королевскую казну в Париже двести тысяч турецких ливров, покрыв тем самым потери Франции от упущенной казны тамплиеров, которая ранее хранилась в парижском Тампле. Но даже после этой финансовой операции передача конфискованной собственности не завершилась, и госпитальеры были вынуждены выплатить еще шестьдесят тысяч ливров, чтобы компенсировать расходы, которые французская корона якобы понесла в ходе ареста тамплиеров и судебного расследования. Но оказалось, что и это не все: в 1316 году потребовался последний взнос, на этот раз «всего» пятьдесят тысяч ливров; его иоанниты выплатили с большим трудом.

Однако это был не единственный «приварок» французского короля, полученный в результате «правильно организованного» Вьеннского собора. В апреле 1312 года, через две

недели после официального роспуска ордена Храма, папа Климент удовлетворил наконец свои амбиции, бывшие главной пружиной его уклончивой и лицемерной политики, осуществляемой с момента избрания на римский трон. Выступая перед высшими иерархами католической церкви в том же соборе Святого Маврикия, он провозгласил новый крестовый поход, заключив свою речь словами: «Желание праведника должно быть исполнено». Предполагалось организовать не «профессиональную экспедицию», как многие советовали, а «общенародное мероприятие», единственным энтузиастом которого как раз и был великий магистр тамплиеров Жак де Моле, теперь закованный в цепи и брошенный в темницу. Возглавить поход должен был Филипп Красивый, а для оплаты предстоящих расходов ему было поручено в течение последующих шести лет взимать десятую часть всех церковных доходов в королевстве.

На следующий год в Париже в чрезвычайно торжественной обстановке Филипп IV принял крест, который ему вручил папский нунций (дипломатический представитель). Вслед за монархом крест приняли его сыновья, а также английский король Эдуард и многие знатные вельможи обоих королевств. Таким образом, несмотря на все разногласия, внук Людовика Святого и римский папа родом из Гаскони наконец объединили свои усилия ради освобождения Святой земли от неверных. Казалось, две мощные струи — праведного благочестия и благородного рыцарства — слились в единый, неостановимый поток; в ознаменование столь важного события вся столица была расцвечена флагами, а воздух наполнился звуками музыки и веселья, которое продолжалось более недели.

Оставалось уладить только пустяк — совсем недалеко от радостных парижан в темнице томились высшие руководители распущенного ордена тамплиеров, ожидая решения своей участи. Бывший Великий магистр Жак де Моле упорно не соглашался дать откровенные показания никому, кроме папы римского. Наверное, ему казалось, что, встретившись лицом к лицу с главой католической церкви, он сумеет отстоять не только личную честь, но и достоинство своего ордена

Но их встреча так и не состоялась. В конце декабря 1313 года Климент V назначил комиссию из трех кардиналов, поручив ей решить судьбу руководителей ордена тамплиеров. 13 марта эти трое уполномоченных созвали консилиум, пригласив докторов теологии и знатоков церковного права, присутствовал также Филипп де Мариньи, архиепископ Санский. Перед комиссией предстали Жак де Моле, Гуго де Перо, Жоффрау де Гонвиль и Жоффрау де Шарне. Им зачитали решение: «Поскольку эти четверо, все без исключения, публично и открыто признали преступления, в коих они обвинялись, и подтверждают сии показания... они приговариваются к пожизненному тюремному заключению».

Двое из обвиняемых, Гуго де Перо и Жоффрау де Гонвиль, выслушали этот приговор, не выразив протеста. А вот Жаку де Моле, проведенному семь лет в заключении и помнившему обещание папы, этот вердикт показался вопиюще несправедливым. Ему, семидесятилетнему старику, не было смысла смиренно принимать такую изуверскую «награду». Выходит, папа его просто предал, и оставалось обратиться за справедливостью к Всевышнему. И в тот момент, когда кардиналы решили, что дело тамплиеров благополучно завершено, Жак де Моле и командор Нормандии Жоффрау де Шарне обернулись к толпе и громко объявили, что отказываются от прежних показаний и клянутся, что ни они сами, ни их орден не виновны ни в одном из вменяемых им преступлений.

Такой поворот событий поставил исполнительных кардиналов в тупик — их заранее продуманный сценарий окончился конфузом. Двух отказчиков королевский маршал быстро увел в камеру. Но слухи о произошедшем разлетелись по всей Франции. И как только они достигли Филиппа IV, тот собрал королевский совет, который и решил предать этих нераскаявшихся еретиков очистительному огню. И в тот же день «в час вечерни» Жака де Моле и Жоффрау де Шарне перевезли на небольшой островок Камышовый посреди Сены, где их должны были предать сожжению.

Как позднее написали очевидцы, Жак де Моле обратился с последним словом к папе Клименту и королю Филиппу — он призвал их, прежде чем завершится этот год, явиться на суд Божий. Перед тем как его привязали к столбу, Великий магистр попросил у охранников разрешения сложить ладони и помолиться. Еще он повторил, что орден Храма невиновен и что он просит Бога отомстить за его смерть и смерть братьев. Как отмечали летописцы, «смерть они приняли с легкой душой», а у всех присутствовавших «их отречение от ложных показаний и презрение к смерти вызвало восхищенное удивление». Двух стариков привязали к столбу и подожгли. Позднее, под покровом темноты, братья из соседнего монастыря августинцев вместе с другими набожными людьми пришли на пепелище и бережно собрали обугленные останки мертвых тамплиеров, словно это были святые мощи.

Как и предсказывали скептики на Вьеннском соборе, запланированный Климентом V крестовый поход так и не состоялся. Папа скончался 20 апреля 1314 года, через месяц после казни Жака де Моле. После смерти понтифика в его спальне обнаружили два небольших томика, написанных на разговорной латыни (так называемом романском языке), в кожаном переплете и со стальными застежками... с изложением Устава ордена тамплиеров. Вскоре этот мир покинул и Филипп Красивый — произошло это 29 ноября того же года в результате несчастного случая на охоте. Огромная сумма денег, собранных на крестовый поход, либо бесследно исчезла в сундуках французского казначейства, либо была присвоена. Согласно завещанию, Климент V оставил триста тысяч флоринов своему племяннику Бертрану де Го, виконту Ломанскому, — в обмен на его обязательство стать крестоносцем, которое тот, естественно, так и не исполнил. Как метко заметил один неизвестный хронист той эпохи, «папа всю жизнь собирал деньги, а его кузен, маркиз, их спокойно транжирит; и король, и все, кто когда-то принял крест, так и остались дома. А сарацины живут себе там в ус не дую, и сдается мне, что спать они могут спокойно».

Эпилог

Приговор истории

Какой же вердикт вынесла история тамплиерам? Со времени суда над орденом Храма общественное мнение не определилось в ответе на вопрос, действительно ли они совершали те преступления, в которых обвинялись. Данте Алигьери считал их невинными жертвами алчного короля Филиппа IV, а вот Раймунд Луллий, поэт из Мальборки, мистик, миссионер и теоретик крестовых походов, поначалу сомневался, но потом все же пришел к выводу, что выдвинутые против храмовников обвинения вполне обоснованны. Однако тот и другой слишком фанатично отстаивали свою позицию: Данте вообще изгнали из Флоренции сторонники Карла Анжуйского, а Луллий всю жизнь носился с идеей Филиппа Красивого о слиянии двух главных духовно-рыцарских орденов.

В последующие века объективное представление об этом процессе так и не сложилось из-за влияния разнообразных политических обстоятельств и интересов: приспешники римских пап и французских королей категорически не желали признавать, что предшественники их владык совершили величайшую несправедливость, в то время как демократы и конституционалисты стремились изобразить тамплиеров как абсолютно невинных жертв тирании. Так, в начале XVI века Анри Корнелий Агриппа в своем трактате «Философия оккультизма» («*De occulta philosophia*») приравнял храмовников к колдунам, а живший в том же столетии французский мыслитель Жан Боден считал их, подобно евреям, маргина-

лизированным меньшинством, которое подверглось нападению коварного монарха.

В XVII—XVIII веках незаконное осуждение тамплиеров, лишенных права на защиту, протестанты и просто скептики постоянно использовали в борьбе с католической церковью. Англиканский священник Томас Фуллер писал, что «причиной истребления тамплиеров отчасти была присущая им порочность, а отчасти — накопленные ими богатства»; а Эдуард Гиббон в «Истории заката и падения Римской империи» отмечает присущие «бедным воинам Христа» высокомерие, стяжательство и дурной нрав. Именно такими изобразил храмников и Вальтер Скотт.

Но в эпоху Просвещения в XVII веке возникло и иное отношение к тамплиерам — их стали воспринимать не как ортодоксальных католиков или, наоборот, вероотступников-еретиков, а скорее как проповедников древних оккультных религий, предвосхитивших появление Христа. Казалось бы, столь рационалистическое учение, гордившееся борьбой со всевозможными суевериями и опиравшееся на здравый смысл, должно было сорвать паутину мистики с истории ордена Храма. Тем не менее, как заметил Питер Партнер в книге «Убитые волшебники» («The Murdered Magicians»), «деятели эпохи Просвещения и не пытались спокойно разобраться в доводах как сторонников, так и противников тамплиеров. Трансформация отношения к ордену, произошедшая в XVIII веке, показывает, сколь далеки были просветители от строго научного подхода к проблеме. Когда трезвые и холодные умы XVIII столетия, заглянув в самую глубину истории католической церкви — она всегда являлась главной мишенью их рационализма и объектом разоблачения, — обнаружили там храмников, то неожиданно поддались дикой фантазии, превратив рыцарей-монахов в каких-то волхвов-чернокнижников и присоединившись к официальным церковным историографам. И эти взгляды оказались столь живучи, что до наших дней в любой работе о тамплиерах встречаются цветистые обрывки давних историй или по крайней мере ощущается привкус предубеждений, сложившихся в XVIII веке».

Главными проповедниками подобного «тамплиеризма», превратившими храмовников из исторических персонажей в мифических героев, стали франкмасоны*, члены тайных братств, основанных на прочной взаимной поддержке, чей размытый деизм** сразу вызвал резко враждебное отношение католической церкви. Однако масоны были далеко не первыми, кто создал художественные образы тамплиеров: еще до ликвидации ордена рыцари фигурировали в романах и эпических балладах часто как «защитники любовников», утешавшие их, когда страсть оказывалась безответной, или способствуя взаимному счастью. Тамплиеры привлекали внимание современных им летописцев и поэтов намного сильнее, чем госпитальеры и тевтоны. Рыцари Грааля из драматической поэмы Вольфрама фон Эшенбаха «Парцифаль» («Parzival») названы тамплиерами, однако вряд ли автор произведения имел хоть какое-то представление об ордене Храма. В те времена в Германии было еще очень мало орденских владений и большинство тамплиеров являлись французами.

Масонские гипотезы мало отличались от того же «Парцифалья». Эндрю Рэмси, шотландский якобит*** (выслан в 1730-е годы во Францию, являлся канцлером Великой французской ложи), утверждал, что первыми масонами были каменщики, трудившиеся в латинских государствах на Ближнем Востоке в эпоху крестовых походов. Дескать, там они овладели тайными ритуалами и специальными знаниями, унаследованными от мудрецов древности. По поводу тамплиеров Рэмси ничего особенного не говорил, но это могло быть вызвано его нежеланием раздражать своего покровителя, французского короля. А вот в соседней Германии другой

* Слово «франкмасон» в переводе с французского означает «вольный каменщик». — *Примеч. пер.*

** Деизм (от *лат.* *deus* — бог) — религиозно-философская доктрина, распространившаяся в XVII—XVIII вв., признающая Бога как мировой разум, но отвергающая его участие в жизни природы и общества. — *Примеч. пер.*

*** Сторонник английского короля Якова II Стюарта (1633—1701), пытавшегося восстановить абсолютизм и опиравшегося на католическую церковь. — *Примеч. пер.*

беженец, Джордж Фридрих Джонсон, распространял мифы, в которых тамплиеры, «невежественные и фанатичные воины-монахи, представляли просвещенными и мудрыми рыцарями, которые во время пребывания на Востоке приобщились к самым древним тайнам познания и высоко поднялись над примитивными средневековыми верованиями».

По мнению немецких масонов, Великие магистры ордена Храма овладели тайными знаниями и отыскивали бесценные реликвии, принадлежавшие древнееврейской секте ессеев. В ночь перед казнью Жак де Моле послал графа Бежо в подземный склеп парижской часовни тамплиеров — забрать хранившиеся там сокровища, включая драгоценный семи-свечник, в свое время привезенный императором Титом, корону Иерусалимского королевства и плащаницу. Известно, что на судебных слушаниях по делу тамплиеров сержант Жан де Шалон под присягой засвидетельствовал, что Жерар де Вильер, командор Франции, предупрежденный доброхотами о готовящемся аресте, бежал из королевства, прихватив всю казну тамплиеров. Ее погрузили на восемнадцать судов. Если это и в самом деле так, то куда же подевались сокровища? Джордж Фридрих Джонсон утверждал, что они попали к одному из членов ордена Храма в Шотландии, конкретно указав на остров Мулл.

Спекуляции на эту тему не прекратились и в XVIII веке, но, пожалуй, никогда не появлялось столько домыслов о пропавших сокровищах, как в наши дни. По меткому выражению Малкольма Барбера, самого компетентного английского специалиста, изучавшего деятельность тамплиеров, «возникла своего рода небольшая индустрия, за счет которой питаются ученые, историки искусства, журналисты, издатели и телевизионщики». В эзотерических теориях и утверждениях франкмасонов немало фантастического: тамплиеры объявлены защитниками священной чаши Грааля — подразумевается кубок, из которого Христос пил на Тайной вечере; королевский род Мервингов, по их мнению, ведет начало от любовной связи Христа с Марией Магдалиной; а самой

главной реликвией тамплиеров объявлена Туринская плащаница.

Разрозненные и противоречивые факты пытаются дополнить собственными измышлениями. В своей книге, вышедшей в 1977 году, «Тамплиеры. Рыцари в белых плащах» («Les Templiers. Ces Grand Seigneurs aux Blancs Manteaux») французский писатель Мишель Лами останавливается на судьбе одного из основателей ордена бедных рыцарей Иисуса Христа — цистерцианского аббата, а впоследствии настоятеля монастыря в Клерво Стефана Хардинга, друга и покровителя Бернарда Клервоского. Автор напоминает нам, что отец Стефан настойчиво привлекал еврейских раввинов к переводу книг Ветхого Завета с иврита на латынь. «Что послужило причиной столь неожиданного интереса аббата к древнееврейским текстам?» — вопрошает Лами. По его мнению, с помощью древних текстов ему удалось установить, что сокровища сокрыты на Храмовой горе. Вот почему покровитель цистерцианцев Гуго Шампанский отправился в Иерусалим, а затем побудил своего вассала Гуго де Пейна основать орден бедных рыцарей Иисуса Христа со штаб-квартирой именно на Храмовой горе. «Остается полагать, что в документах, которые, вероятнее всего, прихватил в Палестину Гуго Шампанский (о них, несомненно, знал и Гуго де Пейн), напрямую указано место, которое впоследствии стало главной резиденцией ордена Храма на Востоке».

Та же гипотеза присутствует и в произведениях британских авторов — «Святая кровь и Святой Грааль» («The Holy Blood and the Holy Graal») Майкла Бсиджента, Ричарда Лея и Генри Линкольна (1982), а также «Голова Бога» («The Head of God») Кейта Лейдера (1998): в обеих книгах авторы объясняют малую численность ордена в первые годы его существования необходимостью сохранять в тайне интенсивные поиски сокровищ. Об этом было известно лишь горстке избранных. «Довольно незначительная активность тамплиеров в первые годы, — пишет Лейдер, — по-видимому, как-то связана с раскопками, проводившимися в храме Соломона или где-то поблизости от него, — операцией, о которой не

полагалось знать никому, кроме нескольких наиболее знатных особ».

По мнению этих авторов, нет сомнений, что действительно было найдено нечто экстраординарное. Сначала Мишель Лами высказывает весьма интригующие предположения:

«...А что, если это был ковчег Завета? А может быть, какие-то секреты из области архитектуры? Ключ к отгадке различных чудес из жизни Христа и расшифровка его посланий? Грааль? А может, бумаги с указанием особых мест, где облегчается общение с небесами и присподней?»

Но тут же автор решительно заявляет: вовсе нет. А нашли они ни больше ни меньше как *забальзамированную голову Христа*.

Это та самая голова, которая известна в истории под именем Бафомет и которая, вероятно, использовалась тамплиерами в их тайных обрядах. А если ее нашел не Гуго де Пейн на Храмовой горе, значит, она была доставлена в Европу Марией Магдалиной и затем, попав в руки катаров, спрятана в замке Монсегюр. Когда же замок приготовился капитулировать под натиском крестоносцев, три избранных *парфата* вывезли сокровища из крепости. «Но что у катаров считалось сокровищем? Да и сколько золота или серебра могли забрать три человека? Ясно, что это были не деньги... А нечто другое, что хранилось в Монсегюре до самого последнего момента и без чего не могли обойтись во время важного ритуала, проведенного всего за день до сдачи замка, в день весеннего равноденствия», — другими словами, голова Христа. И бежавшие из замка катары могли спрятать ее «в единственном во всей Франции месте, которое было вне досягаемости короля, и при помощи организации, которая по своему статусу и задачам обладала необходимой автономией, а кроме того, разделяла гностицизм* самих катаров, — то есть в ордене Храма».

* Религиозно-философское учение, сторонники которого призывали духовно непознаваемое первоначало, противостоящее материи — источнику «зла». — *Примеч. пер.*

Таким образом, когда в 1307 году Жерар де Вильер бежал из парижского Тампля, он захватил с собой и эту «святыню всех святынь». Тамплиерская эскадра, отплывшая из Ла-Рошели, разделилась на две части — половина направилась на юг, в Португалию, где храмовники были радушно приняты королем Дионисием, а другие устремились в Шотландию; их корабли бросили якорь в одном из ее портов. К югу от Эдинбурга находится замок Росслин, в то время принадлежавший семье Сен-Клер, у которой были давние связи с тамплиерами. Часовня в этом замке являлась уменьшенной копией иерусалимского храма Соломона. Именно здесь, под одной из колонн, спасшиеся храмовники якобы и закопали «голову Бога».

Но сколь бы заманчиво и интригующе ни выглядели подобные истории, они не выдерживают серьезного анализа, и это особенно очевидно, если обратить внимание на частое использование авторами таких неопределенных выражений: «ответ, казалось бы, лежит...»; «представляется весьма вероятным, что...»; «известно, что...»; «не могло ли это быть...»; «выглядит весьма правдоподобным, что...» и т.п. Как верно пишет Эндрю Синклер в книге «Открытие Грааля» («The Discovery of the Graal»), «после проведения достаточно поверхностного анализа подобные фантазии часто выдаются за научные гипотезы. Действительно ли голова Христа или чаша Грааля долго хранились на юге Франции? Был ли Иисус женат на Марии Магдалине и положил начало династии Меролинггов? И всего на нескольких страничках сбивчивого текста такие горе-историки превращают сомнительное предположение в установленный факт...» Еще более определенно выразился по этому поводу Питер Партнер: «Так называемый тамплиеризм... выдуман шарлатанами, чтобы дурачить простофиль».

Однако загадка ордена Храма, к счастью, интересует не только шарлатанов — она является предметом серьезного и вдумчивого изучения профессиональных историков. Французская революция 1789 года, до основания разрушившая

сразу две организации, повинные в уничтожении ордена тамплиеров, — самодержавную королевскую власть и римско-католическую церковь, — позволила начать новые, более широкие исследования этой проблемы. Тот факт, что членов королевской фамилии поместили в тюремную камеру парижского Тампля, откуда потом и вывели на казнь, защитники тамплиеров считают символическим и воспринимают как месть за смерть Жака де Моле. В марте 1808 года, в день очередной годовщины гибели Великого магистра на костре, на этом месте, напротив собора Парижской Богоматери, была отслужена торжественная траурная месса. В том же году знаменитая башня Тампля была снесена, поскольку стала местом паломничества роялистов, верных памяти казненного Людовика XVI.

За три года до этого, в 1805 году, в парижском театре «Комеди Франсез» была поставлена пьеса «Тамплиеры», написанная молодым адвокатом из Прованса Франсуа Ренуаром. В спектакле утверждалась невинность братьев-рыцарей. Он вызвал интерес Наполеона Бонапарта, который в рамках кампании по выбору главы французской полиции даже написал рецензию на спектакль. И когда в 1810 году в Париж доставили папские архивы из занятого французами Рима, Ренуару разрешили ознакомиться с документами, которые могли пролить новый свет на процесс над тамплиерами. В материалах дела, однако, не нашлось каких-либо убедительных фактов, но в целом большинство аргументов было в пользу ордена. Не было обнаружено и никаких сведений, позволявших заподозрить тамплиеров в черной магии, колдовстве или проповеди гностицизма.

Тем не менее позднее, уже в XIX веке, немецкий историк Ганс Пруц, скрупулезно изучив все документы, имевшие отношение к тамплиерам, доказал, что многие из них были заражены катарскими идеями и занимались колдовством. С другой стороны, американский специалист по истории инквизиции Генри Чарлз Ли, опубликовавший свой труд через десять лет после Пруца, заключил, что тамплиеры были абсолютно невиновны. Он пишет, что никаких конкретных

фактов сатанизма не существует, а все их «признания» выбиты под пытками. Его выводы подтверждаются словами Пьера Булонского: «Полная беспомощность жертв, хотя бы раз обвиненных в ереси, независимо от высоты их положения не позволяла им выдержать жесткое давление папской инквизиции».

Сталинские процессы над «врагами народа» уже в 30-е годы XX века наглядно показали, что применение даже не самых жестоких средств воздействия, например лишение сна, заставляет человека оговаривать себя, своих друзей и близких. Костоломы Филиппа Красивого отличались такой же жестокостью, как и следователи НКВД или гестапо, а его ближайшие приспешники, Гильом Ногаре и Гильом де Плезан во лжи и клевете не уступали Геббельсу. Намеренное преувеличение или искажение реальных событий способно заставить допрашиваемого — особенно такого, который неспособен увидеть разницу между безобидным проступком и преступлением (из-за отсутствия необходимых знаний и опыта), — изменить оценку событий. Так, почитание образов Христа или Иоанна Крестителя можно намеренно ассоциировать с идолопоклонством; веревку, обернутую вокруг пояса — традиционный обычай среди тамплиеров и привычный паломнический талисман, — объявить дьявольским орудием; а невинный поцелуй, который в человеческой жизни — как светской, так и духовной — просто завершает ряд привычных ритуалов общения, вдруг однозначно связать с гомосексуальными отношениями.

Кстати, остановимся на проблеме гомосексуальных наклонностей тамплиеров. Насколько она в действительности была актуальна? Для сравнения отметим, что в последние годы общественное мнение в отношении гомосексуализма в Европе и Америке изменилось — от категорического отрицания до устойчивой толерантности. На этом фоне утверждение, будто среди тамплиеров не было геев, теперь представляется даже некоторой «гомофобией». Так, французский

историк Жан Фавьер оправдывает подобные отношения между братьями «отсутствием женщин и влиянием Востока». С ним соглашается и его американский коллега Джозеф Стрейер, считающий, что гомосексуализм неизбежно сопутствует любой чисто мужской организации, и приводит в качестве примера британские закрытые частные привилегированные средние учебные заведения для мальчиков.

Но можно ли подходить с современной меркой к оценке этого греха среди братьев-рыцарей? Разумеется, наивно думать, будто средневековое общество не имело представления об этом явлении: гомосексуализм был весьма распространен среди дворянской знати. Наверное, о Ричарде Львиное Сердце — в силу его «заряженности» на женский пол — такое вряд ли скажешь, а вот беспорядочный образ жизни и неразборчивость Фридриха II подтверждаются многочисленными связями не только с девочками, но и с мальчиками. Его сеньшала в Святой земле Ричарда Филангьери тоже обвиняли в любовной связи с балы Акры Филиппом Могастелем — правда, стоит заметить, что сведения эти распространяли его недоброжелатели из семьи д'Ибелен.

То, что грех содомии среди братьев-тамплиеров действительно имел место, подтверждается упоминанием в Своде орденских правил о конкретном таком случае в параграфе «Подробности наказаний». Но надо подчеркнуть, что «само по себе действие было настолько оскорбительным», что магистр и старшие рыцари Дома постановили не выносить этот проступок на капитул. О том, с каким неприятием относились к подобным прегрешениям сами братья, говорит и такой факт: под пыткой тамплиеры, и среди них Жак де Моле, сознались во всех предъявленных им — куда более тяжких — обвинениях, кроме содомии. Поэтому, если оставить в стороне присущие нам, людям XXI века, предубеждения, можно смело сказать, что содомию тамплиеры осуждали. И конечно, следует рассматривать все обвинения в ереси, идолопоклонстве и святотатстве как недоказанные. Как недавно написал Малкольм Барбер в работе «Повторный суд над тамплиерами» («The

Trial of the Templars Revisited»), «в целом все современные историки сходятся во мнении, что тамплиеры невиновны в тех преступлениях, за которые пострадали».

И все-таки как можно сформулировать приговор истории рыцарям ордена Храма? Питер Партнер в своих «Убитых волшебниках» так страстно и умело защищает репутацию храмовников, пострадавших из-за подлинно сатанинских замыслов Филиппа Красивого и Климента V, а также «мистификаторов и путаников» из масонских рядов, что в результате мы по-прежнему имеем довольно неясную картину. А между тем самой верной характеристикой средневековых тамплиеров, по его же словам, можно назвать их *заурядность*: «Они являлись обычными людьми и не обладали какими-то сверхъестественными способностями». Падение же ордена произошло именно в результате «их посредственности и даже пассивности... когда большинство, включая их руководителей, в самый ответственный момент судебного расследования просто не знали, что сказать».

В некоторой степени подобный диагноз столь же нелицеприятен, как и мнение масонов или того же Филиппа Красивого. Так ли уж они были заурядны? Действительно, если сравнить типичного рыцаря-тамплиера, какого-нибудь графа де О. из свиты Людовика IX, с мусульманским рыцарем вроде Усамы ибн-Мункыза, то по нынешним меркам сарацин будет выглядеть более развитым человеком. Усама не только набожен и храбр — он умелый охотник, а кроме того, поэт. А вот граф де О., по описанию Жана де Жуанвиля, предпочитал не поэзию, а другие развлечения, попроще: «он брал небольшую баллисту и обстреливал из нее мою палатку камнями. Заметив, что мы обедаем, он направлял свою машину на стол с едой и, прицелившись, разбивал вдребезги все тарелки и бокалы». А однажды шутки ради перебил у Жуанвиля всю домашнюю птицу — кстати, до сих пор это одна из любимых забав британских офицеров.

Насколько братья-тамплиеры отличались от рыцарей вроде графа де О.? В какой степени религиозность возвышала

их над светским рыцарством? И если в бою братья-рыцари отличались не меньшей смелостью, чем миряне, то и в невежестве они были равны. В сатирическом памфлете, который в XIII веке написал фламандский трубадур Жакмар Жиле, дается выразительный портрет храмовника, намного менее образованного, чем его коллега-госпитальер: он «не слишком умелый оратор, его доводы просты и коряво изложены, поэтому он талдычит одно и то же — «мы защитники Святой Церкви», а еще пугает опасностью, которая грозит нам с Востока...» Не правда ли, этот образ имеет немалое сходство с образом простодушного Жака де Моле, какой сложился за много столетий?

Но недостаток утонченности вовсе не исключает достойного и надлежащего исполнения своего долга, в том числе церковного. Огромное уважение к тамплиерам со стороны архиепископа Кентерберийского Джона Пекхэма — он жил примерно в то же время, когда была написана упомянутая сатира, и отличался величайшей честностью, прямоотой и аскетизмом в личной жизни — свидетельствует о высоких нравственных правилах в ордене Храма.

Таким образом, окончательная оценка деятельности тамплиеров должна определяться анализом жизни всего католического христианства, особенно в период его длительных войн с исламом. В целом крестовые походы — как и инквизиция — в наши дни воспринимаются негативно. Дидро в статье, посвященной крестовым походам и помещенной в знаменитой «Энциклопедии», называет Святую Гробницу «куском скалы, не стоящим и капли человеческой крови». По его мнению, крестоносцами двигали обычная жадность, «глупость и фальшивое рвение». Шотландский философ Дэвид Юм считал, что они поставили «самый выразительный и грандиозный памятник человеческому безрассудству, которое проявлялось во все времена и у всех наций».

Такую же оценку встречаем у многих авторов — от Эдуарда Гиббона и других историков до самого знаменитого ныне специалиста по крестовым походам сэра Стивена Рансаймена. Заканчивая свой монументальный труд, он выносит вер-

дикт, что священная война католической церкви с мусульманами «была не более чем длительным актом нетерпимости во имя Бога, что является грехом против Святого Духа». Наиболее отвратительным фактом Рансаймен считал разграбление латинянами Константинополя. Он пишет, что «большого преступления против человечности, чем во время 4-го Крестового похода, трудно вообразить». Однако его коллега Кристофер Тайерман не без иронии замечает, что эти строки были написаны всего через десять лет после окончания Второй мировой войны... Но Рансаймен не одинок в своих оценках. По мнению израильского историка Иешуа Провера, королевство Иерусалимское представляло собой один из первых образцов европейской колонизации, а теолог Майкл Прайор считает крестовые походы ярким примером «использования Библии в качестве орудия агрессии».

И только совсем недавно среди историков укрепился иной подход к побудительным причинам крестовых походов, заставивший их смягчить свои выводы. Как пишет Джонатан Райли-Смит, преподаватель истории церкви в Кембриджском университете, «недавно выявилась... очевидная слабость доводов в пользу исключительно материалистической мотивации, и удалось прояснить многие факты, на которых строилась эта версия. Жаждащие приключений юные отпрыски благородных семей наконец ушли со сцены. И вряд ли кто-нибудь из историков теперь поверит в эту гипотезу».

Правда, открывшаяся в ходе недавних изысканий, состоит в том, что крестоносцы, отправляясь в поход, часто продавали или закладывали свое имущество в надежде на исключительно духовное вознаграждение — они просто хотели спасти свои души. В отличие от мусульманского *джихада* крестовый поход всегда был делом добровольным. Если для светских рыцарей главными побудительными мотивами принятия креста служили ожидаемые приключения, подвиги и возможная слава, то для членов духовно-рыцарских орденов аскетическая жизнь в братских казармах чаще всего заканчивалась длительным пребыванием в плену или ранней — и часто мучительной — смертью.

С самого начала деятельности ордена Храма потери среди рыцарей были очень Велики. Достаточно сказать, что шестеро из двадцати трех Великих магистров погибли в сражениях или плену. Полагавшийся первоначально годичный испытательный срок для кандидатов на вступление в орден практически не соблюдался — из-за постоянной потребности в рекрутах для службы на Востоке. Во время процесса над тамплиерами было названо число «двадцать тысяч» — примерно столько братьев умерли в Палестине. Одни погибли в боях, другие скончались в плену, предпочтя смерть принятию ислама. Джонатан Райли-Смит пишет:

«Чтобы понять, как они отваживались на такие страшные муки, надо вспомнить мученичество добровольцев, принимавших смерть во имя веры, и жестокие страдания самого Христа — как высший акт любви, на который только способен христианин. Этот мученический дар в виде собственной жизни как бесконечно возвышенный акт сразу оправдывает его в глазах Всевышнего».

Тут уместно вспомнить слова Иоанна Евангелиста из его Откровений: «...Это те, которые пришли от великой скорби; они омыли одежды свои и убелили одежды свои Кровию Агнца» (Откр., 7:14).

Разумеется, рыцари Храма тоже убивали людей; и тут мы снова сталкиваемся с принципиальным непониманием их мотивации противниками крестовых походов. И все из-за тех же антикатолических предубеждений, которые укоренились в эпоху Просвещения, а также потому, что многие начинают исторический анализ лишь с 1-го Крестового похода. Почему-то принято считать его первой волной, накатившейся из христианской Европы на исламский Восток. Однако необходимо помнить, что не христианство, а именно ислам с первых лет своего возникновения стал насаждать новую веру с помощью меча. И даже если в определенных местах и в определенные времена христиане тоже насильно крестили покоренные народы, то в первые три столетия христианскую веру во всей Римской империи принимали добровольно. Поэтому со времени первых набегов сарацин во главе с про-

роком Мухаммедом враждебность христиан к исламу была вызвана реальными жизненными обстоятельствами — необходимостью защищать христианский мир и освободить захваченные мусульманами земли, которые по праву принадлежали христианам. Именно отсюда берет свое начало испанская Реконкиста, призыв Урбана II к европейским католикам помочь православным братьям-христианам после поражения византийцев в битве под Манцикертом, а также воззвание Умбера Романского в следующем веке. Этот доминиканский священник четко сформулировал идейно-политическую основу крестовых походов: «...Агрессивный ислам распространился по владениям христианских государей, а посему христианское воинство не только имеет право, но обязано остановить исламскую экспансию и вернуть земли, захваченные мусульманами». Идея, что человек, подвергшийся насилию, становится мучеником, сама по себе не нова, однако с конца VIII века именно этот постулат стал главным во всем западном христианстве.

Почему же тогда при наличии немалого числа канонизированных католической церковью госпитальеров нет ни одного святого среди тамплиеров? Отчасти это можно объяснить стремлением самих рыцарей оставаться в тени, но в большей степени тем, что сама церковь была одним из главных инициаторов расформирования их ордена. Окончательная ликвидация ордена и мученическая смерть многих его членов были делом рук не мусульман, а папской инквизиции, выполнявшей политический заказ «христианнейшего» короля Филиппа Красивого. Более чем двухвековая жизнь ордена Храма почти полностью совпадает с тем историческим периодом, когда папство провозгласило своей целью господство над миром. К чести ордена, надо сказать, что тамплиеры, имея многонациональный состав, никогда не участвовали в папских баталиях за мировое господство с его главными противниками — германскими императорами.

Но римские понтифики, охваченные вселенскими амбициями, пропустили важный момент, когда на политическую арену вышли мощные национальные государства со своими

интересами. Опасность со стороны того же Фридриха II Гогенштауфена была достаточно очевидна. Но кто мог предвидеть, что внук самого Людовика Святого направит свои усилия против Папской курии?! Человек, чье религиозное рвение подчас шло во вред его интересам как монарха! Бонифаций VIII, восседая в юбилейном 1300 году на троне императора Константина, открыто продемонстрировал грандиозность папских амбиций. А всего через несколько лет сменивший его Климент V (под давлением того же Филиппа) обличал Бонифация как бездарно растратившего «моральный и духовный авторитет церковной власти, который его предшественники в Европе собирали на протяжении долгих веков — по крупницам, неустанно, энергично и с перспективой на будущее».

Два столетия спустя английский король Генрих VIII решительно взялся за ликвидацию монастырей — так до него во Франции Филипп IV расправился с тамплиерами. За ним тоже стояли политические интересы новых сословий, появившихся на общественной арене, но в отличие от французского коллеги Генрих не сумел подчинить папу своей воле, и тогда он отказался признавать авторитет Святого престола. Подобно деятелям эпохи Просвещения, английские либеральные историки усматривают в этом факте признаки становления национального английского государства. В результате Реформации, охватившей Англию, Шотландию и континентальную Европу, единый христианский мир, который так долго и упорно пытались сохранить римские наследники святого Петра, был раздроблен на части. Французская революция 1789 года нанесла еще более мощный удар по католической церкви и практически разрушила ее, в буквальном смысле оставив после себя руины таких монастырей, как Цито и Молесмо, и превратив монастырь Клерво в тюрьму. То, что не удалось когда-то Гильому Ногаре, сумел исполнить Наполеон. Захватив в плен римского папу, он приволок его в Париж и заставил присутствовать на торжественной коронации в соборе Нотр-Дам, где предприимчивый корсиканец сам возложил себе на голову императорскую корону. Эта

процедура положила символический конец власти викария Христа — он был вынужден подчиниться грубой силе.

Европейская история давно вышла за рамки христианства и развивается по современным законам. А вот какая из чаш страданий, перенесенных человечеством, перетянет — Средние века, с их крестовыми походами, инквизицией и религиозными войнами, или времена более поздние, с кровопролитными войнами, ГУЛАГом и концентрационными лагерями, — пусть каждый решает сам.

Приложения

Последние крестовые походы

Войны между христианами и мусульманами продолжались на протяжении многих веков и после роспуска ордена Храма. В XIV веке египетских мамлюков в качестве лидеров исламского мира сменили османские турки. Свое название они получили от эмира турок-сельджуков по имени Осман, чьи владения первоначально находились в Никее, недалеко от Антиохии. В XIV веке турки под его предводительством покорили всю Малую Азию, а затем, обогнув Константинополь, пересекли Дарданеллы и через Македонию и Болгарию дошли до Дуная. В 1389 году они нанесли жестокое поражение православным сербам.

После этого основной задачей христиан стало не освобождение Иерусалима, а снятие блокады Константинополя. В 1396 году большой экспедиционный корпус под командованием венгерского короля Сигизмунда и французского графа Жана Неверского был разбит турками под городом Никополис на Дунае. В 1444 году армия крестоносцев, собранная по инициативе папы Евгения IV, потерпела поражение в битве под Варной. А девять лет спустя Константинополь окончательно перешел под власть турок-османов.

Эта катастрофа отозвалась во всем христианском мире так же тяжело, как и падение Иерусалима двумя веками ранее.

Францисканский монах Джованни Капистрано, посланный папой Николаем V призвать венгров к новому крестовому походу, сумел собрать сильную армию, которая отбила

нападение превосходящих сил турок, осадивших Белград. Однако этот успех оказался лишь временным — в 1521 году Белград пал, а венгры потерпели новое тяжелое поражение под Мохачем в 1526 году.

Одновременно турки уверенно расширяли исламские владения в Средиземноморье. В 1522 году рыцари-госпитальеры лишились своих владений на Родосе, а с Кипра латиняне были изгнаны в 1571 году. Однако в том же году победа объединенного христианского флота при Лепанто позволила Венеции занять остров Крит и удерживать его вплоть до 1669 года. Единственным местом, где у европейцев до XVII века наблюдались успехи, была Испания: между 1482 и 1492 годами Реконкиста завершилась взятием Гранады, последнего мусульманского владения на Пиренейском полуострове.

Начиная с XIV века первоначальный идеализм ранних крестовых походов сменился холодным расчетом христианских правителей, с одной стороны, и нескрываемым цинизмом их подданных — с другой. Эразм Роттердамский в XVI веке решительно развенчал саму идею крестовых походов, а вскоре последовавшая Реформация полностью отвергла искупительное значение крестоносных экспедиций, как и право папы римского налагать епитимью и отпускать грехи. С этого момента главный удар по исламу наносили те страны и народы, чьим интересам он реально угрожал, — например, венецианцы в Средиземноморье и австрийская династия Габсбургов в Восточной Европе.

Своей высшей точки мусульманская экспансия — началась с пророка Мухаммеда, основавшего ислам в седьмом веке, — достигла в 1683 году, когда турецкая армия подошла к воротам Вены, столицы «Священной Римской империи», которой в то время правил Леопольд Австрийский. Соседние немецкие государства и поляки под предводительством Яна Собеского собрали ополчение, которое в 1684 году сняло осаду Вены. Для противодействия натиску турок была создана Священная лига во главе с папой римским, а в XVIII веке освобождение православных христиан от турецкого засилья возглавила Россия.

В 1686 году была освобождена венгерская Буда, а в 1688 году — Белград. По мирному договору, подписанному в 1699 году в Карловцах, большая часть Центральной Европы и часть Греции вновь перешли под власть христиан. Сербы же, сохранившие на протяжении пятивекового турецкого ига верность православию, получили независимость лишь по Берлинскому трактату 1878 года. В результате Балканских войн 1912 и 1913 годов владения Оттоманской империи (современная Турция) на европейском континенте сократились до узкой полоски суши в районе бывшей Фракии.

В XIX и XX веках в Северной Африке возникли испанские, французские и итальянские колонии, а Британия забрала в свои руки Египет и Судан. Однако эти завоевания были инспирированы не религиозными, а сугубо политэкономическими интересами. Сама идея единого христианского мира утратила свое значение. Когда генерал Алленби в 1917 году изгнал турок из Газы и занял Иерусалим, он понимал, какую важную историческую миссию ему довелось выполнить. Из министерства обороны Великобритании ему отправили срочную телеграмму: «Настоятельно рекомендуем перед въездом в город сойти с лошади. Когда-то германский император шел через эти ворота босиком и сказал: «До меня здесь прошел более великий человек». Поэтому контраст будет бросаться в глаза». Забавно, что «более великим человеком», по мнению военных чиновников, был вовсе не Иисус Христос, въехавший в Иерусалим на осле, а тесть пророка Мухаммеда халиф Омар. Тем не менее генерал спешился и вошел в Святой град «на своих двоих».

После 1917 года Заморье находилось под совместным протекторатом Британии и Франции, которая до 1941 года контролировала Сирию. В 1947 году британцы ушли из Палестины, а проживавшие там евреи в следующем году провозгласили свое независимое государство. Иерусалим управлялся главой Иорданского Хашимитского Королевства вплоть до июня 1967 года, когда в ходе шестидневной войны его захватил Израиль. Окончательный статус Иерусалима до сих пор не утвержден. Церковь Святого Гроба Господня, несмотря

на относительно небольшие размеры, поделена между представителями шести христианских конфессий, что периодически вызывает конфликты.

Какую же роль в последних крестовых походах играли духовно-рыцарские ордена? После падения Акры тевтонские рыцари покинули Святую землю и целиком сосредоточились на борьбе с язычниками в Литве и Пруссии. В 1229 году они перенесли свою штаб-квартиру из Венеции в Мариенбург, к югу от Данцига (современный Гданьск), а после слияния в XIII веке с небольшим орденом меченосцев, который издавна базировался в Ливонии, установили полный контроль над всем восточнобалтийским побережьем, вплоть до Финского залива. Нередко подвергаясь критике со стороны папы римского за стремление поработить язычников, нежели обратить захваченных пленников в христианство, они настойчиво заселяли захваченные прусские земли выходцами из Германии, одновременно извлекая огромные прибыли от торговли в рамках Ганзейской лиги (союза городов). Теперь, когда Святая земля оказалась недоступной для западноевропейских рыцарей, они с удовольствием участвовали в сезонных кампаниях Тевтонского ордена — так называемых «путешествиях» — против язычников-литовцев, пытаясь проявить свои рыцарские достоинства. Так, Генри Болингброк немало «попутешествовал» по Прибалтике, перед тем как захватил английский трон под именем Генриха IV.

В 1386 году Ягайло, великий князь Литовский, решил принять католичество вместе со своими подданными и женился на польской наследной принцессе Ядвиге. А уже в 1410 году армия объединенного польско-литовского государства наголову разбила тевтонских рыцарей в Грюнвальдской битве — погибло более четырехсот рыцарей и сам Великий магистр. После этого начался быстрый закат ордена — он полностью утратил власть как над немцами-мирянами, колонизовавшими Пруссию, так и над соседним Польским королевством. В 1525 году последний Великий магистр тевтонов,

Альберт фон Бранденбург-Ансбах перешел в протестантство и распустил орден, превратив его территорию в светское государство. Из пятидесяти пяти оставшихся в Пруссии рыцарей лишь несколько человек остались верны уставу несуществующего ордена. Большинство же обзавелись женами и влились в ряды местной знати, образовав сословие прусского *юнкерства*. В 1561 году последний управляющий ливонской ветвью тевтонского рыцарства, следуя духу времени, «переквалифицировался» в герцога Курляндского. Оставшиеся члены ордена еще долгое время находились в католической Германии, пока их окончательно не изгнал оттуда Наполеон в 1809 году. Орден был возрожден в качестве почетной духовной корпорации в Австрийской империи в 1834 году.

На Пиренейском полуострове духовно-рыцарские ордена продолжали войну с маврами, но уже подчиняясь непосредственно местным монархам. В Кастилии ордена Сантьяго, Алькантары и Калатравы отвоевывали и защищали земли от нападения мусульман. Орден Алькантары к тому же охранял границу с Португалией в районе Эстремадуры. Все испанские ордена участвовали в знаменитой битве у реки Сальдо в 1340 году, в результате которой испанцы заняли стратегически важную крепость Альгасир. За последующие полтора столетия Реконкиста ограничивалась периодическими рейдами по территории последних владений мавров в Гранаде. И наконец в 1492 году объединенные испанские силы окончательно вытеснили мусульман с Пиренейского полуострова.

После этого испанские рыцарские ордена еще долгое время сохраняли свое влияние и богатство. Госпитальеры являлись самыми крупными землевладельцами в Арагоне, а в Кастилии ордену Алькантары принадлежала половина всех земель в провинции Эстремадура. Постепенно руководство орденов все больше втягивалось в местные политические интриги. Короли и знать упорно старались протолкнуть на магистерские должности своих сыновей — законных и незаконных. В период между 1487 и 1499 годами все кастильские

ордена перешли под королевский контроль, а орден Монте-сы был присоединен к арагонской короне в 1587 году.

В Португалии орден тамплиеров, с папского разрешения, целиком перешел во вновь созданный королем Дионисием орден Христа. Здесь рыцари также находились под контролем португальских монархов, которые могли назначать на должность магистра своих сыновей или придворных фаворитов. Принц Генрих Мореплаватель, сын Жуана I, взойшедший на трон в 1418 году, воспользовался богатствами ордена для организации многочисленных морских экспедиций, в том числе вдоль побережья Африки до мыса Доброй Надежды и далее — до Индии и Китая. В XVI веке полный контроль над орденами перешел к королям, а поскольку в новых папских указах заметно смягчались требования к умеренности во всем, целомудрию и послушанию рыцарей-монахов, то членство в ордене стало просто делом чести и престижа.

Единственным орденом, который по-прежнему активно участвовал в священной войне против мусульман, оставались госпитальеры. В период магистерства Фулько де Вилларе и процесса над тамплиерами они хранили молчание — отчасти из страха навлечь на себя гнев Филиппа Красивого, а отчасти из-за надежды поживиться наследством храмовников. Как же им удалось выжить? Если Гильом Ногаре и вправду происходил из семьи катаров, то, вероятно, он питал к госпитальерам симпатию как к защитникам еретиков во время Альбигойского крестового похода. Тем более что мало кто верил, будто святотатство, ересь и содомия — грехи, присущие исключительно ордену тамплиеров и не свойственные другим мочашеским братствам. Однако в отличие от тамплиеров у госпитальеров на службе состояло немало квалифицированных адвокатов, а их резиденция на Родосе находилась вне досягаемости властей. Кроме того, их готовность взять на себя роль лидеров в крестоносной экспедиции отвечала интересам как короля Филиппа IV, так и папы Климента V.

Несмотря на постоянные размолвки между тамплиерами и иоаннитами, отсутствуют свидетельства, что госпитальеры злорадствовали, наблюдая расправу над рыцарями-храмов-

никами. Различия между орденами всегда были незначительны, и орден Госпиталя относился к храмовникам с уважением. То, что они унаследовали часть собственности тамплиеров, заметно укрепило их престиж, и не столько из-за солидной стоимости этого наследства, сколько потому, что им предстояло продолжить благородное дело своих коллег. Вкупе с их прежними владениями новые земельные приобретения — несмотря на «урезания», сделанные жадными руками Филиппа Красивого и других европейских монархов, — заметно подняли общественный вес ордена, однако, как и предсказывал Жак де Моле, отсутствие конкуренции привело его к постепенному упадку и саморазрушению. В 1343 году папа Климент VI сетовал, что, «по единодушному мнению духовенства и мирян», госпитальеры ничего не делают для реальной защиты христианской веры, и даже предложил создать новый орден, передав ему часть их собственности.

В 1522 году базу госпитальеров на острове Родос захватили турки-оттоманы, и взамен император Карл V в 1530 году предложил им переселиться на Мальту. В 1565 году их столицу, город Валлетту, снова осадили турки, но в результате героической обороны под руководством Великого магистра Жана де Паризо Ла Валлетта госпитальерам удалось удержать крепость, потеряв убитыми двести пятьдесят рыцарей из полуторатысячного гарнизона, и после пятимесячной осады турки отступили. А шесть лет спустя корабли госпитальеров приняли участие в битве у мыса Лепанто, где оттоманский флот был разгромлен.

В XVII веке госпитальеры, к тому времени более известные как мальтийские рыцари, создали мощный флот, который успешно отбивал атаки мусульман с моря и совершал прибыльные набеги на принадлежавшие туркам североафриканские порты. Гребцами на галерах, как правило, были рабы, а капитанами — молодые аристократы из стран, где имелись орденские владения; впоследствии эти капитаны — после выхода на пенсию — становились управляющими многочисленных европейских командорств. Членство в ордене служило удобной синекурой для выходцев из

дворянских семей, обеспечивая им безбедное существование. Жизнь в мальтийской столице Валлетте, по словам историка Родерика Кавальеро, была весьма однообразной: «Скука — именно таким словом можно охарактеризовать жизнь на острове. Общая атмосфера, царившая среди городской верхушки, характеризовалась бездушной чопорностью наряду с мелочной и суетливой заботой о дисциплине и соблюдением субординации».

В конце XVIII века разложение ордена госпитальеров достигло критической точки, и ранее неприступная крепость была взята Наполеоном Бонапартом практически без сопротивления, за один день. Из трехсот двадцати двух рыцарей, составлявших городской гарнизон, пятьдесят были слишком стары, чтобы взять в руки оружие. Как впоследствии прокомментировал Наполеон, «хотя номинально крепость обладала всем необходимым для защиты, но моральный дух полностью отсутствовал». К тому времени, когда французский император потерпел окончательное поражение под Ватерлоо, Мальта была оккупирована британцами, которые вовсе не собирались возвращать остров оставшимся там госпитальерам. После отставки Великого магистра Фердинанда ди Гомпеша, не сумевшего защитить свои владения, на место Великого магистра рыцари святого Иоанна неожиданно избрали российского императора Павла I, надеясь на его покровительство, — тот, по словам Джонатана Райли-Смита, «не был ни католиком, ни celibатом, ни членом братства, а был просто сумасшедшим».

За этим последовал период, который специалисты назвали «самым печальным двадцатилетием за всю историю ордена, которое было заполнено мелкими эгоистичными склоками, что приводило к постоянным скандалам». Однако позднее, уже в XIX веке, орден вернулся к той благотворительной миссии, ради которой когда-то и создавался, — бескорыстной помощи больным, бедным и немощным. В таком виде он дожил до наших дней.

Сегодня мальтийские рыцари были бы просто вынуждены отказаться от своих военных функций, поскольку ка-

толическая церковь официально отринула идею крестовых походов: на втором Ватиканском соборе было открыто заявлено об уважении к еретикам и неверным. Подобное заявление весьма бы озадачило святого Бернарда Клервоского. Тем не менее нельзя однозначно сказать, что официальный призыв к религиозной терпимости окончательно положил конец вражде христиан с мусульманами. Да, мечети теперь высются в самом центре Европы, бывшем сердце католицизма — Париже, Лондоне и даже в Риме. Однако у мусульман инициатива европейцев не нашла поддержки — отправление христианских обрядов остается под запретом в Аравии, сердце ислама. Во многих странах, например, в Иране, Афганистане и Пакистане, вся жизнь до сих пор строится соответственно жестким правилам ислама. Вооруженные конфликты между христианами и мусульманами не прекращаются в Африке, на Балканах, в Индонезии и на Филиппинах. Только за последние годы исламские фундаменталисты убили немало христианских миссионеров в Пакистане, коптских монахов — в Египте и католического епископа — в Алжире.

Конфликт не затихает и на Святой земле — между палестинцами, большую часть которых составляют мусульмане, и израильтянами, проповедующими преимущественно иудаизм. После долгих колебаний Ватикан решил признать государство Израиль и, хотя продолжает настаивать на передаче Иерусалима под международный протекторат, уже не поднимает вопрос о возвращении Святого града католической церкви, что являлось главной целью римских пап на протяжении многих столетий. Но церковь с тревогой продолжает наблюдать за непрекращающимся исходом из Святой земли местных христиан, понимающих, что у них нет будущего в той самой стране, где когда-то зародилось христианство. Если эти тенденции продолжатся и в XXI веке, то единственными христианами, которые смогут совершать службы и молиться в церкви Гроба Господня в Иерусалиме, останутся паломники-туристы, прибывающие туда на авиалайнерах.

Список Великих магистров ордена Храма и время их правления:

1. Гуго де Пейн (1119—1136)
2. Робер де Краон (1137—1149)
3. Эввар де Бар (1149—1152)
4. Бернард де Тремеле (1152—1153)
5. Андре де Монбар (1153—1156)
6. Бертран де Бланфор (1156—1169)
7. Филипп Наблусский (1169—1171)
8. Одон де Сент-Аман (1171—1179)
9. Арно де Турружский (1180—1184)
10. Жерар де Ридфор (1185—1179)
11. Робер де Сабле (1191—1193)
12. Жильбер Эраль (1194—1200)
13. Филипп де Плессье (1201—1209)
14. Гильом Шартрский (1209—1219)
15. Пьер де Монтегю (1219—1232)
16. Арман Перигорский (1232—1244)
17. Ричард де Бур (1244—1247)
18. Гильом де Соннак (1247—1250)
19. Рено де Вишье (1250—1256)
20. Тома Берар (1256—1273)
21. Гильом де Боже (1273—1291)
22. Тибо Годен (1291—1293)
23. Жак де Моле (1293—1314)

Оглавление

Предисловие	5
Часть первая. Храм	
1. Храм Соломона	9
2. Новый Храм	24
3. Храм — конкурент	58
4. Вновь обретенный Храм	74
Часть вторая. Тамплиеры	
5. Бедное братство — Христово воинство	110
6. Тамплиеры в Палестине	133
7. Латинское Заморье	161
8. Саладин	189
9. Ричард Львиное Сердце	208
10. Внутренние враги	226
11. Фридрих II Гогенштауфен	250
12. Акрское королевство	267
13. Людовик IX Французский	281
14. Падение Акры	299
Часть третья. Падение тамплиеров	
15. Тамплиеры в изгнании	312
16. Атака на Храм	328
17. Падение ордена Храма	360
Эпилог. Приговор Истории	385
Приложения	
Последние крестовые походы	402
Список Великих магистров ордена Храма и время их правления	411

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

В Москве:

- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон — Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Люберцы, ТЦ «Светофор», ул. Побратимов, д. 7, 4 этаж, т. (498) 602-82-65

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д.10, т. (4922) 42-06-59
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д. 18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», 3 этаж, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул.Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», 1 этаж, т. 8-937-202-65-09
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д. 105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т.(8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ПРИБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (495) 406-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (495) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (495) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 2б, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метро-маркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т.(495) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2а, стр. 1
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Уютжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 71-85-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, т. (342) 0238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТЦ «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (3472) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 72-89-20
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

**Рид Пирс Пол
Тамплиеры**

Ответственный редактор Н.И. Никитенко
Научный редактор Н.Л. Зайцева
Редактор В.В. Хромченко
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерная верстка: Е.В. Аксенова
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.

ООО «Издательство АСТ»

141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издано при участии ООО «Харвест».
ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Пирс Пол Рид (р. в 1941 г.) — известный британский писатель, драматург, сценарист и историк. Его работы удостоены нескольких престижных наград, включая премию Сомерсета Моэма.

Тамплиеры.

Рыцари-храмовники.

Наверное, самый знаменитый в истории орден «воинов Христовых» — орден, овеянный бесчисленным множеством мистических легенд — то прекрасных, то пугающих...

Их взлет был молниеносным.

Их власть — огромной.

Их падение — страшным.

Но — сколько же правды кроется за мифами и легендами, причудливо смешавшими истину и вымысел?

Ответ на этот вопрос дает потрясающая книга Пирса Пола Рида!

www.elkniga.ru

ISBN 978-5-17-067796-2

9 785170 677962